

ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И. ГУЛИА

Отдел политологии и конфликтологии

А.В. ФАДЕЕВ
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В двух томах
Том I

Сухум, 2022

УДК 94(5)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Ф 15

Утверждено Ученым советом
Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа АНА

Составление, примечания, библиографический указатель:
доктор филологических наук, академик АНА Чирикба В.А.,
Дбар А.Я.

Фадеев А.В.

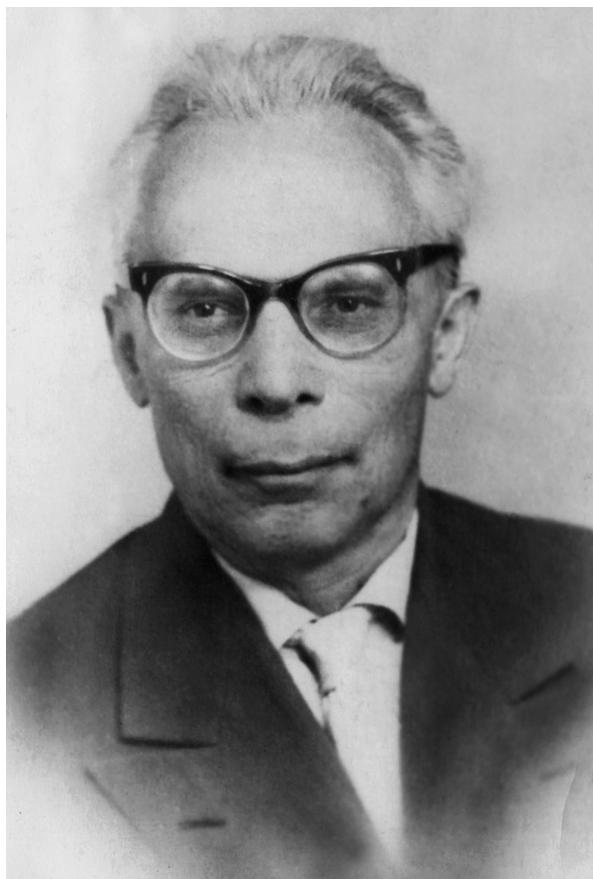
Избранные труды. В двух томах. Том I. Сухум, 2022. 488 с.

Г/р 978-5-111-84-12018

В двухтомный сборник избранных работ известного советского историка Анатолия Всеволодовича Фадеева (1908–1965), работавшего в 1930-е годы в Абхазии, вошел ряд его книг и статей, посвященных истории Абхазии и Восточного Причерноморья. Все эти работы были опубликованы в те же годы и с тех пор не переиздавались.

Издание рассчитано на историков, краеведов и широкий круг читателей.

© В.А. Чирикба, А.Я. Дбар (составление)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX ВЕКА В ТРУДАХ А.В. ФАДЕЕВА

Крупный советский ученый, один из ведущих специалистов по истории России XIX века в 1950–1960 годы, Анатолий Всееволодович Фадеев (1908–1965) был тесно связан с Абхазией. Здесь в 1929 году началась его плодотворная научная и педагогическая деятельность. А.В. Фадеев считается первым историком-марксистом в Абхазии.

А.В. Фадеев родился 9 апреля (по другой версии – 22 мая) 1908 г. в Иркутске. В 1929 году окончил гуманитарно-экономическое отделение Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. После этого оказывается в Абхазии; преподавал обществоведение в Сухумской абхазской средней школе им. Н. Лакоба и в греческом педагогическом техникуме. В 1929–1931 годах служил в армии. С 1931 г. работал в Абхазском институте, сначала научным сотрудником, а затем – заведующим отделом истории; с 1933 г. – по совместительству, заместителем редактора газеты «Советская Абхазия». С 1934 г. – доцент Сухумского государственного пединститута. В 1935 году, без защиты диссертации (по совокупности работ), ему была присвоена степень кандидата исторических наук.

К числу первых опубликованных им работ относится небольшая книжка – «К вопросу о феодализме в Абхазии». Несмотря на определенную идеологизированность, работа содержит целый ряд интересных моментов. Стремясь доказать, что история Абхазии прошла все этапы социально-экономического развития, А.В. Фадеев выступает с критикой тех, кто считал, что в Абхазии не существовало резких социальных

противоречий и что для Абхазии не характерны феодальные отношения и занесены они сюда лишь с утверждением русского царизма [1, с. 18]. При этом сам автор отмечает, что в Абхазии сильны пережитки родоплеменных отношений. Говоря об особенностях феодализма в Абхазии, он указывает на целый ряд его специфических черт. Это слабость развития производительных сил, пережитки родового строя и т.д. При этом автор указывает на то, что в Абхазии возникает феодальная собственность, однако эксплуатация крестьян не приобрела крайних форм. За крестьянами сохранялось право собственности на землю и движимое имущество. Каждый земледелец приобретал землю путем расчистки леса. Автор указывает на то, что абхазские феодалы получали основные свои богатства путем внеэкономического принуждения. А.В. Фадеев отмечает, что в феодальной Абхазии не существовало крепостного права в его чистой форме в связи с тем, что, во-первых, это было экономически невыгодно в силу обширности свободных земельных пространств и слабости сельскохозяйственной техники, во-вторых, в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденции феодалов к закрепощению крестьян. Именно поэтому в феодальной Абхазии (до русского периода) встречаются не крепостные, но и не свободные, лично зависимые крестьяне [3, с. 20–21]. Личная зависимость крестьян была неодинакова, одни отдавали прибавочный продукт в натуральной форме трудовой повинности (ахую), другие (анхаю) – в виде натуральных приношений и личных служб. Далее следуют характеристики различных групп крестьян – анхаю, ахую, агыруа и атвы (рабы). Автор констатирует, что все они были в той или иной степени зависимы от феодалов, но зависимость свободных или чистых крестьян (анхаюцкя) была замаскирована под оболочкой патриархально-родовых отношений. К таким пережиткам автор относит воспитание детей феодалов, возможность перехода от одного владельца к другому, собственное хозяйство крестьянина и т.д. Но вместе с тем указывает и на повинности, которые должны были выполнять чистые крестьяне (анхаю). Что же касается ахую, то автор указывает на то, что это были потомки рабов, которые, теряя статус рабов, переходили в разряд ахую. А.В. Фадеев описывает их повинности и считает, что они были, по существу, крепостными барщинными крестьянами

[3, с. 21]. В своем описании крестьян Абхазии А.В. Фадеев не выделяет в отдельную группу амацуразку, являвшихся средним сословием между анхаю и ахую. Далее автор описывает классы и сословия, феодальные органы принуждения и родовые пережитки, являющиеся сдерживающим фактором против чрезмерной эксплуатации крестьян, государственную систему, идеологические надстройки и внешние сношения Абхазии. Эта работа, несмотря на то что ныне она малоизвестна, имела очень большое значение, так как ее основные положения были позднее закреплены в других работах не только А.В. Фадеева, но и других авторов и послужили основной схемой при изучении социально-экономической истории Абхазии XIX века [1, с. 20].

Немалое внимание в работе посвящено фигуре Келешбая, владетельного князя Абхазии, предпринявшего первые шаги к вступлению под покровительство России. Анализируя политику владетельного князя, Фадеев отмечает, что Келешбай сильно укрепил центральную власть, подавил сопротивление крупных феодалов, после чего, мечтая об освобождении от турецкого протектората, стал искать поддержки России. «Но в 1808 году Келешбай был убит своим сыном Асланбеем. Последующая борьба за власть между его детьми уже была борьбой турецкого (Асланбей) и русского (Сефербей) влияния» [3, с. 36]. Последнее для Фадеева было абсолютным злом, так как, развивая основные постулаты господствовавшей в первой половине 1930-х гг. в советской историографии школы М.Н. Покровского, автор крайне негативно оценивал последствия присоединения Абхазии к России. Российский «военно-феодальный империализм уже включил Абхазию в свои захватнические планы завоевания Кавказа и Черноморского побережья» [3, с. 36].

В 1932 г. вышла следующая работа А.В. Фадеева – «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», которая, как отмечает сам автор, является продолжением его предыдущей брошюры – «К вопросу о феодализме в Абхазии». В духе господствовавшей в то время в советской исторической науке концепции, Фадеев характеризует русский царизм как военно-феодальный империализм. Главными целевыми установками данной работы автор считает: показать классовый характер крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии, выяснить исторические силы, кото-

рые привели к крушению абхазского феодализма; показать социальную сущность превращения Абхазии в колонию русского капитализма [7, с. 6]. Выполнение этой задачи А.В. Фадеев начал с показа всей жестокой сущности царского колониального гнета в Абхазии с момента ее присоединения. Он также указывает на то, что при этом царизм находил для себя союзников в среде абхазской феодальной знати и в первую очередь в лице владетельного князя. Особое внимание в работе уделяется экономической колонизации Абхазии. В частности, именно с этой задачей А.В. Фадеев связывает массовое махаджирство, так как свободолюбивое население мешало русскому капиталу для развития капитализма. При этом указывается на совпадение интересов царизма и молодой торгово-промышленной буржуазии России в изгнании абхазского населения. Для царизма махаджирство означало полное политическое покорение края. Для российской буржуазии махаджирство давало возможность экономической колонизации Абхазии. Автор указывает, что реформа не только не облегчила положение крестьян, но и привела к значительному ухудшению жизни коренных жителей. С завоевательной политикой царизма и крестьянской реформой и, как их следствие, массовым махаджирством, А.В. Фадеев увязывал и массовую колонизацию Абхазии. При этом указывалось, что попытка привлечения в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и колонистов из Болгарии не удалась. В то же время в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из Анатолии, а впоследствии – русских и других [7, с. 39]. При этом автор в числе переселенцев не указывает картвелов (грузин, мегрелов и сванов), что, наверно, было сделано умышленно, так как незадолго до этого Абхазия была включена в состав Грузии и уже начиналась идеологическая кампания, объявившая Абхазию исторической частью Грузии. В этих условиях говорить о грузинских переселенцах становилось уже небезопасно. В работе автор вновь обращается к фигуре Келешбея. Исследователь, в частности, отмечает, что владетель «недооценивал захватнические стремления царской России, думая, что она лишь борется против Турции, но не имеет тенденции к захвату Абхазии» [7, с. 12]. Говоря об убийстве Келешбея, автор несколько смешает акценты. По-прежнему убийцей объявляется Асланбей, но организаторами заговора называются

Турция и мингрельские владетели, опасавшиеся осуществления замыслов Келешбека. Ниже же говорится, что русское военное командование закрепилось не только в Восточной Грузии, но и в Мингрелии [7, с. 12].

Еще несколько работ посвятил А.В. Фадеев Лыхненскому восстанию 1866 года и крестьянской реформе в Абхазии [6].

В 1934 г. вышла новая работа А.В. Фадеева «Краткий очерк истории Абхазии». Что касается истории XIX века, то «Краткий очерк ...» написан вполне в духе господствовавших в то время теорий. Уже название главы, посвященной этому периоду, говорит само за себя – «Захват Абхазии русским царизмом». Весьма высокую оценку автор дает деятельности Келешбека. Его политика в целом оценивается положительно – борьба с сепаратизмом крупных феодалов за централизацию княжества, противодействие турецкому протекторату, рассматриваются как прогрессивное явление. Вместе с тем, как и в предыдущих работах, А.В. Фадеев пишет об отрицательных моментах политики владельца: чрезмерной жесткости, переходящей в жестокость, не всегда последовательном курсе внутри страны и во внешних сношениях и, главным образом, о покровительстве работторговле. По-прежнему А.В. Фадеев дает негативную оценку политике России в Абхазии. Но вместе с тем исчез тезис о косвенной причастности России (через мингрельских правителей) к убийству Келешбека [2, с. 181]. Интересный вывод делает А.В. Фадеев о периоде, наступившем после убийства Келешбека. «Междоусобица детей Келеш-бека, Сафар-бека и Аслан-бека, вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом» [5, с. 145]. Также в духе господствовавшей тогда непримиримости к феодальному и капиталистическому строю и негативной роли церкви оцениваются просительные пункты Сафарбека (Георгия) к Императору Александру I. «В этом письме ясно выступает физиономия феодального хищника и эксплуататора, боявшегося лишиться львиной доли в эксплуатации абхазского крестьянства благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами. Характерным является также и упоминание оprotoиерее Иоселиани – предательская роль церкви в захвате Абхазии русским царизмом выявляется со всей очевидностью... Феодалы и попы открыли в Абхазию двери русскому «военно-феодальному империализму» [5, с. 148–149]. Говоря о первых годах присоединения Абхазии к России, А.В. Фадеев указал на значительную роль мегрельских князей в этом процессе и отметил, что Дадиани был союзником Сафар-бека в борьбе с Аслан-беем, захватив при этом Самурзакан

в качестве вознаграждения за поддержку [5, с.149]. В соответствии с господствовавшей в исторической науке концепцией автор подчеркивает, что в результате колониальной политики русского царизма в первой половине XIX в. наблюдается общее падение (деградация) народного хозяйства. При этом указывалось, что везде и всюду русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление. Местных феодалов Фадеев считал пособниками царского самодержавия, которые продавали национальную независимость своей страны ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом». Исходя из такого видения исторического процесса, Фадеев считал, что национальная борьба Абхазии против царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владельца и крупных феодалов, продавшихся русскому царю [5, с. 154–155]. Также отдельную главу он посвящает крестьянской реформе 1870 года. При этом автор показывает тесную связь нарождавшейся буржуазии с царским самодержавием, все более усиливающуюся эксплуатацию населения и природных богатств Абхазии. Махаджирство автор увязывает не только с желанием царизма и военно-феодальных кругов окончательно закрепить за собой данные территории, но и стремлением буржуазных кругов очистить Кавказ от непокорных элементов окончательно и сделать его своей колонией. А.В. Фадеев справедливо увязывает Лыхненское восстание 1866 года с попыткой проведения крестьянской реформы в Абхазии. Лыхненскому восстанию уделяется особое внимание не только как к наиболее крупному народному восстанию в XIX веке. Подробно рассматривая крестьянскую реформу, А.В. Фадеев и здесь основной упор делает на ее классовый характер. Он отмечает, что реформа не улучшила, а наоборот, ухудшила положение местного крестьянства. Именно с этим связывается новое восстание абхазских крестьян в 1877 году во время Русско-турецкой войны и последовавшая за ним очередная волна махаджирства. Как и в предыдущей работе, «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», Фадеев подчеркивает, что последствием махаджирства стала колонизация Абхазии пришлым инородным элементом, но вновь, вероятно, по тем же причинам в число переселенцев – греков, армян, русских и других, не были включены грузины. В первое время после выхода «Краткий очерк истории Абхазии» использовался довольно широко, но затем, сначала в связи с резкой критикой автора, а затем и начавшимися искажениями истории Абхазии, книга практически вышла из обращения [1, с. 24]. Позднее, после начавшейся де-

сталинизации, книга вернулась было к жизни, но из-за ряда фактических и частично надуманных недостатков вновь стала редко использоваться.

В 1930-е годы вышло еще несколько работ Фадеева по различным вопросам истории Абхазии, главным образом XIX века. Среди них можно отметить статьи: «Крестьянское восстание 1866 года», вошедшая во второй том трудов АБНИИКА, и «Крестьянская реформа в Абхазии», опубликованная в «Известиях АН СССР». Однако наиболее значительной его работой этого периода является большая статья – «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе». Эта работа является едва ли не первой и единственной в советской историографии, посвященной убыхам, бесследно исчезнувшему в горниле Кавказской войны народу. Написанные в конце 30–40-х годов монография Л.И. Лаврова¹ и статья Г.А. Дзидзария² об убыхах вышли в свет лишь совсем недавно. В работе А.В. Фадеева содержится немало материала по этнографии убыхов. Однако особое внимание уделяется борьбе убыхов против русской экспансии на Кавказе и важной роли, которую играл этот немногочисленный народ в общей борьбе Западного Кавказа за независимость. Много места в работе посвящено деятельности знаменитого убыхского предводителя Хаджи Берзека и других представителей этого убыхского рода, в частности, Керантуха Берзека. Особо подробно описывается завершающий этап Кавказской войны, когда именно убыхи предприняли попытку объединения горцев Западного Кавказа для сохранения своей независимости. Работа ценна еще и тем, что в ней впервые было введено в научный оборот много неопубликованных ранее документов. При этом, как пишет сам А.В. Фадеев, это была лишь часть выявленных архивных материалов по истории Абхазии, которые должны были быть опубликованы в специальных сборниках. Однако это намерение не было осуществлено и судьба этих материалов остается неясной. Начавшиеся в это время массовые

¹ Л.И. Лавров. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.

² Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века // В кн.: Г. Дзидзария. Труды. Том III. Сухум, 2006. С. 105–141.

репрессии и гонения коснулись и абхазской науки. Целый ряд научных деятелей Абхазии были репрессированы, в том числе А. Хашба, В. Кукба, С. Чанба, С. Ашхацава, С. Басария и другие. А.В. Фадеев стал подвергаться критике и преследованиям как «лакобовский приспешник» и вынужден был покинуть Абхазию.

Впоследствии он работал в Одесском, Ростовском и Московском университетах. Несмотря на это, Абхазия продолжала оставаться в сфере его научных интересов. В 1939 году в «Трудах Одесского госуниверситета» была опубликована его статья «Абхазия в первой четверти XIX века (К истории присоединения Абхазии к России)». Немалое место уделяется Абхазии и в его капитальных работах, написанных уже в 1950–1960 годы в Москве и посвященных сложным и актуальным проблемам русско-кавказских взаимоотношений в XIX веке [4].

В 1954 г. А.В. Фадеев успешно защитил докторскую диссертацию.

Скончался Анатолий Всеволодович Фадеев 4 апреля 1965 года в Москве после тяжелой болезни.

Предлагаемый вашему вниманию двухтомник избранных сочинений А.В. Фадеева содержит его работы по истории Абхазии, изданные в 1930-е годы. Все они давно стали библиографической редкостью и представляют немалый интерес и в наше время.

Источники и литература

1. Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии (По материалам научной экспедиции 1930 года). Сухум, 1931.
2. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20–50-х годов XIX века. М., 1956; Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1957; Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1959.
3. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии (С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). Ч. I. Сухум, 1934.
4. Фадеев А.В. Крестьянская реформа в Абхазии // Известия АН СССР. 1935, № 7; Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии // Труды АБНИИК. Вып. II. Сухум, 1934; Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1939.
5. Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.

С.Ш. Салакая, кандидат исторических наук

«ПРОФЕССОР ИСТОРИИ»

Неповторимая по красоте природа Абхазии и ее необычный народ, создатель морально-этического кодекса «апсуара», всегда привлекали к себе неординарных личностей, которые порой, связав с Абхазией свою жизнь, вносили значительный вклад в развитие науки и культуры этой страны. Одним из таких бескорыстных и беспристрастных людей был Анатолий Всеволодович Фадеев (1908–1965), известный советский историк-марксист. Его вполне можно назвать одним из родоначальников советской школы исторического абхазоведения, ибо он стоял у ее истоков. Безусловна его определенная роль в формировании таких маститых национальных историков Абхазии, как, например, Г.А. Дзидзария. Диапазон историко-культурного мышления А.В. Фадеева был широким, как любят шутить археологи, «от палеолита до главлита»; например, одна из его «главных» книг называется так: «Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая. С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года» (Сухум, 1934). Хотя, конечно, А.В. Фадеев в основном занимался XIX веком Абхазии, а затем феодализмом вообще.

Хочу выразить благодарность составителям этого двухтомника, в котором переизданы все научные статьи и книги Анатолия Фадеева касательно Абхазии, ставшие давно раритетными и послужившие ему хорошим трамплином в большую науку.

О нем я впервые услышал от своего дедушки по материнской линии, Андрея Максимовича Чочуа, который был в свое время одним из первых директоров Абхазского института, где в 1931 году в возрасте 23 лет начал работать Анатолий Фадеев. По рассказам дедушки, когда они вместе ездили поездом в Тбилиси (например, для утверждения научной тематики Института), как только трогался вагон, А. Фадеев, тогда заведую-

щий отделом истории, первым долгом предлагал и приносил два стакана чая – Андрею Максимовичу и себе. Потом дедушка удивлялся тому, что после выпитого стакана чая его собеседник становился разговорчивым и веселым. Так как в дедушкином стакане был действительно чай и к тому же Андрей Максимович плохо видел, то он не мог подумать, что в стакане его визави вместо чая мог быть другой, более горячительный напиток. Но оставим подобные чаепития на совести этих интересных и дорогих мне пассажиров.

Первый раз я увидел А. Фадеева в 1962 году, когда собирался поступать в аспирантуру Института археологии АН СССР. Мне очень хотелось стать археологом. Я с отцом, Хухутом Соломоновичем Бгажба, тогда директором Абхазского института, зашел к Фадееву в Институт истории АН СССР, на сектор феодализма, которым он тогда руководил. Отец и Анатолий Всеволодович были хорошо знакомы. А. Фадеев, как помню, был человеком невысокого роста, поджарым, с умными, живыми и ясными глазами, с уже поредевшими длинными светлыми волосами. Голос его был несколько грубоватым, но приятным. Говорил он интересно, складно и умно, словом, говорил – как писал свои научные труды. Любил пошутить. Он одобрил мое желание поступить в аспирантуру и посоветовал мне в руководители Евгения Игнатьевича Крупнова, известного археолога-кавказоведа, лауреата Ленинской премии.

После поступления в аспирантуру я снова был с отцом в гостях у Анатолия Всеволодовича, теперь уже в его квартире на улице Казакова у Курского вокзала. Жил он скромно – в двухкомнатной квартире с балконом. Он предстал перед нами добрым и гостеприимным хозяином. Другие члены его семьи, наверное, тогда находились на даче. Рядом с ним была большая собака, доберман-пинчер, по кличке Бара. Меня в детстве кусала собака, и я ее побаивался, хотя она относилась ко мне дружелюбно. Судя по всему, у нее с хозяином были прекрасные отношения и взаимопонимание.

К сожалению, Бара в какой-то степени сыграла роковую роль в его жизни. За год до кончины он отдыхал в Крыму. Ночью во время его прогулки с собакой их резко осветила фарами проезжающая машина. Бара от неожиданности испугалась и рванула так сильно поводок, что Анатолий

Всеволодович упал и сломал себе ногу. Перелом был сложным и открытым. Заживление шло долго из-за диабета, и в итоге, к великому сожалению, в 1965 году Анатолий Всеволодович перешел в мир иной.

Похоронен Анатолий Фадеев в Москве на Новодевичьем кладбище, в новой его части. На могильном камне, рядом с его фамилией, выгравировано: «Профессор истории». Будете там – не забудьте положить на могилу букетик цветов в знак уважения и благодарности к его памяти. Что я делаю каждый раз, когда бываю на Новодевичьем кладбище.

Конечно, в роли такого букета вполне может выступить и публикация данного сборника его научного наследия, связанного с Абхазией.

О.Х. Гражба,
заведующий отделом истории
Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа АНА,
профессор Абхазского государственного университета,
доктор исторических наук РАН

К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛИЗМЕ В АБХАЗИИ

(По материалам научной экспедиции 1930 года)

От автора

Настоящая работа основана, главным образом, на материалах, собранных научно-исследовательской экспедицией Абхазского Научного Общества летом 1930 года.

Эта экспедиция была организована АбНО по сбору материалов по этнографии и истории Абхазии под руководством известного краеведа С.П. Басария.

Экспедиция двигалась по двум маршрутам:

- 1) Гудаутский район: сел. Блабурхва – Отхара – Джирхва (Хуап) – Лыхны – Дурипш – Ачандары – Анхва – Псырцха.
- 2) Кодорский район: сел. Тамыш – Кутол – Джгерды – Чилоу – Тхи-на – Покуаш – Река – Атара.

В виду отсутствия письменной истории Абхазии, беседы со столетними стариками по методу перекрестного опроса, сведения, обнаруженные в сельсоветах, участие на сельских сходах и праздниках, документы, найденные у отдельных крестьян (выкупные грамоты) дали богатый историко-этнографический материал.

Обработка и сопоставление этих материалов с архивными данными (Центроархив ССР Абхазии) и старыми изданиями грузинских и русских источников по абхазской истории (в кабинетах истории Комакадемии СССР, КУТВ, Государственной библиотеке ССР Грузии и др.) дали возможность автору изложить их в двух работах: 1) «К вопросу о феодализме в Абхазии» и 2) «Крестьянская реформа в Абхазии». Обе эти работы приняты к изданию Абхазским Научно-исследовательским институтом Краеведения.

Автор предупреждает, что предлагаемая работа об абхазском феодализме является лишь конспективным изложением далеко не полного

материала на эту тему с целью сделать попытку марксистско-ленинского анализа одного из важных периодов истории Абхазии.

Несомненно, что дальнейшие исследования внесут дополнения и ряд фактических изменений в эту работу.

Но это лишь укрепит существование исторической схемы этой работы, направленной против идеалистических и шовинистических построений в области истории Абхазии.

Хронологически эта работа доводит читателя до начала хозяйствования и политического закабаления Абхазии российским «военно-феодальным» империализмом (Ленин), так как этот период – есть период разложения абхазского феодализма на основе развития товарного хозяйства, период крушения феодальной системы в Абхазии и будет освещен в следующей работе «Крестьянская реформа в Абхазии».

Одновременно в главе о «Происхождении (генезисе) абхазского феодализма» автор не касается вопроса о происхождении абхазов как нации, так как это выходит за рамки данной работы. Однако необходимо предупредить, что наиболее верное решение вопроса о появлении абхазов на территории современной Абхазии дает яфетическая теория, которая рассматривает абхазов, как ветвь яфетических (собственно, кавказских) народов, пришедших из глубин Передней Азии.

Автор выражает благодарность участникам экспедиции 1930 года: С.П. Басария, М. Гочуа и Джото Ашуба, помощь которых в созиании материалов и в разрешении некоторых спорных вопросов в значительной степени определила судьбу появления в свет настоящей работы.

По техническим причинам абхазские термины переданы русскими буквами, что подчас варварски искажает слова, приведенные из абхазского языка.

С этим приходится, к сожалению, мириться, так как причины этого действительно объективны и не зависят от воли и желания автора, стоящего на точке зрения жестокой критики искажения абхазской терминологии в работах, изданных на русском языке.

I. Введение

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ

Строительство социализма в СССР на развалинах низвергнутого капиталистического строя требует изучения не только разрушенных пролетарской революцией капиталистических, но и докапиталистических форм общественного развития.

В первую очередь стоит необходимость изучения феодализма, так как нет сомнения в том, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества» (Карл Маркс. Капитал. Т. I. С. 357).

Кроме того, за пределами СССР рабочие и крестьяне ведут сейчас ожесточенную борьбу за социализм и в этой борьбе их врагом является не только буржуазная, но и оставшиеся на исторической арене, порой весьма могущественные, представители старых классов отживших докапиталистических общественных формаций – помещики, крупные землевладельцы-феодалы и полуфеодалы.

«До сих пор не устраниены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки – абсолютизм, феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»... (Ленин. Собр. соч. Т. XIX. С. 17).

Эти «могучие остатки средневековья» особенно сохранились в странах Востока, где они являются серьезным препятствием для развития пролетарской революции. Об этом достаточно ясно говорит и «Программа Коминтерна» (глава «Борьба за мировую диктатуру про-

летариата и основные типы революции»). Таким образом, очевидно, что вопросы изучения докапиталистических форм общественного развития есть актуальные вопросы нашей политической жизни. Последние годы марксистско-ленинская научная мысль уделяла немало внимания этим вопросам. Стоит лишь вспомнить дискуссию с троцкистами о характере китайской революции, отрицавшими существование феодализма в Китае, возрождавшими старую антимарксистскую теорию «торгового капитализма» Богданова и Рожкова.

Стоит лишь указать на оживленный горячий спор в ИКП и в Комакадемии по поводу книги С.М. Дубровского (С. Дубровский. К вопросу о сущности азиатского способа производства и пр. М., 1930), сущность выступления которого сводилась к ревизии взглядов Маркса и Ленина на переход от феодального общества к капиталистическому, на историческое место и роль феодализма, как особой общественно-экономической формации. Можно также указать на дискуссию вокруг книги Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», воскресившего теории буржуазных историков типа Допша и др.

Все это говорит о важности изучения феодализма для выработки правильного понимания ряда боевых вопросов нашей современности.

Но особенно актуален вопрос изучения феодализма в условиях Абхазии. Здесь политическое значение этого вопроса выступает с неоспоримой остротой. Революционный вихрь 4 марта 1921 года разрушил старые устои в Абхазии, которая до этого на протяжении ряда десятилетий была по существу колонией российского капитализма, а затем «вотчиной» грузинской национальной буржуазии.

Но советизация Абхазии встретила сопротивление не только со стороны местной буржуазии, но также и со стороны абхазских князей, дворян-помещиков и феодалов.

На первых же порах социалистическое строительство в Абхазии на-толкнулось на целый ряд трудностей именно в виду наличия «могучих остатков средневековья». Эти остатки сохранили подчас свою силу и до наших дней. Еще осенью 1929 года ЦК КП(б)Г в своем постановлении об абхазской организации ставит перед ней, как одну из основных задач:

«ликвидацию остатков помещичье-дворянского землевладения и их экономического влияния».

Этот же вопрос нашел отражение в резолюции XII всеабхазской конференции КП(б)Г, которая отметила, что «решительное проведение... важнейших мероприятий партии по развертыванию наступления на капиталистические элементы и ликвидации остатков помещичье-феодальных отношений в деревне неизбежно привели к обострению классовой борьбы...»

И одновременно указала, что очередной задачей абхазской организации КП(б)Г является «...полное искоренение феодально-помещичьих отношений в деревне».

Этого достаточно, чтобы не сомневаться в том, насколько актуальна проблема феодализма в Абхазии. Марксистско-ленинское изучение абхазского феодализма поможет быстрее ликвидировать «остатки средневековья» в Абхазии, гнездящиеся в сельском хозяйстве, общественной жизни и крестьянском быту.

Исследование феодализма в Абхазии представляет не только теоретический интерес, но является одним из боевых вопросов сегодняшнего дня реконструктивного периода.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Нет более ложного идеалистического, антимарксистского методологического построения в области истории, как утверждение и провозглашение самобытности, исключительной оригинальности, путей исторического развития какого-либо народа.

Каждый народ проходит определенные ступени общественного развития. Это, конечно, отнюдь не значит, что история народа А является фотографически точной копией истории народа В.

Так могут рассуждать лишь узкобойные механисты и метафизики. Диалектика же исторического процесса учит, что общим для всех является основное направление и способ производства, но скорость развития и формы социально-экономического строя могут быть различны.

Феодализм, как определенную общественно-экономическую формуацию, переживали почти все современные народы, но это не значит, что французский феодализм IX–XII веков ничем не отличался от русского феодализма XIII–XV вв.

Провозглашение самобытности истории какого-либо народа обычно является козырем в руках буржуазного шовинизма.

Мы имеем, например, теории самобытного развития Грузии среди грузинской буржуазной профессуры, среди социал-шовинистов из лагеря Ноя Жордания.

Мы имели гипотезы (правда, не всегда оформленные) относительно самобытности абхазской истории среди представителей абхазской дворянско-буржуазной интеллигенции.

Среди известной части абхазской интеллигенции, кстати, учившейся чаще всего у русских националистически настроенных историков, существует методологическая тенденция к созданию теории об исключительной миссии абхазского народа в общекавказской истории, тенденция к замазыванию классовой борьбы в Абхазии и т.п.

Кстати, довольно сильно мнение, что Абхазия не переживала «настоящего феодализма», что феодальные отношения были внесены в Абхазию на штыках солдат русским царизмом.

Разбить это двусмысленное мнение, по существу отрицающее существование абхазского феодализма, необходимо в целях уяснения общей картины абхазской истории. Поэтому исследование абхазского феодализма имеет две основных задачи:

- 1) установить, что Абхазия переживала эпоху феодализма;
- 2) показать своеобразие и особенности абхазского феодализма.

Маркс говорил: «Чтобы правильно судить о феодальном производстве, надо рассматривать его, как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавались богатство в этой основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы...» (Карл Маркс. Ницета философии. С. 117).

Для того, чтобы следовать этому методологическому указанию Маркса, надо прежде установить, как понимает коммунистическая историческая наука феодализм, как общественно-экономическую формуацию.

Феодализм, как особый способ производства, характеризуется тем, что:

- 1) мелкий производитель (крестьянин) непосредственно владеет средствами производства;
- 2) прибавочный продукт (феодальная рента) путем внеэкономического принуждения присваивается феодалом;
- 3) хозяйство в целом носит по преимуществу натуральный характер.

Феодализм, как социально-политический строй, характеризуется:

- 1) господством класса феодалов;
- 2) раздробленностью и слабостью государственной власти;
- 3) иерархией социальных отношений.

Если диалектический подход к явлениям обнаружит, что эти основные моменты имели место в абхазской истории, то это позволит разрешить поставленные выше задачи исследования феодализма в Абхазии.

II. Генезис абхазского феодализма

РОДОВОЙ СТРОЙ У АБХАЗОВ

На основании данных римских и византийских писателей (Арриан, Прокопий Кесарийский и др.) мы можем смело утверждать, что в первых веках эры абхазы уже занимали территорию современной Абхазии.

Разрозненные и недостаточные сами по себе данные абхазской истории, будучи наполнены сравнительными историческими сведениями из жизни соседних народов Западного Кавказа, позволяют установить, что в эту эпоху Абхазия переживала fazu родового строя.

Родовая организация, изученная в Дагестане, Черкесии, Кабарде и др. знаменитым исследователем М. Ковалевским (труды которого, кстати, высоко ценил Энгельс), без сомнения, существовала и у абхазов.

Сохранившиеся в абхазском языке термины («абипара», «аракуа» и др.), по-видимому, соответствуют понятиям «тохум» (Дагестан), «ачих» (Черкесия), т.е. являются наиболее приближенным определением рода и родовой общины.

К сожалению, абхазская родовая община еще ждет своих исследователей, и сейчас может быть весьма спорным применение тех или иных терминов, но нет сомнения, что развитие родового строя в Абхазии в основном шло теми же путями, что и других народов Кавказа.

В экономическом отношении родовая община, объединившая несколько ближайших по родству семей («атаацчва»), представляла хозяйственную ячейку в 20–30 человек, которая занималось по преимуществу скотоводством.

Скот (тогда, главным образом, мелкий – овцы и козы) выгонялся на общее родовое пастбище.

(И сейчас еще отдельные фамилии в Абхазии имеют свои, издавна принадлежащие им пастбища – «рышъха»¹).

Земледелие только еще зарождалось и существовало больше всего в форме огородничества.

Вся земля, таким образом, была собственностью рода.

Только впоследствии на прибрежных равнинах, по мере роста земледелия, отдельные семьи расчищали небольшие участки из-под леса и кустарника, становившиеся их владением, в отличие от общеродового владения пастбищами.

Хозяйственное право этих семей прекрасно изучено у черкесов М. Ковалевским, который говорит: «Земля – достояние рода, но это не препятствует выделению участков в пользование дворовых общин (отдельных семей. – А.Ф.)» (М. Ковалевский. Родовой быт. 1905. С. 289).

Социальная жизнь родовых общин была основана на принципах «примитивной демократии». Во главе рода стояли, наиболее опытные в экономическом и бытовом отношении, старейшины («рапхя-гылаю»)².

Главнейшие вопросы общественной жизни решались на общеродовых сходах открытым и шумным выражением мнения большинства членов рода.

Кстати, еще и сейчас в Абхазии сельские сходы сохранили много характерных черт этих родовых собраний. Еще и сейчас нередко на сходе в

¹ Рышъха, букв. «их гора». – Прим. сост.

² Рапхя-гылаю, букв. «стоящий впереди их». – Прим. сост.

центре круга, под сенью вековых «священных» деревьев, рассаживаются старики – представители разных фамилий, а за каждым из них группируются их однофамильцы («ижэла»¹), единодушно поддерживающие своего рапхя-гылаю.

Внутренняя жизнь и быт носили в эту эпоху отпечаток первобытных воззрений и были опутаны сетью всевозможных обычаев, традиций, суеверий, примет и т.п., многие из которых сохранились и до наших дней: кровная месть (ашьаура²), запретные дни (тасым³) и др.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

С течением времени, по мере роста производительных сил (земледельческая техника и возникновение рабства – использование труда военнопленных), с расширением пастбищ и особенно возделываемых полей, сближались владения и хозяйствственные территории различных родов семей, следствием чего появилось образование новой сельской общины («акыта»), которая была одной из «первоначальных форм общества от Индии до Ирландии». (Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест).

Процесс образования сельской общины в Абхазии подтверждается современным характером расселения крестьян во многих местностях Гудаутского и Кодорского районов. Примером может служить сел. Дурипш, подразделяющееся на несколько поселков, в каждом из которых живут семьи одной фамилии – Гунба, Тарба, Таркил и др.

Очевидно, что в Абхазии образование сельской общины не устранило совершенно родовую организацию: родовое управление, родовые обычаи и традиции надолго вжились в социально-экономическую систему сельской общины, особенно в районах с сильно развитым скотоводством.

¹ Ижэла, букв. «его семья». – Прим. сост.

² Ашьаура. – Прим. сост.

³ Тасым. – Прим. сост.

Многие формы родового строя сохранили свою силу и при феодализме, а некоторые из них в виде пережитков сохранились и сейчас.

Существование родовой и сельской общины наблюдается не только в Абхазии, но и в Дагестане, где, наряду с родовым союзом (тохум), существовала и сельская организация («джемаат»), и в Черкесии, где эти формы соответственно назывались «ачих» и «псухо».

В сельской общине хозяйственной единицей уже становится дым («атдзы»), т.е. хозяйство отдельной семьи. Эта единица более самостоятельна в земледельческих районах и более связана родовыми традициями в горных – скотоводческих. Перерастание родовой общины в сельскую подготовило в Абхазии почву для создания феодальных отношений. Эта роль сельской общины нашла замечательную оценку у Маркса: «Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным базисом по вторичному образованию. Т.е. переходным базисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве (в том числе и феодализм. – А.Ф.)». (3-й черновик письма К. Маркса к В. Засулич. Архив Маркса и Энгельса. Т. I. С. 285).

СОЗДАНИЕ АБХАЗО-КАРТАЛИНСКОГО ПЛЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Развитие производительных сил, особенно рост значения крупного рогатого скота и развитие обмена на основе увеличения прибавочного продукта, укрепляет связи между отдельными абхазскими племенами, каждое из которых представляло объединение автономных родовых групп по признакам общности территории, хозяйства, диалекта, обычая и т.п.

Укреплению племенных связей содействовала и борьбе с иноземными завоевателями и колонизаторами, главным образом с Византией.

Византийский торговый капитал, утвердившись на побережье Черного моря (Севастополис – Сухум, Питиунт – Пицунда, Никопсия –

Н. Афон и др.), стремился распространить свое влияние и вглубь Абхазии, сочетая методы прямого вооруженного захвата с методами духовного закабаления, путем интенсивной религиозной пропаганды христианских проповедников-миссионеров.

Колонизаторская политика византийцев встречала сильное сопротивление со стороны абхазских племен. Так, например, еще в VI века абхазские племена во главе с вождями Опситом и Скепарной устроили крупное восстание против Византии, подавленное последней с большим трудом.

В VIII веке (в 786 или 787 г.) абхазам удается совершенно освободиться от византийской зависимости. К этому времени консолидация абхазских племен достигла такой мощи, что Византии приходится с ними считаться, как с крупной политической силой на Кавказе. Неудивительно, что византийские историки называют в это время абхазских племенных вождей «царями».

В этот период Грузия была ослаблена нашествием арабов, захвативших еще в VII веке Кахетию и Карталинию.

От междуплеменной вражды в Грузии, которая сопровождалась также интенсивным ростом феодальных элементов, сильно страдала византийская торговля. Видя усиление и военную мощь абхазских племен, византийские и грузинские торговые элементы при активной поддержке церкви толкают абхазских племенных вождей на агрессивную политику для объединения Грузии.

В конце VIII века абхазские племена совершают грандиозный военный поход на юг до самого Сурамского хребта и в союзе с западно-грузинскими племенами образуют так называемое Абхазо-Имеретинское «государство».

В IX веке в состав этого государства входит Карталиния, а в X веке – Кахетия и Тао.

Возглавивший это новое объединение Баграт III именует себя «царем абхазов, картлов, кахов и лаков». Это племенное объединение, хотя и занимавшее огромную территорию, было так же непрочно, как и все известные в истории племенные объединения. С самого начала внутри его мы наблюдаем рост феодальных элементов. Историки сообщают, что

еще в конце VIII века «абхазо-имеретский царь Леон разделил страну на 8 эриставств и посадил эриставов...» («География Грузии» царевича Вахушта).

Эти эриставы назначались большей частью из среды военных племенных вождей и сами раздавали полученную ими территорию во владение самым крупным родам. Процесс феодализации шел так сильно, что, как говорит С.Н. Какабадзе: «в IX–Х веке уже встречается территориальная единица, имеющая собственного господина в лице владельца, правда, подданного грузинского царя, но в свою очередь тоже имеющего своих подданных. Но эти последние не прикреплены к земле и могут по доброй воле переселяться на землю других владельцев. (С. Какабадзе. Черты феодального строя в Грузии. Тиф., 1912).

Правда, в XI–XII веке, благодаря росту товарного хозяйства и торговли, в связи с крестовыми походами, грузинским правителям удается создать централизованное государство, несмотря на сопротивление феодализированной знати (восстание Ивана Орбелиани в 1170 г.), но уже в XIII веке, после «золотого века» Давида и Тамары, как следствие жестокого экономического кризиса, процесс феодализации возобновляется и идет быстрым темпом.

Что касается непосредственно Абхазии, то значение абхазских племен в системе Абхазо-Карталинского «государства» стало падать еще с конца X века, благодаря переносу хозяйственно-политических центров Западного Закавказья к Востоку (Кутаис – Уплис-Цихе – Тифлис).

На первый план выдвигаются районы, лежащие на центральных торговых артериях (Карталиния, Кларджетия и пр.), а Абхазия уже в XI веке представляет лишь окраину большого государства, играя подчиненную роль по отношению к грузинскому по существу государству.

ФЕОДАЛИЗАЦИЯ АБХАЗСКОГО ЭРИСТАВСТВА

На основе роста производительных сил в эпоху родового строя усилилось стремление к захвату рабочей силы (плебеев – рабов) и средств производства (скот, пастбища), следствием чего явилось учащение вооруженных столкновений между абхазскими племенами, что способствовало выделению и выдвижению военных вождей и профессионалов военного дела. Род (фамилия) военного вождя пользуется львиной долей добычи, и отсюда – большим политическим весом в общем управлении. Примитивная родовая демократия становится «военной демократией», а «из общественных должностей вытекает политическое государство» военных вождей и их фамилии. (Энгельс. Анти-Дюринг. Гиз, 1929. С. 165).

Так зарождается социальная сила будущих феодалов.

Эта новая социальная группа – продукт экономического расслоения – старается утвердить свои права на территорию, военную силу и торговлю, т.е. фактически утвердить свою власть над сельскими общинами (акыта).

Это особенно им удавалось в районах с развивающимся земледелием (на побережье), где сельские общины сами вставали на путь «коммендации» – отдавали себя в подчинение, вынуждаемые необходимостью охраны и безопасности своего оседлого полевого хозяйства.

Феодализация внутри Абхазии форсируется общим процессом распада грузинского государства, в состав которого входила Абхазия.

Эриставы Абхазии из фамилии Чачба (груз. «Шервашидзе»), получившие этот титул в 1124–1125 году, добиваются к началу XIII века потомственных прав на Абхазию (Дотаго Чачба), а в XIV веке, когда Грузия начинает переживать сильный кризис, вследствие нашествия Тамерлана, наследники Дотаго объявляют себя независимыми.

Эта независимость была признана де-юре в XV веке, когда грузинское государство окончательно распалась на три части: Кахетию, Карталинцию и Имеретию, причем гурийские и мингрельские эриставы, по примеру своих абхазских соседей, отказались признать власть имеретинского царя.

III. Экономика абхазского феодализма

СЛАБОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В ту эпоху, когда в Абхазии складывались феодальные отношения, производительные силы находились еще на очень низком уровне развития. Большие земельные богатства и щедрость физико-географических условий давали возможность населению вести весьма экстенсивное хозяйство. Одновременно слабость техники не позволяла абхазам подчинить себе лесную стихию, отчего земледелие было распространено лишь на побережье и то отличалось большой примитивностью. Деревянная соха взрыхляла легкую черноземную почву не глубже $1\frac{1}{2}$ вершков. Рабочий скот применялся еще далеко не везде; очевидно, еще большое значение имела мотыжная обработка земли вручную. Борону заменял пучок хвороста, нагруженный камнями.

Кукуруза еще не была известна в Абхазии, и основной продовольственной культурой было гоми (просо), (абыста). Распространены были огородные культуры – лобия (фасоль), редька (ацыца), лук, чеснок и прочная зелень. Капуста, картофель и морковь совершенно отсутствовали.

На низменностях появлялся пришедший с юга хлопок, но главным текстильным растением был лен (аныцчв).

Но все же на большей территории Абхазии огромное значение (а в горных районах и преобладающее) имело скотоводство.

Именно поэтому трудно обнаружить в Абхазии того времени феодально-поземельные отношения чистого типа. Именно в силу этого в Абхазии долгое время сохранялись пережитки родового строя, своеобразно переплетавшиеся с новыми феодальными отношениями.

В горных почти целиком скотоводческих районах Абхазии: Псху, Ахчипсху, верховья Псоу и т.д., феодальные отношения существовали лишь в зачаточном состоянии, и там почти до XIX века господствовало родовое устройство, начиная от родовых пастбищ и кончая «военной демократией», без князей и дворян, без сословного деления, без феодальных повинностей. Наоборот, на побережье, параллельно возраставшему значению земледелия, родовые отношения вытеснялись феодальными, хотя

нередко этот процесс затягивался на весьма долгое время – его тормозили общественные порядки, в первую очередь аграрные пережитки родовых и сельских общин.

АГРАРНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОГО СТРОЯ

Аграрные основы общинного строя с исчерпывающей ясностью оценил Энгельс: «От Индии до Ирландии обработка больших пространств земли производилась первоначально именно такими родовыми и сельскими общинами, причем пашня либо обрабатывалась сообща за счет общин, либо делилась на отдельные участки земли, отводимые общиной на известный срок отдельным семьям при постоянном общем пользовании лесом и пастбищами» ... (Энгельс. Анти-Дюриング. С. 200).

Именно второй тип общинного землепользования, подобие которого находим (с известными оговорками насчет «срока отвода участков») и в Абхазии, характерен был для индийской общины, о которой Маркс писал, что там «В большинстве случаев каждый обрабатывает свой собственный участок». (Письмо Маркса к Энгельсу от 14 июня 1853 года).

При этом в Абхазии, как в Индии, главным источником приобретения этих участков была расчистка земли из-под густого и дикого абхазского леса. Об этом еще и сейчас рассказывают старики-абхазы («кто расчистил, тот и владеет»), бессознательно повторяя древнюю формулировку индийских общинных законов, изложенных в сборнике двустиший «Ману-Санхита», составленном на пороге нашей эры.

Таким образом, общинное пользование в Абхазии распространилось целиком на лес и пастбища, а поля и пашни находились в единоличном пользовании отдельных семей, которые со временем стали считать эти участки своей собственностью (ахапы).

Это положение отмечается и грузинским законодательством, изложенном в сборнике «законов царя Вахтанга», статья 169 которого гласит: «только три вещи: вода, лес и трава (пастбища. – А.Ф.) никому в мире не возбраняются и принадлежат государю...» (Акты Кавказской Археографической Комиссии, VII, с. 69).

Следовательно, остальные угодья предоставляются в единоличное пользование и частное владение.

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Основные вехи процесса образования феодальной собственности в Абхазии были намечены еще выше.

Следует лишь подчеркнуть, что хотя мы и не имеем в Абхазии, по-видимому, примеров раздачи земли в условное владение, но что процесс превращения свободной сельской общины в зависимую, феодальную, шел обычными историческими путями.

Имущественное неравенство и рабовладение приводили к тому, что внутри сельской общины, помимо выделения военно-административных элементов, монополизировавших военную и политическую власть, происходило расслоение на «чистых» («анхайоцкиа»), зависимых («хипши») и пр. Маломощные дворы и фамилии попадали в экономическую зависимость к более мощным дворам и фамилиям князей и дворян (тавади-аамыста) или «чистых» крестьян (анхайоцкиа). К этому толкала их беспрерывная война (племенная и родовая вражда, набеги черкесских и картвельских племен и т.п.), вечно грозившая стереть с лица земли мелкого самостоятельного земледельца, который вынужден был становиться на путь коммендации, т.е. передавать добровольно себя под власть более мощной фамилии (рода).

Зачастую бывало, что целые селения – сельские общины – отдавали себя во владение той или иной феодальной фамилии.

Так, например, сел. Блабурхва Гудаутского района, по рассказам стариков, долгое время бывшее свободным, передало затем себя под власть дворянскому роду Блабаа.

Точно так же и крестьяне сел. Отхара принуждены были отдаваться под власть князей (тавадов) Чачба, пригласив одного из них на «княжение» в Отхара. В Кодорском районе, в сел. Атара, старики Квициния рассказывают, что их деды жили раньше за Гаграми, в местности Хакуцчра, где они были свободными, но, переселившись в Атара и подвергнувшись системе

матическим набегам и нападениям, попали в зависимость от абжуйских (кодорских) Чачба.

Так развивался процесс превращения свободных сельских общин в зависимые владения – процесс не мирной эволюции, но записанный железом и кровью и истории абхазского народа.

В конце концов, прибрежная полоса Абхазии была поделена между феодалами. Тот или иной князь-тавад и аамыста-дворянин стал возглавлять зависимую от него общину.

О новых взаимоотношениях общины с феодалами интересно говорят адаты адыгейских племен (одинаковые, по существу, у всех черноморских адыге), собранные русскими военными администраторами в начале XIX века: «§ 11. Жители селений, кои находятся под покровительством князя, признают над собой его власть: он почитается владельцем селений и земель им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищает; тот же аул (селение), в котором живет сам, князь считает как бы своей собственностью, хотя и не имеет права распоряжаться со всеми жителями оного по своему произволу» ... (Адаты кавказских горцев. Т. I, Одесса, 1882).

Здесь бросаются в глаза осторожные и смягченные формулировки: «как бы своей собственностью» и «и не имеет права со всеми распоряжаться произвольно». Объясняется это тем, что русских властей удивляла разница и отличие феодальных отношений у абхазо-адыгейцев от крепостнических отношений русской деревни. Отличие это и причина его будет ясна из следующей характеристики феодальной экономической системы в Абхазии.

Выше было указано на то, что благодаря аграрным традициям родового строя было в обычай считать всю землю, принадлежащей «народу». Вследствие обилия «в пусте лежащих» земель и господства натуральных отношений, абхазскому землевладельцу не было ни надобности, ни возможности рассматривать свои земельные участки как товар, т.е. продавать их.

Каждый землевладелец приобретал землю путем расчистки из-под леса. Но, однако, отсюда никак нельзя делать тот нелепый вывод, к которому пришла сухумская сословно-поземельная комиссия накануне реформы 1870 г., заявившая, что в Абхазии «в поземельном отношении все сословия равны» ... (Труды. Сухум. Сословно-поземельной комиссии. 1869. С. 4).

Дело обстояло не так просто.

Абхазскому феодалу-таваду или аамыста в условиях слабо развитой техники и невозможности непосредственно вести крупное сельское хозяйство совершенно незачем было отнимать землю, находящуюся в единоличном пользовании крестьян или в совместном пользовании всех членов сельской общины-акыта.

Еще Энгельс указывал, что «в средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранил свою землю, но... был принужден нести в пользу господина повинность трудом или натурой» ... (Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. ГИЗ. 1928. С. 49).

Феодалу гораздо выгоднее было оставить землю в пользовании крестьян и сельских общин и путем внеэкономического принуждения (личная зависимость) взимать натуральные повинности, увеличивая этим свое богатство и силу. Таким образом, феодальная земельная собственность в Абхазии была «лишь следствием собственности определенных лиц (тавадов и аамыста) на личность непосредственных производителей (крестьян) ...» (Маркс. Капитал. Т. III, ч. 2. С. 174).

«Мои люди – значит моя земля», – так рассуждал тавад.

Подобный характер аграрной системы феодального хозяйства имелся не только в Абхазии. Еще Маркс говорил, что в Западной Европе: «Могущество капитальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа ленно зависимых крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство». Маркс. Капитал. Т. I. С. 575).

Поместье абхазского тавада или аамыста само по себе было невелико, оно мало отличалось от зажиточного крестьянского двора, но вокруг него были десятки хозяйств, обязанных натуральными повинностями, лично зависимых крестьян. Пример: поместье (ахтынра) тавада Маршания в сел. Джгерды не превышало по размерам полей и садов хозяйства некоторых крестьян из фамилии Ашуба, а поместье аамыста Циба было даже меньше последних.

В сочетании крупного княжеско-дворянского владения с мелким раздробленным хозяйством и заключается и характерная черта, и сила феодала.

Кроме того, феодалы в Абхазии увеличивали свою экономическую мощь захватом общинных лесов и лучших пастбищ, монополизировав рубку леса и право охоты. Так, например, в Кодорском районе известно, что князья Чачба пытались захватить в полное личное пользование большой Джгердинский лес площадью до 100 кв. верст. К XVIII веку Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита из Бзыбского ущелья, причем последовательность установления монополии была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем для охраны от браконьеров он поселил там своих людей и, наконец, запрещено было рубить и вывозить лес.

Эти захваты были нередки, и хотя встречали сильное сопротивление общин, но в большинстве случаев удавались, так как на стороне князей и дворян была политическая власть и сила.

ФОРМЫ ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Весь смысл приобретения права владения крупными территориями заключался для феодала, разумеется, в стремлении получить возможно большее количество прибавочного продукта.

Этого он достигал путем внеэкономического принуждения на основе своей политической и военной силы.

Каковы же были формы и методы этого внеэкономического принуждения?

Обычно сейчас у защитников «самобытности» абхазской истории главным козырем служит положение: «в Абхазии не было крепостной зависимости, не было крепостного права, значит (!) абхазский крестьянин был свободным». «Теория» о «свободном» крестьянине не нова в исторической науке. Ряд буржуазных историков (Ключевский, Петрушевский, Беляев и др.) давно еще настаивал на том, что крестьяне феодальной домосковской Руси были свободны.

Русские историки-марксисты (Покровский и др.) дали прекрасную отповедь этим фальшивым утверждениям на основе диалектического анализа исторических фактов XIV и XV века, которые полностью опровергают эту «теорию».

В феодальной Абхазии не было крепостного права в его «чистой» форме, не было крепостного крестьянина – такого, какого мы привыкли видеть в России XVIII века.

Но делать отсюда вывод, что «абхазский крестьянин был свободен» – это значит механически, а не диалектически подходить к анализу исторического процесса.

Маркс говорил, что для того, чтобы феодал мог выжать прибавочный продукт внеэкономическим принуждением, ему были «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени, и прикрепление к земле в качестве приданка последней» ... (Маркс. Капитал. Т. III, ч. 2. С. 326).

Почему же в Абхазии закрепощение крестьян, как массовое явление, не было в эпоху феодализма (до прихода русских)?

Во-первых, оттого, что абхазские феодалы имели мало экономической выгоды в этом, в силу обширности свободных земельных пространств и слабости с.-х. техники. Феодальную Абхазию в этом случае можно легко сравнить с Россией XIII века и воспользоваться характеристикой М.Н. Покровского в отношении русских крестьян той эпохи: «Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне не было... Земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки, сжигали их, устраивали там пашни... Господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому-нибудь одному месту». (Покровский. Русская история в сжатом очерке. С. 38).

Кроме того, факты грузинской истории говорят о том, что прикрепление крестьян к земле распространилось лишь в XVIII веке (при карталинском царе Ростоме).

Во-вторых, мы не раз указывали на то, что в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденцию феодалов к закрепощению крестьян. Такая тенденция, безусловно, была у них, и она ярко выявилась после захвата Абхазии русским самодержавно-крепостническим государством.

Сохранившие силу родовые устои мешали быстрому развитию феодализма в Абхазии. По этому поводу известный исследователь К.М. Тахтарев пишет: «В первый период феодализации, когда еще жива поземельная община и продолжают существовать многие пережитки родового строя, личные отношения проявляются гораздо ярче, чем поземельные» ... (Тахтарев. Сравнительная история развития человеческого общества. Т. II. С. 148).

Именно поэтому в феодальной Абхазии (дорусского периода) мы большей частью видим не крепостных, но не свободных, лично зависимых «в какой бы то ни было степени» (Маркс) крестьян, отдающих свой прибавочный продукт феодалу.

Крепостная зависимость – есть одна из форм (самая «высшая») личной зависимости. И по мере усиления элементов личной зависимости мы видим и в Абхазии прикрепление к земле «де-факто», несмотря на отсутствие юридических норм крепостного права.

Личная зависимость крестьян в феодальной Абхазии была неодинакова. Одни (ахую) отдавали прибавочный продукт в натуральной форме трудовых повинностей, весьма напоминающих барщину, другие (анхаю) – в виде натуральных приношений и личных служб (войсковая повинность и пр.), но в прибрежной полосе все так или иначе были зависимы.

Разберем каждую группу крестьян в отдельности.

«ЧИСТЫЕ» КРЕСТЬЯНЕ (АНХАЙЮЦКИЯ)¹

Это многочисленная группа. Они обычно и объявляются «свободными» защитниками абхазской «самобытности».

Подтверждением этого приводят иногда близорукие «анализы» русских чиновников, которые писали, что «анхаю не было сословие зависимое, а ставшее добровольно в обязательные отношения, вследствие необходимости иметь какую-либо защиту» ... (Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VI. С. 1872).

¹Анхаюцъа. – Прим. сост.

В этом «анализе» верноподданных «исследователей» поражает безграмотная противоречивость определения.

Ведь именно потому, что анхаю были обязаны натуральными повинностями, они и были, следовательно, зависимыми.

Правда, следует отметить один момент, имеющий чрезвычайную важность для анализа положения крестьян данной группы, а именно то, что отношения их с феодалами были скрыты под оболочкой патриархально-родовых отношений.

Эти патриархально-родовые отношения служили для абхазского феодала также своеобразной формой внеэкономического принуждения.

Еще и сейчас некоторые старики, потомки «чистых» крестьян («анхайоцкиа»), стремясь доказать «чистоту» своей фамилии, говорят, что князья и дворяне только «помогали» им, защищая их от набегов и пр., и что приношения и службы крестьян были «добровольными».

Разоблачение этой фальши не требует особого труда, если посмотреть на многочисленные примеры использования абхазскими феодалами особых патриархальных обычаев, основанных на родовом праве.

«Аадзара», когда тавад или аамыста отдавал сына на воспитание крестьянской фамилии, которая становилась «родственной» ему, т.е. фактически зависимой от него.

«Усыновление» («ахупхара»), когда посредством торжественной церемонии целования женской груди князь или дворянин становился родственником данной фамилии.

«Удомашнение» («аюнадара»), почти то же, в сущности, что и «усыновление», когда данная фамилия, ставшая в «родственные» отношения к князю, обязана была «добровольно» делать ему приношения, кормить его скот и пр.

Эта тонкая махинация, опутанная идиллическими родовыми традициями и обычаями, на первый взгляд, действительно далека от понятий «зависимости» и «эксплуатации».

По крайней мере, так казалось вначале крестьянам, чего и добивался князь, стремившийся в некоторых случаях скрыть истинный характер феодальной эксплуатации.

Правда, в дальнейшем с течением времени натуральные повинности все более теряли патриархально-идиллическую оболочку «доброволь-

ности» и из-под маски «родственника» и крестьянского «печальника» все чаще и чаще выглядела хищная физиономия феодального эксплуататора.

Так, если крестьяне («анхайю») раньше делали приношения лишь на Пасху и Рождество и в любом количестве, то впоследствии феодал сам нередко стал устанавливать сроки и размеры козленка или теленка, столько-то окалат кукурузы (окалат¹ = 30–60 фун.) или столько-то абхалов вина (абхал² = около 1 ведра) и т.д.

Если вначале крестьяне только 1 день в году выходили на поля князя «помогать» в уборке кукурузы и т.д., то впоследствии эта, с позволения сказать, «помощь» достигала подчас 3–5 дней полевой работы, причем в случае отказа феодал налагал штраф и принимал карательные меры: люди князя уводили у такого своевольного крестьянина корову и т.д. С течением времени личная зависимость крестьян росла и одновременно увеличивалась феодальная эксплуатация.

К началу XIX века «чистый» крестьянин («анхайю»), подвластный феодалу, должен был выполнить следующие повинности:

1. По зову своего владельца являться на полевую работу от 1 до 5 дней в году.

2. Ежегодно приносить козу, теленка, вино, кукурузу, дичь и пр. в определяемом владельцем количестве (размеры приношений были различны, но, по рассказам стариков и найденной нами в сел. Атара, Кодорского района, выкупной грамоте, их можно определить: кукурузы 6–8 пудов, вина 4–6 ведер).

3. Приносить подарки на свадьбу и другие семейные праздники.

4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.

5. Уплачивать за владельца штраф (своеобразную контрибуцию), в случае поражения его в военном набеге и необходимости возместить материальный ущерб победившему соседу.

6. Кормить владельца и его свиту во все время нахождения его вблизи данного двора (во время охоты и пр.).

¹ Акалат. – Прим. сост.

² Апхал – глиняный кувшин. – Прим. сост.

7. Сделать и ухаживать за лошадьми владельца.
8. Представлять транспортные средства для перевозок (арбу, быков, лошадей).
9. Помогать при постройке или ремонте усадьбы владельца.
10. Исполнять поручения и сопровождать феодала.
11. Составлять военную силу его в случае вооруженного столкновения, являясь по первому зову, «конно, людно, оружно».

Одного перечисления этих повинностей достаточно для того, чтобы легенда о «свободном крестьянине» в Абхазии разметалась впрах. Правда, могут возразить еще, что «чистый» крестьянин мог отказаться от повинностей и перейти к другому владельцу. Формальное право (ассатство) перехода существовало, но фактически крестьянин им мало пользовался.

Этот переход еще был целесообразен в первый период феодализма, но когда почти по всей Абхазии установились феодальные отношения, переход от одного владельца к другому вряд ли имел смысл – «хрен редьки не слаше». А, кроме того, крестьянина задерживали его родственные связи, привычки, традиции и пр.

Право перехода в условиях развитого феодализма теряло свое первоначальное значение.

Без сомнения, правильно, что положение «чистых» крестьян («анхаюцкиа») было лучше и много легче, чем других прослоек крестьянского населения.

«Чистый» крестьянин имел свое хозяйство, имел известные общественные права, имел рабов («атэы-итэы»¹) и даже зависимых от себя крестьян («анхайю-хипши»), от которых он пользовался присвоением их прибавочного продукта. (Характерно, что это явление было не только в Абхазии, но и в других странах, например, в России, где в эпоху феодализма некоторые группы русских крестьян имели своих собственных крепостных. (Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Соч., VII, Гиз, 1923. С. 168).

Но все же несвобода «чистых» крестьян была очевидна, и близок к истине С. Авалиани, который определяет их положение так: Эти отношения можно было бы по аналогии характеризовать, как смягченную

¹ Атэы-итэы – раб раба. – Прим. сост.

форму крепостных отношений с преобладающим элементом личной зависимости» ... (С. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье. 1913. Т. II. С. 75).

ПРИКРЕПЛЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ – «АХУЮ» И РАБЫ – «АТЭЫ»

Рабовладение в Абхазии возникло в глубокой древности, еще в эпоху родового строя. Источником рабовладения были военные столкновения и набеги.

Но, в силу природных условий и натурального характера абхазской экономики, внутри Абхазии рабский труд не создал особого способа производства, как это было, например, в античных странах.

На это явление, характерное вообще для восточных стран, указывал и Энгельс, говоря, что «домашнее рабство на Востоке не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи» ... (Энгельс. Диалектика природы. ГИЗ. 1930. С. 60).

В Абхазии рабство носило именно «домашний» характер. Рабы использовались, как прислуга при доме (акяранджы), как помощники, добавочная рабочая сила в хозяйстве.

Но, с развитием земледелия и феодальных отношений, было гораздо выгоднее посадить раба на землю. И вот «благоприобретенный» (ахашала), путем захвата в плен или покупки и подарка раб, зачастую сажался на землю. Владелец «разрешал» ему обзавестись семьей, дарил ему постель, медный котел для очага (как символ семейного счастья), корову и наделял его земельным участком.

Раб и его семья теряла рабское положение и переходила в разряд «ахую», которые были по существу крепостными барщинными крестьянами.

Такой крестьянин был обязан:

1. 3 дня в неделю работать с семьей и своим инвентарем у владельца.
2. Выполнять по приказу владельца все домашние работы (отсюда и происхождение термина «ахую», что значит «варивший абысту»¹).

¹ Ахэуны – букв. «готовящий еду». – Прим. сост.

3. Делать приношения с урожая и по праздникам.
4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.
5. Резать и содержать скот владельца.

Таким образом, личная зависимость этих крестьян-полурабов, прикрепленных к земле, была настолько велика, что, по существу, не отличалась от крепостной зависимости. «Ахую» могли владеть не только князья и дворяне, но и «чистые» крестьяне.

По сведениям сухумской сословно-поземельной комиссии, в XIX веке лишь 50 проц. всех «ахую» владели князья и дворяне, а остальными – «анхаю», но так или иначе этот закрепощенный раб должен был отдавать свой прибавочный продукт и находился в положении эксплуатируемого и бесправного человека.

Правда, он мог откупиться от трудовых повинностей, заплатив до 300 руб. выкупа, но эти случаи в период до XIX века были весьма редки.

Не все рабы прикреплялись к земле, часть их оставалась на положении дворовой прислуги, которую использовали до поры до времени или продавали, дарили и пр.

Причем интересно отметить, что в то время, как князья и дворяне стремились превратить рабов в крепостных крестьян, сажая их на землю, «чистые» крестьяне («анхаю») использовали их по-прежнему на принципах домашнего рабства. Поэтому и оказалось, что к XIX веку князья и дворяне имели лишь около 25 проц. всех рабов, а остальные были в руках «анхаю».

В феодальной Абхазии была весьма распространена работорговля, о чем будет сказано ниже.

НАТУРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВА И ВНЕШНИЙ ОБМЕН

Говоря о том, что «личная зависимость характеризует при феодализме общественные отношения материального производства», Маркс указывал, что в силу этого здесь «продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму», т.е. выступать, как товар. (Маркс. Капитал. Т. 1. С. 35).

В Абхазии той эпохи господствовало натуральное хозяйство и прибавочный продукт присваивался феодалам в натуральной его форме.

Крестьяне производили у себя в хозяйстве и обеспечивали феодала не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами своей домашней промышленности (ткани, шерсть, ковры, орудия, оружие, посуда и пр.).

Остаточная форма этих домашних промыслов феодального периода сохранилась в Абхазии и сейчас в наиболее отсталых, менее товарных, хозяйствах горных селений – Отхара, Джгерды и др.

Но было бы механистическим понимать хозяйство феодальной Абхазии, как абсолютно безобменное.

Обмен был слаб внутри страны, но он ярко проявлялся по линии внешних сношений. Несмотря на имеющиеся сведения о добыче железа в Черкесии и добыче серебро-свинцовых руд на г. Дзыпра и г. Хицма Гудаутского района, все же Абхазия нуждалась в металле. Кроме металла, продуктами ввоза были соль, порох, ткани, медикаменты и пр.

Существование генуэзских и турецких колоний на территории Абхазии содействовало развитию внешнего обмена.

Путешественник Шарден рассказывает, что в XVI–XVIII веках в Чёрном море, у Кавказского побережья бывало до 1.500 итальянских судов, каждое из которых было нагружено разнообразными товарами так, что «походило на маленький городок, где все можно найти». («Путешествие Шардена по Закавказью». Т., 1902).

К концу XVIII века импорт турецкой соли в Абхазию достигал 15.000 пудов ежегодно.

Из Абхазии вывозили самшит, известный на марсельском рынке, каштан, употребленный на постройку Реймского собора, мед, воск, кожу, меха и пр.

Особое место занимала работторговля, имевшая первостепенное значение.

Шарден указывает, что в XVII веке с Чёрноморского побережья Кавказа вывозилось ежегодно до 12.000 рабов и рабынь на рынки Турции и Египта. Даже внутри Абхазии раб служил иногда единицей обмена, своего рода эквивалентом. Было даже выражение: «одна голова холостая».

Цены на рабов сильно колебались в зависимости от района и спроса. В горной Абхазии «одна голова» приравнивалась 5–6 коровам, но на побережье достигала до 15–25 коровам. Особые цены были на девушек, продаваемых для гаремов; они доходили до 60 коров за «одну голову».

Большое значение имела и транзитная торговля по торговым путям на Северном Кавказе через Клаухорский и Марухский перевалы в Черкесию и Кабарду.

Интересно отметить, что абхазские феодалы старались монополизировать обмен с целью получения добавочного дохода.

Адыгейские адаты говорят:

§ 15. «Если привозят что-либо для промена жители селений другого племени через земли покровительствуемых князей земель, то платят им дань» ...

Кроме того, известно, что князья-тавады Чачба в конце XVIII века владели главными пунктами внешнего обмена: Очемчиры, Келасури, Гудави, получая доходы с производимой там торговли. В начале XIX века эти доходы достигали: с очемчирского базара – 500 рублей серебром, с Келасури – 1.300 рублей серебром в год.

Это была также одна из форм внеэкономического принуждения с целью получения прибавочного продукта.

IV. Политический строй абхазского феодализма

КЛАССЫ И СОСЛОВИЯ

Общество резко делилось на два класса по отношению к средствам производства: на **крестьян** и на **феодалов**.

Класс крестьян, не говоря уже о рабах, занимал как в процессе производства, так и в политическом отношении подчиненное положение. Последнее проявлялось даже внешним образом: крестьянин не мог садиться на коня без разрешения феодала. Не мог сидеть в присутствии феодала, должен был уступить ему дорогу, не мог иметь крытый дранью дом и пр.

Крестьянин обязан был выполнять все прихоти и поручения феодала, с почтением относиться к нему и его слугам. Чего стоят хотя бы фак-

ты, рассказанные стариками в сел. Атара Кодорского района о том, что во время охоты псари феодала ночевали вместе с собаками в крестьянских домах, выбрасывая оттуда семью и детей крестьянина и загоняя туда собак.

Класс крестьян был в политическом и правовом отношении подчинен классу феодалов, который стремился монополизировать все военные, административные и судебные функции. Классовому делению соответствовала система сословий, ибо феодалы представляли собой привилегированные сословия.

Их привилегии заключались в том, что они не несли трудовых повинностей. Пользовались лучшими общиными землями, получали дань, сбороны, налоги с обмена, пользовались правом монопольной охоты и рубки лесов, имели решающее слово на сельских сходах и судах, пользовались выморочным правом на имущество своих подвластных и т.п. Привилегированное положение феодалов подчеркивается и адыгейскими адатами, которые устанавливают за убийство князя 100 быков пени, дворянина – 30, а крестьянина – 15.

В Абхазии, как в любой феодальной стране, соблюдалась строгая иерархия сословий. Эта иерархия начала складываться еще с начала развития феодального общества в Абхазии, потому что в XV веке иерархическое строение абхазского общества было известно и за границей. Трапезундский император Давид в письме к герцогу Бургундскому от 22 апреля 1459 года пишет: «в числе союзников против турок будет Рабия, герцог абхазский, его брат и его бароны с 30.000 воинов». (Броссе. История Грузии).

Иерархическая лестница развитого феодализма представлялось в следующем виде:

1. **Ах** – владетель всей Абхазии из рода Чачба (Шервашидзе).
2. **Тавады** – князья,名义ально подчиненные аху, но фактически не всегда поддерживающие его.
3. **Аамыста** – дворяне, находящиеся в вассальных отношениях к тавадам.
4. **Ашнакма** – «личные дворяне» из «чистых» крестьян и черкесских выходцев, жившие при дворе аха и составлявшие его почетную свиту.

5. Анхаю – «чистые» крестьяне, за редким исключением, зависимые от первых четырех сословий.

6. Анхаю-хипши – крестьяне, зависимые от анхаю.

7. Ахую – закрепощенные крестьяне.

8. Атэы – рабы и «рабы рабов».

Первые (привилегированные) сословия: тавады, аамыста и ашнакма составляли, без сомнения, меньшинство населения. По не вполне достоверным данным сухумской сословно-поземельной комиссии, число членов привилегированных этих сословий достигало всего 10–12 проц. населения, на самом же деле, вероятно, их процент был еще меньше.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРИНУЖДЕНИЯ И РОДОВЫЕ ПЕРЕЖИТКИ

Феодальная эксплуатация, разумеется, вызывала классовое сопротивление со стороны крестьян против дворян и князей.

Примеры проявлений этой классовой борьбы в эпоху феодализма, к сожалению, мало исследованы, но отдельные факты, которые нам удалось собрать, все же доказательно говорят о классовых противоречиях между крестьянами и феодалами в Абхазии.

В сел. Покуаш Кодорского района рассказывают о коллективном выступлении крестьян во главе с крестьянином Гиндия, отказавшихся работать на поле у тавада Ачба.

В сел. Атара Кодорского района вспоминают, как приехавший от убыхов, где не было князей, один из рода Квициния стал агитировать своих кодорских однофамильцев отказаться от зависимости. Во время выступления против Гергуала Чачба этот «агитатор» был убит и выступление окончилось неудачно.

В Гудаутском районе много рассказывают о сопротивлении крестьян дворянам Званбая, прославившимся жестокой эксплуатацией своих подвластных: свинопас Жапшба и другой крестьянин, Палба Кумач, вступали со Званбая даже в вооруженную схватку.

Если классовое сопротивление доходило до вооруженной борьбы, то крестьянину приходилось, разумеется, уходить в горы и леса и стано-

виться абреком. Такие абреки, выступавшие против феодалов (тавади-амыста), пользовались обычно горячей поддержкой крестьян; о них и сейчас поют песни, рассказывают легенды и пр.

Таковы абреки, вроде Хаджарата Кяхба, боровшегося против эшерских феодалов Дзяпш-Ипа, вроде Дыдж Kvеквескири при Баслаху, предсновавшего тавадов Маршания, и ряд других.

Со своей стороны, феодалы старались обеспечить получение прибавочного продукта и личную зависимость особыми мерами, создав примитивный аппарат принуждения. Этот аппарат принуждения основывался, прежде всего, на военной силе феодала, которую он черпал путем «воинской повинности» ему подвластных. Но, кроме этого, для карательных мероприятий и личной охраны крупные феодалы заводили своего рода жандармерию – «кераз». «Кераз» составлялся из дворян и из наиболее «чистых», экономически сильных и родственно связанных с тавадом крестьянских фамилий, по выбору самого тавада.

«Кераз» отражал и сам совершил военные набеги, наказывал непокорных, взимал «штрафы» и дань, как с крестьян, так и с купцов на побережье, уничтожал личных врагов феодала, действуя совершенно безнаказанно. «Кераз» часто имел характер русской «опричнины», выполняя и личные прихоти феодала. Сохранились песни и рассказы о том, как «Кераз» воровал для князей Чачба красивых девушек (рассказ о красавице Чире Таркил, записанный нами в Дурипше, и песня о прекрасных Ханифе и Казирхан – сестрах крестьянина Афаг Мута).

Феодальный «Кераз» – яркий факт развития государственного аппарата, как системы принуждения и классового господства.

Но следует, однако, отметить одну важную особенность политической структуры абхазского феодализма – диалектику родовых пережитков. Если эти родовые пережитки помогали феодалам укреплять личную зависимость крестьян посредством родственных связей (аталычество, усыновление и пр. См. главу об «экономике») и замазывали классовые противоречия, то одновременно они – эти родовые пережитки – ограничивали несколько и феодальный произвол.

Во-первых, тавад вынужден был считаться с представителями сильных родов и важные вопросы общественной жизни выносить на обсуж-

дение сельских собраний, где право голоса имели все «чистые» крестьяне, хотя решающее слово и оставалось, конечно, за феодалами.

Во-вторых, обрушившись на какого-либо «дерзкого» крестьянина, он иногда встречал сопротивление всей фамилии, всего рода. Отсюда – отсутствие телесных наказаний для крестьян, ибо легче было тайно убить, чем, скажем, подвергнуть порке. За это оскорбление, без сомнения, грозила кровная месть со стороны всего рода, иногда многочисленного и сильного.

Поэтому даже такие феодалы, мало с кем считавшиеся, как Хасан Маан, не могли, например, добиться выдачи крестьянина Петра Кобахия, ранившего одного из Маанов. За Петра стоял весь род Кобахия.

Родовые пережитки (кровная месть) в этих случаях оборачивались против феодала, ограничивая его произвол.

В этом ярко проявляется диалектика исторического процесса в феодальной Абхазии.

Родовые пережитки сказывались и на юриспруденции абхазского феодализма. Тавад и даже ах-владетель судил вместе с почетными стариками-патриархами сильных фамилий и при этом судил в соответствии с родовыми адатами (обычаями).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА

В эпоху феодализма Абхазия представляла собой государство с сильно раздробленной политической властью и слабой централизацией. Хотя официально вся страна и имела центральную власть в лице владетеля («аха» Чачба/Шервашидзе), но фактически она была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства в феодальных владениях.

Каждое из этих феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода «государством в государстве».

Эти отдельные мирки объединяла лишь внешняя торговля и интересы обороны страны в целом от иноземных завоевателей и колонизаторов. В моменты внешних столкновений с агрессивными соседями и колонизаторами центральная власть, т.е. значение владетелей («ах») Чачба, обычно усиливалась. Так было в эпоху генуэзской колонизации в XIII и XIV веках, так было в период турецкого господства на побережье в XVIII веке.

Политическая власть владетеля (наследственными владетелями Абхазии были князья Чачба (Шервашидзе) имела функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владетель («ах») регулировал внешний обмен, представляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войны и мира, используя военную силу подчиненных ему феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления – взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, причем за всякие конфликты, произошедшие близ его резиденции, получал определенные пени; все административные функции он осуществлял через своих «дружинников», личных, служилых дворян-«ашнакма» и свою гвардейско-жандармскую организацию «кераз».

Монеты своей абхазские владетели не чеканили, а денежными единицами служили золотые и серебряные монеты – грузинские, арабские, турецкие и пр., а также рабы и крупный скот.

Владетель («ах») жил в сел. Лыхны. Вокруг его дворца (сначала деревянного, а потом – каменного здания, развалины которого сохранились и поныне) были домики живущей при нем «челяди», а неподалеку разбросаны были усадьбы «керазников» и «ашнакма». (Последние жили в других селениях, получая от владетеля территории скот и рабов. Это единственный пример условного владения в феодальной Абхазии).

Личным владением «аха» была Бзыбская Абхазия – часть современного Гудаутского района.

Родственники владетеля (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келасури, Кутол, Очемчиры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов в отношении игнорирования и даже сопротивления владетелю. На пороге XIX века абжуйские Чачба – Алибей

и Манучар – даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от аха.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Например, долиной на правом берегу от устья реки Бзыби (сел. Аллахадзы, Колхида и пр.) владели Инал-Ипа, сел. Ачандары – тавады Ачба, сел. Псырцха – Маргания, сел. Эшеры – аамыста Дзяпш-Ипа, сел. Адзюбжа – Маргания, сел. Атара и Джгерды – тавады Маршания, сел. Тхина – Дзяпш-Ипа, сел. Моквы – Ачба, сел. Гупы – аамыста Атумава, сел. Ткварчелы и сел. Покуаш – Ачба и т.д.

Все эти крупные феодалы, находясь в вассальной зависимости от владельца и имея у себя подчиненных им мелких феодалов, фактически были полными государями в пределах своего владения и признавали власть владельца («ах») лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодальными отношениями – Псху, Ахчипсху и джигетские («садзкуа») общины – Цан, Геч, Арто и т.п., подчинялись власти владельца лишь名义ально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Таким образом, владелец («ах») был типичным феодальным государством, являясь всего лишь «первым среди равных». Принудить к повиновению крупных тавадов он мог только силой. Этой силой он сам не обладал, для чего ему приходилось прибегать к организации союзов и группировок и использовать распри и раздоры среди феодалов. А почва для таких конфликтов создавалась богатая самой административно-территориальной системой феодального государства.

Границы феодальных владений точно установлены не были. Часто в одном крупном селении жили крестьяне, зависимые от двух-трех феодалов. Споры из-за пастбищ, выгонов, лесов выливались в форму вооруженных столкновений, набегов и пр. Каждый феодал жил всегда «на военном положении» и весь его домашний быт был милитаризован.

Крупный феодал выбирал место для своего двора («ашта») на возведенности, где строил каменный или деревянный дом так, чтобы в нем можно было выдержать осаду и отразить нападение врагов. Примеры: дом феодала Каца Маргания («Кац-ишта») в сел. Джирхва, дом Хасана Маргания (Маан Хасан) близ Нового Афона и др.

Вот как описывает современник жилище сильного келасурского владельца Хасан-бяя Чачба, стоящее на крутом холме около устья реки Келасури: «Его деревянный дом имел вид четырехугольной башни на высоких каменных столбах. Кругом дома шла крытая галерея. Двор был обнесен высоким палисадом с бойницами и тесной калиткой, способной пропустить лишь одного человека» ... (Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1835).

Выезжая из дома, тавад всегда брал десяток-другой надежных вооруженных людей, а под черкеску одевал металлическую сетку-кольчугу («акулдзы») и железный пояс («аванызамака») для защиты от внезапного нападения.

Нет сомнения, что в Абхазии мы имеем своеобразный иммунитет, т.е. неприкосновенность, независимость феодала во внутренних делах своего владения. Произвол феодала внутри его владения ограничивался скорее родовыми пережитками, чем центральной властью владетеля. Но тем опаснее чувствовал феодал себя за пределами своего владения. Борьба между феодалами не прекращалась никогда и только могла временно замирать, чтобы с новой силой вспыхнуть в благоприятный момент. Иногда эта борьба носила форму «большой войны» – в военные действия вовлекались сотни и тысячи крестьян, составлявших «армии» феодалов.

В памяти абхазского народа сохранились большие военные походы владельца Келеш-бяя Чачба в конце XVIII века против атарского тавада Бекир-бяя и поддерживавших его кодорских Ачба. Еще раньше этого владетель Зураб Чачба вел жестокую войну с эшерскими феодалами Дзяпш-Ипа. Целые века длилась борьба владельца с цабало-дальскими тавадами Маршания. Эта война сопровождалась свойственными эпохе жестокостями, захватом скота, пленных, которые тотчас обращались в рабов и продавались за границу.

Старики рассказывают, что при набегах Чипиак Ате-Ипа Маршания жгли целые селения, убивали даже детей и пр.

Но кроме «большой войны» прибегали и к методам «малой войны», методам интриг, подкупов, покушений и т.п. Известны факты следующего порядка: Келеш-бей, будучи не в силах справиться с Дзяпш-Ипа, пригласил троих из них к себе и вероломно убил их в своем собственном

доме; владетель Хамуд-бей отравил келасурского Чачба – Дмитрия, своего родственника.

Измены, предательства, убийства из-за угла – это были излюбленные методы феодальных политиков. Нет нужды говорить о том, как подобная борьба отзывалась на народном хозяйстве, задерживала нормальное развитие производительных сил.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАДСТРОЙКИ

Прежде всего следует оговориться, что до сих пор в Абхазии идеологические надстройки родового и феодального общества не исследованы с достаточной полнотой, а имеющиеся скучные материалы дают возможность дать лишь схематическое изложение этого вопроса в надежде на более полное освещение его будущими исследователями. Марксистский анализ этих идеологических настроек в Абхазии отсутствует вовсе, что затрудняет изложение этой темы.

Идеология абхазского феодализма пронизана религиозным влиянием. В эпоху феодализма первое место в религии занимали в Абхазии пережитки родовой и племенной религии. Культ природы (священные горы, небесные светила, леса, деревья, вера в духов, населяющих землю и воду) и культ предков (фамильные кладбища, почитание очага родовой кузницы и пр.) были еще в полном расцвете и прекрасно уживались с новыми религиями, христианской и мусульманской, которые, безусловно, имели меньший удельный вес, в силу того, что они были принесены в Абхазию извне и не были связаны с социально-экономическими устоями народа и страны.

Феодалы поддерживали религиозные пережитки родового строя и даже часто являлись носителями их, беря на себя функции защиты и охраны «священных мест». Пример: жрецами священной горы Дирипш была дворянская фамилия Чичба.

Феодалы использовали и христианскую религию, распространившуюся в Абхазии еще в эпоху византийской колонизации V–VIII века, но ослабленную после прекращения связи с Византией.

Христианские церкви и монастыри (Пицунда, Афон, Каманы, Дранды, Илори и др.) имели свои земли, стада своих рабов и занимались торговлей вообще и работторговлей в частности. Христианская церковь пользовалась поддержкой Византии, имела значительное экономическое богатство и поэтому абхазские католикосы, жившие в Пицунде и Афоне до 1795 года, пользовались большим влиянием среди абхазских феодалов.

Это влияние, правда, было подорвано распространением в XV-XVI вв. ислама – орудия турецкого господства на побережье.

К началу XIX века в Абхазии функционировали только две церкви – в Лыхны и Илори, остальные были закрыты и разрушались.

Сами феодалы не очень считались с церковными памятниками: имеются сведения, что Хасан Маргания – псырцхинский феодал – выстроил себе дом из материалов афонской церкви Симона Кананита, разобрав для этого свод храма.

Но ислам не пустил корней в Абхазии, также как и христианство: в обычаях абхазов трудно найти влияние законов шариата.

Религия родового строя – «национальная» религия абхазов – освещала право и нравственность феодального общества. Выше уже говорилось, как феодалы использовали правовые и моральные нормы родового строя в своих целях.

Феодальный порядок сохранил такие родовые атрибуты, как кровная месть, представление о «чистоте» фамилии-рода, патриархальные взаимоотношения в семье, а одновременно распространил и развил феодальные взгляды на «почетные» и «позорные» занятия. Первыми считались военное дело и охота, вторыми – торговля и промышленность для производства на продажу. Еще итальянец Интериано, побывавший в Абхазии в 1450 г., отмечает в своем сочинении («Делла вита де Зихи»), что «за занятия торговлей и ремеслом знатных (“nobili”) лишали достоинства». Эти взгляды сохранили свою силу до последних лет и способствовали, между прочим, тормозящим образом слабому развитию пролетаризации абхазской деревни в пореформенный период.

Медленное и слабое развитие производительных сил феодальной Абхазии сказалось на отсутствии систематизации производственного опыта в форме научных представлений, отсутствии национальной письменности.

Искусство в основном отражалось народным творчеством в форме песен, сказок, музыки, танцев, содержание которых заполнялось материалом описания одухотворенных сил природы и героизма отдельных представителей наиболее видных родов, а впоследствии – феодалов. Абхазские тавады любили иметь хороших певцов-музыкантов, которые были завсегдатаями в феодальных домах, импровизируя песни и сказки, развлекая этим отдыхающих или пирующих феодалов.

Многие из этих песен, отражающих феодальный строй, остались в народе до сего времени.

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

Соседями феодальной Абхазии с севера были адыгейские племена, граница с которыми проходила примерно по р. Псоу¹ и далее по Главному хребту.

Из этих племен шапсуги и абадзехи, благодаря более низкому уровню развития производительных сил, не имели развитых феодальных отношений, а кабардинцы, владевшие транзитными торговыми путями из Абхазии на Северный Кавказ, уже к XV–XVI вв. имели феодальные порядки.

Не имея с этим соседями нормальных торговых сношений, в силу натуральности хозяйства и тех и других, феодальная Абхазия находилась с ними большей частью в состоянии войны. Беспрерывные набеги черкесов на Бзыбскую Абхазию, угон скота и пленных имели ответом походы абхазских племен на север. Подчас эта борьба переходила в настоящую войну. В народе сохранились рассказы о полумифическом черкесо-кабардинском князе Ахан-Ипа, прошедшего с «огнем и мечем» через всю Бзыбскую и Кодорскую Абхазию.

Иногда абхазские феодалы заключали союз с адыгами для походов на Мингрелию и Грузию.

Известно, например, что вековая вражда абхазских Чачба и мингрель-

¹ На самом деле, граница с адыгами проходила по р. Шахе. – Прим. сост.

ских Дадианов из-за Самурзакани на пороге XIX века вылилась в форму настоящей войны, причем Григорий Дадиани в 1803 году обратился за помощью к России, а позже, после смерти Келеш-бея, Григорий Дадиани поддерживал Аслан-бея, боровшегося с владетелем («ах») Сефер-беем. Возможно, что и убийство Келеш-бея было организовано Дадианом.

Войны с Мингрелией давали богатую добычу – скот, рабов.

Кроме того, из Мингрелии, благодаря перенаселенности и жестокой эксплуатации князей-крепостников, шла добровольная иммиграция в Абхазию.

Гораздо серьезнее адыге и мингрельцев для абхазских феодалов были береговые колонизаторы – итальянцы и турки.

Как итальянцы, так и турки, не пытались проникнуть вглубь страны вооруженной силой, ограничившись захватом стратегических пунктов на побережье. Но экономическое влияние и тех и других было сильно, а турки, кроме того, стремились применить и идеологическое орудие путем распространения в Абхазии ислама.

Влияние итальянцев пало в XV веке, после закрытия турками проливов. Турки же начали укрепляться в Абхазии в XVI веке при султане Селиме II. В 1578 году они построили крепость Сухум-Кале на месте старого Севастополиса и завели там постоянный гарнизон. Кроме Сухума, турецкие войска стояли в Гаграх, называемых по-турецки Бала-даг.

Турция сумела сделать владетеля своим вассалом, хотя и не взимала с него официальной дани и не вмешивались во внутреннее управление, но, добившись охраны интересов турецких купцов.

Развитие обмена, работорговли и рост товарных элементов в хозяйстве страны укрепили авторитет владетеля среди прочих феодалов и зародили в нем тенденции к абсолютизму. Эти тенденции проявились прежде всего в стремлении владетеля укрепить свою силу путем освобождения от турецкого влияния. Носителем этих тенденций еще в первой половине XVIII века выступил «ах» Манучар Чачба, но он был предупрежден турками, которые удалили его путем инсценированного восстания во главе с Леваном Чачба. Но в 1771 году Леван вместе с братом Зурабом сумел организовать налет на Сухум и выгнал оттуда турецкие войска.

Вскоре подкупленный турецким золотом Леван передал Сухумскую крепость обратно туркам, но последние постарались устраниТЬ его, объ-

явив владельцем Абхазии молодого Келеш-бея – сына Манучара Чачба. При поддержке турок Келеш-бей сильно укрепил центральную власть, стремясь подавить сопротивление феодалов (борьба с Дзяпш-Ипа, Бекир-беем и цабальскими Маршания) и перенеся свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость.

Но в то же время Келеш-бей мечтал и об освобождении от протектората Турции. В этих целях он хотел использовать трапезундского пашу Техера, поднявшего мятеж против Стамбула. Ища опоры в задуманной борьбе против Турции, Келеш-бей уже оглядывался на Россию, с представителями которой он встречался еще в 1803 году в Анаклии, во время переговоров с мингрельскими Дадианами.

Но в 1808 году Келеш-бей был убит своим сыном Аслан-беем. Последующая борьба за власть между его детьми уже была борьбой турецкого (Аслан-бей) и русского (Сефер-бей) влияния. Российский «военно-феодальный» имперализм уже включил Абхазию в свои захватнические планы завоевания Кавказа и Черноморского побережья.

В 1810 году владетель Сефер-бей Чачба заключает с Россией договор, по которому Абхазия передавалась «в вечное подданство и рабство белому царю». По приказу главнокомандующего русскими войсками графа Тормасова, русская эскадра бомбардирует Сухум-Кале и 9 июня 1810 года высаживает десант в 600 человек, который, потеряв 109 убитых, изгоняет турецкий гарнизон.

Начинается новый период в истории Абхазии – период господства русского царизма.

Российский «военно-феодальный» имперализм опирается в своей политике на феодальные элементы Абхазии, русское крепостническое государство стремится заключить тесный блок с феодальной верхушкой в Абхазии.

В первый период русского господства (до 30-х годов) «непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что было целью для португальцев и голландцев XVII века – прямой грабеж» (М. Покровский).

Поэтому сначала русский царизм стремился даже укрепить абхазский феодализм, так как консервация этого способа производства в усло-

виях блока с абхазскими феодалами облегчала процессы «первоначального накопления».

И мы видим, как при поддержке русских чиновников и благодаря росту товарно-денежных отношений, в Абхазии усиливается феодальный гнет, шире распространяется крепостная зависимость, увеличиваются нормы феодальной эксплуатации. Но рост товарного хозяйства подрывает основы феодального способа производства. Абхазия уже нужна для России как рынок промышленного сырья. Феодальные производственные отношения в Абхазии взрываются развитием производительных сил.

Этот процесс разложения феодального производства в Абхазии венчается русскими чиновниками, проведенной в 1870 году крестьянской реформой. Но разложение феодального хозяйства и пореформенная история Абхазии, а значит, в целом крушение феодального строя в Абхазии – это материал следующей нашей работы на тему «Крестьянская реформа в Абхазии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существование феодализма в Абхазии несомненно.

Правда, в Абхазии мы не находим условного землевладения, системы бенефиций, секуляризации, оформленного иммунитета и коммендации сложного вассалитета, рыцарского кодекса и т.п.

Но отрицать на этом основании феодализм в Абхазии – значит метафизически подходить к историческим явлениям. Необходимо диалектическое единство идеи и явления, чтобы понять конкретное проявление тех или иных общественно-экономических формаций в данной стране.

По поводу диалектического понимания именно феодализма имеется прекрасное место у Энгельса. Он пишет: «Разве когда-нибудь феодализм отвечал своей идее. Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он приблизился всего ближе к своей идее в эфемерном Иерусалимском государстве,

которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время, и то, большей частью на бумаге». (Письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. Цитировано по: «Рев. Восток», № 2, 1927).

Напрасна и недостойна марксиста погоня за «чистым» феодализмом. «Чистого» типа, абстрактного, оторванного от конкретной обстановки, не найти ни в Грузии, ни в России, ни во Франции.

Поэтому можно твердо заявить: абхазский феодализм – не фикция, а исторически существовавшая реальность, хотя феодализм в Абхазии и имел свои характерные особенности.

Эти особенности имеют причиной слабое развитие производительных сил, замедленное на протяжении столетий иноземным вмешательством и колонизаторскими захватами самого производительного района Абхазии – побережья.

Эти особенности характеризуются, главным образом, тем, что в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового и племенного строя.

Но все же феодализм, как определенная, основанная на антагонизме система в Абхазии, существовал и развивался именно благодаря своим внутренним противоречиям: благодаря антагонизму между производительными силами и натуральным характером производства, антагонизму между крупным землевладением и мелким крестьянским хозяйством, антагонизму феодальных процессов присвоения прибавочного продукта и патриархальной оболочкой этого присвоения, благодаря классовым противоречиям феодалов и зависимого крестьянства и, наконец, благодаря внешнему противоречию феодальной Абхазии и иноземными захватчиками (Византия, итальянцы, Турция, Россия).

Феодальные пережитки, в силу целого ряда исторических причин, сохранились в Абхазии и до наших дней.

Отсталая техника, слабое трудовое использование природных богатств, господство натуральных сел.-хоз. культур, низкая товарность крестьянского хозяйства, земельные споры, феодально-родовые моральные

представления о кровной мести, о «чистоте» фамилии, о позорности занятий торговлей и промышленным трудом, – все это тяжелым грузом висит на ногах Советской Абхазии, шагающей по пути социализма.

Феодальные пережитки – тормоз социалистического строительства. Борьба с ними – наша боевая задача.

Использованная литература:

1. Маркс. Капитал. Т. I и III.
2. Его же. Нищета философии.
3. Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест.
4. Архив Маркса и Энгельса. Т. I.
5. Энгельс. Анти-Дюоринг.
6. Его же. Происхождения семьи и т.д.
7. Ленин. Собрание сочинений. Т. XIX.
8. Ковалевский М. Родовой быт. 1905.
9. Его же. Закон и обычай на Кавказе. Москва, 1890.
10. Дубровский. К вопросу о сущн. азиатского способа и т.д.. М., 1890.
11. Дубровин. История войны и владычества рус. на Кавказе. Т. I. 1871.
12. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря. Т. I. 1867.
13. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1835.
14. Рожков Н. Русская история. Т. I.
15. «Адаты кавказских горцев», I, 0. 1882.
16. Броневский. Новейшие известия о Кавказе. М., 1823.
17. «История классовой борьбы в Закавказье». Об. КУ. Тифлис, 1930.
18. Кучаев. Сборник правительенных распоряжений по устройству быта крестьян кавказского края. 1880.
19. Яковлев. Языки и народы Кавказа. Т., 1930.
20. Гулия Д. История Абхазии. Т. I.
21. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. 1925.

22. Басария. Абхазия. 1923.
23. Кудрявцев. Абхазия. 1923.
24. Вишневский. Феодализм в Крымском ханстве. 1930.
25. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей. 1930.
26. Какабадзе. Черты феодального строя в Грузии. Тифлис, 1931.
27. Шохор. Пережитки родового быта. 1930.
28. Труды сухумской сословной комиссии. 1869.
29. Акты кавказской археогр. комиссии.
30. Покровский. Русская история. Т. I.
31. Труды I конференции историков-марксистов.
32. Тахтарев. Сравнительная история человеческого общества.
33. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Соч., VII.
34. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье. II, 0. 1913.
35. Сборник сведений о кавказских горцах. V, VI.
36. Путешествие Шардена по Закавказью. Тифлис, 1902.
37. Энгельс. Диалектика природы.

Опубликовано: А.В. Фадеев. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум: изд-во газет «Советская Абхазия» и «Апсны капи», 1931 (Абхазский научно-исследовательский институт краеведения). 40 с.

**РУССКИЙ ЦАРИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
В АБХАЗИИ**

От автора

Настоящая работа является продолжением изданной АНИИК брошюры «К вопросу о феодализме в Абхазии».

Обе эти работы основаны на материалах, собранных научно-исследовательской экспедицией бывш. АбНО летом 1930 года, а также на последующей обработке и сопоставлении этих материалов с архивными данными.

Ставя себе цель выявления классовой сущности реформы 1870 г. в Абхазии, автор сознательно не излагает подробно пореформенную экономику Абхазии.

Раздел последней главы, озаглавленной «Развитие капитализма», конспективно излагает основные моменты развития капитализма в сельском хозяйстве Абхазии.

Подробно освещение этого вопроса в отношении проникновения в Абхазию российского финансового капитала в начале XX века выходит из рамок данной темы и является материалом последующих работ на тему «Революция 1905 года в Абхазии», и проч.

Эти темы разрабатываются сейчас ячейкой общества историков-марксистов при общественно-историческом секторе АНИИК.

Введение

История Абхазии XIX века есть история ожесточенной классовой и национальной борьбы.

Эта борьба была отражениемialectического развития производительных сил и процессов, сопровождающих это развитие.

Разложение феодализма и развитие новых капиталистических отношений в Абхазии, колониальное закабаление Абхазии русским капитализмом – все эти процессы, как в своеобразном историческом фокусе, легче всего увидеть в крестьянской реформе 1870 года.

Эта реформа и борьба вокруг нее со всеми вытекающими последствиями – как бы сгусток всей истории Абхазии XIX века.

Актуальность изучения этой темы не требует особых доказательств.

Почти все трудности, возникающие на пути социалистического строительства в Абхазии: низкий технико-экономический уровень народного хозяйства, слабое использование природных богатств, слабость землеустройства, низкий культурный уровень населения, бездорожье, наличие классово-враждебных элементов в деревне и т.д., и т.д., – все это имеет свои корни из той общественно-экономической системы, которая создалась в Абхазии в результате реформы 1870 года.

Наконец, история революционного движения в Абхазии может быть понята и осмысlena только лишь при условии изучения пореформенной экономики. О России Ленин прямо говорил, что «1861 год породил 1905 год» ... (Соб. соч., XV. С. 146).

Это целиком можно отнести и к Абхазии – стране еще более крестьянской, чем Россия. Реформа 1870 года и система эксплуатации, созданная ею, революционизировала массы абхазского крестьянства, породила мощное крестьянское движение в 1905 году и повернула крестьянство на

путь союза с рабочим классом, на путь пролетарской революции, победившей в Абхазии 4 марта 1921 года.

Целевая установка этой работы:

- 1) показать классовый характер крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии;
- 2) выяснить исторические силы, которые привели к крушению абхазского феодализма;
- 3) показать социальную сущность превращения Абхазии в колонию русского капитализма.

I. Абхазия в системе «кавказской политики» русского царизма

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ «КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ»

В XVIII веке Россия представляла собой государство крепостников-помещиков. Самодержавная власть царя опиралась на помещиков-дворян, интересы которых определяли направление политики царского правительства.

В эпоху политического расцвета самодержавно-крепостнического государства при царице Екатерине II русские помещики получили огромные земельные пространства на Украине.

Закрепощение украинских крестьян и колонизация пустующих земель на Северном берегу Черного моря (так называемая «Новороссия») была той основой, на которой могло быстро увеличиться производство хлеба в помещичьих хозяйствах. В то время, как на севере и в центральных районах России барщина уступила место оброку, на юге барские запашки сильно увеличивались.

Причем хлеб из южных районов производился уже не только для собственного натурального потребления, а главным образом, на продажу, причем значительная часть этого хлеба экспорттировалась за границу.

Рост хлебного экспорта определялся повышением спроса на хлеб на европейском рынке, вследствие промышленного переворота в Англии, по преимуществу.

Российские помещики требуют от самодержавия охраны их интересов, как экспортёров хлеба. Они требуют закрепления за собой тех торговых путей, по которым идет торговля хлебом.

Этими путями были, прежде всего, Черное море и его побережье.

Но ключи у Черного моря были в чужих руках. Проливы – Босфор и Дарданеллы – принадлежали Турции.

И вот борьба за овладение проливами, за монополию на Черном море становится к концу XVIII века узловым пунктом всей внешней политики самодержавно-крепостнической России.

Идеологически эта борьба освящается рассуждениями насчет «освобождения Царьграда» (Константинополя), практически выражается в войнах с Турцией царских генералов Потемкина, Румянцева, Суворова.

Сначала царское правительство видело дорогу к завоеванию проливов, в захвате Западного берега Черного моря: Бессарабии, Молдавии, Валахии, Болгарии. Но здесь борьба принимала затяжной характер и приносila осложнения во внешних отношениях с другими соседями, особенно с Австрией. А, кроме того, другие политические причины заставляют царскую Россию обратить внимание на Кавказ.

Этими другими причинами послужила связь с феодальной верхушкой кавказских народов.

Еще 24 июля 1783 года в городе Георгиевске русские чиновники подписали договор с грузинском царем Ираклием о том, что в области международной политики Грузия становится вассалом России.

Грузинские феодалы просили у царицы Екатерины II помочь в их борьбе с Персией и Турцией. Несколько раз царское правительство посыпало эту помощь в виде небольшого отряда русских войск (ген. Тотлебен), но незначительность этой помощи показывала нерешительность царских политиков в отношении Грузии и Кавказа. Они боялись трудностей нового «кавказского» курса во внешней политике и по-прежнему главное внимание уделяли Балканскому полуострову.

Только из порога XIX века, когда царь Павел I начинает попытки борьбы против Англии, путем завоевания Ближнего Востока и даже Индии, царское правительство укрепляет свои прежние связи с грузинскими феодалами.

В 1801 году, пользуясь феодальной враждой в Грузии, царское правительство России захватывает Грузию, превращая ее в административную единицу «Российской империи».

Вслед за, собственно, Грузией (Карталиней и Кахетией), последовал неожиданно легкий захват ослабевших феодальных владений – Имеретии, Аджарии, Гурии и др.

В 1803 году русские войска занимают Мингрелию, выходя, таким образом, на восточное побережье Черного моря. Эти захваты были звенями одной и той же цепи русской политики, имеющей целью овладение Черным морем и проливами.

Именно потому царское правительство сначала не считало нужным затрагивать области центрального Кавказа – Кабарду, Ингушетию, Осетию, Чечню и Дагестан.

Именно потому оно не обращало сначала внимания на общественно-экономическое устройство Грузии, полностью передав его в руки военного управления.

Именно потому оно стремилось укрепить и продвинуться сначала, главным образом, в Западном Закавказье – поближе к морю.

Грузия, Закавказье, Кавказ в целом нужен был сначала самодержавно-крепостнической России только как плацдарм для борьбы с Турцией за овладение проливами и Черным морем. Такую установку давали русские помещики-производители экспортного хлеба.

Правда, уже и тогда наиболее дальновидные политики и экономисты царской России, выражая мечтания и надежды слабого, только что зарождающегося промышленного капитала, высказывались о Закавказье, как о будущей сырьевой колонии для русской промышленности.

Так, еще в 1827 году министр финансов царского правительства, убежденный протекционист и один из провозвестников российского капитализма, граф Канкрин писал царю «на высочайшее благоусмотрение»: «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов.

Необходимо умножение сельского народного богатства края: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение шелководства, разведение хлопчатой бумаги, рису, масличных дерев и других предметов, климату свойственных» ... (См. «Обозрение российских владений за Кавказом». I. 1836).

Канкрин выдвигал, таким образом, целью экономическую программу, но она еще была слишком несвоевременна для кавказской политики русского царизма, политики определяемой исключительно интересами помещиков, но не промышленных капиталистов.

И еще долго эта программа Канкрина лежала под сукном, еще долго Закавказье было только ареной первоначального капиталистического накопления и военных завоеваний.

По крайней мере, еще в 1840 году генерал Раевский в своей докладной записке с сожалением вздыхал о том, что «по несчастью занимаясь исключительно военными действиями, мы весьма мало обратили внимания на торговлю с горцами и не знаем еще какие отрасли она может представить». (Акты Кав. Арх. ком., V).

Первоначальные цели захвата Грузии и Закавказья диктовались «дарданельской» политикой русского царизма. Кавказ не как самоцель, а как средство для захвата Черного моря и разгрома Турции – вот как рассматривали этот вопрос царские министры и генералы до 30–40-х годов, не думая всерьез о превращении Кавказа в сырьевую колонию. Ибо для этого не было предпосылок еще в самой России с ее крепостническим, помещичьим укладом народного хозяйства.

РУССКИЙ ЦАРИЗМ У ВОРОТ АБХАЗИИ

К началу XIX века Абхазия переживала эпоху феодализма. Феодализм в Абхазии сложился путем разложения рядового строя абхазских племен, происходившего на общем фоне феодализации бывшего абхазо-карталинского племенного государства.

Феодальное развитие Абхазии с XIII по XVIII век протекало очень медленно по причине слабого развития производительных сил, замедленного на протяжении столетий иноземным вмешательством и колонизаторскими захватами самого производительного района Абхазии – побережья. Характерной особенностью абхазского феодализма было, главным образом, наличие в феодальной системе элементов родового и

племенного строя, оказавших определенное влияние на экономику и общественные отношения.

Являясь типичным феодальным государством, Абхазия на пороге XIX века представляла собой страну с сильно ослабленной центральной властью. Страна была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и аамыста (дворян) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства. Каждое из феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода «государством в государстве».

Политическая власть владельца (наследственными владельцами Абхазии с XII века были князья Чачба-Шерваидзе) имела функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владелец («ах») регулировал внешний обмен, предоставляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войны и мира, используя военную силу зависимых от него феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления – взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, причем за всякие конфликты, произошедшие близ его резиденции, получал определенную пеню, все административные функции он осуществлял через своих «дружинников», личных, служилых дворян «ашнакма» и свою карательную, жандармско-гвардейского типа организацию – «кераз».

Владелец («ах») жил в сел. Лыхны. Личным владением его была бзыбская Абхазия – часть современного Гудаутского района. Родственники владельца (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келасури, Атара, Кутол, Очемчыры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов в отношении игнорирования и даже сопротивления владельцу. На пороге XIX века абжуйские (кодорские) Чачба – Алибей и Манучар – даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от аха.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Все они, находясь в вассальной зависимости от владельца, фактически были полными государями в пределах

своего владения и признавали власть владетеля («ах») лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодальными отношениями – Псху, Ахчи-Псху, джигетские («садзкуа») общины – Цан, Геч, Арто, и т.д., подчинялись власти владельца лишь名义ально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Феодалы находились между собой почти всегда в состоянии военной вражды, которая могла только временно замирать, чтобы в благоприятный момент вспыхнуть с новой силой. В XVIII веке развитие внешнего обмена, работорговли и рост товарных элементов в хозяйстве страны укрепили авторитет владельца и зародили в нем тенденции к абсолютизму. Носителем этих тенденций еще в первой половине XVIII века выступил «ах» Манучар Чачба, но он был предупрежден турками, которые удалили его путем инсценированного восстания во главе с Леваном Чачба.

Но в 1771 году Леван Чачба вместе с братом Зурабом сумел организовать налет на Сухум и выгнал оттуда турецкие войска.

Правда, вскоре подкупленный турецким золотом Леван передал Сухумскую крепость обратно туркам, но последние постарались устраниТЬ его, объявив владельцем Абхазии молодого Келеш-бея.

При поддержке турок Келеш-бей сильно укрепил центральную власть. Он явно покровительствовал купеческой торговле на побережье Абхазии, монополизировав главные пункты внешнего обмена: Гудави, Очемчиры, Келасури.

Он перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость и сильно поднял значение «ашнакма» и «кераз», стремясь иметь в своих руках постоянную вооруженную опору в борьбе с крупными феодалами.

Келеш-бей вел упорную борьбу с крупными тавадами и аамыста, стремясь полностью подчинить их своей власти. Известно, что он жестоко расправился с эшерскими владельцами Дзяпш-Ипа, разбил атарского феодала Бекир-бея Чачба, успешно подавлял сопротивление цабальских Маршания.

Кроме того, Келеш-бей принудил к выгодному для себя миру мингрельского владельца князя Григория Дадиани, закрепив за собой Самурзакань и захватив крепость Анаклию за Ингуром.

Во время этой борьбы с мингрельскими Дадианами Келеш-бей почувствовал у ворот Абхазии новую политическую силу – русский царизм.

Владетель Мингрелии Григорий Дадиани, чувствуя свое бессилие перед Келеш-беем, обратился в 1803 году за помощью к русскому военному командованию в Тифлисе. Русские генералы взяли на себя посредничество и начали переговоры с Келеш-беем в Анаклии. Во время этих переговоров произошел следующий случай. Случайным выстрелом был убит один из солдат русского отряда, находящегося близ Анаклии. Начальник русского отряда в ответ на это немедленно занял крепость. Переговоры были прерваны. Но русские власти не решались использовать этот случай для наступления на Абхазию, сознавая непрочность своего положения в Грузии, а также боясь вызвать дипломатические осложнения с Турцией.

Но в это время сам Келеш-бей пошел навстречу русскому царизму.

Желая укрепить завоеванный им среди абхазских феодалов авторитет, он начал мечтать и об освобождении от протектората Турции. Келеш-бей без сомнения недооценивал захватнические стремления царской России, думая, что она лишь борется против Турции, но не имеет тенденции к захвату Абхазии. Эта недооценка объясняется тем, что действительно в эти годы русский царизм был весьма еще слаб в Закавказье и действовал весьма осторожно и нерешительно.

После инцидента с Техор-пашой Трапезундским, который заключался в том, что Келеш-бей приютил у себя этого пашу, поднявшего мятеж против Стамбула, вызвав этим неудовольствие турецкого правительства, «Рубикон был перейден». Келеш-бей начинает секретные переговоры с царским генералом Цициановым (через поручика Амираджабова), надеясь опереться на Россию в борьбе с Турцией. Русское командование возвращает Абхазии крепость Анаклию (в 1806 году).

Однако переговоры затягиваются благодаря нерешительности русских политиков, но в этот момент наступает неожиданная развязка. В 1808 году Келеш-бей был убит своим сыном Асланом.

Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келеш-бея.

К этому времени русское военное командование более или менее закрепилось не только в восточной Грузии, но и в Мингрелии, имея

опорный пункт на побережье в Редут-кале (близ Поти), где находился сильный русский гарнизон. После смерти Келеш-бея в Абхазии началась феодальная реакция. Крупные феодалы, приняв участие в борьбе за власть сыновей Келешбея, Сефер-бея и Аслан-бея, быстро восстановили свои права, ущемленные Келеш-беем. После двух лет неудачной борьбы за власть Сефер-бей Чачба через своего родственника Григория Дадиани начал переговоры с русскими властями. В результате этого, 9 июня 1810 года, вскоре после занятия Поти, русский десант занял Сухум-кале, выбив оттуда после упорного боя турецкий гарнизон.

Сефер-бей тогда же обратился к русскому главнокомандующему в Грузии графу Тормасову с просьбой передать русскому царю заявление о желании его перейти под «покровительство» России.

Так русский царизм перешагнул рубеж Абхазии после ряда сомнений и колебаний. Этот шаг был продолжением наступления русского царизма через Грузию на побережье Черного моря с целью борьбы с Турцией за проливы – торговые пути для помещичьего хлебного экспорта.

II. Блок русского царизма с абхазскими феодалами

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В первые десятилетия XIX века русский царизм рассматривал Закавказье как плацдарм для борьбы с Турцией.

В Закавказье господствовало военное управление, политическая линия которого внутри страны целиком обусловливала положением на боевых фронтах. Русский царизм стремился вначале только закрепить за собой важнейшие военно-стратегические пункты, почти не вмешиваясь в систему установившихся еще до него общественно-экономических отношений.

Заняв в 1810 году сухумскую крепость, русское военное командование не решалось двигаться далее вглубь Абхазии, не обращая внимания на просьбы Сефер-бея Чачба о поддержке его против абхазских феода-

лов. Пассивность эта в значительной мере объяснялась и общей политической ситуацией (положением) царской России – война с наполеоновской Францией отвлекала правительство от восточной политики.

В Абхазии в это время продолжалась беспрерывная и жестокая борьба между феодалами, которые окончательно свели к нулю значение владетеля Сефер-бея, находившегося большой частью или в Сухуме, под защитой русских штыков, или в Мингрелии у Дадиани. Последний был его союзником в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, причем сумел в виде вознаграждения за поддержку владельцу захватить Самурзакань.

Видя безуспешность и безнадежность своей политики в Абхазии, царское правительство к 1820 году решило совсем увести русские войска из Абхазии.

И если Сухум-кале не был оставлен, то только благодаря резким возражениям главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова, грозившего отставкой в случае оставления Сухума – «нашего единственного опорного пункта на восточном берегу Черного моря».

Дальновидный политик и неплохой стратег Ермолов, будучи жестоким палачом для кавказских народов, был одновременно преданнейшим слугой русского царизма. Он понимал огромное военно-политическое значение Абхазии для «завоевания Кавказа» в целом.

В этот первый период до 1830–1840 годов «непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что было целью для португальцев и голландцев XVII века – «прямой грабеж» ... (М. Покровский).

Закавказье, в том числе и Абхазия, было в этот период ареной первоначального капиталистического накопления.

Страна целые десятилетия была на военном положении. Русские войска кормились за счет местных жителей – главным образом, трудового крестьянства, и без того эксплуатируемого своими собственными феодалами.

Возможность бесконтрольного хозяйствования, легкой наживы, полный произвол в управлении, быстрое продвижение в чинах, возможность безотчетно обворовывать государственную казну привлекали на Кавказ всякого рода авантюристов, манили все отбросы загнивающего дворянского общества царской России. Попавшие в опалу генералы и офицеры,

проводившиеся интенданты, предприимчивые артельщики и подрядчики, разорившиеся дворяне и т.п. – все эти «рыцари первоначального накопления» действительно мало чем отличались от испанских и португальских конкистадоров.

В системе военно-административного управления господствовали взятки, подлоги, подкупы, интриги. «Лихие» налеты, бандитские нападения, открытый грабеж, насилия, обман, надувательство – таковы были методы «административного воздействия» русского управления на местное население. Эти «красочные» приемы тесно увязывались с методами разжигания междунациональной вражды и стравливания различных народностей многонационального Кавказа. Эти установки давало генералам и администраторам само царское правительство. Еще Екатерина II писала на Кавказ генералу Медему: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть».

(Дело шло о натравливании друг на друга ингушей и чеченцев, но это были «цветочки» по сравнению с «ягодками», которые произросли в XIX веке в Грузии и Азербайджане: грузино-армянская и армяно-татарская резня и т.д. В Абхазии: искусвенное воспламенение вражды между абхазами и черкесами и т.д.).

Подвергшиеся чудовищной эксплуатации грузинские, тюркские, абхазские крестьяне намеренно провоцировались на восстания и мятежи. Последние подавлялись со зверской жестокостью. Истреблялись тысячи людей, включая детей и женщин, сжигались целые селения, сотни гектаров цветущих полей и садов обращались в пустыню...

Исторические документы – донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестрят выражениями:

«уничтожено два аула» ...

«мятежники истреблены» ...

«сжег и не оставил камня на камне от сего разбойнического гнезда» ...

Незабываемым ужасом, запахом дыма и крови веет от этих документов.

Вот, например, что писал в 1803 г. русский генерал (потомок грузинских феодалов) князь Цицианов крестьянам Закатальского района, не выплатившим возложенной на них контрибуции:

«Не обманите меня другой раз. Истреблю Вас с лица земли и не увидите Вы своих селений. Пойду с пламенем... и спалю все то, что не займут войсками, и водворюсь навсегда в вашей земле. Знайте, что писав сие письмо к Вам, неблагодарным, кровь моя кипит как вода в кotle, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к Вам пошлю, а сам пойду. Землю покрою кровью Вашей и она покраснеет. Но вы, яко зайцы, уйдете в ущелье, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи пооколеете».

Так огнем и мечом все эти Ермоловы, Цициановы, Воронцовы, с шайкой разбойников, авантюристов, героев подлости, насилия и грабежа – расчищали в Закавказье пути для будущего шествия российского капитала.

Эти их действия, конечно, идеализировались патриотическими великодержавными писателями и поэтами под флагом «покорения и замирения Кавказа», насаждения «культурности и порядка», «благоустройства доселе дикого края».

Даже лучшие люди тогдашней царской России, как Пушкин, не раз бичевавший гнет самодержавия оправдал подлую колониальную политику царизма, проявив здесь подлинную классовую сущность русского дворянина-великодержавника.

Вот как опоэтизовал он «рыцарей первоначального накопления» в заключительных строфах «Кавказского пленника», позорящих все творчество великого поэта:

«И воспою тот славный час,
Когда почужа бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый,
Когда на Тerekе седом
Впервые грянул битвы гром

И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда не мчался ты грозой,
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена ...
... Но все Восток подъемлет вой.
Поникни снежною головой,
Смирись Кавказ – идет Ермолов.
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно».

Неудивительно, что если, по словам Пушкина, целые племена уничтожались русскими генералами, то результатом этих процессов первоначального накопления мы наблюдаем общее падение (деградацию) народного хозяйства в областях, завоеванных русским царизмом. Лучше всего это можно видеть на примере Сухума.

В 1840 году царский генерал Раевский, которого нельзя заподозрить в сгущении красок, писал о Сухуме:

«Во время владения турок, 3.000 семей составляли население города, окружавшего крепость. В нем находились плодородные сады и многочисленные базары. Сухум был богатый, здоровый, веселый, торговый город, на лучшей бухте Закавказского края. Ручей Чандар, разделенный по канавам, одетым камнями, везде давал свежую воду для орошения садов и других потребностей жителей...

Вот настоящее его положение: народонаселение разбежалось, сады вырублены, строения до единого развалились, крепостные стены треснули и грозят падением ... Канавы, по которым стекала вода, развалились и заросли кустарником. Гнилая вода, в которой тлеют развалины домов, не имеет ската и остается до тех пор, пока не испарится от сильной жары. Для довершения всего, не далее, как в прошлом году, я нашел, что крепостной ров, едва ли чищенный со времени занятия нами Сухума, на-

полнился всеми нечистотами крепости, которые бросались туда через амбразуры и, наконец, находясь в беспрестанном брожении, наполняли воздух гнилыми испарениями» ... (Акт, V).

Если такую картину представлял военно-административный центр – Сухум, то можно себе представить положение остальной страны, служащей ареной беспрерывных феодальных войн и карательных экспедиций. Население покидало самые производительные районы Абхазии, посевы сокращались, скот уменьшался. Участились неурожай и массовые голода. Внешняя торговля упала.

Так агенты русского торгового капитала подготовили в Абхазии почву для нового капиталистического способа производства.

СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА РУССКОГО ЦАРИЗМА В АБХАЗИИ

Классовая сущность колониальной политики русского царизма настолько очевидна, что вряд ли нуждается в особых доказательствах.

Царизм был системой принуждения и господства крепостников-помещиков. Царь – был «первый помещик» в самодержавном Российском государстве. Политика самодержавия полностью соответствовала классовым интересам крепостников-помещиков.

Ярче всего эта классовая сущность царизма проявлялась во внешней «завоевательной» политике. Недаром Ленин метко окрестил русский царизм терминами **«военно-феодального империализма»**.

Ленин ставил знак равенства между «царизмом» и «военно-феодальным империализмом» (см. ст. «О двух линиях революции». Соб. соч. Т. XIII. С. 214) именно для того, чтобы подчеркнуть классовую феодально-крепостническую сущность всей политики русского самодержавия.

Даже впоследствии, когда «военно-феодальный империализм» перерастал уже в подлинный буржуазный империализм (который мы понимаем как особую общественно-экономическую формацию, как «новейший этап капитализма») Ленин указал, что «в России новейше-капиталистический империализм оплетен густой сетью отношений до-капиталистических» ... (Империализм. XIII. С. 299).

«Военно-феодальный империализм» русского самодержавия характеризуется, прежде всего и главным образом тем, что он в своей захватнической политике стремился опереться и заключить тесный союз с феодальной верхушкой завоеванных стран.

Результатом этого являлось то, что всюду, где закреплялся русский царизм, началось насаждение и усиление крепостного нрава. Так было в Прибалтике, Украине, Башкирии, Туркестане и, конечно, в Закавказье.

Везде и всюду русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление.

Процессы первоначального накопления и эксплуатации растущего и денежного капитала прекрасно уживались и сочетались с формами и методами крепостничества.

И прав Сталин, когда он говорит, что осью политической жизни Российской империи был «не национальный вопрос, а аграрный». (Сталин. Марксизм и нац. вопрос).

Национальная политика русского «военно-феодального империализма» была сугубо классовой политикой самодержавно-крепостнического, помещичье-дворянского государства.

Военные успехи и политические победы русского царизма на Кавказе объяснялись именно тем, что местные феодалы шли навстречу, помогали «военно-феодальному империализму» в его колониальной политике. Ведь как раз там, где феодальные элементы отсутствовали или были очень слабы, например, в Чечне, Дагестане. В. Сванетии, в горной Абхазии (Псху, Ахчи-Псху, Джигетии) завоевательная политика русского царизма имела больше всего неудач и препятствий. Ибо в этих областях «военно-феодальный империализм» не находил соответствующей социальной опоры.

На примере истории Абхазии как нельзя лучше видно, как феодалы продавали национальную независимость своей страны ради классового своего благополучия, ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом».

В 1810 году номинальный владетель Абхазии Сефер-бей Чачба, боясь лишиться львиной доли в эксплуатации абхазского крестьянства, благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами, обращается че-

рез русского генерала Тормасова к царю Александру I со следующими «просительными пунктами»:

«Всеавгустейшему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим через сие письмо следующим образом:

1. Я – законный наследник и владетель Абхазии по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего Самодержца всея России.

2. Предаю вместе с собой Абхазию и все находящееся в ней в наследственное подданство и рабство престолу всероссийскому» ...

Далее, пункт 4-й содержал просьбу о «пожаловании грамоты о праве наследования», пункт 5-й – «об ограждении войсками императора» в борьбе с непокорными вассалами, пункт 6-й выражал надежду, что Сефер-бей «не будет лишен тех выгод и милостей, кои имел владетель абхазский Келеш-бей, получавший от Порты Оттоманской (Турции) ежегодное жалованье»; пункт 7-й обещал «покорность главнокомандующему Грузией (русскому генералу) и отпуск леса (русским купцам) с уделением, однако, некоторой части доходов владетелю».

Эти «просительные пункты», написанные Сефер-беем под диктовку русского чиновника, не требуют комментариев, настолько ясно здесь выступает физиономия феодального хищника и эксплуататора.

«Первый помещик» крепостнической России – царь Александр I – понял «первого помещика» феодальной Абхазии.

9 августа 1810 года царь утвердил эти «просительные пункты» и «пожаловал» Сефер-бею грамоту о «назначении его владетелем Абхазии».

Князь Чачба (Шервашидзе) открыл двери в Абхазию русскому «военно-феодальному империализму».

Последний не забыл этой услуги, укрепляя впоследствии их авторитет и делясь с ними грабительской добычей, получаемой от эксплуатации трудящихся масс Абхазии. (Даже после того, как в 1864 году князья Чачба были лишены политической власти, они остались в Абхазии крупными помещиками, получив от русского царя титул «светлейших князей»).

Неудивительно, что национальная борьба Абхазии против русского царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс

крестьянства против владельца и крупных феодалов, продававшихся русскому царю.

7 февраля 1821 года умер Сефер-бей Чачба (Шервашидзе), а 11 сентября того же года вспыхнуло восстание, правда, организованное турецким агентом Аслан-беем, но имевшее характер национального крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников – феодалов Чачба. Ведущую роль в этом восстании имели сельские общины племен: псху, ахчи-псху, джигетов (садзов) и убыхов.

На помощь осажденному ими сухумскому русскому гарнизону двинулся карательный отряд царского генерала Горчакова из Имеретии. После упорного боя на р. Кодор повстанцы были разбиты.

Движение замерло.

Царский генерал Горчаков привез в Абхазию нового «владельца» – Дмитрия (Омар-бея) – сына Сефера, с малолетства воспитывавшегося в пажеском корпусе в Петербурге.

Дмитрий Чачба должен был служить ширмой для хозяйственания в Абхазии русских генералов. Он и в самом деле был только пешкой в политической игре, какую вели в Абхазии царское правительство.

Последнее утвердило его «владельцем Абхазии», но он был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем, забыв даже свой родной язык.

В Абхазии Дмитрий жил в сухумской крепости под охраной русских штыков, не пользуясь никаким авторитетом среди абхазских феодалов, ненавидимый крестьянством, как раб царских захватчиков.

Через год, 16 октября 1822 года, он умер, отравленный по преданию одним крестьянином из фамилии Лакоба.

Титул «владельца» был передан царским правительством брату Дмитрия – Михаилу (Хамуд-бею) Чачба.

Вспыхнувшее вслед за этим мощное национальное движение принудило нового «владельца» удрать из Абхазии в Грузию под защиту царских генералов и мингрельских князей. Появившись через три года в Абхазии, Хамуд-бей (Михаил) подвергнулся в Лыхнах нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбивших это нападение с большими для себя потерями.

Этот факт показал царским генералам, что необходимо во что бы то ни стало укрепить авторитет владетеля, хотя бы при помощи штыков.

Михаил был увезен в Тифлис, там ему царские чиновники дали соответствующее политическое воспитание в духе «военно-феодального империализма». Михаил получил чин майора, а потом полковника, получил пожизненное жалованье от царского правительства.

Царские генералы и чиновники приложили все старания, чтобы сделать его своим верным союзником и рабом-исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 году царская Россия заключила выгодный для себя мир с Турцией, получив от последней права на овладение устьем Дуная и кавказского побережья Черного моря.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «кавказскую» политику, царское правительство становится более решительным в отношении Абхазии и Чечни.

Царский генерал Паскевич в 1830 году посыпал большой отряд русских войск для возведения укреплений на побережье Абхазии в Бомборах, Пицунде и Гаграх, где были оставлены русские гарнизоны. С этим отрядом прибыл в Абхазию и Михаил, поселившись в Лыхны под наблюдением и охраной русского гарнизона в Бомборах (4 км от Лыхны).

В апреле 1830 года царские генералы собрали в сел. Мерхеулы представителей сословий от дворян и «чистых» крестьян (анхаю) и привели их к присяге владетелю. Как бы в ответ на это, кадорские крестьяне устроили нападение на Илорский монастырь и сожгли дом, принадлежащий владетелю.

Для укрепления авторитета владетеля царский генерал Розен в 1837 г. провел карательную экспедицию в Цабал для примирения Михаила (Хамуд-бея) Чачба с тавадами Маршания.

В это же время было сломлено сопротивление эшерских феодалов Дзяпши-Ипа – давнишних врагов Чачба. В 1840 г. были построены укрепления в Драндах и Илори с целью подчинения кадорских феодалов. Еще раньше того царские генералы помогли Михаилу справиться с бзыбским феодалом Нарча Инал-Ипа.

То, что царские политики действовали в Абхазии от имени Михаила (Хамуд-бея) Чачба объяснялось слабостью русского царизма и желанием его найти себе социальную опору внутри самой Абхазии.

Об этом говорят в своих воспоминаниях и сами царские генералы и чиновники, например, генерал Филипсон (см. «Рус. архив». 1884. С. 354).

Этот же Филипсон подчеркивает, что «При Раевском (к 1840 г.) все изменилось... Он сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии... (С. 209).

Характерно также великолдержавно-презрительное отношение царского генерала к владетелю и его феодалам: Филипсон называет Михаила и абхазских князей «своловочью, которая была нужна только по политическим соображениям» ... (С. 211).

Укрепление авторитета владетеля, стремление сделать из него абсолютного монарха, хотя и вассала русского царя, вызвало сопротивление крупных тавадов и аамыста. Некоторые царские чиновники считали, что здесь был допущен даже известный перегиб. Во всяком случае, в 1840-х годах мы наблюдаем, что царское правительство, укрепив авторитет Михаила (Хамуд-бея) Чачба, старается привлечь и других феодалов – дворян и князей (товари-амистей). Царский ревизор, сенатор Мечников, еще в 1831 году писал из Тифлиса министру юстиции:

«Помещики в Грузии составляют самую лучшую и верную помощь, какую правительство наше может иметь» ...

А в 1840 году царский наместник на Кавказе граф Воронцов пишет:

«Только одно аристократическое начало может побороть то сопротивление (со стороны трудящихся кавказских национальностей. – А.Ф.), против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплота противопоставлено не было» ...

И впоследствии, инструктируя русских генералов и чиновников, этот же Воронцов говорит в 1846 г.:

«Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных» ...

Это «ограждение и укрепление прав» феодального дворянства выражалось внешне в щедрой раздаче чинов, титулов, орденов, наград от-

дельным, наиболее влиятельным феодалам. Хамуд-бей Чачба получил чин генерал-лейтенанта, келасурский феодал Хасан Чачба – чин поручика, аамыста (дворянин) Кац Маан был сделан генерал-майором, его брат Хасан Маан – поручиком, Батал-бей Маршания – майором. Аамыста (дворянин) Званбая, поступивший на службу в русскую армию, быстро продвигался в чинах и в 1840 г. получил орден «св. Станислава» и «св. Анны» с бантом, а также «высочайшую благодарность» от царя Николая I.

Но если наиболее видные тавады и аамыста (князья и дворяне) покупались царским правительством за чины и награды, то все абхазские феодалы превращались в оплот русского царизма, благодаря укреплению их эксплуататорских прав над крестьянством.

Русские чиновники стремились перенести целиком в Закавказье общественные отношения крепостнической России. Они раскалывали «законы царя Вахтанга» и на основании ст. 260 этих законов 1710 г., гласившей о том, что «крестьянин, как и все, что у него есть, принадлежит господину», писали царскому правительству докладные записки такого характера:

«Грузинское крепостное право, в существе своем не различающее с таковым правом Российского дворянства, сольется с оным, и зависимость крестьян от помещиков установится на одних и тех же главных и прочих основаниях» ... (См. акты Кавк. арх. ком., VII, стр. 44).

До XIX века в феодальной Абхазии крепостное право не получило большого развития, вследствие обширности земельных пространств и слабости с.-хоз. техники, а также по причине наличия тормозивших это развитие элементов родового строя в системе абхазского феодализма. Крепостная зависимость в феодальной Абхазии распространялась лишь на одну группу крестьян («ахую»), представлявших собой прикрепленных к земле рабов («ахашала», «атэы»).

Основная же масса абхазского крестьянства – наиболее многочисленная группа («анхаю») – находилась в зависимых, не свободных отношениях, но не была прикреплена к земле. Теперь, благодаря стараниям царских генералов и чиновников, усиливаются крепостнические барщинные элементы феодальной зависимости.

Если ранее крестьяне-анхаю только 1 день в году выходили на поля князя «помогать» в уборке кукурузы и т.д., то теперь эта «помощь» достигает 3–5 дней полевой работы.

Росли и натуральные повинности. Если раньше делались приношения лишь на Пасху и Рождество, и в любом количестве, то теперь эти приношения нормируются в смысле установления сроков и размеров: сколько-то акалат кукурузы, столько-то абхалов вина и т.д.

Появились и денежные повинности, чего раньше не было. Почти совершенно исчезли свободные, ни от кого не зависимые крестьяне, так как в случае их нежелания стать в зависимые отношения, абхазский князь-тавад обвинял их в «крамоле» и натравливал на них карательные отряды царских солдат.

Абхазский феодал становился крепостником-помещиком, одновременно являясь надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике.

Конечно, усиление феодально-крепостнического гнета, наряду с поборами и грабежами царских генералов, вызывали классовое сопротивление со стороны абхазского крестьянства. Если в 20-х годах XIX века мы еще видим во главе народных мятежей дворян (аамыста) и князей (атавадов), то в 40-х годах эти «вожди» окончательно изменяют борьбе за национальную независимость Абхазии. Эта борьба становится классовой борьбой абхазского крестьянства не только против русского «военно-феодального имперализма», но и против его союзников – абхазских феодалов.

Ярким примером этого является восстание 1840 года цабальских, дальских, кодорских крестьян.

Вождем этого восстания был крестьянин Измаил Джопуа. Восстание это было жестоко подавлено русскими генералами при участии тавадов Чачба и их «ашнакма», тавадов Маршания и др.

Побережье Абхазии после 1840 года было «покорено» благодаря активной поддержке местных феодалов русского царизма.

Борьба перенеслась в горные районы, где феодальные элементы были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее. Дальцы, псхувцы, ахипсхувцы, садзы, убыхи продолжили вести настоящую войну

не только с русскими войсками, но и с феодальными «ополчениями» тавадов и аамыста. Особенно доставалось от них бзыбским феодалам – Манам, Званбая и самому лыхненскому владетелю – Хамуд-бею Чачба.

Для анализа классовой борьбы в Абхазии характерен еще один интересный факт.

В первые десятилетия XIX века среди русских солдат было развито массовое дезертирство. Причиной этого была, прежде всего, невероятная тяжесть армейской службы.

Срок службы был 25 лет.

Все это время солдат был только «пушечным мясом», подвергаясь жестоким издевательствам со стороны офицеров и генералов. Наказания палками, розгами, шомполами, избиения, зуботычины, плевки были обычным явлением в русской армии.

С другой стороны, и обстановка службы солдата на Кавказе была во много раз тяжелее обычной.

Очевидцы пишут в своих воспоминаниях:

«Сухумская крепость казалась каменным гробом. Нельзя было встретить ни одного свежего, здорового лица ...

В Сухум ежегодно посыпалось 16 проц. штатного числа нижних чинов (солдат. – А.Ф.) на укомплектование, т.е., средняя жизнь считалась там почти в шесть лет». (Филиппсон. С. 211).

Это о Сухуме, а вот что пишет писатель Бестужев-Марлинский в 1831 году:

«Имя “Гагры” однозначуще со смертным приговором. Полтора комплекта солдат умирает ежегодно от ран и болезней».

И, наконец, самое главное, что Кавказская армия комплектовалась чаще всего солдатами, чем-нибудь «проштрафившимися» перед начальством: «грубиянами», «крамольниками», «непокорными» и т.д.

Так, например, солдаты восставших полков, принявших участие в движении декабристов в 1825–1826 гг., были сосланы в Кавказскую армию.

Значит, в целом политico-моральное настроение солдат Кавказской армии было «весъма неудовлетворительно» с точки зрения их начальников. Отсюда – массовое дезертирство.

Дезертиры не могли, конечно, добраться до родины – поэтому они бежали в горы к абхазам и черкесам. И так была велика их ненависть к царизму, что они не раз принимали активное участие в борьбе абхазских крестьян, бок о бок сражаясь с ними против русских карательных отрядов. В донесениях царских генералов есть такие сведения: ген. Розен пишет в 1837 году, что в Цабале было «обнаружено 150 беглых солдат»; ген. Головин пишет после экспедиции в Дал в 1842 году, что ему удалось вернуть 111 «пленных» русских солдат, но добавляет: «оны, частью, во все забыли свой язык, отступили от христианской веры и совершенно от русских обычаев, имеют свои семейства (женились на абхазках. – А.Ф.) и детей, рожденных в мухамеданстве».

Вот, оказывается, как подлинная классовая история выворачивает наизнанку сюжеты поэм Пушкина и Лермонтова о «Кавказском пленнике».

Приведенные факты о дезертирах – беглых русских солдатах, вошедших в трудовую семью абхазского крестьянства и деливших с ним борьбу и гибель от наступавшего русского царизма, – говорят о многом. Они говорят о том, что интересы абхазских крестьян полностью совпадали с интересами русских крепостных, хотя и одетых в солдатские мундиры.

Они говорят о великой интернациональной солидарности трудящихся всех стран и наций в их классовой борьбе против угнетателей и эксплуататоров.

И если крепок был союз абхазских феодалов с русскими помещиками, то еще крепче оказалась интернациональная спайка трудящихся.

В 1917 году русские рабочие и крестьяне свергнули гнет своих помещиков и капиталистов.

В 1921 году русские красноармейцы помогли абхазской бедноте освободиться от гнета феодально-буржуазной эксплуатации.

В этом – великая мощь пролетарского интернационализма.

III. Классовая сущность реформы

РОСТ ТОРГОВО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие производительных сил в царской России приводило к тому, что в недрах старого крепостнического общества зрели новые отношения – капиталистические. Характеризуя Россию дореформенного периода, Ленин говорит:

«В крепостном обществе, по мере развития торговли, по мере развития денежного обращения возникал новый класс – класс капиталистов» (Новые статьи и письма. С. 98).

И дальше Ленин указывает, что в крепостном обществе «был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» (там же, С.143). Торговый и денежный капитал, «бывший всегда и везде первичной формой капитала» (Ленин. Соч. Т. I. С. 346), начинает оказывать значительное влияние через связанную с ним бюрократию на внешнюю и колониальную политику царизма. Тем более, что интересы торгового капитала в этом соответствовали интересам крупных помещиков – производителей экспортного хлеба.

Так же, как и английские купцы XVIII века, требовавшие «государственной охраны и монополий» (Архив Маркса и Энгельса. Т. I. С. 239), русский торговый капитал стремился добиться от царского правительства покровительственных, протекционистских мероприятий.

И он этого добивался с успехом. Правда, сначала таможенный тариф 1822 года не был распространен на Закавказье, т.к. содержание большой армии и администрации в условиях оторванности края от центральной России (тяжелые транспортные условия) обходилось дешевле за счет ввоза товаров из-за границы.

Но уже в 1831 году Закавказье было включено в общую таможенную систему и российский торговый капитал, таким образом, мог не бояться конкуренции иностранных товаров. В 1830 году в Тифлисе образуется «Торговая акционерная компания» русских фабрикантов. Закавказье начинает превращаться в рынок сбыта для русской промышленности.

Но в Абхазии русский торговый капитал не сразу занял монопольное положение. Защитная таможенная политика (закон 1831 года) сводилась

почти на нет оживлением морской контрабанды. Турецкие и английские купцы, снабжавшие товарами абхазское и черкесское побережье до 1831 года, не хотели примириться с потерей этого немаловажного рынка.

В Трапезунде в 1830 году образуется английская торговая компания. Потеряв в результате русского таможенного закона 1831 года транзитный путь через Грузию и весь кавказский рынок, эта компания принуждена была направить свою торговлю по другому пути: через турецкую Армению (Эрзерум) в Персию, но одновременно перешла и к контрабандной торговле.

Ежегодно в Сухум с берегов Анатолии прибывало до 70 крупных турецких судов. В Сухуме с 1832 года существовала русская таможенная застава, но пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что не могла помешать этим судам до захода в Сухум выгружать контрабандные товары в укромных местах: близ Очемчир, в устье реки Дгамыш, в устье реки Кодора и пр.

Успех контрабанды объяснялся тем, что привозимые морем на берег Абхазии иностранные товары были дешевле тех русских товаров, которые шли тысячами верст по Волге (с Нижегородской ярмарки), а затем на вьюках («чаландары») по калмыцкой степи и Военно-Грузинской дороге в Тифлис, а оттуда через всю Грузию и Мингрелию – в Абхазию.

При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а турецкие обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т.п., что было выгоднее для абхазских крестьян и даже феодалов.

Тем не менее, русская торговля, охраняемая таможенными пошлинами и пограничной стражей, постепенно росла и в Абхазии.

Наряду с ввозом русских товаров усиливался и вывоз абхазского сырья. Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

В 1849 году вывезено 16.480 пудов.

В 1850 году вывезено 52.788 пудов.

В 1851 году вывезено 64.825 пудов.

О росте русской торговли на побережье Абхазии очень заботились царские генералы и чиновники.

Еще в 1836 году Государственный Совет в присутствии царя Николая I занимался вопросами «закавказской торговли».

Вот что говорится в резолюции Государственного Совета от 11-го мая 1836 года:

«Наше купечество доселе еще не обратило торговых видов своих на Персию и Азиатскую Россию в том пространстве, какого требовала бы наша собственная польза, и чему так сильно содействует близость наша и удобство торговых путей...

...Ясно видно мудрое намерение наших государей – намерение наибольшее раскрытое в прошедшее и настоящее царствование, когда пролагая оружием новые пути для торговли нашей на Восток, в то же время правительство постановляло внутренние меры, дабы упрочить самобытности коммерческого нашего сословия, возводить в нем дух предприимчивости и торгового честолюбия и утвердить независимость внешней торговли нашей от иностранцев». (Цит. по Раб. кн. по обществ., 1930. С. 476).

Эти общие правительственные установки в отношении развития русской торговли конкретизировались кавказскими царскими администрациями. Ген. Головин в докладной записке на имя министра Чернышева от 28 мая 1842 года пишет:

«Восточный берег Черного моря, усеянный когда-то цветущими колониями греков и генуэзцев, представляется страной особенной важности в торговом отношении... Для скорейшего упрочения нашего владычества на этом берегу необходимо учредить торговые сношения между нами и Южной Россией» ... (Акты, VII).

Дальше, перечисляя льготы, какие надо установить для русских купцов на побережье, Головин заключает:

«Мне остается доложить насчет избрания главного пункта этой торговли. Пункт этот должен быть Сухум-Кале...

К сожалению, сейчас... для русского купечества Сухум не существует... Препятствуя турецкой торговле мы не заменили ее русской».

Ярко выраженное покровительство царского правительства русской торговле вызвало осложнения во внешней политике, особенно с Англией.

Установление таможенных границ 1831 года и закрытие Закавказья для иностранных товаров причинило большой ущерб английской торговле. Англичане исчисляли убыток от этого в $3\frac{1}{2}$ миллиона фунтов стерлингов (35 миллионов рублей).

Неудивительно, что Англия поэтому начинает стремиться к обострению отношений между Турцией и Россией.

Английский посол в Стамбуле Стратфорд Коннинг оказывает большое влияние на турецкое министерство.

Секретарь английского посольства Уркарт в 1834 году отправляется в «командировку» к черкесам для подготовки восстания в случае войны с Россией.

В 1836 году английский купец Джемс Белль привез абхазам и черкесам соль, свинец, порох, кремни и пр. на судне «Виксон». В 1839 году англичанин Лонгуорт (сотрудник крупной лондонской газеты) перевез им же порох и свинец.

Все эти факты говорили о назревавшей войне. В 1853 году война началась. Вслед за Турцией русскому царизму объявили войну Англия, Франция и Сардиния.

Начавшаяся война подняла крестьянство горной Абхазии и Черкесии. Воспрянувший духом вождь демократического Дагестана и Чечни Шамиль прислал в Абхазию своего наиба Магомета Эмина для организации всеобщего восстания. Русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант союзников (турок и англо-французов), с гор – восставшие массы абхазов и черкесов.

В 1854 году «Черкесская береговая линия» была ликвидирована – царское правительство вынуждено было вывести свои войска из Абхазии.

Осенью 1854 года в Сухуме высадился турецкий десант.

Абхазские феодалы во главе с Михаилом (Хамуд-беем) Чачба поспешили заключить союз с новыми хозяевами побережья. Турецкий главнокомандующий Омер-паша утвердил Хамуд-бея «вассалом Порты» (Турции) и назначил его «начальником всех укреплений от Анапы до Батуми».

Хамуд-бей со своими абхазскими отрядами помог войскам Омера-паши продвинуться в Мингрелию. Абхазское крестьянство везде поддерживало турецкую армию, встречая ее, как освободительницу от ненавистного великодержавного гнета русского царизма.

Однако радость национального освобождения была недолгой: в 1855 году, по окончании войны, турецкие войска оставили Абхазию. Русский

царизм по условиям мирного договора сохранил свои права на Черноморское побережье, и Хамуд-бею и его тавадам не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис, «извиняться» и «каяться» в своей измене царскому правительству.

Побережье Абхазии вновь было занято русскими войсками. Национально-крестьянское движение замерло. Но оно не было разгромлено окончательно. Царизм только готовился к решительному акту окончательного превращения Абхазии в колонию российского капитала.

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ

Поражение русского царизма в Крымской войне 1853–1855 гг. и неудача в захвате внешних рынков заставили русский капитал усилить расширение внутренних рынков.

В конце 50-х гг. усиливается стремление царизма превратить Абхазию в колониальной рынок сырья и сбыта для русской промышленности.

Но для превращения Абхазии в сырьевую колонию, надо было:

1. Прочно утвердиться в стране, лишив ее окончательно политической независимости или автономии, хотя бы номинальной.

2. Разрушить натуральные формы хозяйства, переведя его на торговово-капиталистические рельсы.

Первое условие достигалось уничтожением политической власти крупных абхазских феодалов, введением русской администрации, «покорением» еще сохранившихся горных районов, экспроприацией (захватом) земель и русской колонизацией.

Второе условие осуществлялось проведением крестьянской реформы и ее последствиями.

Царские генералы после войны 1853–1855 гг. переходят к решительным мерам. Обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф в записке от 23 декабря 1856 года пишет:

«Занимая вновь Абхазию, нам должно определить, предполагаем ли мы прочно в ней утвердиться или имеется в виду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, как это было в минувшую войну» ... (Акты, VII).

Карлгоф ставит вопрос ребром: «или – или». Его поддерживает другой генерал – командующий войсками Правого крыла Кавказской линии ген. Филипсон, который 13 мая 1859 года докладывает:

«Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: так же наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен.

Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею» (Там же).

«Занимаем, но не владеем» – это была меткая характеристика положения русского царизма в Абхазии.

И вот, чтобы «овладеть» Абхазией, царское правительство решает, прежде всего, устранить владетеля. Хамуд-бей – это подставная пешка сыграла свою роль. Больше он был не нужен. И даже больше того – он мешал русскому царизму своими феодальными интересами, личной своей враждой с тавадами он не раз путал карты царских политиков. К тому же теперь был хороший повод для устраниния владетеля – это его измена русскому царизму во время войны 1853–1855 гг. и тайные переговоры его с турецким правительством.

Осенью 1864 года генерал Шатилов прибыл в Очемчиры, вызвал к себе Хамуд-бея (Михаила), находившегося тогда в Ткварчелах (у серных источников) и арестовал его.

Хамуд-бей был сослан в Воронеж, где и умер в том же году. Его личное имущество (в том числе до 200 пудов серебряной и золотой посуды) было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Трудящиеся массы абхазского народа отнеслись к этому событию совершенно равнодушно, что доказывает их классово-враждебное отношение к Чачба (Шервашидзе) – ставленникам и верным слугам русского царизма.

Так закончилась позорная историческая роль князей Чачба, в течение полувека бывших надеждой и опорой русского «военно-феодального имперализма» в Абхазии.

После низложения владетеля, маски были сорваны, и Абхазия была превращена в «Сухумский военный отдел», где было введено так называемое «военно-народное управление», т.е. страна была отдана в полный произвол царских офицеров и военных чиновников, для отвода глаза приглашавших иногда на совещания крупных тавадов и аамыста.

Одновременно усилился процесс экспроприации земель и массового выселения абхазского крестьянства в Турцию.

Этот процесс, известный под именем «махаджирства», начался еще давно и шел непрерывно с 1820 г. по 1880 г., то замирая, то усиливаясь. Можно насчитать четыре крупных волны этого движения:

1. После восстаний 1821–1823 гг.
2. После карательных экспедиций ген. Муравьева в 1841 году.
3. После Крымской войны в период с 1856 по 1864 гг. и
4. После Турецкой войны 1877 года.

В чем была сущность этого процесса?

В том, что царское правительство, «очищая» Абхазию от «непокорного» населения, освобождало земли для капиталистической колонизации, необходимой для превращения Абхазии в сырьевую колонию.

Царизм и молодая торгово-промышленная буржуазия шли здесь рука об руку.

«Махаджирство» для царизма означало полное политическое «покорение» края.

«Махаджирство» для буржуазии было первой «очисткой почвы для капитализма».

(Второй «очисткой» была реформа).

Какой характер носило это движение?

Карательные экспедиции царских генералов против абхазского крестьянства сопровождались страшными жестокостями и зверствами. В 1841 году генерал Муравьев (вошедший в историю с кличкой «вешатель», за кровавое усмирение польского восстания) приказал «очистить Дальское ущелье от непокорных горцев». Несмотря на упорное сопротивление дальцев, он успел «выселить 500 семей, а жилища их предал огню». Правда, затем он позорно отступил под натиском восставших крестьян, не осуществив полностью своей бандитской «программы». Но в 1844 году он отправляется с такими же намерениями на Псху, правда, и там получив должный отпор.

В 1860–1861 гг. организуются экспедиции для «покорения» Псху и Ахчи-Псху. В 1862 году генерал Шатилов доносит царю: «занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев».

В апреле 1864 года большой отряд царских войск во главе с дядей царя – «великим князем» Михаилом Николаевичем проходит в верховья реки Псоу, в районы, населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами.

Во время всех этих экспедиций тысячи абхазских крестьян погибали в неравном бою, целые селения разрушались, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось, включая сады, запасы кукурузы и пр. Оставшиеся в живых «покоренные горцы» обрекались на голодную смерть.

Неудивительно, что они представляли благоприятный материал для агитации турецких агентов – мулл, купцов и т.д., которые не жалели красок и обещаний, описывая несчастным крестьянам земной рай, ожидающий их в Турции.

И вот, тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в «гостеприимную» Турцию. Там их, конечно, ждало горькое разочарование. Султанскому правительству выгодно было принять массу абхазцев и черкесов, с целью их будущего использования как «пушечного мяса» в войне с Россией. И десятой доли обещаний не выполнило турецкое правительство. Невольные эмигранты («махаджиры») попадали в Турции в лапы стамбульских чиновников, которые, завинчивая налоговой пресс, обрекали их на полунищенское существование.

Только за период с 1850 по 1864 гг. из Абхазии выселилось:

из Псху – 3.600 человек,

из Ахчи-Псху – 4.000 человек,

из Джигетии (бассейн реки Псоу) – 12.000 человек.

Самые цветущие районы Абхазии – Цабал, Дал, Псху – обратились в пустыни.

Освободились огромные территории, пашни зарастали колючкой и папоротником, сады смешивались с диким лесом, виноградники дичали и вырождались.

Но зато Абхазия « успокоилась », Абхазия была почти готова для победного шествия капитализма.

Оставалось сделать еще один шаг – провести реформу.

Крестьянская реформа была проведена в России в 1861 году, в Восточной Грузии – в 1864 году, в Имеретии и Гурии – в 1867 году.

В Абхазии она запоздала благодаря упорству национально-крестьянского движения, но классовая сущность ее не изменилась.

Историческая необходимость реформы вызвалась ростом капитализма, ломавшим рамки крепостничества.

Сущность реформы, по словам Ленина, состояла «только в замене одной формы другой, в замене **феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью**». (Собр. соч. I. С. 300).

Но капитализм в России был еще слишком раздроблен и слаб. Поэтому реформу осуществлял не он сам, а самодержавно-крепостническое государство, под крыльшком которого он рос.

«Крестьянская реформа была проводимой крепостниками буржуазной реформой» ... (Ленин. Соч., XV. С. 142–143).

Царское правительство провело реформу и в России, и в Абхазии так, чтобы не нанести ущерб феодалам помещикам – своей социальной опоре.

Абхазские феодалы – тавады и аамыста, услышав о готовящейся реформе и боясь оказаться обиженными, сами стали обращаться к царским чиновникам за разъяснениями, стремясь одновременно добиться наибольших выгод.

Надо отметить, что местные военные власти сначала были не вполне «тактичны» по отношению к своим «друзьям и братьям по классу» – абхазским феодалам. Царские офицеры и чиновники, управлявшие Абхазией, задумали было «убить двух зайцев» – провести реформу и за счет закабаления крестьян, и за счет уменьшения политической мощи феодалов. Это, разумеется, было исторической нелепостью. Этим местные чиновники начали рубить сук, на котором они сидели в Абхазии. Этим они создали своеобразную феодальную оппозицию против реформы.

Эти оппозиционные настроения тавадов и аамыста особенно усилились после того, как командированный в Абхазию для изучения сословно-поземельных отношений генерал Понсэ заявил: «Приобретение земель в Абхазии зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона».

Этим заявлением тавады и аамыста ставились перед перспективой потери всех земель, которыми они владели через лично зависимых от

них крестьян. У помещиков тогда остались бы только их личные участки, а земли крестьян отошли бы от них и притом без всякого выкупа. Феодальная оппозиция усиливалась.

Одновременно слухи о реформе дошли и в гущу абхазского крестьянства. Не разбираясь в сущности вопроса, крестьянство представляло реформу в виде новых карательных мероприятий царских чиновников, направленных против национальных обычаяев и родового быта. Распространялись слухи о том, что правительство хочет вырубить все леса, заставить всех жить в казармах «под одним одеялом», ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т.п.

Сельские сходы крестьян-анхаю в нескольких крупных селениях вынесли резолюцию о посылке делегата в Тифлис к наместнику царя за разъяснениями. (Очевидно, своим феодалам и местным властям крестьянство не доверяло).

Этим народным делегатом был избран эшерский крестьянин Осман Шамба. Но начальник Сухумского военного отдела полковник Коньяр не разрешил поездку Шамба, усмотрев в этом подрыв своего авторитета.

Летом 1866 года в Лыхны собрался многотысячный крестьянский сход. Узнав о нем, туда приехали полковник Коньяр и чиновник Черепов (начальник Бзыбского округа) с 80 казаками.

На сходе присутствовали и представители феодального дворянства. Было бы, однако, большой ошибкой предполагать полное тождество интересов феодалов и крестьян. Наоборот, на сходе они ожесточенно спорили в присутствии русских чиновников.

Очевидцы рассказывают, что когда Коньяр, стараясь успокоить толпу, сказал крестьянам: «Вы не будете зависеть от дворян», то аамыста Титу Маан перебил его: «Они наши рабы, были и будут» ... В ответ на это крестьянин Хучина Гагулия крикнул: «Врешь. Мы землей не зависели» ...

Таким образом, если отдельные представители дворянства и принимали участие в этом крестьянском движении, то только благодаря политической и классовой небдительности царских чиновников.

Во всяком случае, интересы дворянства – феодальной оппозиции были резко противоположны целям крестьянского движения.

После речи Коньяра выступил Черепов с угрозами и оскорблениеми. Это переполнило терпение собравшихся.

И когда Коньяр приказал сходу разойтись, то в ответ на это, по сигналу, крестьяне бросились на чиновников и казаков, перебив их почти всех до одного. Коньяра и Черепова убили во дворце владетеля.

Лыхны стал очагом восстания, через два дня охватившего всю страну. Повстанцы ворвались в Сухум, сожгли городские окраины и осадили крепость.

Пять дней Абхазия была во власти восставшего крестьянства.

Для подавления восстания понадобились большие силы, которые прибыли в Сухум под начальством кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского.

В ущельях и долинах Бзыбской Абхазии еще не отзвучало эхо крестьянского мятежа, когда 23 апреля 1867 года была создана «Сухумская сословно-поземельная комиссия».

Предложения этой комиссии переданы были на рассмотрение «Комитета по освобождению зависимых сословий среди горных племен Кавказа» под председательством князя Святополк-Мирского. Членами комитета были: князь Багратион-Мухранский, генерал Понсэ, князь Туманов, граф Кутайсов, князь Эмухвари, князь Маршания, дворяне – Инал-Ипа и Маан. Одно перечисление их характеризует классовое направление проводимой реформы. Представители абхазских феодалов подали петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков.

Вот эта петиция целиком:

«В целом свете сначала были только все крестьяне или свободные люди, а помещики появились позже. Каким бы образом помещики не появились, крестьяне не могут отвергать факта существования помещиков в Абхазии с незапамятных времен со всеми теми правами, какие существуют и теперь.

Если тот факт был вначале результатом насилия, то он и в других странах был насилием, которое было признано правительством не только в Грузии, где, как и в Абхазии, оно существует еще до Р. Х., но даже и России, где крепостное право появилось гораздо позже.

Таким образом, помещичье право владения крестьянами и землею, искони веков установившееся и признанное правительством в остальных частях империи, не может быть по справедливости отвергнуто и в Абхазии» (См. «Журнал Зак. Центр. Ком. по устр. крестьян»).

Этот «крик души» абхазского дворянства нашел горячий отклик в царском генерале – крупном помещике князе Багратион-Мухранском, который, заслушав петицию, сказал: «И в самом деле, для чего для какой-то Абхазии делать исключение?».

Классовая линия крепостников-помещиков победила.

Царские генералы поняли своих братьев по классу – абхазских помещиков. Комитет утвердил размер владений тавадов и аамыста до 250 десятин, исключая «земель, принадлежавших по обычному праву», которые, разумеется, сохранялись за ними. Кроме того, за каждый чин или орден князь и дворянин получали еще не менее 10 десятин. (А ведь почти все крупные абхазские феодалы числились на царской службе).

Кроме того, из царской казны тавады и аамыста получали 400.000 рублей в виде «единовременного пособия».

Но самое главное – крестьяне, за свое «освобождение» обязанные уплатить выкуп, разного рода цепями приковывались к помещику, даже более крепко, чем в России.

Утвержденное «Положение о прекращении личной зависимости и поземельного устройства населения в Сухумском отделе», изданное 8 ноября 1870 года, имело настолько ярко выраженный классовый, крепостнический характер, что нельзя без отвращения читать лицемерный манифест царского наместника к абхазскому крестьянству:

«Отныне строй вашей общественной жизни устанавливается на твердых и справедливых основаниях.

Милостями великого государя нашего Вам предоставляются все средства к развитию хозяйства и обеспечению навсегда материального благополучия Вашего» ... (Сб. свед., VI).

Здесь все – от первого до последнего слова – пропитано подлым и лживым лицемерием, ибо на деле абхазскому крестьянину «представлялись все средства» к тому, чтобы или умереть с голоду, или идти в кабалу к помещику и капиталисту.

IV. Абхазия – колония русского капитализма

АБХАЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Классовая сущность «крестьянской реформы» была одна и та же – и в Абхазии, и в России. Но в Абхазии еще ярче выступил ее крепостнический характер, ибо абхазские феодалы были даже более, чем в России – помещики, социально-политической опорой царизма, ибо если в России буржуазия была слаба, то в Абхазии она почти отсутствовала.

Во всяком случае, то, что Ленин говорил о русской реформе, высказывая мысль о том, что в ней «сильны были крепостнические черты, так много было в ней бюрократически уродливого, так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству» ... (Соч. XV. С. 97), еще в большей степени относится и к Абхазии.

Согласно «Инструкции учреждениям Сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости», изданной 8 февраля 1871 года, зависимые феодальные абхазские крестьяне превращались в «свободных поселян».

Каково же оказалось положение этих «свободных поселян» на другой день после реформы?

1) Крестьяне получили земельный надел от 3 до 7 десятин на семью. (В то время, как «надел» князей и дворян был доведен до 250 десятин).

Но это были «теоретические» нормы, изложенные на бумаге. На деле нарезка наделов при отсутствии карт и планов местности затягивалась на «неопределенное время», и многие крестьяне через 30 лет после реформы не имели определенных наделов. Там же, где производилась нарезка наделов, царские чиновники осуществляли ее так, что крестьянская семья получала 3 десятины земельной площади, из которых половина, а иногда и больше составляла неудобная земля: болота, колючки, скалы, крутые склоны со смытой дождями почвой и т.д.

Причем надел нарезывался в нескольких местах, дробился на мелкие участки, лежащие часто за 4–5 километров от усадьбы крестьянина.

Это создавало чересполосицу и дальноземелье, сохранившееся в абхазской деревне до советизации.

Имея в среднем 2½ га земли, пригодной для с.-хоз. использования, крестьяне вынуждены были обращаться к аренде земли у помещиков и кулаков. Эта аренда носила «кабальный» характер, так как арендная плата достигала от трети до половины урожая.

2) За «освобождение» свое от личной зависимости (феодальных повинностей) крестьяне должны были заплатить помещикам выкуп. Размеры выкупа колебались от 50 до 180 рублей для различных групп крестьян: кто нес больше повинностей – платил и больший выкуп, и наоборот.

Выкуп разрешено было заменить отбыванием всех положенных повинностей в течение 4 лет. Но этот факт не имел почти никакого значения, так как безразлично, выкупил себя крестьянин или нет, но по «Положению» 1870 года оставался нанеопределено временно «вовременно-обязанных отношениях».

Фактически все натуральные повинности (особенно приношения продуктами и т.д.) феодальной эпохи сохранились.

Официально они были отменены царским правительством в 1912 году, но на деле в большинстве случаев дожили до революции 1917 г.

Таким образом, «свободный поселянин» в Абхазии был не только отдан в экономическую кабалу помещику (малоземелье, аренда и т.п.), но и оставался лично зависим, и так же как и до реформы подвергался «внекономическому принуждению» со стороны своего бывшего владельца-феодала. Сами чиновники признавали, что «отношения временно-обязанных крестьян к землевладельцам регулировались особыми «Положениями», в которых много недомолвок, многое предоставлено добровольным соглашениям сторон, много ссылок на обычное право, к разработке и разъяснению которого не было принято никаких мер» ... (См. кн. Туманова. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1900. С. 12).

3) Кроме того, леса и пастбища были переданы казне и за пользование ими крестьяне должны были уплачивать определенные сборы или государству, или помещику и кулаку, которые брали эти пастбища и леса в аренду у правительства.

4) За пользование данной ему в надел землей крестьянин обязан был платить так называемую «оброчную подать», которая по Сухумскому округу (Абхазия) в целом составляла 25.000 рублей ежегодно.

5) Крестьяне обязаны выполнить так называемые «мирские повинности»: с них взыскивались средства на содержание попов и церквей, ремонт дорог, постройку церквей, школ и т.д.

В целом они составляли по всей Абхазии до 60.000 рублей ежегодно. Особенно тяжелой была дорожная повинность.

«Нет уголка, где бы она не вызывала ропота и смятения среди крестьянского населения. Неприятнее всего, что требования непременно предъявляются весной или осенью, т.е. во время полевых работ, когда один день иногда решает судьбу земледельца и вопрос об обеспечении его семьи» ... (Свод матер. по изуч. быта гос. крестьян Зак. I. С. 217).

6) Крестьяне, после реформы, подверглись усилению налогового гнета. По всей Абхазии они ежегодно уплачивали:

- а) сбор взамен отбывания воинской повинности 24.000 руб.,
- б) поземельный общинный налог 25.000 руб.,
- в) земский поземельный сбор 100.130 руб.,

а всего, с вышеперечисленными денежными повинностями, до 250.000 рублей ежегодно падало на плечи абхазского крестьянства, это, кроме отбывания «временно-обязанных» феодальных повинностей, кроме платы за пастбища, покосы, лес, кроме арендной платы, и т.д., и т.д.

7) Крестьяне подвергались насилиям и произволу помещиков и их защитников – царских чиновников, вымогавших у крестьян взятки, «подарки» и т.д. Крестьяне были обязаны содержать стражников, солдат карательных отрядов, лесных обездчиков, разъезжающих чиновников и т.п.

8) Абхазские крестьяне были лишены всяких политических прав. После восстания 1877 года они были объявлены «виновным населением», им запрещено было селиться ближе, чем за 7 километров от берега моря и т.д. Всякие жалобы крестьян на произвол помещиков и чиновников были, разумеется, обречены на неудачу. Всякий судебный иск оборачивался против крестьянина, и проч.

Вот каково было положение «свободного поселянина» в Абхазии. Оставшись прикрепленным к помещику феодальными «временными» повинностями, крестьянин попал к нему в тяжкую экономическую кабалу, одновременно неся на себе чудовищный гнет выкупных платежей, государственных налогов и сборов, и чиновничего произвола.

Положение абхазского крестьянина после реформы значительно ухудшилось.

Зато укрепилось экономическое благосостояние абхазских помещиков – вчерашних феодалов (тавади-аамыстей).

Получив сотни десятин земли, они увеличивали свои владения при помощи царских чиновников – землеустроителей, захватывая общинные земли, якобы принадлежавшие им по «обычному праву» – леса, пастбища и проч.

Раздавая землю в аренду страдающим от малоземелья крестьянам, заключая кабальные договоры с «издольщиками» и «половинщиками», они весьма увеличили свои доходы, сохранив и феодальные права «внекономического» порядка, – личные повинности, натуральные приношения и проч.

Благодаря развитию товарно-денежного хозяйства, абхазский помещик нередко сам или через посредство скопщиков стал заниматься лесо- и скототорговлей, а затем и спекуляцией табаком (типичный пример этого – гудаутский помещик Лакербая).

К началу XX века распределение земли в Абхазии представлялось в следующем виде:

Абхазские князья и дворяне.....	97.394 га
Прочие помещики	34.283 га
Церкви и монастыри	4.789 га
Крестьянство	71.000 га

КОЛОНИЗАЦИЯ

После проведения реформы, царское правительство особенно усилило свои тенденции по линии колонизации Абхазии. Эта колонизация должна была окончательно закрепить политическое владычество царизма и одновременно ускорить рост товарно-капиталистического сырьевого земледелия.

Процесс колонизации пошел быстрым темпом после восстания 1877 года. Услышав о начавшейся войне русского царизма с Турцией, абхаз-

ское крестьянство, уже почувствовавшее тяжесть цепей, наложенных на него реформой 1870 года, поднялось, как один.

Мощным взрывом национально-крестьянского движения царские генералы с их войсками были выброшены из Абхазии.

Второй раз царские войска ушли из Сухума. Первый раз это было в 1854 году, но тогда их вытеснила турецкая армия, а сейчас – абхазские повстанцы. Царский генерал Кравченко с крупным отрядом отступил на Цебельду, но там, у Багадской скалы, он получил такой удар со стороны восставших крестьян, что обратился в паническое бегство через Наа – Джгерды – Зугди. Несколько месяцев Абхазия была свободной от царского гнета.

Но, по окончании войны, в 1878 году, три отряда царских войск двинулись в Абхазию: через Марух с Северного Кавказа – генерал Бабич, из Мингрелии – генерал Алхазов, из Черкесии – полковник Шелковников. Жестоко расправлялись царские палачи с восставшими селениями. Особенно усердствовали абхазские дворяне и князья, бывшие на русской службе.

Официальные донесения указывают: «Полковник Шервашидзе (Чачба) – потомок владетеля – сжег несколько селений».

Псху, Дал и Цабал были совершенно «очищены» от абхазских крестьян.

Высоко поднялась новая волна «махаджиরства»: до 35.000 абхазских крестьян выселилось в этот год в Турцию. «Свободные» земли щедро раздавались царским правительством генералам, офицерам, чиновникам, многие из которых сумели заполучить по несколько тысяч десятин.

В одном Цебельдинском районе было раздано «новоиспеченным» помещикам до 27.000 десятин. Остальные пустующие земли предоставлялись переселенцам.

Буржуазные цели этой колонизации не вызывают сомнений. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман, приглашая колонистов, писал, что будут раздаваться участки в 10–20 десятин, но непременно «в руки людей состоятельных».

Ясно, что ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа.

Но колонизация пошла несколько не так, как желали царские чиновники.

Попытки привлечь в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и болгарских колонистов из Бессарабии не удались. В то же время, как в открытые ворота, в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из турецкой Анатолии, бежавших от нужды, ма-лоземелья и ужасов мусульманского национально-религиозного гнета.

Переселившаяся беднота расселилась на землях «махаджиров»: возникли селения – Михайловское, Ольгинское, Александровское, Анастасьевское, Георгиевское, Мцара и т.д.

Переселенцы попадали в хищные лапы всякого рода «попечителей», которые собирали с них деньги и хлеб на перевозку, постройку и «хлопоты» по начальству, безжалостно эксплуатируя их.

(Об одном таком «попечителе» – авантюристе Ашинове, обманувшем переселенцев, читай в газете «Кавказ», № 263 за 1884 год).

Кроме того, не имея инвентаря и скота, переселенцы вынуждены были идти в кабалу к кулаку и помещику.

Позже, в 1890-х годах, в Абхазию переселились русские (Баклановка, Петропавловска), а затем эстонцы и немцы.

Большую роль в колонизаторской политике царизма играла и церковь.

В первый период колониальной политики русского царизма церкви представляли нередко военные форпосты: за них «святой оградой» не раз отсиживались царские офицеры, осажденные восставшим крестьянством (например, в Пицунде, Лыхны, Дранды, Илори и проч.).

Царские генералы прекрасно понимали политическое значение христианской религии, как орудия колониального угнетения. В секретном письме министру Чернышеву от 26 марта 1851 года «наместник кавказский» князь Воронцов протестует против волокиты в деле создания архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии, указывая, что: «такое отлагательство будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах всегда должны получать от распространения нашей веры» ... («Акты, VII）.

Классовая роль религии и церкви выступает здесь с полной очевидностью.

В 1874 году был основан Ново-Афонский монастырь, позже – ряд других монастырей, каждый из которых являлся форпостом капиталистического колониального хозяйства, укрепляя в то же время политическое влияние русского царизма.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА

Ленин говорил, что развитие капитализма в России могло пойти по двум путям:

«Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерное» хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостничества.

Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение, прежде всего... Иными словами: либо – сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»... либо – разрушение помещичьего землевладения»... (Соч. III. С. 12–13).

Царизм стремился направить развитие по первому, «прусскому» пути. Особенno этот «прусский» путь развития капитализма проявляется в Абхазии, где реформа носила еще более крепостнический характер, чем в России.

Реформа 1870 года сохранила в Абхазии экономическую мощь помещика, понизила материальное благосостояние массы трудящихся крестьян, закабаленного «голодной арендой», выкупами, налогами и так далее.

В отношении абхазского крестьянства всецело оправдывались слова Ленина о том, что «крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма». (Соч. XV. С. 97).

Но, так или иначе, реформа 1870 года расчистила, хотя и недостаточно, в Абхазии почву для нового капиталистического способа производства. Подлинное превращение Абхазии в сырьевую колонию русского капитализма стало возможно только после реформы 1870 года. Это превращение требовало внедрения и развития технических культур, роста товарного, рыночного хозяйства, падения натуральных форм хозяйства.

После 1870 года начинают свое развитие товарные культуры, прежде всего, табак.

В 1872 году таможенная пошлина на ввозимый из-за границы табак повышается с 25 коп. до 2 рублей за пуд. В 1877 году пошлина достигает 14 рублей, а в 1882 году – 15 рублей за пуд, ликвидируя этим всякую опасность иностранной конкуренции на внутреннем табачном рынке.

Рост табаководства в Абхазии характеризуется следующими данными:

Годы	Площадь в дес.	Сбор в пудах
1888	2.500	140000
1889	3.000	200000
1905	5.600	280000

Сначала табаководством занимались исключительно греческие и армянские переселенцы, но вскоре и абхазские помещики становятся крупными плантаторами, вовлекая в табаководство и закабаленное ими крестьянство. Рост табаководства (Сухумский и Гагринский районы), виноградарства и виноделия (Гудаутский район), свиноводства (Гальский район), шелководства, товарного садоводства и т.д., определял и развитие торговли.

В 1890 году через один Сухумский порт проходило до 25.000 тонн грузов ежегодно.

Абхазия – превращавшаяся в сырьевую колонию – втягивается русским капитализмом в общероссийское, а затем и в мировое **товарное обращение**.

Абхазский крестьянин становится потребителем фабрикатов русской промышленности.

«Ситцевые бомбы» (фабричные ткани, и проч.) разрушали безжалостно натуральные формы домашних и кустарных крестьянских промыслов.

То, что было сказано Лениным по этому вопросу о Закавказье, целиком относится и к Абхазии: «В пореформенную эпоху... шло вытеснение туземных (местных) вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта.

Падала обработка рогов и бокалов, вследствие упадка феодального строя, падал шапочный промысел, вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (из Гудаутского района ежегодно вывозилось до 50.000 ведер вина. – А.Ф.), развивая бочарное производство. Русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности. Создавал себе рынок для своих фабрик. Господин Купон безжалостно переряжал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея» ... (Соч. III. С. 464).

Рост товарно-капиталистического земледелия в Абхазии сопровождался, разумеется, интенсивной классовой дифференциацией абхазской деревни. Особенно ярко это расслоение крестьянства проявилось в районах, где преобладали товарные сырьевые культуры.

Вот данные о росте табачных плантаций в Абхазии:

Размер плантаций	Количество плантаций		Рост
	1906 г.	1914 г.	
От 1–5 га	3.655	8.895	в 2 раза
От 5–10 га	21	371	в 17 раз
От 10 и выше	2	22	в 11 раз

Число кулацких плантаторских хозяйств, очевидно, растет во много раз быстрее общего темпа увеличения табачных плантаций за счет мельчающей, разоряющейся, эксплуатируемой бедноты.

Развитие капитализма в Абхазии, идущее по линии превращения ее в сырьевую колонию, протекающее в созданных реформой 1870 г. уродливых формах социальных отношений, сопровождалось обострением и обнажением классовых противоречий.

Эти противоречия сплетались в кольцо на шее абхазского крестьянства, скованного цепями крепостнических пережитков («временно-обязанные отношения» и т.п.) и налогового гнета, эксплуатируемого и абхазскими помещиками, и торгово-промышленным капиталом в лице скупщиков-агентов, табачных фирм Лаферм и др., в лице вино- и скототорговцев, в лице спекулянтов и кулаков.

Классовое сопротивление крестьянства в Абхазии подавлялось еще более жестоко, чем в России государственной системой «военно-народного» управления, бюрократического произвола, великодержавной национальной и религиозной политики.

Но одновременно, из года в год, в недрах трудящихся масс Абхазии зрела классовая революционная ненависть и воля к освобождению. Она проявилась, вырвалась наружу в революцию 1905 года, когда абхазское крестьянство под руководством пролетариата выступило против помещичьей кабалы и самодержавия. Она победила в кровавой и упорной войне 1917–1921 гг.

Только советизация Абхазии раз и навсегда покончила с последствиями крепостнической реформы, повернув Абхазию с колониального пути капиталистического развития на путь победоносного социалистического строительства.

Использованная литература

1. Маркс К. Капитал. Т. I и III.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. VII и X.
3. «Архив Маркса и Энгельса», т. I.
4. Ленин. Собрание сочинений. Т. I, III, XIII, XV.
5. Ванаг. Ленинская концепция двух путей. 1931.
6. Хачапуридзе. Гурийское восстание в 1841 году. Тифлис, 1981.
7. Драбкина. Национальный и колон. вопрос в царской России.
8. Сталин. Вопросы ленинизма.
9. Труды I конференции о-ва историков-марксистов, доклад Махарадзе.
10. Попов. Октябрьская революция и национальный вопрос.
11. Покровский. Дипломатия и войны царской России.
12. Его же. Русская история в сжатом очерке.
13. Акты Кавказской арх. комиссии, V, VII, X.
14. Сборник сведений о кавказских горцах, V и VI.
15. Труды сухумской сословно-поземельной комиссии, 1869.
16. Русский архив. 1884.
17. Свод материалов по изучению быта гос. крестьян Зак. Края. I и II.
18. Обозрение российских владений за Кавказом. 1836.
19. Туманов. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. 1900.
20. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье. II.
21. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии.
22. Мачавариани. Путеводитель по Сухуму. 1913.
23. Раб. кн. по обществоведению. 1930.
24. История классовой борьбы в Закавказье. Сб. ЗКУ. 1930.
25. БСЭ. – «Грузия».

*Опубликовано: А.В. Фадеев. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум: изд-во «Советская Абхазия» и «Ансны капи», 1932.
44 стр.*

ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ АБХАЗИИ

Пособие для техникумов,
СПШ, курсов по подготовке в ВУЗ и пр.

Предисловие

Эта работа предназначена в качестве учебника для школ повышенного типа: техникумов, совпартшколы, рабфаков, курсов по подготовке в ВУЗ и т.д. Она же может быть использована в старшей группе ФЗС и ШКМ, а также для политшкол и кружков сети партийной и комсомольской учебы.

Первая глава – методологического порядка – рассчитана по преимуществу на преподавателей и руководителей, которые должны в элементарной форме изложить ее учащимся. Остальные главы могут быть использованы для лабораторной проработки учащимся, причем особое внимание надо обратить на работу с картой и изготовление наглядных пособий (схем, картограмм, диаграмм и т.д.).

Весь материал может быть распределен таким образом:

I тема: Экономико-географическая специализация Абхазии.

Подтема 1: Положение и историческое прошлое – 2 часа.

Подтема 2: Общая характеристика народного хозяйства Абхазии – 2 часа.

II тема: Природные условия – 3 часа.

III тема: Население – 2 часа.

IV тема: Транспорт и пути сообщения – 2 часа.

V тема: Социалистическая реконструкция сельского хозяйства.

Подтема 1: Классовые сдвиги в абхазской деревне и колLECTивизация – 2 часа.

Подтема 2: Динамика культур – 2 часа.

VI тема: Индустриализация – 3 часа.

VII тема: Экономические районы Абхазии – 3 часа.

При лабораторном методе количество часов надо удвоить.

Во время прохождения курса необходимо привлекать возможно больше газетный материал. Необходимо применять экскурсионный метод, особенно по темам II, V и VI. Маршруты для экскурсий можно найти в брошюре Орынянского и Фадеева «Спутник туриста по Абхазии», ОГИЗ, 1931 г.

Для Сухумских школ полезно использовать при проработке отдельных тем материалы Музея Краеведения.

На базе прохождения материала хорошо организовать в школе кружок краеведения, который возьмется за более глубокую проработку отдельных проблем экономической географии Абхазии.

При полном отсутствии литературы по экономике и географии Абхазии эта исследовательская работа учащихся будет служить ценной общественно-полезной деятельностью.

При организации кружка краеведения надо связаться с Абхазским Научно-Исследовательским Институтом Краеведения (Сухум, улица Октябрьской Революции, № 21).

Автор выражает благодарность товарищам А.А. Орынянскому и К.И. Можевитиновой за оказанную помощь по предоставлению материалов и методических указаний при составлении настоящего учебника.

30 декабря 1931 г.

г. Сухум.

1. Введение

ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Если бы мы поставили себе цель изучить маленькое хозяйство какого-нибудь абхазского крестьянина в одном из любых селений Бзыбской или Кодорской Абхазии, то история развития этого хозяйства представилась бы в таком виде.

Сто лет назад в эпоху феодализма это крестьянское хозяйство носило натуральный характер. Крестьянин, лично зависимый от какого-нибудь богатого и сильного тавада (князя) или аамыста (дворянина), старался вести свое хозяйство так, чтобы удовлетворить свои потребности и потребности своего тавада в пище, одежде, жилище и пр. Крестьянин тогда сеял просо (абыста) или кукурузу, сажал овощи, собирая виноград и фрукты, гонял на пастбище скот, из льна, хлопка и шерсти на примитивном, самодельном ткацком станке изготавлял ткани (одежду), из кожи убитых животных делал обувь и т.п. Известную часть этих продуктов он принужден был отдавать таваду, обеспечивая последнего, таким образом, всеми необходимыми продуктами.

Хозяйство этого феодального крестьянина было замкнутым – оно было рассчитано только на производство продуктов для личного потребления крестьянской семьи и тавада.

Хозяйственные связи такого крестьянского хозяйства с внешним миром были очень слабы. Все, что крестьянин мог получить из окружающей его щедрой природы Абхазии, он добывал сам. Со стороны он мог получить только такие продукты, как соль, железо и др., путем обмена от турецких купцов, но в этих продуктах он нуждался так мало, что эта связь не нарушала натурального характера его хозяйства. Так было сто лет назад.

Но вот российский царизм, огнем и мечом завоевавший Абхазию, вмешивается в хозяйство страны. Российские капиталисты видят в Абхазии лакомый кусок. Русские купцы начинают развивать торговлю на побережье в Абхазии.

Развитию торговли мешают феодально-натуральные отношения. Русские чиновники в союзе с абхазскими князьями и дворянами проводят в 1870 г. крестьянскую реформу.

Крестьянин «свободен»... Но лучшие земли от него отняли помещики – князья и дворяне. Крестьянин «свободен»... Но его нищенский надел (2–3 га) не может даже прокормить его. А ведь ему надо из собственного урожая часть отдать помещику в счет выкупных платежей за «освобождение», в счет платы за аренду (ведь надела не хватает – приходится брать в аренду у помещика). А ведь часть собранных продуктов надо продать, чтобы уплатить деньгами налоги правительству, сборы – церковные, дорожные и т.п.

Крестьянин вынужден продавать часть своих продуктов. Значит, его хозяйство перестает быть **натуральным** (оно становится **товарным**, потому что часть продуктов производится для продажи, для удовлетворения потребностей, не своих, а неизвестного для крестьянина покупателя).

Быстро растут хозяйствственные связи нашего крестьянина с внешним миром. Его хозяйство товарно. Крестьянин не может выкурить весь табак, съесть все мандарины, которые он собирает, производит. Он производит для рынка, и он становится рабом рынка, капиталистического рынка. Падают рыночные цены на табак – пропал весь тяжелый труд крестьянина. А цены на абхазский табак могли упасть, например, потому, что в Америке, на остр. Куба, собрали хороший урожай табака. Значит, хозяйственное развитие кубинского табачного хозяйства оказывает влияние на благополучие абхазского крестьянина. Он связан теперь с мировым рынком. Мировое капиталистическое хозяйство тысячами нитей привязывает его к общей системе капитализма.

Так было 18–20 лет назад.

Героическая борьба рабочих и крестьян против эксплуататоров и угнетателей оканчивается победой 4 марта 1921 г. Власть русского царя, абхазских князей и дворян, буржуазии и ее верных слуг – меньшевиков – свергнута.

Абхазский крестьянин действительно стал свободен. Вместе со всеми рабочими и крестьянами, под руководством Ленинской партии, он участвует в строительстве социализма.

Его хозяйство несет все еще тяжелый груз феодального и капиталистического наследия. Оно малодоходно, потому что слабо техникой, плохо организовано, потому что крестьянин работает некультурно и бесплатно.

Крестьянин берется за перестройку не только своего, но всего сельского хозяйства. Не в одиночку, а коллективно.

Он вступает в колхоз. Колхоз улучшает технику, применяет машины и удобрения, организует работу по строгому плану, внедряет доходные технические культуры и т.п. Колхоз тысячами нитей связан с народным хозяйством Советской Абхазии и всего СССР. Но связан не такими нитями, как крестьянин при капитализме. Там были рыночные нити, здесь – плановая связь.

Колхоз – часть всего социалистического хозяйства СССР.

План колхоза – маленькая глава из огромного плана великих работ по строительству социализма.

С кем связан этот колхоз?

Из Сталинграда он получает тракторы.

Из Ростова – сельскохозяйственные машины и орудия.

Из Саратова – суперфосфат.

Из Баку – керосин и бензин – для освещения и для тракторов.

Из Донбасса – соль, из Украины – сахар.

Промтовары по плану контрактации колхоз получает через кооперацию, как и все другие орудия и товары, но сделаны они на фабриках и заводах в Ленинграде и Москве (мануфактура, обувь, галоши).

Но ведь колхоз связан и с теми районами, куда идет, согласно общего плана, его продукция. Колхозный табак идет на фабрики Ленинграда, Москвы, Ростова, Тифлиса. Вино – в Одессу. Мандарины, чай и пр. – в другие города.

А ведь часть продуктов колхоза, определяемая государственными органами, может составить частицу советского экспорта – тогда табак попадает во Францию, мандарины – в Германию и т.д.

Вот какой интересный материал мы можем получить, изучая одно только маленько крестьянское хозяйство или небольшой колхоз. А если мы захотим изучить развитие и связи хозяйства Абхазии или Закавказья, или всего СССР?

Сколько тогда мы будем иметь ниточек, связей, сложных отношений и зависимостей?

Но, оказывается, и это дело возможное.

Изучая хозяйство крестьянина или колхоза, мы брали материал из истории, политической экономии, экономической политики.

Нам ясна история этого хозяйства, ясно, почему крестьянин вступил в колхоз, ясно, что колхоз – ячейка огромного социалистического хозяйства. Но нам пока неясно одно – почему именно в нашем колхозе занимаются табаком или чаем, а не сеют пшеницу, лен, коноплю. Ведь на Украине и Сев. Кавказе пшеница дает большой доход народному хозяйству, а на севере РСФСР лен играет не менее важное значение, чем в Абхазии табак. Нам неясно пока, почему нашему колхозу в общехозяйственном социалистическом плане отведено именно место, как табачному или чайному колхозу. Неясно – почему мы боремся сейчас за то, чтобы выгнать из Абхазии кукурузу, а в то же время расширяем посевы кукурузы на Сев. Кавказе.

Неясно – почему строим в Абхазии лесообрабатывающие заводы, а не машиностроительные.

Почему абхазские колхозы должны получать тракторы из Сталинграда, а почему нельзя было построить тракторный завод в Сухуме. Почему абхазские мандарины экспортят в Германию, а не в Италию?

Эти вопросы можно продолжить до бесконечности. И внутри самой Абхазии для нас пока непонятно почему, например, построили лесозавод при устье Кодора, а не в Сухуме или Гудаутах. Или еще – почему чайные плантации расширяются больше всего в Кодорском и Гальском районах, а не в Гагринском и Гудаутском, и т.д., и т.д.

Все это будет ясно, на все эти вопросы дает исчерпывающий ответ только экономическая география. Но, прежде чем определить, что же такое за наука – эта экономическая география, мы предварительно должны разработать один вопрос – что такое географическая специализация и географическое разделение труда?

Мы уже видели на примере отдельного хозяйства абхазского крестьянина, как постепенно росли и укреплялись его хозяйствственные связи с внешним миром. Тот же самый процесс характеризует и развитие мирового хозяйства. В зависимости от развития производительных сил, техники – в первую очередь, укреплялись хозяйствственные связи между странами, между отдельными государствами. Капитализм и капиталистическая конкуренция постепенно объединяли в одно экономическое целое все уголки земного шара. Это целое и называется мировым хозяйством.

В эпоху империализма – высшей и последней стадии капитализма – мировое хозяйство достигло своего «расцвета». Но нельзя представлять себе это мировое хозяйство наподобие какой-то организованной системы, в виде, скажем, гигантского мирового колхоза или совхоза.

Это мировое капиталистическое хозяйство именно отличается анархией, т.е. неорганизованностью, бесплановостью, внутренней противоречивостью.

Стремление капиталистов к получению наибольшей прибыли, их борьба, конкуренция, рынок с его «мировыми ценами», вот что «регулирует» мировое хозяйство.

Под влиянием неписанных объективных законов, рожденных противоречивой капиталистической системой, в мировом хозяйстве происходит своеобразное разделение труда. Отдельные районы и отдельные страны начинают специализироваться на производстве тех товаров, которые они могут производить по наименьшей себестоимости, ибо, сбывая эти товары на мировом рынке, они получают наивысшую прибыль.

Смотря на карту мира, т.е. подходя географически, мы видим, действительно, что различные страны, различные районы специализируются на производстве тех продуктов, которые всего дешевле можно произвести в данной стране, по природным и социально-экономическим условиям.

Так развитие производительных сил капиталистического общества приводит к географическому разделению труда между различными странами.

Географическая специализация отдельных стран выступает в эпоху империализма очень ярко.

Если Англия развивает крупную угольно-металлургическую, машиностроительную и текстильную индустрию, то ее колонии – Канада, Египет, Австралия, Индия – специализируются на производстве сырья и продовольствия.

Если ряд стран – Аргентина, Сев. Американские Соединенные Штаты, быв. царская Россия – выступали, как производители зерна и мяса, то Бразилия специализировалась на производстве кофе, Индия и Китай – чая, и т.д.

Эта географическая специализация расширяла и укрепляла мировые хозяйствственные связи.

Но, так как вся эта система хозяйственной деятельности «управляется» стихийными законами рынка и конкуренции, то она существует под постоянной угрозой экономических катастроф.

Перепроизводство товаров приводит к экономическим кризисам. Конкуренция между капиталистами и целыми капиталистическими странами приводит к войнам.

Противоречия, заложенные в самой системе капитализма, нарушают мировые хозяйствственные связи, ведут к гибели всю систему.

Война 1914–1918 гг. перетряхнула все мировое хозяйство. Из капиталистического мирового хозяйства выпала 1/6 ее часть – теперешний СССР.

Кризис 1929–1931 гг., охвативший весь капиталистический мир, снова нарушил установившееся после войны географическое разделение труда.

Оно установится крепко и прочно только после гибели капиталистической системы, после победы пролетарской революции во всемирном масштабе.

Тогда отдельные районы и страны будут специализироваться на производстве определенных продуктов не по слепой воле рынка, не под диктовку закона стоимости и конкуренции, а по воле разумного социалистического плана.

Мы познакомились с характером географического разделения труда в капиталистическом мире, а есть ли оно у нас, в СССР?

Безусловно – да. Но у нас географическое разделение труда носит определенный, плановый характер. Строя социализм, мы планируем наше хозяйство так, чтобы различные отрасли его разместить на территории СССР наиболее разумно и целесообразно, в зависимости от природных, транспортных, энергетических и пр. условий. Каждый район должен специализироваться на производстве таких продуктов, которые можно производить здесь с наименьшей затратой труда, но с наибольшей выгодой для трудящихся.

Наш 5-летний план – план великих работ по строительству социализма – целиком основан на таком разумном, рациональном географическом размещении отраслей народного хозяйства по разным районам нашего Советского Союза.

Тов. Сталин на XVI Съезде партииставил как первоочередную задачу «проблему правильного размещения промышленности по СССР».

Но, что значит «правильно разместить» промышленность?

Старые центры нашей промышленности росли, главным образом, там, где была наибольшая густота населения. Это происходило потому, что там, где густо население – там капиталист находил много дешевой рабочей силы. Наличие дешевых рабочих рук повышало норму эксплуатации, т.е. давало капиталисту больше прибыли. Так возникала, например, крупная текстильная промышленность в Московской и Иваново-Вознесенской областях, оторванная на тысячи километров от сырья (хлопок и шерсть).

Другие из старых промышленных центров возникли под влиянием интересов административно-политических и внешней торговли (Ленинград – столица и порт).

Подчас они основаны были на иностранной зависимости в отношении сырья и топлива. (Ленинградские заводы до войны 1914 г. потребляли большое количество английского угля, американского хлопка и каучука). Можем ли мы нашу новую промышленность размещать также беспланово, в интересах наибольшей эксплуатации и т.д.?

Об этом смешно говорить. Не интересы капиталистической прибыли, не иностранная зависимость диктует пролетарскому государству план размещения промышленности. Мы строим новые заводы и фабрики там,

где это наиболее выгодно по условиям близости их к источникам энергии и сырья. Кроме того, в нашей советской действительности огромное значение имеет возможность комбинированного производства.

Что значит «производственный комбинат»?

Это значит – соединение нескольких отраслей производства в одно взаимное целое. Вот мы сейчас строим Днепровский комбинат. Что он включает в себя? Мощную гидроэлектростанцию, металлургические заводы, заводы ферросплавов, алюминиевые и машиностроительные, химические и пр.

Возможность комбинированного производства – преимущество планового социалистического хозяйства.

Мы строим невиданный по размерам Урало-Кузнецкий комбинат (соединяя уральскую руду с кузнецким углем).

Строим текстильные фабрики в Туркестане на местном сырье (хлопке). Строим Дашкесанский металлургический завод в Азербайджане на местной руде, завод ферросплавов в Зестафони на чиатурском марганце. Мы строим тысячи заводов у источников энергии и сырья, предусматривая плановое создание крупных производственных комбинатов.

Эта основная наша линия в промышленном строительстве проявляется и в Абхазии.

Строя Ткварчельский каменноугольный рудник мы предусматриваем возможность его комбинирования с металлургией. Строим Бзыбский лесопромышленный комбинат (ряд лесопильных, ящично-фанерных, бумажно-целлюлозных, а в будущем, и химических заводов) на лесном сырье Бзыбского бассейна и на гидроэнергетических запасах р. Бзыби и р. Геги. Во второй 5-летке развернется строительство Кодорского лесокомбината, первым форпостом которого является Кодорский лесозавод, построенный в 1930 г.

Так обстоит дело у нас с географическим размещением промышленности.

А сельское хозяйство?

И оно специализируется у нас по районам: по общему плану.

На XVI Съезде партии тов. Сталин второй задачей (после промышленности) поставил «проблему правильного размещения основных от-

раслей сельского хозяйства по СССР, проблему специализации наших областей по сельскохозяйственным культурам и отраслям».

В царской России сельскохозяйственные районы делились на «потребляющие» хлеб (например, северные районы РСФСР) и «производящие» хлеб (Украина, Сев. Кавказ).

Сельское хозяйство было неорганизованное и бесплановое. Природные почвенные и климатические условия не могли использоваться в полной мере именно благодаря этой бесплановости, анархии, как помещичьего, так и мелкокрестьянского хозяйства. Теперь эти условия, «имеющие решающее значение для сельского хозяйства» (Сталин. Вопросы ленинизма. С. 367), используются пролетарским государством в целях наиболее выгодного размещения сельского хозяйства, в целях специализации данного района на производстве тех культур, которые наиболее выгодны именно в этом районе.

«Потребляющая» полоса РСФСР стала производящей, благодаря развитию там огородничества, льноводства и животноводства.

По климатическим условиям кубанские поля (Сев. Кавказ) дают хороший урожай пшеницы, но зачем там развивать культуру пшеницы, когда там могут расти более ценные технические культуры (соя, подсолнух, кенаф и т.п.).

Пшеницу лучше перенести на Средн. и Ниж. Волгу, в Казахстан, Сибирь, где урожай пшеницы может немного и ниже, чем на Кубани, но где не могут расти технические культуры.

Но нельзя думать, что все зависит от климата.

Мы сами изменяем и приспособляем климат. Как раз восточные окраины Поволжья и Казахстана по климатическим условиям не вполне пригодны для пшеничного хозяйства, благодаря частым засухам. Но сейчас коллективный разум и воля рабочих и колхозников ведет ожесточенную борьбу с засухой путем орошения, олесения, озеленения сухих степей. И эти степи постепенно превращаются в цветущие поля золотистой пшеницы.

И на примере Абхазии и Закавказья можно видеть, что только плановое социалистическое хозяйство может полностью использовать богатейшие природные условия этой республики.

Если северная часть РСФСР становится огородно-молочно-льняным районом, юго-запад, Украина, центр.-черноземная область и часть Сев. Кавказа – районом технических культур, Поволжье, Казахстан, Сибирь, юг Украины – пшеничным районом, то Закавказье должно стать районом ценных субтропических культур.

Наркомзем СССР тов. Яковлев говорил на XVI Съезде партии:

«Нашим лозунгом должно стать: долой кукурузу из Закавказья. Разве это не позор, что кукуруза растет там, где с успехом могут произрастать хлопок, чай и рами, фрукты, виноград, апельсины и проч. Разве это не безрассудное расточительство?»

Вот какие пути намечает социалистический план для географической специализации отдельных районов СССР.

Надо только помнить, что проведение плана широкой специализации районов невозможно при мелкокрестьянском хозяйстве, «невозможно, так как мелкое хозяйство, как хозяйство неустойчивое, лишенное необходимых резервов, вынуждено разводить у себя все и всякие культуры, чтобы, в случае провала на одних культурах, можно было обернуться на других» (Сталин. Вопросы ленинизма. 1931. С. 550).

Широкая географическая специализация, прочное географическое разделение труда возможно в условиях коллективного и крупного, планового социалистического хозяйства.

Из всего сказанного о географическом разделении труда вытекает теперь и определение экономической географии, как науки. Экономическая география изучает размещение хозяйства и хозяйственных явлений по территории той или иной страны или всего мира.

Вот как определяет задачи экономической географии проф. Н. Баранский:

«Экономическую географию интересуют в хозяйстве вопросы: «где» и «почему именно здесь», «каковы характерные отличия данной страны (или района) по сравнению с другими странами (или районами) и чем эти отличия объясняются».

МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Основой общественного развития марксизм считает развитие производительных сил и производственных отношений, которые составляют экономическую структуру общества. На этой основе (базе) возникают те или иные «надстройки»: социально-политические и идеологические отношения (наука, религия, искусство и пр.).

В понятие «производительные силы» входят: техника (орудия труда), рабочая сила человека (труд) и «естественные силы труда» – природа.

Являясь составной частью производительных сил, природа или географическая среда, в которой живет и трудится человек, несомненно, оказывает известное влияние на развитие общества.

Но это влияние природы или географической среды на общество нельзя понимать механически. Здесь легко можно впасть в своеобразный «географический уклон» от марксизма – уклон, в который впал, например, Плеханов, скатившийся в этом вопросе до ложного объяснения русской истории географической средой, к обусловливанию классовой борьбы «природными особенностями» страны.

«Геологические, оро-гидрографические, климатические и иные отношения обусловливают не только первоначальную организацию людей, но все их дальнейшее развитие до нашего времени. Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей» (Архив Маркса и Энгельса, 1, ГИЗ, 1924. С. 214–215).

Все дело в том, что природа не просто влияет на человека, как на любое другое животное, пользующееся ее благами. Своими орудиями, своим трудом, «человек заставляет природу служить своим целям, господствует над ней» (Энгельс. Диалектика природы. 1930. С. 71).

Суть дела – в диалектическом понимании влияния природы (географической среды) на общество. Суть дела в том, что это влияние природы не постоянно – оно изменяется в зависимости от уровня развития техники, от уровня общественно-экономических отношений данного общества.

В самом деле, моря, которые когда-то разделяли народ, стали теперь благодаря развитию транспорта наиболее удобными и дешевыми путями сообщения.

Леса, которые когда-то мешали расширению сельскохозяйственной деятельности человека, сейчас представляют огромное сырьевое богатство для промышленности.

Горы, которые были непреодолимым препятствием для людей, теперь прорезываются туннелями, железными и канатно-подвесными дорогами.

Уголь, нефть, которые не имели почти никакого практического значения, теперь, в условиях развития крупной индустрии, стали полезным богатством.

Бурные горные реки, которые своими наводнениями и разливами уничтожали посевы и насаждения, теперь стали источниками гидроэнергии.

Эти примеры бесконечны.

Все они говорят, что влияние природы переменчиво, что оно зависит от уровня развития техники, что природа влияет на человека не непосредственно, а через производственные и общественные отношения, что она только создает объективные условия для человеческого хозяйства, но не определяет целиком общественную экономику.

Так рассматриваем мы природу и ее влияние с точки зрения марксистско-ленинской теорииialectического материализма.

Экономическая география, изучая какую-либо страну или район, решающее слово предоставляет не природным условиям, а технико-экономическим и общественно-историческим условиям развития данной страны или района.

Это азбучная истинаЭкономической географии. Твердо уяснив это, можно перейти к рассмотрению того, из чего складываются природные условия или географическая среда.

Географическая среда составляется из 8 элементов: географическое положение, устройство поверхности (рельеф), воды (реки, озера, моря), климат, растительность, животный мир, почва и недра (полезные ископаемые).

Эти элементы можно разделить на две больших группы: одни из них связаны и зависят так или иначе от географической широты, т.е. положе-

ния данной местности в отношении экватора, а другие – не связаны и не зависят.

К первым относятся: климат, почва, растительность и животный мир, которые обычно располагаются по земной поверхности вдоль параллелей, поясами или зонами. Эти элементы называются поэтому «зональными».

Наоборот, вторая группа: воды, рельеф, недра (полезные ископаемые), независимы от географической широты и называются «азональными».

И зональные, и азональные элементы, находясь между собой в постоянно меняющейся, противоречивой связи, образуют единое целое – географическую среду или природу данной страны или района.

Подробно географическую среду и размещение географических элементов по земной поверхности изучает физическая география. Экономическая география пользуется данными физической географии для изучения природных условий, в которых происходит экономическое развитие страны или района. Но, так как предмет экономической географии есть размещение хозяйства по земной поверхности, то она пользуется данными хозяйственных или экономических наук: политической экономии, экономической политики и т.д.

Сама же экономическая география, безусловно, является социально-экономической наукой.

Метод экономической географии есть марксистско-ленинский метод диалектического материализма.

Пример применения этого метода дан выше при рассмотрении закономерностей и связей природы и общества.

Практическое, жизненное значение экономической географии в наших советских условиях растет с каждым днем. Мы строим социализм.

Мы строим его по строгому, определенному плану. Нельзя построить фабрику или завод, не изучив источники энергии, сырья, наличие и качество рабочей силы, транспортные условия и т.д.

Нельзя бороться за специализацию с.-х. района, не узнав выгоды тех или иных культур в данных конкретных условиях, и т.п.

Прежде чем строить, надо знать, где и почему именно здесь строить. А материал для такого познания и дает экономическая география.

Таким образом, чем дальше наша страна будет идти по пути к социализму, тем большее значение будет приобретать экономическая география как наука.

2. Экономико-географическая специализация Абхазии

РАБОТА С КАРТОЙ:

1. Найдите все страны, лежащие на широте Абхазии.
2. Найдите экватор, тропик Рака и Полярный круг.
Вычислите расстояние от Сухума до тропика Рака, если каждый градус широты – 111 км.
3. Найдите на карте Дагестанскую АССР.
4. Через какие моря и проливы можно проехать из Сухума в Атлантический океан на пароходе?
5. Найдите на карте Абхазии все мысы и бухты.
6. Найдите главные порты Черного моря.
7. Проследите границы Абхазии и назовите ее соседей.
8. Найдите на карте Грецию, Рим, Византию (Константинополь), Геную.
9. Найдите Флориду и Калифорнию.
10. Назовите и найдите на карте республики Закавказья и Туркестана.

ПОЛОЖЕНИЕ

Автономная Социалистическая Советская Республика Абхазии занимает положение на земной поверхности, определяемое $42^{\circ}05'$ и $40^{\circ}15'$ восточной долготы (от Гринвича) и $42^{\circ}25'$ и $43^{\circ}30'$ северной широты.

Находясь в южной полосе Советского Союза, по своему широтному расположению Абхазия может быть сравнима с Югославией, Средней Италией, Южной Францией и Северной Испанией – в Европе, с Южным Казахстаном. Южной Манчжурией и Сев. Японией – в Азии и Соединенными Штатами Северной Америки.

Но такое сравнение, исключительно по отношению к экватору, дает очень мало, ибо широтное положение еще не играет решающего значения в географии страны.

Например, недалеко от Абхазии в тех же широтах лежит Дагестанская АССР – однако она, кроме одинаковой широты и гористого рельефа, ничуть не похожа в физико-географическом отношении на Абхазию, представляя собой безлесную, засушливую страну с холодной зимой и жарким летом.

Физическая география Абхазии гораздо более чем широтным положением определяется ее приморским положением.

Черное море, представляя собой наиболее глубоко вдающийся в сушу залив Атлантического океана, в значительной мере определяет природные условия Абхазии.

Черное море занимает огромную, по сравнению с территорией Абхазии, площадь («акваторию», от латинского слова «аква» вода), равную 411–540 кв. км, в то время, как территория Абхазии – 8.660 кв. км.

Расстояние между восточным и западным берегами достигает 1.150 км, между северным и южным – в среднем 600 км (наименьшая ширина между южным берегом Крыма и турецкой Анатолией – 270 км).

Черное море заполняет котловину, средняя глубина которой 1.200 м, а наибольшая – 2.200 м (на пересечении меридиана Евпатории и параллели Сухума). Склоны этой котловины со стороны Абхазии весьма круты и сравнительно недалеко от берега встречаются глубины до 500 м.

Грунт дна Черного моря состоит из синего, так называемого «континентального», ила, покрытого нередко белым налетом извести. На малых глубинах и у берегов дно моря покрыто прибрежным илом, смешанным с песком, галькой, ракушками.

Приток пресной воды (реки и осадки) превышает испарения, потому соленость Черного моря незначительна – 1,8 %, возрастаая на глубине 350 м до 2,2 %.

Характерно для Черного моря присутствие в воде сероводорода, почему ниже 180 м глубины живые существа отсутствуют, за исключением нескольких видов бактерий.

Черное море у берегов Абхазии никогда не замерзает, хотя благодаря северным ветрам, дующим на море, температура поверхности воды падает зимой (в январе) до 3°C, тогда как в августе она в среднем доходит до 23°C. На глубине 180 м температура почти постоянна на уровне 9°C.

Береговая линия Абхазии изрезана слабо. Наиболее выдающимися мысами являются: Пицунда, Соук-Су, Сухумский, Кодорский.

Единственной, более или менее защищенной бухтой, является Сухумская – довольно обширная (протяжение берегов до 23 км), но совершенно открытая юго-западным ветрам.

Пицундская и Гудаутская бухты меньше размерами и еще более открыты.

Береговая линия Абхазии в целом имеет направление параллельное Главному Кавказскому хребту. Горные хребты, за исключением Гагринского, расположены параллельно берегу, между горами и морем, поэтому всегда остается низменная полоса.

Черное море оказывает решающее значение на климат Абхазии в силу того, что все тепло и влага с моря сосредотачивается на небольшом пространстве в 8.660 кв. км, отгороженном наглухо высокой стеной Кавказских гор.

Приморское положение Абхазии и защищенное направление горных хребтов служит причиной основных природных особенностей страны.

Но Черное море имеет огромное значение и для экономики Абхазии, являясь наиболее удобным и дешевым способом сообщения и хозяйственной связи Абхазии с другими районами и странами.

Морской транспорт во много раз удобнее сухопутного. Если, например, перевозка 1 тонны лесного груза по морю на пароходе от Сухума до Гагры стоит 13 рублей, то перевозка этой же тонны груза от Сухума до Гагры на автомашине обойдется в 97 рублей, т.е. в 7,5 раз дороже. Таким образом, морской транспорт, как бы в 7 раз сокращает расстояние между Сухумом и Гаграми. А чем дальше расстояние, тем больше разница между морским и сухопутным транспортом. Подумайте и проследите, насколько трудно было бы перевезти груз от Сухума, скажем, до Неаполя по сушке. В то время, как по морю это не представляет особых трудностей.

Мы увидим в дальнейшем, что почти весь ввоз (импорт) и вывоз (экспорт) Абхазии проходит сейчас по морским путям.

Абхазия – горная страна. Поэтому в ней мало шоссейных и грунтовых дорог. Только сейчас с большими трудностями прокладывается на ее территории первая железная дорога. Отсюда ясно, что морской транспорт имел и имеет решающее значение для хозяйственных связей Абхазии с другими районами СССР и заграницей.

Конечно, развитие техники, постройка Черноморской железной дороги, ее электрификация, рост автомобильного движения и авиации, значительно сблизит расхождения между морским и сухопутным транспортом в народном хозяйстве Абхазии, но все же экономическое значение Черного моря для Абхазии останется велико.

Черное море связывает Абхазию с Грузией (Поти) и Аджаристаном (Батум), с портами Сев. Кавказа (Туапсе, Новороссийск) и Украины (Одесса), а также с зарубежными странами – Турцией, Грецией, Палестиной, Египтом, Италией, Францией, Испанией. Последнее обстоятельство имеет большое значение для внешней торговли. Черное море и береговое положение Абхазии играло определенную роль и в историческом прошлом Абхазии.

Кроме 200 километров морской границы, остальные рубежи Абхазии проходят по горным хребтам и рекам.

По р. Псоу Абхазия граничит с Сочинским районом Северо-Кавказского края РСФСР, по Главному Кавказскому хребту с Черкесской, Карабаевской и Кабардино-Балкарской автономными областями Сев.-Кав. края, по р. Ингур – с Земо-Сванетским и Зугдидским районами ССР Грузии. Ближайшим по историческим, национально-политическим и экономическим признакам, соседом является Грузия, в состав которой и входит сейчас Абхазия на автономных началах.

С Северо-Кавказскими автономными областями Абхазию связывают национальные признаки (абазины, черкесы), а с РСФСР и Украиной – экономический продуктообмен и общесоюзный план соц. реконструкции народного хозяйства.

При условии окончательной достройки Черноморской железной дороги Абхазия станет связующим звеном между Закавказьем и центральными районами СССР в смысле транзитного (проходящего) обмена.

В целом географическое положение Абхазии следует оценить с точки зрения экономического развития весьма благоприятным и открывающим широкие возможности и перспективы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Археологические раскопки на территории Абхазии говорят нам о том, что в полосе предгорий (Эшеры, Цебельда, Отхара) еще в первобытную эпоху жили люди, но для изучения современной экономики Абхазии это имеет мало значения. Гораздо больший интерес представляют сведения о том, что на побережье Абхазии за много веков до нашей эры (три тысячи лет назад) существовали богатые колонии Древней Греции: Диоскурия на берегу Сухумской бухты, Триглит (Гагры), Питиус (Пицунда), Зуфу (Лыхны), Никопия (Псырцха), Чам chir (Очемчиры) и др. Эти колонии доставляли богатому греческому государству ценное сырье и с.-х. продукты: лес, пушнину, вино, мед, фрукты и проч. Есть намеки на то, что древние колонисты разрабатывали рудные месторождения. Абхазское побережье тогда включалось вместе с Мингрелией в большую колониальную область – «Колхиду», которую греческие писатели прославили, как богатую и цветущую по своим природным условиям.

На пороге нашей эры греческие колонии попали под власть Римского государства, поскольку Греция уступила свое место огромной Римской империи. Римляне продолжали колонизацию побережья, ведя борьбу с местными жителями, которых они называли «генохами».

На побережье Абхазии не раз нападали воинственные племена северных народов – скифы и готы.

Таким образом, приморское положение Абхазии издавна сделало ее ареной крупных исторических событий. Проф. Пастернакский описывает это так:

«Эта узкая прибрежная полоса не раз служила воротами для прохода воинственных полчищ народов и при их передвижениях с юга на север и обратно. Древние Эллины (греки) потратили здесь большие средства и многие годы труда, чтобы создать блестящую греческую колонию. Римские легионы (полки), наследники богатейших древнегреческих колоний, не раз тяжелой пятой попирали этот берег, оттесняя горцев в их орлиные гнезда. Римские патриции (богачи) приезжали в свои изящные и уютные виллы (дома)».

Первые сведения об Абхазии мы имеем от древних писателей V–VI веков. Они позволяют установить, что в начале нашей эры абхазцы уже занимали территорию современной Абхазии, приедя сюда из древнейших населенных центров так называемой Передней Азии, вместе с передвижением родственных им кавказских народов – черкесов, кабардинцев и друг.

Развитие производительных сил абхазского родового общества, особенно рост значения крупного рогатого скота, укрепляло связи между отдельными абхазскими племенами.

Одновременно возникновение рабства и развитие обмена на основе роста прибавочного продукта, а также междуплеменная вражда выдвигает наиболее сильные фамилии (роды), сосредотачивающие в себе военно-административное управление. Так выделяются племенные вожди, будущие привилегированные феодальные сословия тавадов (князей) и аамыста (дворян).

Абхазские племена ведут борьбу за независимость с Византией – крупным торговым государством на востоке, наследовавшим греческие и римские колонии на побережье Абхазии. Византийский торговый капитал рассматривал Абхазию, как рынок для обмена. Византийцы держали в своих руках побережье и долины рек, по которым шли транзитные торговые пути на Северный Кавказ (Бзыбь, Гумиста, Келасури). Кроме того, чтобы укрепить свое владычество, Византия использовала, помимо прямого вооруженного захвата, методы духовного закабаления – религию. Византийские проповедники, пропагандируя в Абхазии христианскую религию, были лучшими помощниками торгового капитала. Еще и сейчас сохранились византийские церкви, построенные в V–VI вв. в Гаграх,

Пицунде, Лыхны, Команы, Илори, Мокви, Бедия и других пунктах Абхазии.

После ряда восстаний абхазским племенам в VIII веке удается освободиться от византийской зависимости. Пользуясь ослаблением Грузии, после нашествия арабов, абхазские племена объединяются с западно-грузинскими (картвельскими) племенами и создают так называемое Абхазско-имеретинское государство. В X веке в состав этого государства входит уже целиком вся Грузия.

Это Абхазо-карталинское «государство» является племенным объединением, хотя и занимало огромную территорию, но не могло быть прочным. В нем быстро растут феодальные элементы и, после жестокого экономического кризиса в XIII в., это государство распадается на несколько феодальных владений.

В самой Абхазии, после отделения от Грузии, усиливается процесс феодализации, выражющийся в том, что под влиянием развития производительных сил (рост земледельческой техники и проч.) и благодаря захватам рабов, скота, пастбищ и т.п., племенные вожди подчиняют себе свободные родовые и сельские общины. Крестьянин по-прежнему ведет свое самостоятельное хозяйство, но прибавочный продукт он обязан отдавать феодалу – таваду или аамыста, в силу личной зависимости. Эта личная зависимость обеспечена силой и военно-политической мощью феодалов, которые всеми способами принуждают крестьянина отдавать ему прибавочный продукт.

Феодальное хозяйство в целом носило натуральный характер, т.е. продукты производились для собственного потребления, но не для обмена. Сельскохозяйственные культуры: просо-абыста (кукуруза еще не была тогда известна в Абхазии), необходимые продовольственные и текстильные продукты. Большое значение имело скотоводство, предоставляемое мясо, молоко, шерсть, кожу.

В политическом отношении феодальная Абхазия представляла собой раздробленное на ряд мелких владений государство с очень слабой центральной властью. Носителем этой власти был «ах» – владетель из княжеской фамилии Чачба (Шервашидзе), живший в сел. Лыхны, но отдельные феодалы, особенно крупные тавады – Ачба, Маршанаа и другие – мало

считались с ним. Каждый из них был полным государем в своем владении. Беспрерывная вражда и постоянные войны между феодалами были причиной медленного развития производительных сил страны. Это развитие также тормозилось иноземными захватами наиболее цветущего района Абхазии – побережья.

В XII–XIV вв. побережье Абхазии держали в своих руках генуэзцы – агенты богатой итальянской торговой республики – Генуи. Они восстановили старые византийские колонии, основав ряд новых торговых пунктов и укреплений: Никопсия (Псырцха), Каво ди Буксо (Гудауты), Санта-София (сел. Алаказды), Хакари (Гагры) и др. Генуэзцы вывозили из Абхазии самшит, каштан, тис, меха, кожу и т.п. сырье.

Их господство на побережье Абхазии стало падать в XV веке, после захвата турками Византии (Константинополя), пока, наконец, они окончательно не были вытеснены турками, укрепившимися на побережье в XVI веке. Турки, укрепившись на побережье и построив две крепости, Сухум-Кале и Бала-Даг (Гагры), не шли вглубь страны, стараясь распространить, однако, в Абхазии магометанскую религию – ислам.

Хотя в Абхазии тогда и господствовало натуральное хозяйство, но внешний обмен все же существовал. До 1.500 судов привозили в Абхазию соль, металлы, порох, оружие, ткани и т.п. товары, в которых нуждалась Абхазия.

Особо важное место занимала работорговля. В XVII веке с Черноморского побережья Кавказа вывозилось до 12.000 рабов ежегодно. Большое значение имела и транзитная торговля с Черкесией и Кабардой, по долинам и ущельям рек Гумисты, Келасури, Кодора, через Марухский и Клухорский перевалы. Внешний обмен, вернее, доходы с него, были привилегией феодалов. Князья Чачба в начале XIX в. имели доход: с Очемчирского базара – 500 рублей серебром, с Келасурского (при устье реки Келасури) – 1.300 рублей серебром ежегодно.

В начале XIX в. к Абхазии протягивается хищная лапа Российского самодержавия – крепостнического государства, которое к этому времени начинает осуществлять свои захватнические планы в отношении Кавказа. В 1801 г. российский «военно-феодальный имперализм» (как его назвал Ленин) захватывает Грузию, а затем, пользуясь феодальной меж-

доусобицей, в 1810 г. выгоняет турок из Сухума и закрепляется в нем. В том же году владетель Абхазии Сефер-бей Чачба заключает с царской Россией договор, по которому он передал Абхазию «в наследственное подданство и вечное рабство» русскому царю.

Правительство царской России – правительство дворян и помещиков – в своей завоевательной политике опиралось на феодальные сословия абхазского народа – тавадов и аамыста. За то, что последние отдали Абхазию на хождение русским завоевателям, царское правительство в знак благодарности оказалось абхазским князьям и дворянам немалую помощь. Они получили чины, ордена, ценные награды и, что самое главное, царское правительство укрепляло их власть над крестьянством – усиливала феодальный гнет. Русский помещик хорошо понимал интересы абхазского дворянства, заключив с ним крепкий союз для совместной эксплуатации трудового крестьянства, для грабежа природных богатств страны.

Правда, под влиянием развития капиталистических отношений в России, царское правительство с середины XIX века меняет свой взгляд на Абхазию, рассматривая ее теперь как богатейший рынок промышленного сырья.

Но стать таким рынком Абхазия смогла, только освободившись от оков феодально-натуральных отношений.

Царское правительство делает решительные шаги. После ряда жестоко подавленных восстаний, после выселения десятков тысяч абхазских крестьян в Турцию, после уничтожения нескольких цветущих районов (Псху, Дал, Цабал), царское правительство окончательно «покоряет» Абхазию в 1864 г., превращая ее в «Сухумский военный отдел». С целью развития товарно-капиталистического хозяйства в Абхазии, царские чиновники проводят в 1870 г. крестьянскую реформу. Но и тут они не забывают, не обижают своих старых союзников – абхазских князей и дворян.

Абхазским князьям и дворянам выплачивается «пособие» в размере 400.000 рублей из царской казны.

Они получают сотни десятин лучших земель – пашен, лесов, пастбищ. А кроме того, крестьянин оставался таким же зависимым от тавада-

помещика. Только разница в том, что кроме личной зависимости (которая «временно» сохранилась до 1912 г.) он попадал еще и в экономическую зависимость, т.к. нищенский надел (2–3 га) земли не мог прокормить крестьянскую семью, и он принужден был арендовать землю у князя, выплачивая ему от 11/3 до 1½ урожая.

Вся суть подобного «освобождения» крестьян была, по словам, Ленина – «только в замене одном формы эксплуатации другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью».

Но реформа 1860 г., ухудшив положение крестьян и увеличив доходы князей и дворян, развязала руки капитализму, который начал проникать в Абхазию.

Абхазия начинает превращаться в сырьевую колонию, в рынок сбыта для товаров российского капитализма.

Еще в 1832 г. в Сухуме создается таможенная застава для охраны интересов российского торгового капитала от турецкой и английской контрабанды. Русские товары сначала шли сушей на выюках из Тифлиса, куда они прибывали по Военно-Грузинской дороге с Волги (Н. Новгород) и др. Поэтому они стоили дороже и не могли конкурировать с контрабандными товарами турецких и английских купцов, привозивших эти товары морем из Трапезунда.

Только после того, как российский царизм прочно закрепился на побережье Черного моря, после организации «Российского общества пароходства и торговли», российский капитал побеждает и становится монополистом в Абхазии.

Быстро растет вывоз из Абхазии ценного леса, например, вывоз самшита составил в 1848 г. – 910 тонн, в 1851 г. – 1080 тонн.

К 1890 г. через один только Сухумский порт проходило до 25.000 тонн грузов ежегодно.

Развитие торговли, поток фабричных товаров в Абхазию, разрушая натуральное хозяйство, наносит смертельный удар домашней крестьянской и кустарной промышленности. Этот процесс, характерный не только для Абхазии, но для всего Закавказья, прекрасно описан Лениным в его книге «Развитие капитализма в России»:

«В пореформенную эпоху... шло вытеснение туземных (местных) венчаковых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией московских фабрикаторов.

Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, сала и соды, кожи и т.д. – все эти продукты производились дешевле на русских фабриках. Падала обработка рогов и бокалов, вследствие упадка феодального строя в Грузии (и в Абхазии. – А.Ф.), падал шапочный промысел, вследствие замены азиатского костюма европейским; падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (в 1857 г. Гудаутский район вывез на продажу до 50.000 ведер вина. – А.Ф.), развивая бочарное производство.

Русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал (сглаживал) его местные особенности, создавал себе рынок для своих фабрик.

Господин Купон (капитал. – А.Ф.) безжалостно переряжал гордого горца в костюм европейского лакея»...

Рост товарно-капиталистических отношений, стремление русского капитала расширить в Абхазии рынок сырья и сбыта, колонизация пустующих после «махаджирства» (выселения абхазов в Турцию) земель русскими, армянами, греческими переселенцами способствовало географической специализации районов Абхазии на производстве тех или иных сельскохозяйственных товаров. Гудаутский район специализировался на виноделии, Гальский – на свиноводстве, Гагринский, Сухумский, Цебельдинский – на табаке.

По словам Ленина, «этот процесс специализации проявляется в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия, вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства. Эта специализация торгового и капиталистического земледелия проявляется во всех капиталистических странах, проявляется в международном разделении труда», проявляется и в пореформенной Абхазии – смело можем добавить мы.

Эта специализация и рост товарности сельского хозяйства сопровождается беспощадной эксплуатацией крестьянства абхазскими князьями-помещиками и скупщиками вина и табака – агентами промышленного капитала.

Эта эксплуатация и условия пореформенной системы хозяйства приводили к массовому обеднению сельского населения. Выкупные платежи, налоги, кабальная аренда, малоземелье, чересполосица и т.д. были причиной неуклонного сокращения земельных наделов основной массы крестьянства. В 1917 г. обеспеченность землей крестьянского двора упала до 2,5 га.

Перед революцией 1917 г. абхазские князья и дворяне имели 97.394 га, офицеры, чиновники и пр. помещики имели 34.283 га, церкви и монастыри имели 4.789 га, в то время как крестьянство в целом имело всего 75.000 га.

Характерным было и то, что под влиянием товарно-капиталистических отношений, быстрым темпом шло классовое расслоение (дифференциация) абхазской деревни: на одном полюсе выделялись крупные зажиточные кулацкие хозяйства, а на другом – масса разоряющейся, доведенной до полунищеты, деревенской бедноты.

Особенно ярко это расслоение протекало в районах технических культур – наиболее товарных районах Абхазии, т.к. в остальных районах Абхазии еще подчас были сильны остатки натурального хозяйства, задерживающие темп этого расслоения. Вот, что говорят данные о росте табачных плантаций в Абхазии перед революцией:

РАЗМЕР ПЛАНТАЦИЙ	1906 г.	1914 г.	Рост
Плантации от 1–5 га	3655	8895	в 2 раза
Плантации от 5–10 га	21	371	в 17 раз
Плантации от 10 и больше га	2	22	в 11 раз

Эта таблица ясно показывает, что число кулацких хозяйств (свыше 5 га) растет во много раз быстрее общего темпа увеличения табачных плантаций.

Одновременно с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве Абхазии, превращавшим Абхазию в сырьевую колонию капиталистической России, с 1900-х годов начинается проникновение финансового капитала в Абхазию.

Не желая, в целях сохранения монополии, индустриализировать национальные окраины, финансовый капитал, однако, ищет наиболее прибыльного и доходного применения свободных капиталов для эксплуатации наиболее ценных природных богатств, чтобы с наименьшими издержками производства получить высокую прибыль.

В 1898 г. крупный лесопромышленник – капиталист Максимов – берется за эксплуатацию лесных богатств на Кодоре, а несколько позже капиталист Балашев строит лесозавод в Гагринском районе на Бзыбском лесном сырье.

В 1909 г. при участии английских капиталистов организуется «Горнопромышленное Акционерное Общество Дзышра», для разработки свинцово-серебряных и медных руд в районе горы Дзышра – с основным капиталом в 200.000 фунт. стерлингов (2 миллиона рублей).

В 1905 г. образуется «Общество Ткварчельских каменно-угольных копей» с основным капиталом в 7.200.000 руб. для эксплуатации каменного угля в Ткварчельском районе. В 1911 г. капиталист Соловьев берется за разработку серебро-свинцовых и медных руд на горе Хицма (в верховьях р. Гумисты).

Но все эти предприятия отличались хищническими методами хозяйствования и оканчивались крахом в силу того, что капиталисты, желая как можно скорее получить высокую прибыль, не решались вкладывать капиталы на предварительные геологические, разведочные, дорожно-транспортные и проч. работы. Они искали легкой наживы, отличаясь авантюристическим, хищническим характером своих индустриальных начинаний.

Широкой же индустриализации в Абхазии быть не могло в силу того, что русский капитализм в основном рассматривал ее, как сырьевую колонию.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Двойной – классовый и национальный – гнет и феодально-капиталистическая эксплуатация вызывала, несомненно, отпор со стороны крестьянской бедноты Абхазии, примкнувшей в 1900-х годах к закавказскому рабочему движению.

Еще в 1903 г. в Сухуме организуется ячейка РСДРП, которая берет руководство революционным движением рабочих и крестьян в Абхазии.

В 1905 г. происходят крупные забастовки рабочих на лесозаводах Максимова и Балашева и растет крестьянское движение в селениях, выливавшееся порой в партизанскую борьбу с царской полицией и князьями-помещиками (Гудауты, Тамыш, Гагры, Дранды). После тяжелых лет реакции и войны, когда в Абхазию приходит весть о февральской революции, в Сухуме организуется «Комитет Общественной безопасности» из князей-помещиков и меньшевиков.

Но одновременно весной 1917 г. в Сухуме и Гудаутах создаются Советы рабочих и солдатских депутатов и ячейки большевиков. В ответ на контрреволюционную деятельность князей и дворян под руководством большевиков беднота Гудаутского района объединяется в боевую революционную организацию «Кераз».

Весной 1918 г. вооруженные восстания Красной Гвардии и «Кераза» устанавливают в Абхазии власть Советов, которая после полуторамесячного существования, падает под напором карательных отрядов меньшевистской «Народной гвардии».

Созданный меньшевиками «Абхазский Народный Совет», состоявший из князей, дворян, кулаков и буржуазной интеллигенции, постарался узаконить буржуазную земельную собственность законом 7 марта 1918 г., оставив лучшие земли в руках помещиков и кулаков. Хозяйничанье меньшевиков в Абхазии, карательные экспедиции, расцвет грузинского шовинизма в итоге привело к полному упадку народного хозяйства Абхазии. Обострение классовой и национальной борьбы и подпольная работа большевиков создало почву для свержения меньшевистской

власти. В конце февраля 1921 г. трудящиеся Абхазии с помощью Красной Армии вновь поднимают знамя Пролетарской резолюции. 4 марта 1921 г. Абхазия объявляется Социалистической Советской Республикой.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА АБХАЗИИ

В силу географического (главным образом – приморского) положения и особенностей рельефа в Абхазии, «азональные» физико-географические элементы (воды, рельеф, полезные ископаемые) занимают первое место и в значительной мере определяют собой «зональные» элементы.

По этой причине природные условия Абхазии отличаются большим разнообразием. Подробно это будет видно из следующей главы «III. Природные условия», но сейчас важно подчеркнуть значение этого **разнообразия**.

Маркс говорил, что «не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и смену тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, **средств и способов труда**». (Маркс. Капитал. Т. 1. С. 95).

Таким образом, Маркс ясно подчеркивает, что разнообразие природных условий, усиливая общественное разделение труда, «умножает» средства и способы труда, т.е. открывает широкие возможности для экономики того района, который обладает подобной разнородностью природных условий.

И если мы видим, что в Абхазии хозяйство в целом находилось до последнего времени на весьма низком технико-экономическом уровне, то это только потому, что использование природных богатств Абхазии тормозилось крайне неблагоприятными социально-историческими условиями. Только теперь развитие производительных сил народного хозяйства Абхазии, освобожденной от феодально-капиталистических цепей советизацией, пойдет быстрым темпом, соответствующим «естественному

условиям» страны. Только плановое социалистическое хозяйство может разумно, рационально использовать природные богатства Абхазии.

Первое место среди этих богатств занимают **горные и лесные** богатства.

Каменный уголь, руды, леса – вот, что служит «естественной основой» для строительства в Абхазии мощных индустриальных комбинатов не только закавказского, но и всесоюзного значения. Сейчас мы только приступаем к планомерному использованию горно-лесных запасов Абхазии. Ткварчелы, Бзыбстрой – это лишь первые камни абхазских индустриальных комбинатов, которые географически намечаются пока в районах: Очемчиры – Ткварчелы, устье р. Кодор – Дал, Пицунда – Дзыпра. Создание этих индустриальных комбинатов связано и основано на использовании запасов «белого угля» – гидроэнергии, которым Абхазия относительно богаче любой из республик Закавказья. Кроме горно-лесных богатств, важнейшее значение имеет возможность специализации сельского хозяйства Абхазии на субтропических культурах. Субтропические культуры дают высокоценное сырье для текстильной, пищевкусовой и химической промышленности.

Раньше промышленный капитал смотрел на Абхазию как на рынок сырья, где за счет колониальной **эксплуатации** рабочих и крестьян можно нажить высокую прибыль.

Мы сейчас, строя социализм, стремимся создать путем перестройки сельского хозяйства Абхазии сырьевую базу для нашей советской **социалистической** промышленности, чтобы освободиться от ввоза иностранного сырья, чтобы поднять **материальный уровень** жизни трудящихся Абхазии и всего СССР.

Эту принципиальную разницу надо учитывать и твердо помнить, подходя к вопросу о географической специализации Абхазии, что Абхазия теперь не колония, а равноправная советская социалистическая республика.

Наша советская промышленность нуждается в большом количестве субтропического сырья, которое до сих пор мы принуждены ввозить из-за границы, платя за него золотом иностранным капиталистам. Еще в 1927 г. в СССР было ввезено из-за границы:

Чая – 11 тыс. тонн – на 23,5 мил. руб.

Дубителей – 73 тыс. тонн – на 15,7 мил. руб.
(Для кожевенного производства).

Эфирных масел – 0,1 тыс. тонн – на 2,3 мил. руб.

Пробки – 7,4 тыс. тонн – на 2 мил. руб.

Цитрусов – 11,4 тыс. тонн – на 1,7 мил. руб.

Хины – на 2,6 мил. руб.

А всего ввезено на 47,800.000 рублей золотом. Эти деньги ушли к иностранным капиталистам, а на них ведь было можно построить 1 Ткварчелстрой или 2 Бзыбстроя или 68 Кодорстроев.

Вот, что теряем мы, не производя у себя субтропического сырья.

А ведь все эти субтропические культуры прекрасно растут у нас в Абхазии. **И почти только в Абхазии**, кроме Аджаристана и некоторых районов Грузии.

Большинство субтропических культур требуют теплого и влажного климата. Они не могут вообще расти там, где средняя годовая температура ниже 14° и количество осадков меньше 1,200 мм. У нас во всем Союзе ССР такими районами являются только Абхазия и Аджаристан.

(Есть субтропические культуры – например, хлопок, для которых условие **влажности** необязательно. Они растут в сухом, но непременно жарком климате. У нас в СССР – в Закавказье и Туркестане).

Таким образом, специализация сельского хозяйства Абхазии, при его социалистической перестройке (коллективизация и совхозное строительство), поможет освобождению промышленности СССР от иностранной зависимости по линии ввоза субтропического сырья. А это сбережет десятки и сотни миллионов рублей, которые можно вложить тогда на строительство социализма, на улучшение жизни трудящихся.

Тов. Яковлев на XVI Съезде ВКП(б) прямо сказал: «Закавказье должно стать Советской Флоридой и Советской Калифорнией».

Что такое Флорида и Калифорния? Это два штата Сев. Америки, которые в условиях географического разделения труда специализировались на производстве субтропического сырья и фруктов: табака, маиса, эфироносов, цитрусов (апельсинов и пр.).

Они не только обеспечивают субтропическим сырьем промышленность САСШ, но и господствуют на мировом рынке по ряду субтропических продуктов.

Природные условия Флориды и Калифорнии соответствуют природным условиям Абхазии и Зап. Грузии.

Вот сходство «естественных условий» и позволяет нам выдвинуть лозунг:

«Закавказье, в первую очередь – Абхазия и Аджаристан, должно стать **Советской** Флоридой и Калифорнией, **Советскими субтропиками**».

Уже сейчас сельское хозяйство Абхазии имеет некоторую специализацию по сравнению с другими республиками СССР. Об этой специализации говорят, например, данные о соотношении посевных площадей зерновых и технических культур (данные 1930 г.):

Республики	В % к общей посевной площади	
	Зерновые	Технические
СССР	79%	8%
ЗСФСР	84%	12%
Абхазия	58%	26%

Процент технических культур в общей посевной площади в Абхазии выше, чем в других республиках. Но самое главное то, что технические культуры, которые произрастают в Абхазии, ценнее, т.к. они являются по преимуществу субтропическими культурами.

Специализация сельского хозяйства Абхазии характеризуется еще и тем, что она, несмотря на незначительность своей территории, занимает первое место в Союзе ССР по ряду с.-х. культур.

Например, посевная площадь Абхазии под табаком составила:

в 1927 г. – 24% табачной площади СССР и 66% таб. площаи ЗСФСР;
в 1930 г. – 30,9% таб. площ. СССР и 82% Закавказья.

Еще ярче выступает значение Абхазии по линии самых ценных субтропических культур – **эфилоносов**:

В 1931 г. Абхазия занимала:

51% всей общесоюзной посевной площади герани,
90% всей общесоюзной посевной площади лимон. сорго,
100% всей общесоюзной посевной площади вербены,
55% всей общесоюзной посевной площади туберозы.

Все эти данные говорят о географической специализации Абхазии, как района ценных субтропических культур.

Следует подчеркнуть два момента, связанные с этой специализацией:

1) специализация проходит под знаком роста социалистического сектора в народном хозяйстве Абхазии;

2) специализация усиливает темпы индустриализации Абхазии.

Первое объясняется тем, что все субтропические культуры являются **трудоемкими** культурами, т.е. требуют большой затраты труда на единицу площади. Разведение их подчас не под силу единоличникам-крестьянам. В то время, как совхозы и колхозы, обладающие машинной техникой, rationalьной организацией коллективного труда, вооруженные агропытотом, прекрасно справляются с разведением этих трудоемких культур.

Недаром в 1931 г. социалистический сектор сельского хозяйства сосредоточил 67% посевной площади арахиса (земляного ореха), 100% посевной площади рами (ценное текстильное растение), 96% пос. площади эфилоносов, 63% чая и 62% цитрусов.

Второе объясняется тем, что разведение ценных субтропических культур в Абхазии связано с постройкой заводов и фабрик для переработки этого сырья на месте, открывая широкие возможности для развития в Абхазии химической и пищевой промышленности.

В 1931 г. построено 3 химических завода по переработке эфилоносного сырья для производства эфирных масел.

На наших глазах растут табачные ферментационные заводы и чайные фабрики.

Так специализация расширяет возможности для индустриализации Абхазии.

Уже в результате осуществления первой «пятилетки» Абхазия из отсталой в технико-экономическом отношении «кукурузной», полуколониальной страны в прошлом, превратится в индустриально-аграрную республику с мощно развитой горно-лесной промышленностью, с переделанным на социалистический лад субтропическим сельским хозяйством.

Район «Советских субтропиков» – вот «лицо» народного хозяйства Абхазии, вот ее основная специализация в условиях осуществления великого плана строительства социализма в СССР.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

- 1) В чем выгода географического положения Абхазии?
- 2) Какие государства имели влияние на исторически судьбы Абхазии?
- 3) В чем причины и сущность реформы 1870 г.?
- 4) Почему Абхазия до советизации не имела своей промышленности?
- 5) В чем заключаются основные природные богатства Абхазии?
- 6) Почему специализация Абхазии связана с соц. реконструкцией народного хозяйства?

3. Природные условия

РАБОТА С КАРТОЙ

1. Найдите боковые хребты: Кодорский, Бзыбский и Гагринский.
2. Найдите Мюссерскую, Эшерскую и Цебельдинскую возвышенность.
3. Найдите гору Дзышра.
4. Найдите реки: Псоу, Бзыбь, Гумиста, Келасури, Кодор, Аалдзга (Гализга), Ингур, и назовите их главные притоки.

5. Найдите сел. Ткварчели, Чхортоли, Окум.
6. Найдите долину Псху и проследите дорогу к ней от Сухума и Гудаут.

Рельеф. Абхазия – горная страна, образованная Главным Кавказским хребтом и его отрогами, имеет общее падение на юго-запад к Черному морю.

Отрезок Главного Кавказского хребта, по которому проходит северная граница Абхазии (от Тубинского до Нахарского перевалов) носит название «Абхазских Альп». Главными вершинами «Абхазских Альп» являются: гора Домбай-Ульген – высотой 4.041 м над уровнем моря, г. Белалкая – 3.920 м, г. Гвандра – 4.050 м, г. Эрцаху – 3.868 м.

Средняя же высота «Абхазских Альп» подымается более 3.000 м над уровнем моря.

«Абхазские Альпы» с их острыми скалистыми вершинами покрыты вечными снегами и льдами. Благодаря большой влажности воздуха, зависящей от ю.-з. морских ветров, на южном склоне «Абхазских Альп» снег лежит ниже, чем обычно на Кавказе, и даже летом не тает на высоте до 2.700 м над уровнем моря. Выше этой линии с гор сползают мощные ледники (Аманаузский, Алибекский и др.), а ниже и летом можно встретить отдельные снежные «языки» и полянки, образующие как бы снежные мосты над кипящими и бурными потоками и ручьями.

На всем протяжении «Абхазские Альпы» проходимы лишь в нескольких местах. Таких мест или «перевалов» очень немного и доступны они только летом два-три месяца в году.

Наиболее важными перевалами, которые издавна являлись «воротами» из Абхазии на Северный Кавказ, являются: Марухский (выс. 2.726 м), Клухорский (2.818 м) и Нахарский (2.932 м). Ко всем трем перевалам идет старинный торговый путь с побережья по реке Кодор.

К Главному хребту примыкают под углом боковые или второстепенные хребты: Гагринский, Бзыбский, Кодорский.

Гагринский – служит водоразделом между бассейнами реки Псоу и Бзыбью и подходит вплотную к самому морю у города Гагры, достигая высоты 3.000 м.

Бзыбский – служит водоразделом между р. Бзыбью и р. Гумистой. Его главная вершина – г. Чедым – подымается на 2.795 м.

Кодорский – разделяет бассейны р. Кодора и р. Ингура и достигает высоты до 3.500 м. Кодорский хребет по-абхазски называется «Панавю».

Все боковые хребты покрыты густыми лесами и горными альпийскими пастбищами, куда летом гоняют скот почти из всех селений Абхазии. Между Главным и боковыми хребтами переплетаются бесчисленные отроги, цепи самостоятельных гор, водораздельные гребни, увалы, холмы, террасами спускающиеся к морю.

Все это является причиной образования узких и глубоких ущелий и котловин с крутыми отвесными скатами, по дну которых обычно текут быстрые мелководные ручьи и реки.

Реки промыли среди гор продольные (вдоль хребта) или поперечные (прорвав хребет) долины с прекрасным климатом и богатой растительностью, вполне пригодные для сельского хозяйства, но изолированные, отрезанные труднопроходимыми горными хребтами. Такова, например, долина Псеху в верхнем течении р. Бзыби, отрезанная от мира в течение 6–7 мес.

Такое сложное устройство поверхности характерно для большей части Абхазии. Недаром исследователь В.И. Черняевский назвал рельеф горной Абхазии – «ущельным» рельефом.

Но чем ближе к морю, тем ниже становятся горы и холмы и вдоль самого берега моря идет узкая прибрежная полоса, представляющая равнину с небольшими возвышенностями и холмами не выше 200 м над уровнем моря, а местами – заболоченную (Пицунда, Гальский район).

Эта прибрежная низменность, длиной до 210 км, по ширине весьма различна. У Гагр ее ширина всего 100–200 метров, за р. Бзыбью (Гудаутский район) она равняется 15–20 км. У Псырцхи снова сужается до 3–5 км и только за р. Кодором расширяется, достигая в Гальском районе до 40 км и сливаясь за рекою Ингуром с так называемой Колхидской или Рионской низменностью.

Эта прибрежная полоса отличается очень теплым климатом, наибольшей густотой населения и самыми широкими возможностями для ведения здесь субтропического хозяйства.

Таким образом, в целом по рельефу, Абхазию можно разбить на три части:

- 1) прибрежная низменность, до 200 м над уровнем моря;
- 2) область предгорий (по абхаз. «ахуца»), до 600 м;
- 3) высокогорная область (Главный и боковые хребты), выше 600 м.

Только одну треть всей площади Абхазии (39%) занимают низменность и предгорья, где и сосредотачивается вся хозяйственная жизнь республики.

Выше 600 м над уровнем моря местность, как правило, неудобна для сельского хозяйства и заселения. Здесь распространено лишь скотоводство (на горных пастбищах), охота и лесные промыслы.

Рельеф Абхазии оказывает решающее значение на все прочие природные условия страны в целом. Горные хребты загораживают побережье от северных холодных ветров и задерживают тепло и влагу, идущую с моря.

Горы являются причиной так называемой «вертикальной зональности». Вертикальная зональность проявляется в том, что по мере поднятия в горы от побережья климат, растительность, почва изменяются также, как при передвижении с юга на север.

Если ехать из Сухума в Мурманск, увидишь, что климат и растительность изменяется, делается суровее, точно так же, когда поднимаешься из Сухума в горы, скажем, до Клухорского перевала. Здесь тоже можно наблюдать, как одна климатическая полоса, пояс или «зона» сменяется другой, более суровой. Вот эта смена «поясов» или «зон» по вертикали по мере поднятия над уровнем моря и называется «вертикальной зональностью».

Рельеф оказывает большое влияние и на характер, направление и режим рек. Все реки Абхазии текут, в общем, в ю.-з. направлении, т.е. в ту сторону, в которую снижаются горы.

Рельеф оказывает и большое влияние на народное хозяйство Абхазии, в первую очередь – на транспорт. Слабое развитие транспорта, плохое состояние путей и средств сообщения в значительной степени объясняется сложным рельефом страны. Конечно, теперь это влияние рельефа на экономику смягчается, меняется в связи с развитием современной техники. Человек побеждает горы, устраивая тоннели, мосты, виадуки, взрывая скалы, бетонируя осьпи и обвалы.

Реки и озера. Сложный пересеченный рельеф, близость моря, влажность и большое количество осадков, – все это причины того, что на поверхности Абхазии имеется много рек и ручьев. Все они в основном текут в направлении от Главного Кавказского хребта к Черному морю.

Крупные реки Абхазии берут свое начало в отрогах Главного хребта и питаются вечными снегами и льдами.

Ингур – большая река, по которой проходит граница с Мингрелией, в большей своей части протекает по ущельям и глубоким теснинам горной Сванетии. В нижнем своем течении Ингур доступен для сплава леса и даже для лодочного сообщения.

Не считая пограничного Ингура, самой крупной рекой Абхазии является Бзыбь – длина ее 101 километр. Истоки Бзыби – бурные горные потоки и ручьи, текущие из ледников Главного хребта. Сливаясь вместе и присоединяя к себе потоки и речки, спадающие с бокового Бзыбского хребта, они образуют мощную реку, промывшую себе глубокую долину между Главным и Бзыбским хребтами, покрытую вековыми хвойными лесами. Бзыбь имеет только два крупных притока – р. Гега и р. Баул или Дзиу. Оба они стекают в Бзыбь с заоблачных снежных высот Главного хребта. Река Бзыбь сначала течет в западном направлении, но, встречая на своем пути гранитный массив горы Арабика, круто поворачивает на юг и, прорываясь через боковой хребет, как бешеный зверь, выскакивает из узкого ущелья на прибрежную низменность в 12 км от моря. Здесь она течет более спокойно по широкой длине и впадает в Черное море на западной окраине Пицундского мыса. В бассейне реки Бзыби расположены огромные лесные богатства. Эти леса будут служить сырьевой базой для Бзыбского лесопромышленного комбината, который строится по 5-летнему плану («Бзыбстрой»).

Бзыбь, как и большинство других абхазских рек, относится к «альпийскому» типу рек, для которых характерно поднятие уровня воды и увеличение скорости течения летом и некоторое обмеление зимой. Это происходит потому, что эти реки берут начало в горах, где летом усиленно тают снега и льды, а зимой многие источники ручьев и потоков замерзают, и питание рек сокращается.

Все реки Абхазии, особенно мелкие, текущие в предгорьях, часто меняют свой уровень и быстроту в зависимости от выпадения осадков.

У сел. Калдахвары в обычное время Бзыбь не широка и мелководна (2–3 метра глубины). Но стоит в горах пройти большому дождю или ливню, Бзыбь превращается в бешеный многоводный поток, который перекатывает огромные камни, дробит и ломает скалы, подмывает целие сотни кубометров земли, вырывает с корнями громадные деревья... Страшна и недоступна Бзыбь во время горного ливня.

Бзыбь зажата горами, но другие абхазские реки имеют больше свободы. Они после дождей широко разливаются, выходят из берегов, смывают посевы и постройки, приносят сотни тысяч рублей убытку.

Все, что несут с собой реки – песок, камни, ветки, деревья и пр., они отлагаются в устье при впадении в море, где образуются мели, перекаты, острова.

В устье реки сильно разливаются, появляются заводи и озерки, которые в условиях теплого и влажного климата быстро застают густой травой и образуют настоящие болота – рассадники малярии.

Так, например, при устье Бзыби, где была начата постройка Бзыбкомбината, эти болота сорвали промфинплан нескольких месяцев из-за того, что рабочие массами заболевали малярией. В 1930 г. пришлось провести экстренные мероприятия по осушке Бзыбских и Пицундских болот и, только после ликвидации очагов малярии, работа пошла нормально.

Следующая по величине река Абхазии – Кодор, образуемая слиянием двух больших горных рек – Чхалты и Сакена. Сакен начинается на границе с Верхней Сванетией на высоте около 4.000 м и, принимая в дальнейшем быструю, кипучую, серебристую речку Гвандру, сливается с рекой Чхалтой, падающей с высоты 3.000 м – с ледниковых горы Эрцаху. Так образуется Кодор – мощная река длиною 96 км, протекающая по цветущему, заросшему прекрасным буко-каштановым лесом, Дальскому ущелью. Прорываясь сквозь отроги Кодорского (Панавского) хребта у скалы Багад, Кодор перерезает прибрежную низменность и впадает в море, образуя широкую дельту и разветвляясь при устье на несколько рукавов.

В бассейне реки Кодора расположены, как и на Бзыби, богатые леса, служащие базой для Кодорского лесозавода.

Прочие реки Абхазии – Гумиста, Аалдзга (Гализга), Окум, Псоу, Келасури и др. – значительно уступают по величине Бзыби и Кодору и берут начало из боковых хребтов.

Все абхазские реки изобилуют порогами, мелями, водопадами (самый крупный водопад на р. Клыч – притоке Гвандры), и поэтому непригодны для судоходства и даже затрудняют сплав леса. Если Кодор еще допускает сплавлять бревна, то Бзыбь разбивает их о камни и делает сплав экономически невыгодным. В силу этого приходится прибегать к искусственным сооружениям – водяным лоткам и этим путем заставлять непокорную реку служить для сплава леса от места лесоразработок в горах на побережье.

Но бурные абхазские реки имеют одно преимущество: они богаты водной силой, гидроэнергией – «белым углем». Теоретические запасы гидроэнергии всех рек Абхазии определяются до 1 миллиона лош. сил. Экономически выгодная мощность только 5 абхазских рек по исследованиям 1920 года равняется почти 400.000 лош. сил:

- 1) Бзыбь 101.970 л. с.
- 2) Кодор..... 218.180 л. с.
- 3) Гализга..... 20.520 л. с.
- 4) Гумиста 6.000 л. с.
- 5) Келасури 8.400 л. с.

Это количество энергии может заменить 177.000 вагонов кам. угля или 1.500.000 тонн нефти. Вот какое значение имеет гидроэнергия абхазских рек для народного хозяйства страны. На основе этих запасов «белого угля» строится план электрофикации Абхазии, о котором будет сказано впоследствии. Реки Абхазии имеют значение для экономики страны еще и потому, что ущелья, промытые ими, служат единственными путями сообщения для связи побережья с горными районами Абхазии (пример: быв. Военно-Сухумская дорога по ущелью Кодора или тропа на Псху по ущелью Гумисты), а долины, образованные наносами рек при устье, обладают щедрыми плодородными почвами, дающими богатые урожаи.

Абхазия богата озерами, которые можно разделить на два типа: морского происхождения (Анышх-цара и Инкит на Пицунде) и высокогорные (Рица, Клухорское, Папанцхур), большей частью ледникового происхождения.

Высокогорные озера отличаются наличием большого количества рыб и расположены в глубоких котловинах с прекрасным, ровным, безветренным климатом, допускающим возможности курортного строительства.

Болота на побережье, служащие сейчас рассадниками малярии (Пицунда, Сухумская низменность, Гальская низменность), при условии их осушения дадут десятки тысяч га плодороднейшей земли.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Горные породы, из которых сложена поверхность земной коры, различаются по древности их происхождения. Самыми древними (архейскими) породами являются гранит, гнейс, кристаллические сланцы.

Из этих пород сложен Главный Кавказский хребет – «Абхазские Альпы».

Ниже эти породы прикрыты уже более молодыми наслоениями – так назыв. «юрскими» породами: известняками, доломитами, сланцами и песчаниками.

Эти породы занимают больше половины площади горной Абхазии и богаты полезными ископаемыми. Полоса «юрских» пород включает в себя гору Дзыпра с залежами серебро-свинцовых и цинковых руд и каменноугольные пласты в верховьях р. Гумисты, близ сел. Джгерды и в Ткварчелах. Еще ниже, все также параллельно Главному хребту, тянется полоса «меловых» пород – известняков, из которых сложен ряд второстепенных хребтов и отрогов... «Меловые» породы ближе всего подходят к морю у Псырцхи и у Гагр. Характерно, что известняки и «меловые» породы легко пропускают воду и разрушаются ею. Поэтому в полосе «меловых» пород в горах встречаются в Абхазии так называемые «карстовые» явления: впадины, трещины, провалы, ямы, подземные ручьи и реки и сталактитовые пещеры.

Предгорья заполнены еще более молодыми «третичными» отложениями – глинистыми, мергелистыми и песчаными сланцами, и наконец, побережье от Ингурата до Кодора и долины при устье рек, сложены из са-

мых молодых «четвертичных» отложений – перемешанные с галькой, песчаные и глинистые наносы – результат работы моря и рек, а также остатки и обломки, принесенные ледниками, которые когда-то спускались с гор до самого побережья (в «ледниковый период»). Следует запомнить, что горные породы в Абхазии располагаются, как только что было сказано, одни за другими, по вертикальным поясам или зонам.

В связи с разнообразием геологического строения Абхазия обладает многими полезными ископаемыми.

Первое место по своему экономическому значению занимают месторождения каменного угля: в Ткварчельском районе, в Калдахварском районе (на левом берегу р. Бзыби). Последнее месторождение еще не изучено. Закрайком ВКП(б) в «Мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б)» от 31 октября 1931 года указывает на необходимость окончить геолого-разведочные работы по бзыбскому каменноугольному месторождению в 1932 году.

Более исследовано Ткварчельское месторождение, где строится по 5-илетнему плану мощный каменноугольный рудник – «Сталинстрой».

Ткварчельский уголь залегает пластами в верхнем течении р. Аалдзга (Гализга) на высоте до 3.000 метров выше уровня моря на площади до 45 км. Общие запасы угля, по мнению некоторых исследователей (инж. Черневский и др.), достигают там 225 миллионов тонн, но достоверные промышленные запасы, наиболее удобные для разработки (по реке Хеликвара – притоку Аалдзга) определены Геологическим Комитетом Академии наук СССР в 48 миллионов тонн.

Кроме каменного угля в Абхазии во многих местах встречаются серебро-свинцовые и цинковые месторождения, но до сих пор они не изучены, т.к. те из капиталистов, которые до революции пытались эксплуатировать эти месторождения, делали это хищническим путем, не производя научно-исследовательских работ.

Свинцовая руда давно известна на горе Дзышра (Гудаутского района), где она содержит, по предварительным случайным исследованиям, до 83% свинца. Кроме Дзышры, свинцовая руда с признаками серебра и меди встречается на горе Хицма, в местности Ахида-Акара в верховых Гумисты, в верховьях р. Джампал, по р. Окуму, в местности Доуляк (Бзыб. хребет).

Цинковая руда найдена на горе Дзышра (содержит 48% цинка) и в предгорьях Гальского района.

Железная руда обнаружена в верхнем течении р. Бзыби, в отрогах Главного Хребта, по р. Кодору и в бассейне р. Аалдзга, к с.-в. от Ткварчел.

Отдельные признаки наличия **медной руды** встречены по р. Клы – приток Гвандры, в районе г. Дзышра и в предгорьях Кодорского хребта в Гальском районе.

Все эти месторождения не исследованы, отчего трудно делать какие-либо выводы об их экономическом использовании, за исключением Ткварчельского угля и рудоносного района горы Дзышра.

5-летний план предусматривает широкие горные разведки на территории Абхазии. Возможно, что во второй пятилетке мы будем иметь данные для того, чтобы приступить к разработке ряда новых, еще неизвестных сейчас полезных ископаемых Абхазии. К полезным ископаемым надо отнести залежи асбеста в верховьях р. Сакена, месторождение мрамора у сел Чхортоли (Гальского района) и наличие горной смолы (асфальта) в отрогах Гагринского хребта (по хребту Ахирша). Наличие горной смолы и соляных источников некоторыми исследованиями (английский инж. Джек Лэнд и др.) связывается с тем, что в бассейне среднего течения р. Бзыби имеется нефть. Но, серьезных разведочных работ здесь не производилось, и этот вопрос остается открытым.

К минеральным богатствам Абхазии надо отнести еще и минеральные источники. Последние также мало исследованы, но многие из них давно известны населению, пользуясь славой «народных курортов». Таковы соляные источники в Гагринском районе, углекислые «нарзаны» в верховьях р. Бзыби и р. Кодора, сернистые источники на р. Чхалте, на р. Басла, около Сухума и в Ткварчельском районе. Наличие минеральных источников открывает широкие возможности для развития в этих пунктах курортно-лечебного строительства.

Почва. Геологическое строение рельефа (поверхности) оказывает влияние не только на распределение полезных ископаемых, но и на почвообразование. Та или иная горная порода, подстилающая почву, определяет ее физические и химические свойства. Конечно, на почву оказывают влияние еще форма поверхности (направление склонов, крутиз-

на) и климат (влажность, осадки), и растительность (перегной). Особое значение для почвы имеет и воздействие человеческого труда. Пахота и применение химических удобрений значительно изменяет свойства и плодородие почвы.

Так же как и горные породы, почвы в Абхазии располагаются по вертикальным поясам-зонам и смена этих зон зависит от высоты над уровнем моря.

Прибрежная низменность и долины рек покрыты болотистыми и насыщенными плодородными почвами, богатыми перегноем, которые с успехом могут быть использованы для субтропического хозяйства.

Холмы береговой равнины и нижние предгорья характерны желтоzemными и красноземными (латеритными) почвами, которые при очистке их от зарослей папоротника служат лучшими почвами для культуры чая. Красноземы особенно распространены в Гальском и Кодорском районе.

Верхние предгорья заняты буровоземами (Эшерская и Мюссерская возвышенности) и светло-серыми подзолистыми сланцевыми почвами, на которых хорошо удаётся табак. Эти поля быстро истощаются, но при условии химизации дают хорошие урожаи. В этой же полосе встречаются подзолистые тяжелые глинистые почвы с оползнями (пример: участок шоссе Эшеры – Псырцха), бездоходные сейчас, но могущие быть использованы для субтропического садоводства (эвкалипт, хурма и пр.).

Выше идут горно-лесные глинистые и известковые почвы, причем высокогорные местности отличаются грубыми, щебневатыми, так наз. «скелетными» почвами с осипями, обвалами и т.п. Разнообразие почв, зависящее от влияния рельефа, климата и пр., открывает широкие возможности для народного хозяйства Абхазии.

Климат. Положение Абхазии, лежащей на берегу теплого незамерзающего моря и отгороженной высокими горными хребтами от холодных северных ветров, определяет климатические особенности республики.

Кроме моря, решающее значение для климата имеет не только направление хребтов, но и высота над уровнем моря.

«Вертикальная климатическая зональность» – закон, который нигде не проявляется так резко, как в Абхазии. В жаркий июльский полдень

приезжающие в Сухум туристы, сидя под широколистным бананом или веерообразной пальмой, с удивлением смотрят на снежные вершины гор, расстояние до которых по прямой линии меньше 50 км, цветущие сады с роскошными субтропическими растениями, и снега и льды горных вершин – это очень удивляет тех, кто видит впервые это прекрасное противоречие.

Но удивительного здесь ничего нет. Это просто проявление «вертикальной климатической зональности».

С поднятием над уровнем моря климат меняется так же, как при путешествии с юга на север. На каждые 200 м высоты над уровнем моря средняя температура падает (снижается) на 1 градус. Так, например, средняя годовая температура в Сухуме (10 метров над уровнем моря) 14,4° С, а в долине Псху (свыше 600 метр., н. у. м.) 9,3° С. А средняя температура – яркий показатель климата.

Значит, по мере поднятия над уровнем моря, средние температуры уменьшаются.

Осадки (дождь и снег), наоборот, увеличиваются с поднятием над уровнем моря. Происходит это потому, что облака и тучи, идущие с моря, свободно проходят на прибрежной низменности, но задерживаются горами. Благодаря холодной температуре воздуха в горах, там получается сильное сгущение водяных паров, поднимающихся по склонам. Потому на склонах гор и выпадает больше осадков, чем на побережье.

Например, если в Сухуме выпадает за год 1443 миллиметра осадков, то в Цебельде (на высоте 400 метров) – уже 1779 мм, а в Псху (свыше 600 метров высоты) – 1992 мм.

Ветры, так же как температура и осадки, зависят от рельефа. На побережье характерны слабые морские ветры – «бризы», – регулярно меняющие свое направление в течение суток. Днем «бризы» дуют с моря, а ночью – с гор.

Летом на побережье бывают сильные юго-западные морские ветры, приносящие много влаги. Тогда проходит полоса сильных дождей-ливней.

В горах благодаря стеканию холодного воздуха вниз по склонам в узких ущельях образуются особые горные, холодные ветры, дующие из

ущелий и речных долин на прибрежную низменность. Эти ветры каждый ощущает, проезжая по приморскому береговому шоссе: как только поравняется дорога с выходом из ущелья, так сразу охватывает холодная волна.

Благодаря закону «вертикальной зональности» в климатическом отношении Абхазию можно разделить на 5 климатических поясов или зон.

I. Зона влажного субтропического климата средиземноморского типа

Эта климатическая зона обнимает прибрежную низменность и холмы высотой до 900 м над уровнем моря и отличается теплой осенью и зимой, и более холодной весной.

Средняя годовая температура этой зоны колеблется от 14° до 15°. Средние месячные температуры распределяются так:

	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Год
СУХУМ	6,3	6,6	9,8	12,8	17,0	20,8	23,5	23,6	20,5	16,6	14,4	8,4	14,9
ГАГРЫ	7,3	7,5	9	12,5	17,1	21,2	23,9	24,1	20,6	16,9	12,4	9,2	15,1

Благодаря теплой зиме осадки выпадают в виде снега очень редко, обыкновенно, и летом, и зимой идут дожди.

Общее количество осадков за год равно: в Сухуме – 1300 мм, в Гаграх – 1343 мм.

В этой зоне осадки (дожди) больше выпадают зимой и осенью, чем летом, причем летом иногда бывают довольно долгие засушливые периоды без дождя, что плохо влияет на урожай. Метеорологические наблюдения показывают, что в Сухуме 55% всего годового количества осадков выпадает зимой и осенью, а летом и весной – 45%.

Если, например, в декабре выпадает 143 мм осадков, то в июне – только 96 мм, а в августе – 92 мм.

В связи с большим количеством осадков в этой зоне наблюдается высокая влажность воздуха (в среднем за год на 72%).

Несмотря на большое количество осадков и высокую влажность воздуха в этой зоне много солнечных, безоблачных дней.

В Сухуме, например, за год зарегистрировано только 60 бессолнечных и 66 пасмурных дней. Остальные дни (239 дней) ясны и солнечны.

Ветры, дующие в этой зоне, носят характер «бризов», о которых говорилось выше.

Зимой иногда бывает здесь особый ветер – «фен», который скатывается с гор и приносит на несколько дней сухую и ясную, совсем летнюю погоду.

Климат этой зоны в целом можно сравнить с климатом Средней Италии, Северной Испании и Южной Франции.

Но, надо заметить, что эта климатическая зона не однотипна. В ней можно выделить теплые и холодные районы.

Теплыми районами будут те кусочки побережья, которые отгорожены близко подходящими к морю горами: Гагринский, Мюссерский, Псырцхинский, Сухумский и др. районы.

Холодными – открытые для горных ветров, дующих из ущелий и речных долин: Пицундский, Драндо-Бабушерский, Очемчирский районы и вся Гальская низменность.

II. Зона влажного субтропического климата японо-китайского типа

Эта зона обнимает холмы и предгорья от 200 м до 400 м над уровнем моря и отличается от первой более холодной зимой и большим количеством осадков. Средние годовые температуры колеблются от 13° до 14° С.

Годовое количество осадков здесь значительно выше, чем на берегу моря, достигая, например, в Ермоловке (Пиленковского района) на выс. 250 м – 1637 м, и в Цебельде (400 м) – 1779 м.

Причем в отличие от 1-й зоны осадки выпадают здесь летом и зимой почти поровну. Летом здесь часто выпадают осадки в виде мощных ливней, которые служат причиной больших разливов и наводнений горных рек.

Например, 1 сентября 1928 года здесь выпало за 3,5 часа 121 мм осадков, т.е. столько же, сколько в Азербайджане выпадает за 8 месяцев.

Эта зона напоминает климат ю.-в. побережья Китая, Японии, Флориды (Сев. Америка), Чили (Юж. Америка). Эта зона, как и первая, благодаря теплой зиме и высокой влажности является наиболее характерной для Абхазии. Эти две зоны и дают право называть Абхазию районом «Советских субтропиков». В этих зонах могут свободно произрастать субтропические растения, дающие высокооцененное сырье для Советской промышленности.

Теплая, влажная, ясная и почти бесснежная зима – причина того, что морозы весьма кратковременны и редко достигают -5° и -6° (за 52 года только один раз температура упала до -11° в суровую зиму 1911 года).

В то же время субтропические растения могут выживать при следующей температуре:

- 1) эфилоносы – до -3° ,
- 2) лимоны и апельсины – до -8° ,
- 3) мандарины – до -15° ,
- 4) чай, лавр, маслина – до -18° .

Значит, разведение этих растений на побережье Абхазии вполне возможно, особенно если на всякий случай принимать меры искусственно-го отепления (особенно для эфилоносов), что и делается сейчас в наших субтропических совхозах.

Климат этих двух зон влажных субтропиков, допускающий здесь субтропическое хозяйство, является одним из важнейших природных богатств Абхазии. Только 5-летний план впервые открыл доступ к использованию этого богатого и щедрого климата побережья Абхазии.

Кроме того, влажный субтропический климат имеет огромное значение для курортного строительства. Гагры, Псырцха, Сухум, Гульрипш – уже и сейчас известны, как лучшие курорты для легочных, туберкулезных и нервных больных. А между тем в этих двух климатических зонах – десятки мест, где можно построить санатории и дома отдыха для «ремонта здоровья» трудящихся всего СССР.

Такими местами являются, например: Ермоловск, Миассера, Хуап (Гудаутск. района) Гудауты, Эшеры, Цебельда, Латы, Гуада (Кодор. р.) и т.п. Это все будущие курорты в масштабе СССР.

В 1932 г. в курортное строительство Абхазии будет вложено 4,5 миллиона рублей.

III. Зона умеренного климата

Эта зона обнимает местности, лежащие на высоте от 400 до 1,600 м над уровнем м.

Нижняя часть этой зоны (примерно до 600 м) приближается к субтропическому климату и характеризуется средними годовыми температурами 10°–12°.

Выше 600 м климат имеет данные, позволяющие сравнить его с климатом Западной Европы, а выше 800 м напоминает уже умеренно-холодный климат средней полосы РСФСР, приближаясь на высоте 1.200 м к холодному климату со средней годовой температурой +6° и +5°.

Эта зона горных лесов и с.-х. культур умеренного и умеренно холода-ного климата.

IV. Зона Альпийского климата

Начиная от высоты в 1.600 м, она отличается средней годовой от +4° до 0°, суровой зимой и коротким летом. В этой зоне расположены богатые травянистыми кормами альпийские пастбища, доступ для выпаса скота всего 3–4 месяца в году.

Годовое количество осадков в этой зоне высоко и достигает здесь 2.000 мм, причем осадки выпадают большей частью летом, чем и объясняется мощное развитие летних альпийских лугов.

V. Зона полярного климата

В этой зоне средняя температура самого теплого месяца ниже 0°. Это зона горных вершин свыше 2.700 м н. у. м., покрытых вечными снегами и льдами, совершенно невозможная для с.-х. использования.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Недаром говорят, что растительность – зеркало климата.

Действительно, растительность Абхазии, соответствуя ее климату, распределяется так же по закону «вертикальной зональности».

На прибрежной низменности, в зоне влажного субтропического климата, пышно расцветает роскошная субтропическая растительность. Здесь широко распространены лавры, мирты, лавровиши, азалии, кипарисы, хурма, мушмула, инжир и много других так называемых вечнозеленых растений. В садах быстро прививаются, найдя себе вторую родину, пальмы (особенно пальмы-«хамеропсы» с мохнатым, точно войлоком закутанным стволом), магнолии, маслины, мандарины, апельсины, лимоны, бананы, бамбук и пр. Это почти единственный (за исключением Аджаристана) уголок в СССР, где можно встретить такое разнообразие субтропической растительности. Почти все эти растения имеют огромное экономическое значение. Разведение их освобождает Советский Союз от ввоза из-за границы эфирных масел (герань, лимонное сорго, эвкалипты), дубильных веществ (акаций-мимозы), текстильного сырья (рами, агавы, новозеландский лен), лекарственного сырья (хинное дерево, камфорный лавр), пробки (пробковый дуб), ценных фруктов (лиmonsы, апельсины, мандарины).

Конечно, почти все эти субтропические растения завезены в Абхазию из других стран, но важно то, что растения, вывезенные из Японии, Индии, Китая, Флориды, Чили и пр. далеких от Абхазии стран, успешно здесь развиваются (акклиматизируются), благодаря исключительно благоприятным климатическим условиям влажно-субтропической зоны.

Эти же благоприятные условия служат причиной того, что Сухум, например, является вечно-цветущим городом, с января, когда цветет 21 вид растений (подснежники, фиалки и т.п.), по декабрь, в течение которого цветет 11 видов (цикламены, вероника и др.).

Это допускает возможность организации здесь на побережье Абхазии промышленного цветоводства, т.е. разведения цветов и декоративных растений с целью вывоза их в центральные города СССР. Первым почином в этом направлении является работа садоводства Московского

отдела коммунального хозяйства, которое, имея питомники и цветочные плантации в 2 км от Сухума, занимается разведением цветов для отправки в Москву для украшения рабочих квартир в новых социалистических домах.

Побережье Абхазии должно стать цветущим садом и богатейшим питомником ценнейших субтропических растений.

Но не только побережье, но и вся Абхазия, благодаря защитному направлению высоких горных хребтов, задерживающих тепло и влагу, идущую с моря, покрыта мощной растительностью.

45% всей территории Абхазии покрыто лесом. Абхазские леса гораздо более разнообразны, чем леса других районов СССР. В абхазских лесах растут такие ценные древесные породы, как тис, самшит, каштан, орех и т.п.

Леса распределяются по склонам гор согласно закону «вертикальной зональности». Проходя по лесной тропе от берега моря к вершинам гор, видишь, что растительность, как и климат, меняется так же, как если бы мы ехали с юга на север – скажем, с Кавказа до Архангельска.

В Абхазии можно наметить 5 растительных зон.

I. Зона смешанных широколиственных (так наз. «колхидских») лесов

Эта зона продолжается от берега моря до высоты 700 м н. у. м. Леса этой зоны по внешнему виду отличаются густотой и обилием лиан, ползучих и лазящих растений, обвивающих гигантские стволы деревьев, а также буйно растущим подлеском-кустарником. Этим лесам свойственно богатое разнообразие древесных пород до 86, преимущественно лиственных. Из них наиболее ценными являются самшит, тис, дуб. Кроме них в этой зоне распространены граб, клен, липа, ольха и др., с подлеском из грабинника, кизила, орешника, рододендрона и лавровиши.

По густоте, наличию вьющихся и ползучих растений (плющ, ежевика, ломонос, павой), отсутствию травянистого покрова, который заменяется здесь папоротниками (до 17 различных видов), влажности и полумраку, господствующему здесь даже в солнечный день, – эти леса напоминают лесные чащи тропических стран.

II. Зона буко-каштановых лесов

Эта зона, начиная примерно со склонов выс. 700 м, тянется вверх до выс. 1.200 м, отличаясь абсолютным преобладанием буков, каштана и изредка на южных склонах дуба.

Лианы здесь отсутствуют, подлесок беднее, состоя из рододендра, азалии и кавказской черники.

Особенно ярко представлены леса этой зоны в бассейне р. Кодора и на склонах Кодорского (Панавского) хребта. Выше 1.000 м в этих лесах еще чаще попадаются хвойные деревья.

III. Зона хвойных лесов

Начиная с выс. 1.200 м, хвойные деревья преобладают, образуя третью зону, которая тянется приблизительно до высоты 1.800 м н. у. моря.

Пихта, восточная ель, реже сосна – господствующие породы этой зоны, которая наиболее ярко выражена лесами бассейнов р. Бзыби и р. Чхалты.

На высоте около 2.000 метров в лесах этой зоны начинают попадаться открытые горные поляны с высокими травами. Постепенно великаны-деревья начинают мельчать, а леса редеть.

IV. Субальпийская зона

Эту зону называют «опушкой высокогорного леса». О ней говорят, что она представляет «контакт между лесом и лугом». Действительно, субальпийская или подальпийская зона является промежуточной между хвойными лесами и альпийскими лугами. Характерными здесь являются северные породы: береза, рябина, смородина, малина. На высоте 2.100 м лес исчезает совершенно.

V. Альпийская зона

Она характерна прекрасными альпийскими лугами, представляющими собой чудные пастбища для скота.

В отличие от других альпийских пастбищ Кавказа, луга на южном склоне Абхазских Альп имеют вид не низкотравных ковров, но лугов с травой высокого роста (по грудь человеку), с яркими цветами: гвоздикой, генцианами, примулами и др.

Эти луга называют «горными прериями», т.к. по росту и густоте трав они напоминают североамериканские прерии – степи Техаса и Мексики.

В Абхазии альпийские луга особенно распространены на вершинах Бзыбского (Чедымского) хребта, на боковых отрогах Главного хребта (особенно на горах Аксырхва и Жюрга – водоразделе р. Чхалты и р. Джампала), на горных массивах Куни-ашта и Ходжал (Код. р.) и Арабика (Гагр. р.).

Общая площадь альпийских лугов в Абхазии не менее 150.000 га, но пока используется регулярно из года в год лишь 25,013 га. Эти пастбища сдаются в аренду для пастьбы скота и приносят около 18.000 рублей годового дохода.

Правильного пастбищного хозяйства в Абхазии пока нет. Но если учесть точно площадь лугов, построить на склонах гор зимние жилища, механизировать труд пастухов (сепараторы, сыроварни), то можно организовать настоящее альпийское молочное хозяйство с изготовлением швейцарского сыра, сливочного масла и пр.

Организовав это, можно не только удовлетворить потребности в молочных продуктах городов и курортов Абхазии, но и наладить вывоз этих продуктов по примеру Швейцарии – маленькой горной страны, имеющей большой доход от альпийского хозяйства. Конечно, единоличному крестьянству или пастуху это не под силу – он не справится с организацией сыроварни и пр., но животноводческие колхозы вполнеправляются с помощью рабочего государства с этим важным делом. Организация альпийского молочного хозяйства в Абхазии – одна из задач второй пятилетки.

Лесное хозяйство. Общая площадь лесных насаждений в Абхазии – 569,982 га, т.е. больше 2/3 всей территории республики. Но если учесть находящиеся среди лесов пастбища, луга, скалы, осыпи, озера, болота и т.п., то можно установить, что площадь, непосредственно покрытая лесами, составляет 386,357 га, т. е. 45% всей территории Абхазии. Эта цифра называется процентом лесистости. По районам % лесистости изменяется так.

Гагринский район	51%.
Гудаутский район	63%.
Сухумский район	53%.
Кодорский район	21%.
Гальский район	17%.

Отсюда видно, что южная, наиболее низменная часть республики, менее богата лесом благодаря большой плотности населения, занявшего земли под сельское хозяйство.

Но в целом Абхазия, по сравнению с другими республиками, отличается высоким процентом лесистости:

РЕСПУБЛИКИ:	% лесистости
ЗСФСР	21
Азербайджан	12
Армения	14
Грузия	35
Абхазия	45

Очевидно, что лесные богатства Абхазии не только могут вполне удовлетворить потребности ее самой в древесине, строительном материале и пр., но открывают большие возможности для вывоза (экспорта) леса из Абхазии, как в другие союзные республики, так и заграницу. Эти возможности использования лесных богатств Абхазии укрепляются еще прекрасным качеством абхазских лесов. В них имеются высокоценные древесные породы. Главные из них:

Самшит – очень редкая порода, сохранившаяся на всем земном шаре крупными массивами только в Персии, Азербайджане (Ленкорань) и в Абхазии.

Дает очень твердую и тяжелую древесину, похожую на слоновую кость, идущую на изготовление ткацких членоков, шестеренок, столярных инструментов, шахмат, линеек и т.п. изделий, требующих высокого качества и безупречной прочности.

Потребность нашей Советской промышленности в самшитовых изделиях характеризуется хотя бы тем, что она ежегодно нуждается в 150.000 ткацких членоках, Потребность же заграницы и экспортные возможности самшита беспредельны, потому что Абхазия – почти единственный поставщик самшита во всем мире.

В Абхазии самшитные лесные массивы расположены в бассейнах р. Гега, р. Аалдзга и р. Окум, занимая более 1000 га с общим запасом древесины в 89.130 кубометров, или 103.000 тонн.

Если принять во внимание, что цена самшита достигает 72 рубля за тонну, можно уяснить, какое богатство составляет самшит для народного хозяйства Абхазии.

Тис – или как его называют «красное дерево» – дает древесину темно-красного цвета, очень прочную и тяжелую, идущую на резные и токарные изделия, на мебельное производство и отделку пароходов. Тис сильно вырублен и сейчас встречается в Абхазии в Цебельдинском районе, в Дальском ущелье (по р. Кодор) и на склонах Гагринского и Кодорского хребта.

Бук – занимает до 40% всей лесной площади, а во второй лесной зоне – свыше 60%.

Древесина буков идет на выделку буковой «клепки» (для бочонков), гнутой мебели, строительных материалов и пр.

Путем сухой перегонки буковой древесины можно получить ряд химических продуктов: деготь, древесный уксус, метиловый спирт, гвяжол, креозот. Из буковых орешков можно выжать буковое масло, идущее в пищу и для мыловарения.

Каштан – древесина ценится, как прекрасный строительный и пильный материал, а из коры и листьев добывается дубильное вещество для нужд кожевенной промышленности (кора каштана содержит до 12% этих дубильных веществ – «танидов»).

Пихта – занимающая 28% лесной площади Абхазии идет для строительных целей (сейчас 60% пихтовой древесины идет на пиломатериалы

и 20% на дрань). На пихтовом сырье работает сейчас Кодорский лесозавод. Пихта же имеет большой сбыт за границу, как ящичный и пильный материал на рынки средиземноморских стран.

На пихтовом сырье, в основном, будет работать бумажно-целлюлозное производство Бзыбского лесопромышленного комбината.

Восточная ель – дает ценную древесину для изготовления музыкальных инструментов и авиационных частей.

Одно перечисление всех этих пород говорит ясно о лесных богатствах Абхазии.

Но это богатство далеко используется не так, как это нужно. Что же мешает правильному рациональному ведению лесного хозяйства в Абхазии.

В первую очередь – слабость лесоустройства: нет точного учета лесов по площади, качеству, возрасту, не определены экономические и транспортные возможности отдельных лесных массивов и т.п.

Абхазские леса до сих пор подчас представляют непроходимые дебри, заваленные хворостом, колючкой и пр. Вековые деревья перестаивают, старятся, погибают от гниения и ураганов. В лесу не видно хозяйствской руки человека, не видно планового хозяйства.

Почему это так? Потому что до советизации никто не заботился о правильном ведении лесного хозяйства. Крестьянство использовало лес для своих нужд по мере надобности, а князья и капиталисты хищнически вырубали наиболее удобно расположенные лесные площади с целью получения прибыли. Они нисколько не заботились о лесном хозяйстве, думая только о получении прибыли.

Только Советская власть приступила к лесоустройству, к плановому лесному хозяйству. Мы, получая от лесов доход, вырубаем их по плану, расчищаем, бережем их, как большое богатство страны, тратим десятки тысяч рублей на плановое лесоустройство.

Вторая причина слабости лесного хозяйства в Абхазии – отсутствие налаженного транспорта. Ведь леса занимают горные районы республики. Туда сейчас очень трудно добраться, а еще труднее – вывезти оттуда лес.

Сейчас сплавляют лес по рекам, но не все горные реки позволяют это делать. По Кодору еще кое-как сплавлять можно, а кипучая Гега больше половины бревен разбивает о камни и скалы.

Сейчас везут бревна вьюками на ишаках и лошадях, волочат на буйволах десятки верст по крутым извилистым горным тропам.

Только трудностью и дороговизной транспорта можно объяснить тот удивительный факт, что пихтовая доска из абхазского леса стоит в Сухуме почти столько же, сколько такая же доска, привезенная в Абхазию морем из лесных районов РСФСР по железным дорогам и пароходом за тысячи верст. Только поэтому еще в 1927 году в Абхазию было привезено около 5.000 тонн лесоматериалов и дров, в то время как в горах Абхазии десятки тысяч тонн древесины лежат неиспользованными.

Сейчас в связи с развитием в Абхазии лесной промышленности принимают меры к улучшению транспорта леса. Вьючную лошадь и буйвола заменят лесоспуски, водяные лотки, тракторы-лесовозы, подвесные канатные дороги и пр. Одновременно с механизацией лесного транспорта произойдет и механизация лесозаготовок, лесорубок. Ручную пилу и топор заменит электрическая энергия. Одной из причин слабости лесного хозяйства является оторванность лесных районов Абхазии от центров населения. Население живет на побережье, а леса растут в горах.

Теперь на лесозаготовках работают уходящие на заработки сваны и мингрэлы, живущие в примитивных шалашах и достающие питание от окрестных пастухов.

Рационализация лесозаготовок требует постройки зимних жилищ для рабочих, улучшения дорог для организации планомерного снабжения лесорубов, и наконец, организованного набора рабочих путем заключения договоров с колхозами побережья.

Тогда лесозаготовки и лесоразработки будут обеспечены постоянно рабочей силой.

Мы видим, таким образом, что все трудности, мешающие развитию лесного хозяйства Абхазии, преодолимы при условии перевода этого хозяйства на плановые, социалистические рельсы.

Общие запасы древесины в Абхазии достигают 30 миллионов кубометров. Это огромное богатство. Из этого количества можно безболезненно отпускать ежегодно 1.391.083 кубометра для нужд лесной промышленности и экспорта.

Но сейчас фактический отпуск леса составляет лишь 10–12% этого количества:

В 1929 г. отпущено 150.000 куб. м.

В 1930 г. отпущено 179.000 куб. м.

Тем не менее доход от лесного хозяйства, после советизации быстро растет и по сравнению с 1913 годом увеличился в 10 раз. Валовой доход лесного хозяйства Абхазии:

1913 г. 60.000 руб.

1924 г. 25.196 руб.

1925 г. 70.000 руб.

1927 г. 131.700 руб.

1929 г. 407.575 руб.

1930 г. 658.900 руб.

Быстро растет экспорт леса из Абхазии за границу, имеющее значение не только для Абхазии, но и для всего Советского Союза. За проданный лес мы получаем тысячи рублей золотом (валюту), на которые можем закупать заграницей машины и механизмы, в которых мы пока еще нуждаемся.

Если в 1913 году из Абхазии было вывезено за границу леса на сумму около 300.000 рублей, то теперь экспорт абхазского леса составляет:

1929 г. – 3.163 куб.м на 201.035 руб.

1930 г. – 13.847 куб.м на 723.624 руб.

Лес экспортируется из Абхазии (главным образом – пихта, каштан, орех) в страны Средиземноморья: Италию, Палестину, Францию, Турцию, Грецию и др., куда удобно перевозить лесные материалы морским, более дешевым, транспортом.

Животный мир. Когда-то животный мир Абхазии был более разнообразен. Здесь водились теперь совершенно истребленные зубр и кавказский леопард, много других исчезнувших теперь зверей. Но и сейчас в лесах Абхазии живет много хищников: бурый медведь, кабан, волк, лисица, шакал, дикий кот. Все они наносят большой вред сельскому хозяйству, особенно зимой, когда снега и морозы на горных вершинах заставляют зверей спускаться в полосу предгорий и нападать на скот, домашнюю птицу и пр.

Кроме хищников, вредителями сельского хозяйства служат грызуны – лесные мыши, зайцы, землеройки и др., уничтожающие посевы и огороды. Если звери живут в горных лесах, то птицы распространены по всей территории республики.

На побережье моря и в устье рек, в заболоченных местах много диких уток, гусей, чаек, бакланов. Особенно много их зимой, когда они перелетают в Абхазию на зимовку из северных районов РСФСР, гонимые оттуда морозами и снежными метелями.

В силу теплоты и особенно влажности климата в Абхазии много разнообразных насекомых и пресмыкающихся – змей, ящериц и т.д.

Охота на хищников, зайцев и птиц служит в некоторых селениях крупным подсобным промыслом для крестьянского населения. До последнего времени в горных селениях: Отхара, Ачанда, Латы, Ажары, Гуп и т.п. была распространена охота на туров и оленей. Сейчас в связи с постепенным исчезновением оленя и тура и ряда охранительных мероприятий правительства, горные охотники переключились на охоту за другими пушными зверями: горную козу, куницу, ласку и т.п.

Но все же в 1930 г. было заготовлено пушнины (по всей Абхазии) на сумму 27.435 р. Не меньшее значение, чем охота, имеет и рыболовный промысел. Если горные реки и озера не особенно богаты рыбой (там водится, главным образом, форель), то в море у берегов Абхазии находится в разное время года несколько ценных пород рыб: сельдь, хамса, кефаль, скумбрия, камбала. Реже, по преимуществу в бухтах, встречается лосось, осетр, белуга. Производительность рыбных промыслов при правильной организации этого дела может достигнуть 3.000 тонн годового улова.

Особое значение имеет дельфиний промысел.

У берегов Абхазии водится 3 вида дельфинов: незарнак, морская свинья и обыкновенный. В 1913 году было добыто 499 тонн дельфинного сала на сумму 90.000 руб. Ловлей дельфинов занимались, в основном, турки, приезжавшие на фелюгах из турецкой Анатолии.

Пущенный в ход в 1928 году салотопенный завод в Псырцхе производительностью до 400 тонн сала открывает большие возможности перед этим промыслом.

В 1929 году завод вытопил дельфинного сала на 88.000 р., причем продукция завода находит широкий сбыт для кожевенной и пр. отраслей

промышленности (смазочные масла). Большое значение может иметь оборудование на базе салотопенного завода – утилизационного производства. Сейчас в ход идет только жир, а мясо и кости пропадают. Утилизационное производство может дать сотни тонн мясокостной муки, жира, клея и пр. продуктов – всего на сумму до 72.000 руб.

Такова перспектива дельфинного промысла.

Вопросы и задания

- 1) В чем проявляется «вертикальная зональность»?
- 2) Как рельеф влияет на климат, воды, растительность страны?
- 3) Как реки влияют на устройство поверхности и на климат?
- 4) Как растительность влияет на климат?
- 5) Удобно ли расположены полезные ископаемые Абхазии, с точки зрения их экономического использования?
- 6) Почему Ткварчельский уголь начал разрабатываться лишь при Советской власти, хотя он известен давно (с XIX века)?
- 7) Какие продукты можно получить из каменного угля?
- 8) Развитию каких отраслей промышленности благоприятствуют природные условия Абхазии?
- 9) Развитию каких отраслей сельского хозяйства благоприятствуют природные условия Абхазии?
- 10) Составьте схему лесных зон Абхазии.
- 11) Проведите регулярные наблюдения за температурой и выясните среднюю месячную для вашего района.
- 12) Почему природные богатства Абхазии мало использованы?

4. Население

РАБОТА С КАРТОЙ

- 1) Найдите на карте бассейн р. Гумисты.
- 2) Найдите на карте бассейн р. Келасури.
- 3) Найдите на карте район Цебельды.

- 4) Найдите на карте район Дал (среднее течение р. Кодор).
- 5) Найдите на карте район Псху.
- 6) Найдите на карте район с. Пиленково.
- 7) Найдите на карте селения: Петропавловское, Баклановка, Мцара, Анухва, Атара, Михайловское, Андреевское, Александровское, Георгиевское, Сальме, Сулемо, Гнаденберг, Линдау.
- 8) Найдите район «Абхазской Сванетии» (сел. Ажара, Генциши, Гвандра).
- 9) Найдите города Гагры, Гудауты, Сухум, Очемчиры. Охарактеризуйте географическое положение каждого из них.
- 10) Покажите границы административных районов АССР Абхазии.
- 11) Найдите селения: Отхара, Дурипш, Блабурхва, Каваклук, Калдаждвары, Колхида.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ

Коренными жителями Абхазии с давних пор являются абхазцы. (Слово «абхаз» произошло от грузинского «абхазети», а сами себя абхазы называют «апсуа»).

В старину абхазский народ делился на несколько племен, отличавшихся особенностями экономическими, территориальными, лингвистическими (по языку), этнологическими (по обычаям) и т.д.!

Эти абхазские племена занимали, главным образом, следующие районы Абхазии: предгорья р. Псоу, верхнее течение р. Бзыби (Псху), долины р. Гумисты, Эшерское и Цебельдинское плоскогорье, Дальское ущелье по р. Кодору, предгорья низменности нынешних Кодорского и Гальского районов.

Вся остальная часть Абхазии была покрыта девственными лесами, процент которых ко всей территории был значительно выше, чем сейчас.

На самом побережье абхазы жили редко, во-первых, в силу неблагоприятных природных условий (малярийные болота, разливы рек), а также по экономическим причинам – для основной отрасли тогдашнего хозяйства – скотоводства были более удобными предгорные районы.

Кроме того, с берега моря абхазов вытесняли иноземные завоеватели – греки, римляне, византийцы, генуэзцы и пр.

Вследствие того, что абхазы селились, расчищая небольшие участки земли из-под густого и дикого леса и кустарника, абхазские селения еще и сейчас носят характер усадебного расселения.

Каждая семья живет как бы в отдельной усадьбе, которая включает двор, огороженный плетнем или «живой изгородью» из диких цитрусов и т.п., с жилыми и хозяйственными постройками, фруктовым садом, виноградником и пр. Вблизи усадьбы находится часто и родовое, фамильное кладбище.

Усадьбы друг от друга находятся иногда на довольно большом расстоянии, зачастую окружены лесом и кустарником.

Поэтому некоторые абхазские селения тянутся на 10–12 километров.

Большие селения делятся обычно на несколько поселков. Часто центральный такой поселок занимают лица одной и той же фамилии. Это явный пережиток эпохи родового строя.

В усадьбе абхазского крестьянина обычно имеется два дома: один – «амацурта» – центр домашней хозяйственной жизни, другой – «асасааирта» – соответствует русскому понятию «горница» и служит для приема гостей и разных культурных потребностей семьи. Встречается нередко и старинная жилая постройка, плетеная из прутьев рододендрона с конусообразной крышей из папоротника или кукурузной соломы – «чалы». Это так называемая «пацха» или «акуацв».

Жилые дома и хозяйственные постройки (кукурузник, курятник и т.д.) обычно делаются на высоких каменных или деревянных столбах. Причиной этого очевидно является, главным образом, большая увлажненность почвы.

Такой же примерно характер носят и мингрельские селения в Абхазии. Мингрэлы появились в Абхазии очень давно, в тот период, когда Мингрелия была ближайшим соседом феодальной Абхазии. Феодальный гнет и эксплуатация заставляли их переселяться за Ингур, на территорию Абхазии, потому они и сосредоточены по преимуществу в Гальском и частично в Кодорском районах.

Заселение мингрелов, живущих в Сухумском и пр. районах, произошло позже, одновременно с греками и армянами. Последние частично являются потомками тех армян и греков – полукрестьян, полуремесленников, которые переселились в Абхазию еще во время турецкого владычества.

Живым наследием турецкого влияния на побережье являются турки и негры –потомки рабов, завезенных в Абхазию 200–300 лет назад.

Главная же масса армянского и греческого населения, также русского (сельского), эстонского, немецкого, появилась в Абхазии в эпоху «махаджирства».

Махаджиры – это абхазские эмигранты.

В результате ряда ожесточенных, героических восстаний против наступающего российского царизма, абхазское население в ряде районов стало быстро уменьшаться.

Достаточно сказать, что численность абхазов, которых грузинские источники 1650 г. определяли в несколько сот тысяч человек, к концу XIX века сократилась до 60.000 чел. Сокращение абхазского населения происходило частично за счет физического истребления целых селений вместе с женщинами и детьми солдатами русского царя, но, главным образом, шло за счет массового переселения абхазов в Турцию.

За XIX век было 4 волны такого массового переселения, как результат карательной политики русского царизма. Переселялись целыми селениями, тысячами семейств. «Махаджиры», поверив агитации турецких агентов – главным образом, мусульманского духовенства, надеялись найти в Турции свободную, счастливую жизнь. Конечно, «махаджиры» горько обманулись, ибо турецкое правительство рассматривало их лишь как «пушечное мясо» в борьбе с царской Россией, а вовсе не думало оказывать им помощь, не отказываясь одновременно и от эксплуатации путем налогов, сборов и проч.

Последнее выселение «махаджиров» произошло после восстания 1877 г., жестоко подавленного царскими войсками, когда выселились в Турцию более 30.000 человек.

Повесть о «махаджирах» – одна из самых печальных страниц в истории абхазского народа (еще и сейчас несколько десятков тысяч абхазов

живут в Турции и Греции). Потомки махаджиров есть и в Аджаристане, и на Сев. Кавказе).

Выселив абхазов, предав огню и разрушению самые цветущие районы Абхазии – Гумиста, Келасури, Цабал (Цебельда), Дал, Псху, Гагринский и Пиленковский, царские чиновники встали перед проблемой заселения кем-либо этих «покоренных» и «успокоенных» огнем и мечем районов Абхазии.

Начальник «Сухумского военного отдела», как названа была завоеванная Абхазия, царский генерал Гейман приглашал для заселения пустующих земель, оставленных «махаджирами», огородников – русских крестьян из Ярославской губернии, болгар из Тираспольского уезда, но неудачно.

Наконец, в 1879 г. наместник царя на Кавказе издает указ об обязательном заселении пустующих земель, где дается ряд льгот переселенцам (они освобождались на 15 лет от воинской повинности и т.д.), причем указывает на желательность раздачи земли в руки людей состоятельных, т.е. кулаков.

И вот в Абхазию потянулись переселенцы из России (возникли русские селения Петропавловка, Баклановка), из Армении (Мцара, Анухва и Атара Армянская), из Греции (Михайловское, Александровское, Ольгинское, Анастасьевское, Георгиевское, Николаевское), из Мингрелии. Позже, в 1900-х годах немецкие колонисты из Украины и эстонские переселенцы из Эстонии образовали селения Сальме, Сулемо, Эстонское, Гнаденберг, Нейдорф, Линдау и др.

Конечно, было бы неправильным думать, что все эти переселенцы явились в Абхазию, как враги абхазского народа, воспользовавшиеся его тяжелым положением.

Нет, среди переселенцев большинство составляла беднота, которую на родине душили малоземелье и помещичье-дворянский гнет. Вот что гнало их в Абхазию – эксплуатация, нужда, лишения.

Конечно, их надежды на вольную и счастливую жизнь в Абхазии не оправдались.

Через несколько лет они попали в кабалу к помещикам, скупщикам табака и вина, и т.д.

Переселенцы селились на землях махаджиров, отсюда и получилось, что в абхазских издавна районах сейчас меньше всего абхазского населения: в Сухумском (Цабал, Дац, Псху, Гумиста) и Гагринском (Псху, долина Бзыби).

Особо надо отметить историю заселения так назыв. «Абхазской Сванетии» (бассейн рек Гвандры, Клыча и Сакена), куда сравнительно недавно, лет 10–15 назад, переселились сваны, гонимые тяжелыми природными условиями и гнетом феодалов Нижней и Верхней Сванетии.

Только исторические условия объясняют нам удивительную многонациональность небольшой по территории Абхазии, где сейчас живет всего до 36 отдельных народностей.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Основную массу населения Абхазии по национальности составляют абхазцы и грузины – почти 2/3 населения. В целом национальный состав населения Абхазии таков (1931 г.):

РАЙОНЫ	(В процентах)					
	Абхазов	Грузин	Армян	Греков	Русских	Прочих
Гагринск	5,7	9,6	33,7	17,0	17,9	16,1
Гудаутск.	67,6	4,0	18,4	2,0	8,0	–
Сухумский	2,8	26,7	18,5	16,5	9,8	25,7
Кодорский	65,5	20,6	8,7	0,6	1,0	3,6
Гальский	25,8	73,9	–	–	0,2	0,6
По всей Абх.	26,3	31,1	14,1	8,1	6,7	12,9

Из этой таблицы видно, что Гудаутский и Кодорский районы дают наибольший процент абхазского населения, в Гальском преобладают грузины (мингрелы), а Сухумский и Гагринский районы отличаются наиболее смешанным по национальным признакам населением. «Прочие» национальности (немцы, эстонцы, турки, украинцы, евреи и т.д.) в этих

районах составляют значительный процент потому, что как раз из этих районов выселилась основная масса «махаджиров».

Различие в национальном составе оказывает влияние на технико-экономический характер районного хозяйства в силу того, что каждая национальность вследствие социально-исторических условий своего развития обладает определенными трудовыми навыками. Особенно резкое различие можно наблюдать между трудовыми навыками коренного населения (абхазов) и выходцами из очень далеких от Абхазии стран, например из Эстонии или Германии.

Для этого стоит только сравнить, находящиеся в окрестностях Сухума немецкие и мингрельские селения – например, рядом лежащие Бахмарань (минг.) и Линдау (немецкое). И внешний вид селения (рядом стоящие, оштукатуренные дома немцев и плетеные «пацхи», разбросанные среди садов и виноградников у мингрелов, и отрасли хозяйства (садоводство и молочное животноводство у немцев и кукуруза, табак, виноград у мингрелов), и с.-х. техника (бульволы и отсутствие машин у мингрелов, и лошади и машины у немцев) и т.д., и т.д.

Эти национальные особенности хозяйств в различных районах Абхазии выражались еще и в том, что до советизации табаководством занимались, главным образом, армяне и греки, перенесшие эту культуру из турецкой Анатолии, откуда они переселились в Абхазию.

Правда, теперь в период социалистической перестройки сельского хозяйства эти различия в трудовых навыках, происходящие от разности социально-исторических условий, сглаживаются и постепенно ликвидируются. В царское время каждая национальность старалась обособиться от другой не только политически, но и экономически. К этому вела вся национальная политика царской власти, основной принцип которой был «разделяй и властвуй», т.е. натравливай одну нацию на другую и пользуйся этим для общего их угнетения.

Особенно обострилась национальная вражда в Абхазии в период меньшевизма (1918–1921 гг.), который не только стремился «огрузить Абхазию» (подлинные слова апостола грузинских меньшевиков Ноя Жордания), но и натравить разные национальности друг на друга. Плоды этой политики: были столкновения между абхазскими и русски-

ми крестьянами, грузинами и армянами, бандитские шайки греческого националиста Хамбо и т.п.

Только советизация Абхазии раз и навсегда прекратила национальную вражду, слив все национальности, живущие в Абхазии, для борьбы за единую цель трудящихся всех народов – социализм.

В Социалистической Советской Республике Абхазии каждый народ получил возможность свободно жить и работать, участвуя в социалистическом строительстве и одновременно культурно развиваясь на своем родном языке. С падением царской России и меньшевистской Грузии нет больше национальной розни между Абхазией и Россией, Абхазией и Грузией. Автономная Социалистическая Советская Республика Абхазия входит в состав ССР Грузии, составляющей часть Закавказской Федерации.

Центральной властью Советской Абхазии является Съезд Советов, а в период между Съездами – «Абхазский Центральный Исполн. Комитет» (Абцик) с подчиненными ему наркоматами.

(Одни из наркоматов – Наркомпрос, Наркомздрав и др. называются республиканскими, другие – Наркомтруд, Наркомфин и т.д. представлены уполномоченными соответствующих наркомов Грузии).

Административно-политическим центром Советской Абхазии является г. Сухум, где расположены все центральные учреждения республики, Областной комитет КП(б)Г и ЛКСМГ и Совет профсоюзов.

Абхазия делится в административном отношении на 5 районов.

Гагринский – 739,0 кв. км – район. центр Гагры.

Гудаутский – 1673,4 кв. км – район. центр Гудауты.

Сухумский – 3380,9 кв. км – район. центр Сухум.

Кодорский – 1817,4 кв. км – район. центр Очемчиры.

Гальский – 1053,6 кв. км – район. центр Гали.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

В 1897 г. в Абхазии было 196.180 жителей. За годы советизации население стало расти быстрее:

ГОДЫ	Городское население	Сельское население	ВСЕГО:	% роста
1921	27.221	152.096	179.317	100
1926	31.305	165.787	197.092	–
1930	35.234	188.752	223.986	–
1931	36.290	192.147	228.437	127

За 19 лет население Абхазии увеличилось в целом на 27%, причем городское население, взятое отдельно, выросло на 33%.

Быстрый рост населения за годы советизации объясняется исключительно ростом народного хозяйства и улучшением культурно-экономического положения трудящихся.

Городское население Абхазии составляет 15% всех жителей республики, причем непрерывный рост его обусловлен особо развитием промышленности. Быстрый рост городского населения упирается в проблему реконструкции городского хозяйства, немедленного расширения жилищного строительства и улучшения коммунального хозяйства. Все эти вопросы нашли себе разрешение в последних постановлениях и мероприятиях парторганизаций и правительства Абхазии.

Плотность населения Абхазии (количество на 1 квадр. километр) представляется по районам в таком виде:

РАЙОНЫ	Городское население	Сельское население	ВСЕГО:	Плотность
Гагринский	4.114	17.650	21.764	29
Гудаутский	4.053	29.210	33.263	15
Сухумский	24.595	59.636	84.231	24
Кодорский	3.848	31.860	35.708	19
Гальский	–	53.791	53.791	51
Вся Абхазия	36.290	192.147	228.417	26

Отсюда видно, что, в общем, плотность сильно возрастает на юге республики в Гальском районе. Но надо отметить, что рассматривать плотность населения Абхазии по административным районам, не дает того впечатления, которое нужно.

Гораздо правильнее проследить плотность населения по карте, где ясно бросается в глаза:

- 1) сосредоточение абсолютного большинства населения в так называемой «культурной полосе» (низменность и предгорья);
- 2) сгущение населения в районах с трудоемкими культурами (табачных, чайных и пр.).

Плотность населения находится, таким образом, в тесной связи с размещением экономики.

ТРУД

Специализация Абхазии на производстве ценных субтропических и технических культур «особо заостряет вопрос о населении, как одном из элементов производительных сил народного хозяйства. Развитие субтропических культур требует большой затраты труда на единицу площади.

Если гектар кукурузы требует годовой затраты труда всего 52 человека-дня, то гектар табака до 360 человеко-дней, т.е. на табак надо израсходовать рабочей силы в 7 раз больше, чем на кукурузу. Разумеется, что и доходность табака во много раз выше кукурузы, но нам сейчас важно подчеркнуть, рассматривая вопрос о населении, лишь именно это свойство субтропических культур – **трудоемкость**.

Единоличное крестьянское хозяйство обычно не в силах справиться с производством этих трудоемких культур (табака, чая, эфироносов, рами и пр.), не прибегая к найму сроковых рабочих на самую «горячую» пору – уборки, тоханки и т.п.

Ежегодно летом в Абхазию двигался поток сельскохозяйственных рабочих-батраков с Кубани (Сев. Кавказ), из Мингрелии и Сванетии. Они находили применение своему труду в районах, где наиболее развиты технические трудоемкие культуры. Это видно из данных о количестве сроковых рабочих в селениях с разными ведущими с.-х. культурами:

летом 1930 г. было сроковых рабочих:

в сел. Отхара	4 чел.,
в сел. Дурипш	8 чел.,
в сел. Блабурхва	10 чел.,
в сел. Каваклук	329 чел.,
в сел. Калдахвара	75 чел.,
в сел. Колхида	120 чел.

Первые три селения с преобладанием малотрудоемких культур – кукурузы и винограда, последние три селения – с преобладанием табака.

Разница между ними по признаку применения наемного труда сроковых рабочих очевидна.

Бурные темпы роста технических культур требуют все большего и большего притока рабочей силы в Абхазию, но этот поток сейчас, наоборот, имеет стремление к сокращению, вследствие того, что реконструкция хозяйства на Сев. Кавказе, Мингрелии и т.д., поглощает все излишки тамошней рабочей силы.

Поэтому за последнее время в Абхазии не хватает рабочей силы: недостаток (дефицит) этот достигает до 8.000 чел. – главным образом, сельскохозяйственных и строительных рабочих. Конечно, эта нехватка (дефицит) рабочей силы может известным образом тормозить темпы развития народного хозяйства Абхазии.

Где же выход?

Выход в социалистической реконструкции народного хозяйства.

Коллективизация сельского хозяйства освобождает рабочую силу от непроизводительных трудовых затрат, коллективное хозяйство имеет то преимущество, что 100 колхозников, работающих сообща, сделают всегда больше, чем 100 крестьян-единоличников, работающих каждый в отдельности.

Коллективизация, таким образом, экономит рабочую силу.

Крупное социалистическое хозяйство (совхоз и колхоз) может максимально механизировать труд (тракторы, посадочные машины, машины для низких табака и т.д.), что также сократит потребность в человеческой рабочей силе. Механизация, наряду с коллективизацией, уничтожит постоянный недостаток (дефицит) абхазского народного хозяйства в рабочей силе.

Если до последнего времени в Абхазии остро стоял вопрос о рабочей силе для сельского хозяйства, то еще острее положение с кадрами индустриального пролетариата для промышленности. Индустриализация Абхазии, быстрый рост новостроек, требует тысячи рабочих.

До советизации число промышленных рабочих не превышало 500–600 чел., в то время, как сейчас (1930–1931 гг.) число рабочих, занятых в промышленности на территории Абхазии, составляет:

Ткварчелстрой	3.500 чел.
Бзыбстрой.....	1.200 чел.
«Черноморка»	600 чел.
Проч. пром. предприятия	1.523 чел.
Всего	6.823 чел.,

т.е. количество рабочих, занятых в промышленности, увеличилось за 10 лет советизации в 11 раз.

Но ввиду того, что в Абхазии не было раньше крупной промышленности и по ряду других социально-бытовых причин, процент местных национальностей (абхазов и грузин), по отношению ко всему количеству рабочих, невысок, достигая в среднем 20–25%.

Большинство квалифицированных рабочих составляют русские и украинские рабочие из Донбасса и Сев. Кавказа, причем в целом наблюдается сильный недостаток в квалифицированной рабочей силе.

Проблема подготовки национальных кадров для бурно растущей социалистической индустрии Абхазии требует скорейшего разрешения. Эта проблема составляет одну из центральных задач культурной революции в Абхазии.

Организованный набор рабсилы по договорам с колхозами (на основе указаний тов. Сталина) и подготовка молодых технических кадров – это два пути к разрешению проблемы кадров и рабочей силы в Абхазии.

Подготовка новых кадров социалистического строительства обеспечена в Абхазии быстрыми темпами культурного строительства.

К 1933 г. в Абхазии должна быть ликвидирована неграмотность и 100% детей охвачено всеобщим начальным обучением. Рост школьной сети:

	Школ I ст.	Школ II ст.	Техникумов
1920 г.	146	3	–
1929 г.	306	37	5
1931 г.	954	56	15

Политехническая школа-семилетка (ФЗС и ШКМ) выкуют новые кадры строителей социалистической экономики Абхазии.

Техникумы и ВУЗы дадут кадры пролетарской технической интеллигенции.

Особенно важным учебным заведением на данном этапе является Субтропический институт эфиро-масличных культур и плодоводства, который будет готовить инженеров-агрономов для субтропического хозяйства, а также техникумы: Табачный, Субтропический, Горный, Лесной и т.п.

Наша задача, задача всех учащихся – овладеть наибольшей массой знаний и навыками марксистско-ленинского мировоззрения, чтобы в своей учебе не отстать от темпов и качества социалистического строительства.

Абхазия нуждается в кадрах разной специальности, республике нужны инженеры, педагоги, агрономы, врачи, политпросветработники, лесоводы и т.п., и т.п...

Эти кадры готовит наша советская школа.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

- 1) Какой характер носят абхазские селения, и чем он объясняется?
- 2) В чем причины и последствия «махаджирства»?
- 3) Какие национальности составляют большинство населения Абхазии?
- 4) Отчего зависит рост населения за годы советизации?
- 5) Чем объяснить особенно быстрый рост городского населения?
- 6) Почему в Абхазии до советизации была слаба прослойка пролетариата?

- 7) Почему сейчас низок % националов среди рабочих?
- 8) Как разрешить проблему кадров?
- 9) Отчего зависит плотность населения?
- 10) Почему плотность населения выше всего в Гальском районе?
- 11) В чем сущность ленинской национальной политики?

5. Транспорт и пути сообщения РАБОТА С КАРТОЙ

1. Найдите порты АССР Абхазии и укажите примерное расстояние между ними.
2. Найдите на карте пункты: Туапсе, Сочи, Адлер, Зугдиды, Ахал-Сенаки.
3. Проследите на карте, через какие селения проходят шоссейные дороги.
4. Между какими пунктами Абхазии поддерживается автosoобщение?
5. Укажите на карте направление быв. «Военно-Сухумской дороги».
6. Мысленно (по карте) пройдите из Сухума в Псху и из Гудаут на озеро Рица.

Транспорт играет видную роль в размещении хозяйства по территории страны.

Маркс говорил, что «сравнительно мало населенная страна с развитыми путями сообщения обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми путями сообщения», а также и то, что «результатом перевозки – транспортируются ли люди или товары – является перемена местонахождения производства, например, пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии»... (Капитал. Т. II. С. 28).

Для Абхазии – страны с очень сложным горным рельефом – проблема транспорта имеет огромное значение. В ряде местностей можно было бы разводить, например, ценные фрукты – мандарины, персики и т.п., но ввиду того, что отсутствуют удобные пути сообщения, эти фрукты невозможно подвезти к портам на побережье, т.к. они не выдерживают и

портятся от перевозки их на выюках по горным тропам. Кроме того, неизведанность и слабое использование полезных ископаемых, находящихся в горах, объясняется также отсутствием удобного транспорта, равно как и неналаженность лесного хозяйства.

Многие районы Абхазии могли бы стать цветущими, хозяйственно мощными районами (Рица, Псеху, Абхазская Сванетия), но сейчас они представляют отсталые окраины с редким населением и полунаатуральным хозяйством, именно ввиду полного бездорожья.

Только развитием транспорта можно победить и завоевать горы.

Царское правительство и меньшевики не заботились о развитии транспорта в Абхазии, только Советская власть на деле взялась за усиленное строительство новых путей сообщения.

Морской транспорт. Благодаря приморскому положению Абхазии, отсутствию до последнего времени железных дорог, плохого состояния прочих путей сообщения, морской транспорт играет решающую роль в экономике страны. Более 2/3 грузооборота (ввоза и вывоза) падает на морской транспорт. Вся внешняя торговля идет по морским путям сообщения.

Раньше, когда на территории Абхазии не было автотранспорта и шоссейных дорог, значение морских путей в экономике страны было еще больше. В старину, в эпоху парусных судов, главными пунктами морского обмена на побережье Абхазии были устья крупных рек, где суда укрывались от штормов и т.д.: Гудава (р. Окум), Очемчиры (устье р. Аалдзга), бухта Скурча (устье р. Кодора), Келасури, Пицундская бухта.

В настоящее время пункты морского транспорта следующие: Гагры, Гудауты, Псырцха, Сухум, Очемчиры, между которыми поддерживается регулярное сообщение судами Госуд. Черноморско-Азовского пароходства, а также два пункта: Пицунда и Скурча, обслуживающие потребности Бзыбстроя и Кодорского лесозавода.

Главным портом АССР Абхазии является Сухумский, через который проходит 65% всех морских грузов, ввозимых и вывозимых из республики.

Сухумский порт имеет хорошие естественные условия: обширную бухту (акватория – 90 кв. км), ограниченную с запада Сухумским, а с востока – Кодорским мысом.

Горами она защищена от северо-восточных ветров, но зато открыта на юг и юго-запад, откуда летом дуют морские ветры. Правда, эти ветры не так сильны (скорость их не превышает 5–6 метров в секунду) и штормы на акватории бухты бывают редко.

Средняя глубина рейда (места остановки судов на якорь) определяется в 12 метров, причем дно бухты круто понижается и уже на расстоянии 300 м от берега начинаются глубины до 30 метров.

Еще в 1903 г. в Госуд. Совет был внесен проект об устройстве в Сухуме защищенного порта, путем постройки каменного мола длиною 900 метров.

Но царские чиновники не решились дать согласие, и этот проект мориновался до 1914 года, когда начавшаяся война окончательно похоронила этот проект. До 1930 года Сухумский порт имел лишь маленькую железную пристань и две грузовые, но мелководность причалов (глубина у пристаний равнялась 2–2,5 метра) принуждала все суда производить погрузку и разгрузку на рейде при помощи магун (лодок) и катеров. Это очень замедляло и удорожало перевозку грузов.

Поэтому несколько лет назад было приступлено к постройке бетонной причальной пристани. В 1930 году пристань была готова, и теперь все суда могут причаливать к ней и производить погрузку и выгрузку прямо на берег. Стоимость погрузки уменьшилась вследствие этого в 2 раза.

Выстроенная причальная пристань отличается особой прочностью конструкции. Подобного типа пристань – единственная в СССР. За границей такой тип пристани есть в Гонконге (Китай).

Рост экономического значения Сухумского порта характеризуется следующими данными:

грузооборот (ввоз и вывоз) его составлял:

в 1901 году – 23.330 тонн;
в 1913 году – 55.000 тонн;
в 1922 году – 17.100 тонн;
в 1930 году – 74.156 тонн.

Остальные пункты морского транспорта имеют гораздо меньшее значение. Они весьма слабо оборудованы – имеются лишь небольшие

железные пристани с мелководными причалами, так что все суда приуждены останавливаться на рейде вдали от берега. Значение каждого из портов видно из следующей таблицы:

НАЗВАНИЕ ПОРТА	ГРУЗООБОРОТ		ХАРАКТЕР ГЛАВНЕЙШИХ ГРУЗОВ
	1923 г.	1930 г.	
Сухум	14.166 т.	74.156 т.	табак, фрукты.
Очемчиры	2.375 т.	19.004 т.	табак, лес.
Гагры	933 т.	9.526 т.	фрукты, лес.
Гудауты	697 т.	8.275 т.	вино, фрукты.
Псырцха	—	1.460 т.	вино, фрукты.
ВСЕГО:	18.171 т.	112.421 т.	

Сухумский порт имеет республиканское значение, хотя частично состав проходящих через него грузов и носит характерные черты ближайшего к Сухуму района. Каждый из остальных портов является как бы «воротами» для выхода товаров продукции промышленности и сельского хозяйства прилегающих к порту экономических районов Абхазии. Об этом ясно говорят данные о характере главнейших грузов по разным портам. Если теперь, ввиду развития автотранспорта, внутренние хозяйственныe связи между районами Абхазии все более осуществляются по суше, то внешние связи Абхазии с другими республиками Союза ССР и заграницей поддерживаются почти целиком морским транспортом. Укрепление и расширение этих связей соответствует, как общему экономическому подъему республики, так и улучшению качества транспорта. За последние два года на Черном море появилось 6 новых теплоходов (среди них и теплоход «Абхазия»), построенных в большинстве на наших советских верфях, что, конечно, очень благоприятно отразилось на транспортных условиях побережья Абхазии.

«Черноморка». Морской транспорт не может целиком и полностью обслужить потребности народного хозяйства Абхазии в силу того,

что он связывает лишь пункты, лежащие на берегу. Внутренние связи, как уже было сказано, между экономическими районами республики пока осуществляются автомобильным, гужевым и вьюковым транспортом. Но эти виды транспорта, безусловно, не могут справиться с теми потоками грузов, какие откроются в Абхазии после выполнения даже первой 5-летки социалистического строительства.

Только железная дорога может полностью решить те задачи, которые ставятся перед транспортом бурно растущим социалистическим хозяйством Абхазии.

Проблема транспорта может быть разрешена лишь при полной, окончательной достройке Черноморской железной дороги. Идея «Черноморки» возникла еще давно – в 1901 году. В 1913 году было организовано частно-капиталистическое «Общество Черноморской железной дороги». В 1914 году были начаты подготовительные работы, но Мировая война сорвала строительство. В 1916 году царское правительство по военно-стратегическим соображениям (снабжение Кавказского фронта) возобновило постройку, но революция 1917 г. и Гражданская война окончательно прекратила постройку.

При Советской власти в 1923 году вновь приступлено было к постройке: ж.-д. линия была проведена с севера от Туапсе до Адлера и с юга – от Ахал-Сенаки до Зугдиды. Но за недостатком финансовых средств работы были прерваны.

Наконец, в 1929 году Совет Труда и Обороны СССР, в связи с постановлением о разработке ткварчельского каменноугольного месторождения, вынес решение о возобновлении работ по строительству «Черноморки», особенно на южном участке: Зугдиды – Очемчиры – Сухум с веткой от Очемчир до Квезани, для вывоза ткварчельского угля. Общесоюзное значение Черноморской железной дороги заключается в том, что она свяжет Закавказскую железную дорогу (станция Ахал-Сенаки) и Северо-Кавказ. жел. дор. (станция Туапсе) и, таким образом, сократит пробег грузов от Москвы до Тифлиса на 630 км, а до Батума – на 1000 км, что даст уменьшение транспортных расходов и сократит время перевозки.

«Черноморка» разгрузит ж.-д. линию Батум – Баку – Махачкала, которая теперь едва справляется с грузопотоками, идущими из Закавка-

зья в РСФСР и УССР. Общее протяжение «Черноморки» от станции Ахал-Сенаки до станции Туапсе – 550 км, из них 173 км – по территории Абхазии. «Черноморка» перережет все районы Абхазии, соединив все порты и районные центры – Гали, Очемчиры, Сухум, Псырцха, Гудауты, Гагры. Окончательная достройка «Черноморки» укрепит хозяйствен-ные связи Абхазии с другими республиками ЗСФСР и СССР, а также улучшит и укрепит плановый продуктообмен между субтропическими районами Абхазии и зерновыми районами Сев. Кавказа и Ниж. Волги.

По «Черноморке» с юга на север пойдут субтропическое сырье и фрукты, а с севера на юг – хлеб и промтовары.

Сейчас особенно усиленно идет постройка южного участка «Черноморки»: линия Зугдиды – Очемчиры и ткварчельская ветка: Очемчиры – Квезань.

14 января 1931 года на территории Абхазии прошел первый паровоз от Зугдиды до Гали. Окончание постройки железной дороги от Гали до Очемчиры и от Очемчиры до Квезани постановлением Закрайкома ВКП(б) от 10 декабря 1931 года определено в 1932 году.

(Полная достройка «Черноморки» будет выполнена во второй 5-летке).

Проведение железной дороги еще более углубит географическую специализацию экономических районов Абхазии, поможет созданию производственных комбинатов, даст сильный толчок курортному строительству, скажется на культурном росте трудящихся масс Абхазии.

«Черноморка» – это одна из самых боевых проблем экономики Абхазии.

(Интересно также, указав общезакавказское и общесоюзное значение «Черноморки», отметить и то обстоятельство, что она является одним из звеньев проектируемой жел. дор. сверхмагистрали мирового значения: Мурманск – Москва – Ростов – Алеппо – Каир – Капштадт. Конечно, осуществление этого великого пути возможно лишь после мировой пролетарской революции, но и сейчас это обстоятельство представляет большой интерес).

ПРОЧИЕ ПУТИ И СРЕДСТВА СООБЩЕНИЯ

«Черноморка» еще строится. Поэтому пока наиболее удобными путями сообщения на суше являются шоссейные дороги, допускающие возможность развития автомобильного транспорта.

В настоящее время наибольшее экономическое значение имеет приморское шоссе, идущее вдоль побережья и соединяющее Сочи – Гагры – Гудауты – Псырцха – Сухум. Оно проложено еще в 1891–1993 гг. руками крестьян из голодающих районов России, отчего и носит иногда странное название «Голодного шоссе».

Естественным продолжением этого шоссе на юг служит шоссированная дорога Сухум – Очемчиры – Гали – Зугди. XIII обл. абхаз. партконференция отметила, что «в условиях Абхазии шоссе является основным нервом транспорта»...

От этой шоссейной магистрали отходят два небольших ответвления: Сухум – Линдау и Маджарка – Цебельда, а также новые участки: Очемчиры – Квезань (Ткварчелстрой) и Пицунда – Калдахвара – устье р. Гега (Бзыбстрой).

Остальная территория Абхазии связана с береговыми шоссе грунтовыми и проселочными дорогами и горно-вьючными тропами.

Игравшая когда-то большую роль бывшая Военно-Сухумская дорога, идущая от Цебельды вверх по реке Кодор и далее по р. Гвандра и р. Клыч через Клухорский перевал на Теберду, Баталпашинск и Кисловодск, сейчас запущена настолько, что перевальный участок этой дороги превратился в труднопроходимую вьючную тропу. Учитывая важность этой дороги для связи с Сев. Кавказом и для развития курортно-экскурсионного дела, есть предположения, что в скором будущем по этому маршруту будет проложено перевальное шоссе.

Большое экономическое значение для горного скотоводства имеют вьючные тропы: Чилоу – Чхалта – Марухский перевал; сел. Гвандра – р. Сакен – перевал Хида – перевал Утвири – Верх. Сванетия; Цебельда – г. Лата – Марух. перевал; сел. Гума – Сабашвили – перевал Доу – Псху; Ачандара – г. Дзышра – Псху.

Автомобильный транспорт пока ограничен только береговыми шоссе, т.к. остальные дороги находятся в очень плохом состоянии. На береговом шоссе работает сейчас 32 легковых и 15 грузовых автомашин государственного предприятия «Союзтранс», которое за 9 месяцев 1931 года перевезло на автомашинах 12.805 тонн груза и 477.070 пассажиров. Кроме того, «Союзтранс» перевез 8.552 тонны гужевым способом. Отсюда видно, что на данном этапе автотранспорт играет в экономике Абхазии определенную и весьма крупную роль. Развитие автотранспорта упирается в необходимость усиления темпов дорожно-мостового строительства.

Кроме полного ремонта берегового шоссе и улучшения качества остальных дорог, необходимо осуществить прокладку нескольких шоссейных участков в горных районах для связи их с побережьем.

Такими участками должны быть: Михайловское – Псху, Цебельда – Чхалта, Ачанда – Петропавловка, Атара – Джгерды – Чилоу – Моквы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем значение транспорта для географического разделения труда между разными экономическими районами?
2. Может ли морской транспорт удовлетворить все потребности в перевозках народного хозяйства Абхазии?
3. Какую роль в экономике Абхазии будет играть «Черноморка»?
4. В чем значение «Черноморки» для ЗСФСР?
5. Почему сейчас «Черноморка» строится с юга, а не с севера?
6. Почему дорожное строительство в Абхазии до советизации развивалось очень медленно?
7. Какое значение может иметь бывшая Военно-Сухумская дорога?
8. Какие районы Абхазии особенно страдают от бездорожья?

6. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства

РАБОТА С КАРТОЙ

- 1) Составьте картограмму колхозизации Абхазии по районам.
- 2) Составьте картограмму площадей технических культур (колхозн. сект.) по районам.
- 3) Определите на карте на основании предыдущего материала наиболее благоприятные районы для развития технических субтропических культур.

КЛАССОВЫЕ СДВИГИ В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ СОВЕТИЗАЦИИ

Во II главе, когда мы разбирали «исторические условия» развития народного хозяйства Абхазии, было указано, что абхазская деревня к XX веку уже полностью всталла на капиталистический путь развития, причем эти капиталистические отношения тесно переплетались с феодальными отношениями. Дифференциация абхазского крестьянства проходила в условиях беспощадной эксплуатации трудового крестьянства помещиками-дворянами, скупщиками табака и растущим кулачеством.

Классовый гнет усиливался великодержавной политикой царского самодержавия.

Абхазский «Октябрь» – 4 марта 1921 года – совершил крутой перелом в абхазской деревне. Вся земля была национализирована. Отобранные от помещиков земли поступили в трудовое пользование бедняцко-середняцких слоев крестьянства. Процент безземельных и малоземельных бедняцких хозяйств сократился.

Средняя обеспеченность землей крестьянского двора повысилась в 1926 г. до 3,5 га.

Социальный (классовый) характер сельского хозяйства Советской Абхазии резко изменился. Эти изменения прекрасно оценил тов. Сталин, который указал, что в советских условиях «дифференциация не

может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу, хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она изъята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплуататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне»... (Вопросы ленинизма. Гиз. 1929. С. 66).

Имеющиеся данные об изменении социальной (классовой) основы сельского хозяйства Абхазии целиком подтверждают эту оценку Сталина.

Вот, например, группировка крестьянских хозяйств в Абхазии по размерам посева:

Число хозяйств с посевом (в %)				
ГОДА	Без посева и с посевом до 0,1 га	До 2 га	От 2-4 га	4-6 га и выше
1923	1,8	85,1	11,9	1,2
1927	2,7	87,6	9,0	0,6

Удельный вес бедняцко-середняцких хозяйств в посевной площади повышается, а количество кулацких и зажиточных хозяйств падает.

Еще более ярко показывает «выравнивание крайностей» таблица о группировке крестьянских хозяйств по количеству рабочего скота:

ГОДА	Число хозяйств (в %)			
	Без раб. скота	С 1 гол. раб. ск.	С 2 гол. раб. ск.	С 3 гол. раб. скота и более
1923	51,6	22,0	23,0	3,4
1926	35,1	37,5	26,5	0,9

Здесь ясно видно, что за счет сокращения бесскотных (бедняцких) и богатых скотом (кулацких) хозяйств росла середняцкая группа.

Кроме того, сведения 1928 года говорят о том, что 70% всех хозяйств обрабатывали землю своим инвентарем и лишь 14% прибегали к найму инвентаря (остальные производят обработку смешанным инвентарем – в супряге и т.д.).

Все это говорит лишь о том, что после советизации, развитие сельского хозяйства в Абхазии шло не по линии капиталистического расслоения, а по линии экономического подъема широких трудящихся масс бедняцко-середняцкого крестьянства.

В Советской Абхазии, как и в СССР в целом, в первые же годы после советизации, **«середняк стал центральной фигурой земледелия»** (Ленин).

РОСТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Уже не раз указывалось, что специализация Абхазии на ценных субтропических и технических культурах возможна лишь на основе роста социалистического сектора сельского хозяйства – совхозов и колхозов. За последние годы мы наблюдаем в Абхазии бурный рост этого сектора.

Площадь совхозов и колхозов составляла к общей площади культивируемых земель:

В 1929 г. – 7,1%.

В 1930 г. – 18,80%.

В 1931 г. – 34,6% (на 1–XII).

В общей площади технических культур около 1/3 занимает соц. сектор (совхозы и колхозы).

Эти данные показывают, что социалистический сектор сельского хозяйства в Абхазии неуклонно вырастает за счет сокращения удельного веса мелких раздробленных единоличных крестьянских хозяйств. Этим же наносится удар кулацким хозяйствам, продукция которых в 1931 г. составляла 1,1% к общей продукции сельского хозяйства.

Прежде всего, надо указать на увеличение количества и мощности совхозов.

Рост совхозов происходит из года в год:

Годы	Число совхозов	Площадь земли в га
1929	4	265
1930	10	904
1931	16	6357

Почти все совхозы специализируются, главным образом, на субтропических и технических культурах: на табаке, чае, рами, эфироносах. Из 16 совхозов в 1931 г. было:

чайных ... 2 (самый крупный в Ачигварах Гальск. р.);
цитрусовых ... 3 (самый крупный в Кохори Гальск. района);
рами ... 1 (в Колхиде Гагр. района);
табачных ... 1 (Чернореченский, Гуд. района);
субтр. плодоводства ... 2 (Псырцха).

Площадь технических культур
в совхозах составляла в 1931 г. – 1926 га.

В области коллективизации в Абхазии мы имеем значительные успехи. Но в то же время был допущен ряд ошибок и перегибов. Об этом говорит в своих решениях XIII областная партконференция абхазской организации КП(б)Г:

«В своем постановлении от 31 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) правильно указывает, что закавказские парторганизации, развернув значительные работы по реконструкции сельского хозяйства, охватили по преимуществу техническую сторону работы и не обеспечили правильного политического руководства крестьянством (бедняцко-середняцкими массами)». Кулацкие и антисоветские элементы, несмотря на поворот основных масс крестьянства к социалистической перестройке сельского хозяйства, получили возможность использовать допущенные ошибки и перегибы в проведении коллективизации для оживления своего влияния.

Неуклонный рост колхозов подтверждается следующими данными:

В 1929 г. было коллективизировано 3,4 проц. крест. хозяйств,

в 1930 г. было коллективизировано 13,4 проц. крест. хозяйств,

в 1931 г. было коллективизировано 41,6 проц. крест. хозяйств.

Количественный рост колхозов сопровождается и качественным организационно-хозяйственным укреплением колхозов: один колхоз (в среднем) имел в 1929 г. – 16,8 га пашни и 4 головы рабочего скота, в 1930 г. – 47,3 га пашни и 9 голов рабочего скота, в 1931 г. – 81,0 га пашни и 28 голов рабочего скота.

Урожайность в колхозах по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами выше на 25 проц.

Технические культуры занимают в колхозах еще недостаточное положение. Процент технических культур в колхозах (по данным НКЗ на 1 декабря 1931 г.) составлял:

- в Гагринском – 45 проц;
- в Гудаутском – 46 проц;
- в Сухумском – 45 проц;
- в Кодорском – 47 проц;
- в Гальском – 13 проц.

Но темпы роста удельного веса технических культур в колхозной земельной площади показывают, что специализация колхозов Абхазии на этих культурах обеспечена.

Географически колхозное движение представляется в таком виде: на 1/I-1932 г. коллективизация охватила:

- в Гагринском районе – 26 проц. крестьянск. х-в;
- в Гудаутском районе – 19 проц. крестьянск. х-в;
- в Сухумском районе – 20 проц. крестьянск. х-в;
- в Кодорском районе – 57 проц. крестьянск. х-в;
- в Гальском районе – 68 проц. крестьянск. х-в.

Ближайшие задачи в колхозном строительстве XIII областная партконференция Абхазской организации КП(б)Г определяет так:

1. Руководствуясь решениями ЦК ВКП(б) от 31 октября 1931 года по докладам ЗКК ВКП(б) и ЦК нацкомпартий и, учтя прошлые уроки, принять решительные меры к исправлению допущенных старым руководством Закрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б)Г ошибок в колхозном строительстве, сосредоточив свои усилия на организационном, хозяйственном и политическом укреплении существующих колхозов и на этой основе дальнейшее развитие колхозного строительства и подготовки условий к ликвидации кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации.

2. Добиться улучшения качества работы в совхозах и колхозах, в особенности, повышения урожайности, повышения продуктивности стада, снижения себестоимости, повышения производительности труда и его учета, перехода на сельщину по всем основным работам, сокращения потерь при уборке урожая, правильного и своевременного распределения доходов между колхозниками, – специализации колхозов по ведущим специальным и техническим культурам.

Практически укрепление колхозов выражается в необходимости:

- 1) безусловного перехода всех колхозов на сельщину, выраженную в трудоднях;
- 2) безусловного перехода на бригадные формы труда;
- 3) решительного искоренения обезлички в использовании скота и орудий;
- 4) точного учета труда;
- 5) составления производственного финансового плана в каждом колхозе;
- 6) специализации каждого колхоза на производстве одной какой-либо ведущей культуры;
- 7) широкого внедрения соц. форм труда (соцсоревнование, ударничество, общественный буксир);
- 8) разработки мероприятий по повышению урожайности и продукции стада и по борьбе с вредителями.

Наряду с ростом совхозов и колхозов, с увеличением веса сектора планового, крупного, социалистического хозяйства, растет механизация и химизация сельского хоз-ва.

В техническом вооружении сельского хозяйства Абхазии произошел крупный сдвиг:

	В 1929 г.	В 1930 г.
Тракторов	9	27
Фрезеров и мотоплугов	–	4
Жел. плугов	2.089	10.176.

Применение химических удобрений выросло с 210 тонн в 1929 г. до 2.106 тонн в 1930 г. В 1931 г. организована одна машинно-тракторная станция (44 трактора). Намечается создание второй МТС.

Большой сдвиг произошел и по линии сельскохозяйственной кооперации.

В 1930 г. была создана единая система с.-х. кооперации Абспецтехкультурсоюза, причем поселковые товарищества охватили большинство единоличных крестьянских хозяйств. Ведя большую работу по контрактации и заготовкам, Абспецтехкультурсоюз оказывает большую помощь колхозникам и бедняцко-середняцкой массе по линии снабжения и агротехники.

ДИНАМИКА КУЛЬТУР

На основе бурного роста социалистического сектора в корне меняется соотношение между с.-х. культурами. Малодоходная кукуруза вытесняется. Растет значение субтропических и технических культур.

Пятилетний план сельского хозяйства Абхазии предусматривал такое распределение площадей между отдельными культурами в начале и в конце 5-летки:

Род культур	Площадь в пр. ко всей	
	1928–29 гг.	1932–33 гг.
Зерновые	65 проц.	25 проц.
Технические	20 проц.	50 проц.
Сады и виноградн	12 проц.	16 проц.
Продовольст...	–	–
Огородные	3 проц.	9 проц.

Этот план будет выполнен к 1933 г. Об этом свидетельствуют сведения о фактическом выполнении его в 1930–1931 гг.

В 1930 г. зерновые занимали 58 проц., а технические культуры – 33 проц. всей площади.

В 1931 г. соответственное падение зерновых достигло 47 проц., а технические культуры выросли до 36 проц.

Большевистские темпы, взятые контрольными цифрами 1932 года, несомненно, обеспечат выполнение 5-летнего плана, несмотря на ряд трудностей (плохие транспортные условия, нехватка кадров, сопротивление клас. врагов и т.п., и т.п.). В 1932 г. тех. культуры заняли 54% площади весеннего клина.

Кукуруза, которая была основным хлебным злаком и сейчас составляет главную пищу крестьянского населения, в посевной площасти уступает место более выгодным и ценным субтропическим культурам.

Кукуруза будет ввозиться в Абхазию для продовольственных потребностей местного населения из других республик, с Сев. Кавказа и Ниж. Волги. Прочие зерновые хлеба (пшеница, ячмень и т.д.) имели всегда в Абхазии ничтожное значение, а сейчас вытесняются одновременно с кукурузой.

Полное вытеснение зерновых культур из Абхазии было невозможно в условиях капитализма, когда снабжение и продуктообмен целиком зависели от колебаний рынка. Но оно вполне возможно и нормально в условиях планового социалистического хозяйства, требуя лишь бесперебойности транспорта и организации хлебных баз на местах (в 1931 г. построено несколько хлебных складов в разных районах Абхазии).

Табак в Абхазии сейчас является ведущей культурой и занимает первое место среди других технических культур.

Табаководство в Абхазии стало развиваться с 1870-х годов, когда были введены высокие таможенные пошлины на ввозимый турецкий табак. Первыми пионерами табаководства в Абхазии были армяне и греки – переселенцы из Турции (Анатолии).

В Абхазии разводятся, главным образом, два сорта турецких табаков: «самсун» – на легких плодородных почвах (суглинок) и «трапезонд» – на легких песчаных почвах.

Лучше всего табак удается на юго-западных склонах холмов прибрежной низменности и в нижней части предгорий.

Быстрому развитию табаководства в Абхазии содействовал рост табачной промышленности в России, а также неприхотливость табака

к транспортным условиям, т.к. он может перевозиться в тюках любым способом на большие расстояния, не теряя в качестве от лежания в складах, при погрузках и т.д.

С начала XX века табачная площадь в Абхазии быстро росла, составляя:

1904 г. – 4.304 га;

1910 г. – 8.457 га;

1914 г. – 13.107 га.

С начала Мировой войны табаководство начинает падать под влиянием общего экономического кризиса. Сильный удар табаководству нанесла затем Гражданская война, отрезав Абхазию от рынков сбыта.

Табачная монополия, установленная меньшевиками 24 октября 1919 г., окончательно добила табаководство, создав разорительные условия для плантаторов:

в 1920 г. площадь под табаком была 1200 га,

в 1921 г. – 44 га.

С момента советизации начинается быстрый подъем табаководства в условиях роста трудовых бедняцко-середняцких плантаторских хозяйств, объединенных системой табачной с-х. кооперации – «Абтабсоюз».

В 1929 г. площадь под табаком достигла довоенного уровня, составив 12.969 га.

Дальнейший рост табаководства – в 1930 г. – 16.875 га, в 1931 г. – 17.172 га – происходит уже на основе социалистической реконструкции сельского хозяйства, сопровождаясь ростом табачных колхозов и организацией крупных табачных советских хозяйств.

Представляя ценное промышленное сырье, табак приносит республике большой доход. В валовой продукции сельского хозяйства Абхазии (по стоимости) табак занимает 30,9 проц., т.е. стоимость продукции табака составляет 1/3 стоимости всей валовой продукции Абхазии.

В 1931 г. весь товарный выход табака исчислялся в 7.724 тонны, из которых часть пошла на Сухумскую табачную фабрику, а преобладающая часть вывезена на табачные фабрики Закавказья, Украины и РСФСР.

Ни одна крупная табачная фабрика в СССР не обходится без абхазских табаков. (Кроме Абхазии, табак распространен в Грузии, в Крыму и

на Сев. Кавказе, но ни один из этих районов не может сравниться с Абхазией по качеству сортов табака, кроме Крыма, но в Крыму табачная площадь очень мала).

Известный процент абхазских табаков идет на экспорт за границу, на рынок Южной и Средней Европы по преимуществу.

В силу значительного упадка табаководства в Турции, Болгарии и Греции, после Мировой войны, советские табаки занимают одно из первых мест не только на европейском, но и на мировом рынке.

Экспортные возможности для абхазских табаков неограничены.

Развитие табаководства в дальнейшем будет неуклонно повышать экономическое благосостояние Абхазии.

Не превращаясь в монокультуру (т.е. не занимая всю посевную площадь целиком), табак, однако, надолго останется ведущей культурой в ряде главных экономических районов республики.

Чай – в деле реконструкции сельского хозяйства Абхазии занимает первое место после табака. Интересно отметить, что первые опыты насаждения чайного куста в Закавказье были произведены в 1848 г. на территории Абхазии, но по рыночным условиям развитие чайной культуры оказалось выгоднее в Батумском районе (Аджаристане), где в 1893 г. были заложены первые крупные плантации московским капиталистом Поповым.

Чай растет на красноземных (латеритных) почвах, которые в Абхазии распространены в Гальском и Кодорском районах, где и развивается сейчас чайная культура.

По решению ЦК ВКП(б) от 31 октября 1931 г., «во второй пятилетке Закавказье должно удовлетворить в основном потребности всего Советского Союза в чае».

Лучшими же и единственными районами по производству чая являются Зап. Грузия, Аджаристан и Абхазия. Все это определяет быстрые темпы роста чайных плантаций в Абхазии:

1928 г. – 305 га,

1930 г. – 1692 га,

1931 г. – 2751 га.

Эфилоносы, дающие весьма ценное техническое сырье для химической промышленности, представляют очень трудоемкую культуру, требуют наличия особых климатических условий и сложного ухода. Вследствие этого эфилоносы почти целиком развиваются по линии крупного социалистического хозяйства (совхозы и колхозы).

Внедрению этих культур много помогает Объединение жировой, мыловаренной, парфюмерной и костеобрабатывающей промышленности (ОМПК), заинтересованное в производстве этого ценного сырья. Площадь плантаций под эфилоносами (герань, лимонное сорго, вербена, эвкалипт и т.п.), расположенных в защищенных, наиболее теплых районах побережья, растет из года в год:

1929 г. – 56 г.

1930 г. – 93 г.

1931 г. – 496 г.

Цитрусовые культуры (лимон, апельсин, мандарин) хорошо растут в субтропической зоне Абхазии и дают высокий доход с единицы площади. В СССР цитрусы могут расти только в Закавказье, почти исключительно в Аджаристане и Абхазии.

Развитие этих культур освободит нас от необходимости ввозить их плоды из заграницы (Италии). Площадь под цитрусами, расширяясь за счет организации новых совхозов, достигла в 1931 г. – 492 га против 50 га в 1929 г. и 206 га в 1930 г.

Особое место занимают такие культуры, как арахис (земляной орех), бамбук, дающий прекрасный поделочный материал для мебельного производства, рами (китайская крапива), предоставляющая ценное шелковистое волокно по качеству значительно выше хлопка.

В настоящее время эти культуры занимают незначительные площади, но во второй пятилетке получат большое распространение. По предварительным наметкам Госплана к 1937 г. расширяются площади:

под табаком – до 30.000 га,

под чаем – 21.000 га,

под эфилоносами – 5.000 га,

под бамбуком – 10.000 га и т.п.

Плодоводство могло бы иметь в Абхазии большое значение, но сейчас оно носит весьма отсталый характер, благодаря плохому состоянию транспорта и слабому развитию местной консервной промышленности.

В субтропической зоне (низменность и предгорья), кроме цитрусов, могут расти дорогие и редкие в СССР сорта фруктов: персик, инжир, хурма, мушмула, гранат, айва, маслина, фундук (орех) и т.п. Пока наиболее важное значение в товарной продукции сельского хозяйства имеют маслины (совхоз Псырцха) и чернослив (Пиленковский район) который экспортируется даже заграницу.

Рост количества и качественное улучшение садов целиком зависит от развития совхозно-колхозного строительства, т.к. единоличное маломощное крестьянское хозяйство не в силах освоить организацию субтропического плодоводства.

Виноград является древней с.-х. культурой в Абхазии, но виноградарство отличается исключительной технико-экономической отсталостью. Крестьянские усадьбы окружены густыми ольховыми и пр. насаждениями, где по всем стволам деревьев вьется виноградная лоза, развиваясь почти без всякого ухода. Вследствие примитивности техники виноделия, отсутствия ухода за лозой и заболеваемости ее филоксерой, урожайность винограда низка и вино не отличается высоким качеством.

Площадь под виноградниками в Абхазии в 1930 г. составляла 4.454 га, но культурные насаждения занимали не более 25 пр.

Только в 1930 г. поселковые товарищества и колхозы принялись за культурную посадку винограда и за замену распространенных старых сортов («Изабелла», «Качич», «Амлаху» и друг.) новыми филоксероустойчивыми сортами («цоликаури» и др.).

По 5-летнему плану предусматривается не столько количественный рост площади виноградников, сколько качественное их улучшение.

Особое внимание уделяется развитию столовых сортов винограда вокруг городов и курортов.

Овощеводство сейчас носит по преимуществу потребительский характер и не может обеспечить овощами даже города и курорты республики, которые снабжаются за счет ввоза овощей из Украины и Сев. Кавказа.

В то же время природные условия Абхазии позволяют заниматься огородничеством круглый год – и зимой, и летом.

Тогда можно удовлетворить не только потребности Абхазии, но и наладить вывоз овощей в промышленные центры СССР, особенно в зимнее время.

Пятилетний план предусматривает расширение огородной площади до 2.000 га в 1932 г., главным образом, за счет колхозов и пригородных хозяйств.

Животноводство в целом имеет в Абхазии экстенсивный (отсталый) характер, за исключением нескольких немецких и эстонских селений в районе Сухума и Гагры. Скот обслуживает потребности крестьянского населения, причем развито скотоводство, главным образом, в предгорной полосе, откуда скот на лето угоняется в горы на альпийские пастбища.

Основными мероприятиями по реконструкции животноводства в Абхазии являются:

- 1) Организация альпийского молочно-мясного хозяйства (передвижные сыроварни, маслобойки, улучшение транспорта).
- 2) Развитие животноводства в совхозах и колхозах, особенно – свиноводства в Гальском и Кодорском районах.
- 3) Улучшение местного скота племенными породами.

Общий подъем экономики страны определяет и рост животноводства, причем наиболее быстро растет свиноводство.

Это видно из следующей таблицы:

По всей Абхазии было:	1929 г.	1930 г
Лошадей	17.194	19.097
Крупного рогатого скота	141.477	161.902
Овец и коз	35.968	32.200
Свиней	22,542	42.696.

Вся валовая продукция животноводства по стоимости в 1930 г. составила 25 проц. всей сельскохозяйственной продукции республики, но товарная продукция мяса, кожи и шерсти незначительна – всего только 5 проц. с.-х. продукции республики.

В 1932 г. основной задачей является укрепление колхозов с животно-водческим направлением и укрепление созданных в 1931 г. 26 колхозных ферм, а также организация сети молочных предприятий: 12 сыроварен, 2 молочных станций и 25 сливочных пунктов.

Такова краткая характеристика главнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии.

Остальные отрасли сельского хозяйства – пчеловодство, птицеводство и т.п. – играют второстепенное, чисто местное значение, хотя и имеют немалые перспективы.

В 1932 году Абхазия делает еще крупный шаг вперед по линии социалистической реконструкции сельского хозяйства, по линии расширения площадей под техническими и субтропическими культурами, на базе развития и укрепления совхозов и колхозов. Вот как определяет задачи весеннего сева 1932 г. XIII абхазская партконференция:

«Основной задачей, стоящей перед обобществленным сектором и единоличными бедняцко-середняцкими хозяйствами, считать широкое внедрение специальных и технических с.-хоз. культур за счет максимального свертывания посевов зерновых культур и неосвоенных земель: 20.000 га под табаки; 1.950 га под чай в весеннюю посевную кампанию, такую же ориентированную площадь под ту же культуру чая в осеннюю посевную кампанию; 764 – под эфилоны; 282 га – под цитрусовые, из коих под лимон 7 га; 500 га – под арахис; 200 га – под рами; 130 га – под плодовые сады; 50 га – под виноград и т.д.».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

- 1) Что изменила советизация в классовой основе абхазской деревни?
- 2) Какие трудности стоят на пути коллективизации сельского хозяйства в Абхазии?
- 3) Как меняется соотношение с.-х. культур в посевной площади по 5-летнему плану сельского хозяйства Абхазии?
- 4) Какие причины обуславливают рост табаководства?
- 5) Какие задачи поставлены перед чаеводством на вторую 5-летку?
- 6) В чем заключается реконструкция животноводства в Абхазии?

7. Индустриализация Абхазии

РАБОТА С КАРТОЙ

- 1) Найдите на карте Абхазии Ткварчелы, Очемчиры, Квезань.
- 2) Проследите по карте путь ткварчельского угля в Дацкесан.
- 3) Найдите на карте Пицунду и р. Гега.
- 4) Определите на карте место будущего Кодорского комбината (при выходе р. Кодор на равнину в 20 км от устья).
- 5) Найдите месторасположение Кодорского лесозавода и лесоразработка на реке Чхалте.

Наличие естественных богатств с перспективами использования горно-лесных ресурсов (запасов) и гидроэнергии, благоприятное географическое положение, широкие возможности переработки ценного субстратического сырья – все эти предпосылки способствуют индустриальному развитию Абхазии.

Однако до революции, когда Абхазия была по существу сырьевой колонией русского капитализма, не могло быть и речи о развитии крупной промышленности в Абхазии. Русский капитализм заглушал всякие попытки местной национальной буржуазии в этом направлении, боясь потерять свое монопольное положение на окраинах.

Правда, иногда русский промышленный капитал сам непосредственно брался за эксплуатацию тех природных богатств, которые обещали широкую прибыль.

Но хищнические методы этой эксплуатации приводили к krahu этих предприятий.

Пример: попытки разрабатывать ткварчельский и бзыбский уголь, рудный бассейн г. Дзышра и г. Хицма и т.д.

Боязнь вложить крупные капиталы, слабость технического оборудования, тяжелые транспортные условия, – все это обуславливало ежегодное падение и без того низкой производительности этих хищнических предприятий:

ПРЕДПРИЯТИЯ:	1911 г.	1913 г.
Рудник Синельникова (Дзышра)	1.000 пуд.	500 пуд.
Рудник Соловьева (Хицма)	7.500 пуд.	635 пуд.

В 1913 г. в Абхазии было:

8 лесопильных заводов	с 259 рабоч.
2 винокуренных завода	с 6 рабоч.
7 минер. вод. завода	с 105 рабоч.
12 кирпичных заводов	с 135 рабоч.
1 черепичный завод	с 5 рабоч.
17 известковых заводов	с 75 рабоч.
2 свечных (воск) завода	с 3 рабоч.

Из данных о количестве рабочих можно судить о том, что большинство перечисленных предприятий приближалось к ремесленному типу и имело узко местное значение.

После советизации, когда были уничтожены причины, тормозящие индустриализацию Абхазии, началось восстановление промышленных предприятий, разрушенных в период меньшевистского господства, и строительство новых заводов и фабрик.

За первые 7 лет советизации с 1921 по 1928 год в дело промышленного строительства было вложено 1.266.550 руб. Основной капитал промышленности Абхазии за это время вырос на 144%, а продукция достигла суммы в 1.071.402 руб. против 450.723 руб. в 1923 г. Количество занятых в промышленности выросло со 138 человек в 1923 г. до 312 человек в 1928 г.

Но мощный толчок развитию крупной промышленности в Абхазии на основе рационализаторского экономического использования природных богатств страны дал 5-летний план.

Уже первая пятилетка определила в Абхазии строительство крупнейших индустриальных предприятий общесоюзного значения. К ним в первую очередь относятся Ткварчелстрой и Бзыбстрой.

ТКВАРЧЕЛЫ – СТАЛИНСТРОЙ

Абхазские пастухи еще очень давно встречали каменный уголь в окрестностях сел. Ткварчелы, в том месте, где бурная Аалдзга (Гализга) прорыла узкие «ворота» в хребте Айсыр у подножья «священной», внушавшей суеверный ужас, горы Лашкендар.

В начале XX века углем заинтересовались капиталисты. Уже было указано на неудачные попытки организации «Акционерного Общества» для разработки ткварчельского угольного месторождения.

В 1920 г. меньшевистское правительство Грузии предоставило итальянским капиталистам концессию на разработку этого месторождения, но советизация Абхазии помешала империалистическим хищникам воспользоваться этими богатствами.

После долгих геологических разведок и исследований было определено, что наиболее удобной для разработки площадью угольных залежей является местность по реке Хеликвара (притоку р. Аалдзга), где имеются запасы угля около 50 миллионов тонн. Остальные угольные площади лежат выше и расположены не так удобно, но их использование вполне возможно впоследствии.

На основе этих изысканий и было приступлено в 1929 г. к строительству каменноугольного рудника мощностью в 1.500.000 тонн годовой добычи угля.

Сейчас уже развернуто большое строительство. В 1931 г. составлен промфинплан на сумму 14.000.000 руб., из которых:

на строительные надземные работы	– 615.000 руб.;
на подземные сооружения	– 1.814.000 руб.;
на строительство электростанции	– 840.000 руб. и т.д.

Главная штолня прокладывается вблизи поляны Акармара на высоте 890 м над уровнем моря. От Акармара уголь будет подаваться в вагонетках по канатной подвесной дороге в Квезань на станцию Ткварчельской ветви Черноморской железной дороги.

На строительство канатной дороги отпущено 2.620.000 руб.

В Квезани намечено устройство первого в Абхазии социалистического города, благоустроенного по последнему слову коммунального хозяйства.

И сейчас на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство для рабочих Ткварчелстроя отпускаются крупные суммы: в 1932 г. – 2.880,000 руб., т.е. 20% всего годового количества расходуемых средств на все строительство.

Для обслуживания рудника и всего района проектируется строительство гидроэлектростанции на реке Аалдзга, но пока временно строится тепловая электростанция на 3.000 киловатт.

Согласно постановления Заккрайкома ВКП(б) от 10 декабря 1931 г., окончание строительства Ткварчельских каменноугольных копий приурочено к концу 1932 г.

В конце 1932 г. из Ткварчел уже потечет «черное золото» – уголь.

Ткварчельский уголь обладает высокими качествами: он содержит мало посторонних примесей (серы и т.д.), способен давать хороший металлургический кокс. Вследствие этого он может с успехом быть использован на металлургических заводах.

Главным потребителем ткварчельского угля будет Дашкесанский металлургический завод (Азербайджан).

Дашкесанский завод строится на базе дашкесанских месторождений железной руды в Азербайджане. С 1934 г. завод будет выпускать ежегодно 600.000 тонн металла, обслуживая, главным образом, потребности нефтяной промышленности (производство цельнотянутых труб).

Комбинация ткварчельского угля и дашкесанской железной руды имеет, таким образом, решающее значение для развития закавказской металлургии.

В связи с использованием ткварчельского угля для Дашкесан. металлургического завода возникает необходимость постройки угольного порта для погрузки угля на пароходы.

Угольный порт намечался в трех пунктах: или в Очемчирах, или в Сухуме, или в Поти. Последние решения Заккрайкома ВКП(б) (декабрь 1931 г.) определяют место строительства угольного порта в Очемчирах.

Разработка Ткварчельского каменноугольного месторождения открывает широкие перспективы для создания в районе Ткварчелы – Очемчиры мощного индустриального комбината.

Ткварчельский уголь дает выход кокса в 67%. Остальные 33% угольной массы могут быть использованы для химического производства (до-

быча бензола, аммиака, красок, кислот и т.п.). В случае развертывания в Ткварчелах коксового производства возможно развитие там азотно-туковой промышленности, дающей химические удобрения для сельского хозяйства (сульфат, аммоний, лейн-селитра и т.п.). Кроме того, в Очемчирах намечается постройка **металлургического завода**.

Пароходы и вагоны, которые будут возить в Дашибесан ткварчельский уголь, обратно не пойдут порожняком – они будут нагружаться в Дашибесане железной рудой. Эта железная руда, привезенная в Очемчиры, будет служить сырьем для нового металлургического завода. Таким образом, Очемчирский завод строится на базе рационального использования транспорта.

Кроме того, у берега Черного моря имеются залежи железной руды в виде так называемых «магнитных шлихов» (песков), содержащих примеси ценных металлов – титана и ванадия. Из этих песков можно добывать железо высокого качества. Они также будут служить базой для Очемчирского завода, который согласно решениям IV пленума ЗКК о второй пятилетке будет «специализироваться на сортовом прокате и качественных сталях».

Наконец, на основе Ткварчельской гидроэлектростанции и угля можно взяться за разработку горных лесов в районе Ткварчел и за организацию предприятий лесной промышленности.

Гидростанция, каменноугольный рудник, коксо-бензольный и химический заводы, металлургический и лесообрабатывающие заводы – вот основные звенья будущего Ткварчельского комбината.

БЗЫБСТРОЙ

О богатстве Бзыбского лесного массива уже говорилось в главе «Природные условия». Вековые пихтовые, буковые, каштановые, самшитовые и другие леса бассейна р. Бзыби занимают огромную площадь в 90.000 га с общим запасом древесины: хвойной – 11.000.000 кубометров и лиственной – 7.000.000 куб. м.

Вычислено, что ежегодно из Бзыбского лесного массива можно получать:

пихты и ели	– 211.000 куб. м.;
бука	– 47.000 куб. м.;
каштана	– 536 куб. м.;
самшита	– 184 куб. м.;
проч. пород	– 9.200 куб. м.

Попытки эксплуатации бзыбских лесов были и до советизации. Еще в 1880 г. местный купец Соломон Лакербая сплавлял по Бзыби сосну для продажи в Турцию. В 1893 г. бельгийские капиталисты собирались взяться за эксплуатацию этих лесов.

И после советизации, в 1922 г., германские капиталисты добивались получить концессию на разработку бзыбских лесов, но, разумеется, неудачно.

Но только пятилетка осуществила проект создания крупного лесопромышленного комбината на основе использования миллионов кубометров древесного сырья, которое дает Бзыбский массив.

В 1929 г. было приступлено к строительству этого комбината.

Лесозаготовки будут происходить высоко в горах. Электропилы будут срезать, как бритвой, толстые стволы 50-метровых пихтовых и буковых великанов.

От лесосек к специальным заготовительным площадкам лес будет подтаскиваться тракторами и механическими лесотасками.

Отсюда, с крутых склонов, по деревянным желобам и лоткам, лес будет спускаться к рекам, где по водяным лоткам пойдет на заводы.

При впадении бурной реки Геги в р. Бзыбь строится гидроэлектростанция мощностью в 10.000 лош. сил для обслуживания всего комбината.

Рядом возникнут древесно-массовый и целлюлозный заводы. Оттуда переработанная древесная масса по трубопроводу самотеком (разница уровней – 100 метров) пойдет к бумажной фабрике на Пицунду (у озера Инкит), где она будет перерабатываться на бумагу и картон.

Сюда же на Пицунду будут спускаться пихтовые и буковые бревна по специальному лотку длиною 50 километров, пропускающему в минуту 3 бревна.

На Пицунде будут расположены лесопильный, фанерный и ящичный заводы.

Весь комбинат в целом должен за год давать:

123.000 кубометров пиломатериала;

24.000 тонн газетной бумаги;

26.000 кубометров фанеры;

44.000 кубометров ящичных комплектов;

2.000 тонн картона.

Для связи цехов комбината на Пицунде с цехами, расположеннымными при устье р. Гега, проложено шоссе по ущелью Бзыби, вырубленное в отвесных неприступных скалах. В 4 км от комбината, на берегу Пицундской бухты, будет устроена причальная пристань для вывоза продукции.

Все строительство Бзыбского комбината должно быть закончено к концу 1933 года.

В 1932 г. на работы по строительству отпущено 8.000.000 руб.

Бзыбский комбинат имеет важное общесоюзное значение, производя ценные лесоматериалы, фанеру, бумагу, картон, в которых наша страна сейчас сильно нуждается.

Часть продукции Бзыбского комбината пойдет на экспорт за границу.

Бзыбский лесопромышленный гигант будет являться вторым индустриальным очагом Советской Абхазии (первый – Ткварчелы). Кроме того, если принять во внимание наличие на р. Бзыби залежей каменного угля и рудных месторождений горы Дзышра (свинец, цинк, медь), возникнет грандиозная перспектива организации мощного производственного комбината (лесо-угольно-химическо-металлургическое производство) в районе Пицунда – Гега – Дзышра.

ПРОЧИЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

В 1931 г. в Абхазии было 3 лесозавода (Гагринский, Кодорский, Гудавский) и 1 деревообделочная мастерская с общим числом рабочих до 534 чел.

Из них особо надо выделить Кодорский лесозавод – первенец пятилетки в Абхазии, построенный в 1930 г.

Кодорский лесозавод расположен в 22 км от Сухума на берегу р. Кодор.

Сырье завод получает с лесоразработок на р. Чхалте и р. Сакене, откуда лес сплавляется по р. Кодору. Как и все лесозаводы, он построен недалеко от устья, в целях рационализации транспорта (море).

Отсталая техника и плохая организация лесоразработок, а также примитивность транспорта леса к заводу, сильно тормозят работу завода.

Завод имеет 4 лесопильных рамы и обслуживается собственной электростанцией мощностью в 295 лош. сил. На 1931 г. промфинплан завода достиг нормы выработки лесоматериалов до 67.000 кубометров.

Часть продукции завода поступает на экспорт за границу (главным образом, в Италию), причем пароходы грузятся лесом в бухте Скурча в 10 км от завода.

Во второй пятилетке Кодорский завод будет развернут в лесокомбинат наподобие Бзыбского в связи с электрификацией реки Кодор.

ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Необходимость переработки субтропического растительного сырья – эфироносов и дубителей – открывает широкие перспективы перед химической промышленностью в Абхазии.

При участии ОМПК (трест жировой и парфюмерной промышленности) в 1932 г. создается три небольших химических завода по выработке **эфирных масел**.

Потребность промышленности СССР в эфирных маслах достигает не менее 190.000 кг, и покрывалась пока за счет импорта из заграницы.

Развитие химической промышленности в Абхазии (выработка эфирных масел) освободит таким образом СССР от иностранной зависимости по линии ввоза этих продуктов из заграницы.

Эти заводы возникают близ сырьевой базы (у совхозов) ввиду того, что эфироносные растения не переносят длительных перевозок.

Пока заводы сосредоточены у совхозов ОМПК в районе Гульрипши – Маджарка, а также в Псырцхе и Гудаутах.

ПИЩЕВКУСОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Эта промышленность Абхазии в настоящее время включает ряд предприятий:

Сухумскую табачную фабрику, табачные ферментационные заводы, Сухумскую консервную фабрику, Гудаутский спиртокуренный завод, Гальскую чайную фабрику и несколько мелких лимонадных заводов.

Всего в пищевой промышленности в 1931 г. было занято 210 рабочих, но все предприятия невелики по размерам и рассчитаны, главным образом, на удовлетворение местных потребностей республики. Исключение составляет самое крупное предприятие этой отрасли – табачная фабрика в Сухуме, продукция которой в значительной мере потребляется за пределами Абхазии.

В 1932 г. фабрика выпустит один миллиард папирос.

Перед пищевкусовой промышленностью Абхазии перспективы открываются ввиду быстрого роста огородов и плодовых садов (консервная промышленность), площади под чаем и табаком и т.п. Во второй пятилетке предполагается постройка новой табачной фабрики.

Местная промышленность удовлетворяет нужду в строительном материале новостроек и городов Абхазии. Имеется несколько кирпичных (самый крупный построен в Сухуме в 1930 г.), черепичных, известковых и др. заводов, с общим числом занятых рабочих до 300 чел.

Сюда же включается ряд мелких лесопильных заводов узкоколейного значения: в Гагида, Квезани, Очемчиры и т.п.

XIII Абх. партконференция отметила, что:

«1. Местная промышленность, вследствие незначительных капиталовложений, стала узким местом в выполнении намеченного объема строительства. Примитивность техники производства и транспортировки стройматериалов создала разрыв между потребностью в стройматериалах и возможностью их удовлетворения, удорожив, кроме того, стоимость строительства», и приняла решение, обеспечивающее развитие местной промышленности.

Большое развитие получит также имеющийся в Псырцхе салотопенный завод по производству дельфиньего жира. При нем будет развернуто производство так наз. «рыбокостной муки» для удобрения полей, а также выработка кожи.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Домашняя промышленность крестьян исчезла почти окончательно. Только в предгорных селениях – Отхара, Хуап, Ачандара и др. – сохранились остатки ковровых и текстильных промыслов, но товарного значения они не имеют, удовлетворяя лишь натуральные потребности.

В городах кустарная промышленность объединяется кооперацией.

Кооперативное объединение кустарей-ремесленников – «Абпромсоюз» – в 1931 г. объединял 3.190 чел. (из них – 2.765 чел., объединенных в артели), производивших валовой продукции на сумму 3.389.300 рублей.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

ИндустрIALIZация Абхазии строится на основе использования запасов «белого угля», которым Абхазия весьма богата. Сейчас существуют лишь 3 мелких гидростанции: Сухумская на р. Беслетка (600 лош. сил), Гагринская на р. Жоэквара (800 лош. сил) и Псырцхинская.

Это составляет ничтожную долю всех запасов гидроэнергии Абхазии, которые теоретически определяются до 1 миллиона лош. сил.

Если подсчитать, сколько энергии потребует народное хозяйство Абхазии, после выполнения 5-летнего плана, то выходит так:

Горная промышленность требует 15.000 лош. сил.

Лесная промышленность требует 15.000 лош. сил.

Сельско-хоз. промышленность требует 40.000 лош. сил.

Черноморская ж. д. (при условии ее электрификации) требует 35.000 лош. сил.

Всего в целом – 105.000 лош. сил.

Это составляет $\frac{1}{4}$ часть той энергии, которую могут дать только пять крупных рек Абхазии.

Во второй пятилетке электрификация Абхазии приобретает высокие темпы.

Уже сейчас приступлено к строительству Сухумской гидроэлектростанции на реке Гумиста. Станция сооружается на р. Зап. Гумиста. Благодаря разнице уровней рек Западной и Восточной Гумисты открывается возможность присоединить воды Вост. Гумисты к Запад. Гумисте, для чего будет прорыт туннель длиною 2½ км.

Станция будет обладать мощностью до 20.000 кВт. Станция будет обслуживать не только Сухумский район, но и побережье Эшеры – Псырцха – Гудауты.

Строительство СухумГЭС намечено окончить в 1934 году.

Кроме СухумГЭС, во второй пятилетке развернется строительство Бзыбской и Кодорской гидроэлектростанций. Мощность этих трех крупных гидростанций составит 126.000 кВт. Если к этому прибавить Ткварчельскую теплоцентраль (24.000 кВт), то очевидно, что мощность электростанций Абхазии достигнет 150.000 квт, т.е. будет в 60 раз больше той мощности, какую имеют наши электростанции в 1932 г. (2.600 кВт). Соответственно возрастет и выработка электроэнергии, достигнув в 1937 г. 885.000.000 кВт-часов против 6.000.000 кВт-часов в 1932 г. (рост в 148 раз!).

ПЛАН 1932 г.

XIII Абх. партконференция отметила, что:

«За период между XII и XIII областными партконференциями достигнуты большие успехи на базе форсированного строительства Ткварчелстрой, Черноморской жел. дороги и Бзыбстроя, имеющих общесоюзное значение.

Несмотря на ряд трудностей, партийные коллективы новостроек, мобилизовав рабочие массы на реализацию шести указаний тов. Сталина и решений ЦК ВКП(б), добились решающих успехов в выполнении промфинплана на 1931 год.

«Черноморка» полностью выполнила свой план. Ткварчелстрой в IV квартале добился резкого перелома в работе, почти полностью по-

крыв прорыв предыдущих кварталов. Бзыбстрой, несмотря на полное отсутствие руководства и помощи со стороны Заклесбумтреста, выполнил свой промфинплан на 52,8 проц.

Ряд существующих предприятий (табфабрика и др.) закончили выполнение пятилетнего плана в начале 1932 года».

В 1932 году капитальные вложения в промышленность Абхазии составляют:

- 1) Черноморская жел. дор. – Ингур – Очемчиры и Ткварчельская ж.-д. ветка – 6,3 млн. руб.
- 2) Ткварчельское угольное предприятие – не менее 14 млн. руб.
- 3) На Бзыбский лесной комбинат – СоюзВСНХ в своих контрольных цифрах предусматривает – 8,2 млн. руб.
- 4) На портовое строительство – 1,5 млн. руб.
- 5) На строительство гумистинской электростанции – 1 млн. руб.

Это показывает, что в 1932 году Абхазия сделает решающий шаг по пути индустриализации.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

- 1) Почему в Абхазии не было крупной промышленности до советизации?
- 2) Оцените географическое положение Ткварчельского угольного месторождения.
- 3) Почему предприятия лесной промышленности (Кодорский завод, Бзыбстрой) возникают в основном при устье рек и на берегу моря, а не в горах?
- 4) Где нужно строить заводы по переработке эфирных масел?
- 5) Где нужно строить консервные фабрики и чайные фабрики?
- 6) Почему кустарные промыслы наиболее развиты в горных селениях: Отхара, Хуап, Псху и т.д.?
- 7) Какие гидроэлектростанции будут построены в Абхазии?
- 8) Как можно электрифицировать сельское хозяйство Абхазии?

8. Экономические районы Абхазии¹

РАБОТА С КАРТОЙ

- 1) Определите на карте границы перечисленных в этой главе экономических районов.
- 2) Определите, к какому экономическому району относится ваше селение или ваш город.
- 3) Создайте бригаду по оформлению экономической карты Абхазии крупного масштаба.

Экономический район – часть территории, которая отличается особыми природными и историческими условиями и развитием отдельных отраслей народного хозяйства, обусловленным экономической политикой советского государства.

Это означает, что специализация районов у нас подчинена задачам социалистического строительства.

Ведущая роль в формировании (образовании) экономических районов у нас принадлежит **социалистической промышленности**. Примером может служить возникновение новых культур в Абхазии – хотя бы эфирносов и пр., для удовлетворения потребностей в сырье нашей советской промышленности и ее освобождения от иностранной зависимости по линии ввоза эфирного масла.

Развитие культуры эфирносов специализирует ряд районов Абхазии, вызывая одновременно необходимость строительства совхозов и колхозов. Каждый экономический район надо рассматривать, как маленький **производственный комбинат** с одной наиболее развитой, первостепенной для этого района, **ведущей** отраслью хозяйства. Экономические районы – не замкнутые, отгороженные друг от друга хозяйственые мирки. Особенно у нас в условиях планового социалистического хозяйства отдельные экономические районы тесно связаны между собой единым общегосударственным планом, они взаимодействуют между собою по линии техники, рабочей силы, продукции своего хозяйства, хозяйственного опыта и культурных навыков.

¹ Эта глава отредактирована т. В. Григорьевым.

Все экономические районы связаны в одно хозяйственное и политическое целое.

Важно, однако, отметить, что административные границы не всегда совпадают с границами экономических районов.

Только недавно Советская власть начала проводить новое экономическое районирование, увязывая его с районированием административным. Сейчас границы областей или крупных частей территории наших союзных республик более или менее соответствуют границам экономических районов. Например, РСФСР делится на Центрально-черноземную, Ивановско-промышленную, Московскую, Ленинградскую и др. области, каждая из которых имеет свои природные, исторические и экономические отличия. Но мелкие административные территории не всегда соответствуют этим экономическим различиям. Сразу очень трудно приспособить административные границы к границам экономических районов по причинам политического порядка (национальные автономии, удобство управления, исторические особенности и т.д.). Абхазия делится в административном отношении на 5 районов: Гагринский, Гудаутский, Сухумский, Кодорский, Гальский. Но в каждом из этих административных районов есть свои внутренние экономические различия. Например, селение Эшеры и селение Псху входят по административному признаку в один и тот же Сухумский район, но в экономическом отношении между ними очень мало общего.

Значит, подходя к рассмотрению экономических районов, надо помнить:

- 1) что все они взаимосвязаны в одно хозяйственное и политическое целое;
- 2) что границы экономических районов не всегда совпадают с административными границами.

Советская Абхазия представляет собой единый производственный комбинат, одно хозяйственное и политическое целое, тесно связанное с общей системой народного хозяйства СССР.

Из предыдущих глав мы уже знаем, какое место занимает АССР Абхазия в системе хозяйства ССР Грузии, ЗСФСР и всего СССР в целом.

Абхазия выступает как угольная база Закавказья.

Абхазия выступает как мощный очаг лесной и с.-х. промышленности, перерабатывающей продукцию субтропических культур, развивающейся на основе электрификации.

Абхазия выступает как производитель ценного субтропического сырья для союзной промышленности (в первую очередь – табак, чай, эфилоносы), и этим помогает укреплению экономической независимости СССР.

Если посмотреть на экономическую карту Абхазии, то бросается в глаза, что преобладающая часть ее территории занята под табаком и чайными плантациями. Это надо учитывать при обзоре помещенной ниже схемы экономических районов Абхазии. (Конечно, эта схема имеет условное значение. Районирование Абхазии еще разрабатывается Госпланом АССРА в связи с планом второй пятилетки).

ГАГРИНСКИЙ РАЙОН

Гагринский административный район занимает крайний северо-западный угол Абхазии на границе РСФСР. Территория Гагринского района равна 73.900 га, из которых 66 проц. находится под лесом, 4 проц. – под горными пастбищами, 9 проц. занимают с/х посевы и насаждения.

Район отличается большой пестротой национального состава населения. Из 21.764 чел. общего количества населения,

5,7 проц. составляют абхазы;
9,6 проц. составляют грузины;
33,7 проц. составляют армяне;
17,0 проц. составляют греки;
17,9 проц. составляют русские;
16,1 проц. составляют эстонцы, немцы и пр.

Площадь посевов и насаждений по всему району в 1931 году равнялась 6.813 га, из них: табак – 2.066 га, эфилоносы – 222 га, цитрусы – 67 га, чернослив – 898 га. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства имеет значительные успехи: в районе имеется 4 совхоза, 3 пригодных кооперативных хозяйства, крупное курортное хозяйство; колхозизация на 1/I-32 г. достигла 26 проц. Гагринский административный

район внутри себя имеет большие экономические различия, объединяя по существу в своих границах четыре экономических района.

Черносливовый район, занимающий низменность и холмы прибрежной полосы, ограниченный рекою Псоу и ее притоком р. Пхиста, а с востока – долиной р. Лапста. Здесь основной отраслью хозяйства является плодоводство и овощеводство. Ведущей культурой является чернослив высокого качества, имеющий экспортное значение. Здесь сосредоточено 87 проц. всех насаждений чернослива в Абхазии. Имеется черносливный совхоз Треста совхозов НКЗ Абхазии площадью в 116 га, а также крупные колхозы в эстонских селениях – Сальме и Сулемо. Технический уровень сельского хозяйства выше, чем в соседних районах: применяются машины, усовершенствованные орудия, химические удобрения, травосеяние (клевер, вика с овсом).

Дороги по сравнению с другими районами в хорошем состоянии. Экономически район тяготеет к с. Пиленково и Гаграм.

Табачный район занимает полосу предгорий хребтов Кацирхва и Зырху, побережье от Пиленково до Гагры, и дальше – предгорья хребта Мамзышха до р. Бзыби. Население (сел. Михельрипш, Пиленково, Холоднореченское, В. Колхида) издавна занимается табаководством. Табачные плантации района составляют 11 проц. всей табачной площади Абхазии, но дают табаки высокого качества. Колхозы специализируются на табаке. Подсобными отраслями являются животноводство и овощеводство.

Гагринский курортно-городской район занимает узкую прибрежную полосу, защищенную подходящим вплотную к морю Гагринским хребтом, включая в себя курорт Старые Гагры и его окрестности (Нов. Гагры и Альпийское). Обладая мягким и ровным субтропическим климатом, Гагры являются одним из лучших курортов СССР. В Старых Гаграх имеется санаторий, 3 дома отдыха и 4 курортных гостиницы.

В связи с этим сильно развивается пригородное хозяйство: овощеводство, молочное животноводство и плодоводство. Продукция целиком сбывается для курортно-городского потребителя. Гагры – пристань и рейд – «ворота» для ближайших сельскохозяйственных районов. Морским транспортом и автosoобщением (береговое шоссе) Гагры связаны с другими центрами Абхазии и СССР.

Субтропический район эфилоносов и цитрусов занимает низменность к востоку от Гагры до р. Бзыби. Население сосредоточено в двух селениях: Аллахадзы и Н. Колхида. В районе имеется крупный совхоз «3-й Интернационал» (площадь 413 га), который и придает району характер специализации на эфилонасах. Совхоз «3-й Интернационал», имея 182 га под эфилоносами, сосредотачивал (1931 г.) 38 проц. эфиромасличных плантаций Абхазии, имея химический завод по перегонке эфирного масла.

Большие возможности имеет в этом районе также цитрусовое хозяйство.

Совхоз Новлубреста «Абхазлуб», в плане весенней посевной кампании 1932 г., имеет 100 га рами, что составляет 50 проц. плантаций рами по республике.

ГУДАУТСКИЙ РАЙОН

Гудаутский административный район занимает территорию в 167.300 га, из которых:

64 проц. находятся под лесом;

5 проц. – под горными пастбищами;

8 проц. составляют посевы и насаждения.

Население – по преимуществу абхазы, которые составляют 67,6 проц. общего числа населения, достигающего 33.263 чел.

Этот район был центром политической жизни Абхазии в прошлом (сел. Лыхны – быв. резиденция абхазских владетельных князей, сел. Ачандары – у подножья «священной» горы Дицрипш и т.п.).

Район отличается на сегодняшний день технической отсталостью (по сравнению с др. районами) и пестрой с.-х. культурой.

Из общей площади посевов и насаждений (в 1931 г.) в 12.520 га:

табак составлял 3.156 га;

эфилоносы – 82 га;

цитрусы – 109 га;

виноград маглари – 3.052 га;

кукуруза – 4.571 га.

Однако прошедшие за последние годы сдвиги по линии социалистической реконструкции сельского хозяйства (коллективизация на 1/I-32 г. достигала 19 проц.), направляют по иному размещение культур в районе: малоходная кукуруза вытесняется субтропическими и техническими культурами, что видно из того, что площадь под табаком в 1932 г. увеличивается по отношению ко всей посевной площади района почти в 2 раза (с 25 пр. до 45 пр.), а площадь под эфироносами более чем в 3 раза (с 0,6 проц. до 2 пр.) по сравнению с 1931 годом.

В виду этого в Гудаутском административном районе намечается два экономических района:

Табачный район – занимающий холмистую полосу и предгорья Бзыбского (Чедымского) хребта, перерезанную широкими долинами рек: Хипста, Мчиш, Дохуара.

Восточная часть этого района (Мцара – Анухва) и западная его окраина (Калдахвара – Каваклук) давно специализировались на табаководстве и дают табаки высокого качества. Но центральная часть района (Джирхва – Лыхны – Абгархук – Ачандары) только в последние годы начинают увеличивать площадь под табаком. Эта часть района когда-то имела известность своими винами, но сейчас виноградарство, всегда имевшее отсталый характер, сильно упало.

Теперь на базе совхозного (Чернореченский табачный совхоз площадью 546 га) и колхозного строительства и эта часть района усиленно специализируется на табаке. Таким образом, в ближайшем будущем мы будем иметь сплошной табачный район от Бзыби до хребтов Заширба и Акую. В некоторых участках этого района могут получить развитие и чайные плантации.

Субтропический район эфироносов и цитрусов охватывает узкую прибрежную полосу почти от Пицунды до Эшеры, переходя в Сухумский район. Здесь благодаря наличию субтропического климата и защитного направления цепи береговых холмов и возвышенностей создаются богатые возможности для ведения цитрусового и эфиромасличного хозяйства. Ведущая роль в этом деле принадлежит совхозам «Псырцха» (390 га) и «Эшеры» (48 га) и строящемуся совхозу «Мюссера», которые специализируются на производстве мандаринов и лимонов. План-

тации эфироносов сосредоточены здесь в двух совхозах ОМПК (общая площадь 108 га), а также в колхозах сел. Петропавловское и Бомборы. Подсобной отраслью является животноводство. В связи с наличием пунктов курортного значения (Мюссера, Гудауты, Псырцха), здесь развиваются кооперативные молочно-овощные хозяйства пригородного типа.

СУХУМСКИЙ РАЙОН

Сухумский административный район занимает по площади первое место в республике.

Его территория раскинута от ледников Главного хребта до берега моря и равна 338.000 га, из которых:

- 52 проц. занимают леса;
- 10 проц. – горные пастбища;
- 6 проц. – посевы и насаждения.

Так же как и в Гагринском районе, вследствие исторических причин, в Сухумском районе наблюдается пестрота национального состава. Из общего числа населения 84231 челов.:

- Абхазов – 2,8 проц.
- Грузин – 26,7 проц.
- Армян – 18,5 проц.
- Грузин – 16,5 проц.¹
- Русских – 9,8 проц.

Прочих (эстонцы, немцы, турки и пр.) – 25,7 проц.

Благодаря разнообразию природных и экономических условий и многонациональности населения Сухумский район внутри себя имеет ряд существенных хозяйственных различий.

- Из общей площади посевов и насаждений 20.394 га в 1931 году:
 - табак занимал 7.422 га;
 - эфироносы – 192 га;
 - цитрусы – 226 га.

¹В перечене национальностей, проживавших в Сухумском районе, грузины упоминаются дважды. – Прим. составителя.

Большой удельный вес табака заставляет, прежде всего, выделить:

Табачный район, занимающий Эшерское нагорье, на правом берегу реки Гумисты, и далее на восток – холмистую низменность с долинами Келасури и Маджарки, переходящую затем в Цебельдинское плоскогорье. Этот район заселен по преимуществу греками и армянами, издавна занимающимися табаководством. Крупные селения – Эшеры, Михайловское, Александровское, Мерхеулы, Цебельда и др. исторически были первыми центрами табаководства в Абхазии. Сейчас этот район сосредотачивает около половины (45 пр.) всей табачной площади республики. Экономически район тяготеет к Сухуму. Транспортное состояние сев.-восточной части района (Цебельда – Азанта) неудовлетворительно и требует усиления темпов дорожно-мостового строительства.

Район эфироносов включает мингрельские селения – Дранды, Бабушеры, Гульрипш, где за последние два года расширяются плантации эфиромасличных культур. В плане 1932 года 7 колхозов этого района специализируются на герани. Большое значение имеет совхоз ОМПК № 1 (площадь 34 га) с перегонными заводами.

Наряду с эфироносами в этом районе имеет значение цитрусовое хозяйство совхоза «Ильич» (площадь 417 га). Подсобное значение имеет в этом районе развитие овощного семеноводства, на котором сейчас специализируется ряд колхозов сел Дранды и Владимировка.

Сухумский курортно-городской район выделяется ввиду роста коммунально-жилищного строительства. Сухум – центр Абхазии и порт. Близ города расположены санатории и дома отдыха (им. Орджоникидзе, Синоп, Гульрипш, Агудзера).

Население города непрерывно увеличивается, достигнув в 1931 году 24.595 человек. Все это вызывает специализацию ближайших (главным образом – немецких) селений: Красная Беслетка, Нейдорф, Гнаденберг, Линдау и др. на производстве овощей и молочных продуктов. Эта специализация сопровождается также ростом совхозов и коопхозов пригородного типа, т.е. овощных, животноводческих, птицеводческих и т.д., общая площадь которых в этом районе составляла в 1931 г. 169 га. В этом же районе имеет для своего развития все данные такая отрасль хозяйства, как декоративное садоводство и цветоводство, с вывозом продукции (цветов

и растений) не только в Сухум и Гагры, но и в центральные города Закавказья и СССР. Примером этого хозяйства может служить находящееся в 3 км от Сухума «Садоводство Московского Коммунхоза».

Районы Псху и Ажарский, входящие также в Сухумский административный район, резко отличаются от общего фона благодаря высоте над уровнем моря, малонаселенности и оторванности от центров республики по причине бездорожья (в Ажары ведет почти непроезжая дробная дорога, а в Псху – горная тропа через перевал Доу, зимой закрытый снегами).

В Псху живет около 500 человек русских и украинских переселенцев, а в Ажарском районе – около 2000 сванов и мингрелов.

Технический уровень сельского хозяйства весьма низок. До последнего времени население разводило с.-х. культуры потребительного значения: кукурузу, пшеницу, ячмень.

Реконструкция сельского хозяйства идет в этих районах по линии развития животноводства, которое должно стать здесь ведущей отраслью. Подсобную роль играет пчеловодство. Большое значение имеют лесные промыслы и охота. Экономическое развитие районов находится в прямой зависимости от улучшения транспорта.

КОДОРСКИЙ РАЙОН

Кодорский административный район занимает территорию 181.700 га, из которых:

- 21 проц. занимают леса;
- 2 проц. – горные пастбища;
- 7 проц. – посевы и насаждения.

Население – по преимуществу абхазы, составляющие 65,5% общего числа населения – 35.708 человек.

В районе находится самая крупная новостройка Абхазии – Ткварчелстрой, оказывающая влияние на хозяйство восточной части района. Сельское хозяйство за последние годы имеет большие сдвиги: в районе 4 совхоза и колхоза, общей площадью в 1.350 га, коллективизация достигла 57 проц.

В 1931 году, из общей площади посевов и насаждений 13.042 га, находится под табаком – 3870 га, под чаем – 444 га, что позволяет характеризовать Кодорский район, как табачный район. Однако уже в перспективе второй пятилетки он, очевидно, превратится в чайно-табачный. Лучшие сорта табака дает полоса предгорий Панавского хребта (Атара, Джгерды, Чилоу, Гуп). В нижней полосе, особенно к востоку (Джал – Ко-чара – Покуаш – Беслахуба), сильно растут чайные плантации. В плане весеннего сева 1932 года район сосредотачивает 20 проц. республиканской площади табака и 54 проц. республиканского посева чая. В будущем возможно выделение восточной части района, как чайного района.

Особо надо выделить Ткварчельский район, где рост промышленного населения заставляет ближайшие селения специализироваться на молочно-овощном хозяйстве пригородного типа. Уже сейчас имеется два кооперативных хозяйства на 522 га, освоивших в 1931 г. 130 га под овощами.

ГАЛЬСКИЙ РАЙОН

Гальский административный район, занимая 105.300 га, имеет из них:

- под лесом – 17 проц.;
- под посевами и насаждениями – 25 проц.

Таким образом, процент используемой для сельского хозяйства территории в Гальском районе значительно выше, чем в остальных районах Абхазии, а процент леса – самый низкий.

Из 53.791 человек населения, 73,4 проц. занимают мингрелы и 25,8 проц. – абхазы. Гальский район является чайным районом. В 1931 году из общей площади посевов и насаждений в 21.560 га,

- чай занимал – 2.306 га;
- табак – 658 га;
- фундук – 1.534 га.

Гальский район сосредоточил в 1931 году 83 проц. всех чайных плантаций Абхазии. Быстрому темпу роста площади под чаем (с 1928 года – 10 раз) соответствуют успехи в развитии социалистических форм хозяй-

ства: в районе находится крупный чайный совхоз (Ачигвара) на 1646 га, цитрусовый совхоз (Кохори), совхоз семеноводства (Гудава). Коллективизация на 1/I-32 год достигла 68 проц.

Кроме чая – ведущей культуры для всего района – в верхней полосе (Гумуриш, Речхи, Саберио, Дихазурга) имеет значение табак, а на приморской низменности (Гудава и пр.) – фундук и арахис.

По берегам многочисленных речек и у берега моря есть возможность для разведения бамбука.

Наряду с этим ряд колхозов (Начкадоу, Отобай, Репо-Шешелети) специализируются на животноводстве и овощном семеноводстве.

При проработке этой главы рекомендуется пользоваться «Экономической картой АССР Абхазии», издаваемой в ближайшем будущем Абгизом. Эта карта дает выпуклое и яркое наглядное представление о размещении горных и лесных богатств и о специализации отдельных районов республики.

Карта технически прекрасно исполнена и отредактирована в соответствии с последними директивами партии и правительства о второй пятилетке.

Опубликовано: А.В. Фадеев. Очерки по экономической географии Абхазии: Пособие для техникумов, СПШ, курсов по подготовке в ВУЗ и пр. Сухум, 1932. 108 с.

МЕЧ И ЗОЛОТО НА БЕРЕГАХ АБХАЗИИ

(Очерки по истории береговой торговли XVI–XVIII вв.)

ОТ АВТОРА

Настоящая работа представляет собой попытку подойти к анализу береговой торговли, ее характера и роли для общественно-исторического развития Абхазии в эпоху турецкого протектората на Черноморском побережье в XVI–XVIII вв.

Материалом для данной работы послужили в основном труды историко-этнографической и лингвистической экспедиции АБНИИК'а осенью 1932 г., участником которой был автор, а также сведения, обнаруженные при проработке письменных источников – записок иностранных путешественников.

Автор выражает глубокую признательность академику И.И. Мещанинову за консультацию по тематике настоящей работы, а также благодарность А.К. Хашба за руководство, оказанное при использовании языковых данных (терминология), и А.Н. Данкевич – за помощь в переводах сочинений Шардэна и Дюбуа.

А. Фадеев

25 сентября 1933 г. Сухум

I. ПРОЦЕСС БЕРЕГОВОГО ОБМЕНА

Торговый капитал на берегах Черного моря

Еще до нашей эры побережье Черного моря служило ареной интенсивной античной торговли.

Многочисленные следы эллинских и римских колоний на берегах Крыма, Кавказа и Лазистана говорят о том, что Черное море пользовалось широкой известностью в античном мире. Описания «Понта Эвксинского» и его берегов, встречаемые у Гекатея из Милета (VI век до н. эры), Геродота (V век до н.э.), Гиппократа (IV век до н.э.), Страбона, Плиния и др., легендарные мифы о скованном Прометеем, о походе Аргонавтов, похитивших из Колхиды «золотое руно», и прочие данные античного фольклора, – убеждают нас в том, что природные богатства Черноморского побережья, в частности Западного Кавказа, манили к себе предприимчивых мореплавателей и купцов средиземноморских государств древнего мира.

История Адыгеи, Абхазии, Мингрелии, Гурии и др. неотделима от истории колонизационной деятельности Эллады, Рима и Византии.

Разложение родового строя, формирование племенных объединений, их феодализация у черноморских адыге, у абхазцев и западных картвелов, образование и распад так называемого «Абхазо-Картвельского царства» – все это происходило не без влияния Византийского торгово-го капитала.

Наконец, если мы остановимся специально на Абхазии, то вся история Абхазского феодализма тесно связана с деятельностью иностранного капитала – византийского, итальянского, турецкого и его колонизаторскими устремлениями на восточном берегу Черного моря.

История черноморской торговли имеет несколько основных этапов.

До нашей эры и в первые столетия нашей эры она находится в руках античных колонизаторов – эллинов и римлян.

С IV века последних сменяет Византия, которая ведет упорную борьбу с Персией за великие торговые пути в Азию через Кавказский пере-

шееек, особенно стараясь подчинить своему влиянию Западный Кавказ, как плацдарм для дальнейших агрессивных устремлений в долинах Риона и Куры.

После того, как господство Византии в восточной части средиземноморского бассейна падает, подорванное великим наступлением арабских племен, на средиземноморских и черноморских рынках начинает активизироваться западноевропейский торговый капитал. В эпоху так называемых «крестовых походов», этого мощного движения на Восток феодальной Европы к X–XII векам выделяются итальянские «города-государства» – Венеция, Пиза, Флоренция, Генуя, которые, пользуясь упадком Византийской империи, натравливая на нее полчища западноевропейских феодалов, успешно вытесняют византийский торговый капитал, проникшая в Черное море.

Еще в 1170 году генуэзские купцы заключают договор с византийским императором Мануилом на право «свободной торговли» (*commerce liberte*) на черноморских рынках.

Когда же в 1204 году организованные венецианским капиталом банды «крестоносцев» разграбили и захватили Константинополь, создав на дымящихся руинах великолепной Византии эфемерное феодальное государство – «Латинскую империю», то венецианские купцы стали полными хозяевами прежних византийских рынков.

Вечные конкуренты Венеции – генуэзские купцы – стремились в течение полувека подорвать венецианскую монополию, не стесняясь никакими средствами, вплоть до морского разбоя и бандитизма.

Борьба этих могучих конкурентов за средиземноморские и черноморские рынки закончилась победой Генуи. В 1261 году генуэзцы оказываются решительную поддержку византийцам, которые вновь занимают Константинополь, разрушая «Латинскую империю» – этот худосочный выродок агрессивного западноевропейского феодализма. В благодарность за реставрацию Византии император Михаил Палеолог передает генуэзцам все венецианские колонии на берегах Эгейского и Черного морей.

Генуэзский торговый капитал проявляет кипучую деятельность на берегах Черного моря. Центром генуэзской торговли в 1266 году станов-

вится на Черном море Каффа (Крым, близ современной Феодосии), построенная еще в 1234 году, но затем разрушенная крымскими татарами.

На побережье Абхазии также возникают генуэзские колонии:

Хакари (Hacary) – нынешние Гагры.

Санта-София (St. Sofia) – в долине сел. Алахадзы.

Песонда (Pesonda) – в пицундской бухте.

Каводи Буксо (Cavo di buxo) – на берегах бомборской бухты.

Никопия (Nicopria) – нынешняя Псырцха.

Севастополь (Sevastopol) – у Кодорского мыса.

Ола-Гуана (Ola-guana) – на месте древней эллинской колонии Гуэнос, в районе сел. Киндги.

Сант-Анджело (St. Angelo) – около устья реки Ингур, в местности Сатанджо.

Наиболее крупной из этих колоний был Севастополь, который служил резиденцией протектора (protector) всех кавказских колоний генуэзцев.

Генуэзские колонии обычно представляли из себя населенные пункты, обнесенные стеной или защищенные башнями, с торговыми факториями, гостиными дворами (fondaco), магазинами и т.д.

Самый расцвет генуэзской торговли на Черном море относится к XIII–XIV векам.

Захват турками Византии в 1453 году нанес стремительный удар черноморской торговле генуэзцев.

Турецкий флот на Черном море нарушает регулярные торговые сношения. Колонии хиреют. В 1475 году турки захватывают Кафу, и вслед за этим генуэзский капитал теряет окончательно и другие колонии.

Однако потеря колоний не означала полной ликвидации торговой деятельности генуэзцев на Черном море. Еще в XVIII веке мы видим генуэзских купцов на побережье Абхазии и Черкесии, но, разумеется, теперь они принуждены уступать купцам, плававшим под турецким флагом.

Западноевропейский торговый капитал не оставляет надежды проникнуть на черноморские рынки, ставшие ему известным со времен «крестовых походов». В этом отношении показателен факт заключения франко-турецкого союза и торгового договора в 1535 г., благодаря кото-

рому французские корабли появляются на Черном море. Но французская торговля под контролем Турции, конечно, не могла достичь размеров итальянской торговли эпохи генуэзской монополии. Главными наследниками генуэзцев были все-таки купцы – подданные Турции, находившиеся под защитой ее военно-политического могущества.

Эти купцы в большинстве случаев не были турками по национальности, ибо обширная и могущественная Османская империя ни в коей мере тогда не была национальным турецким государством и отличалась такой же пестротой национального состава, как и ее предшественница – Византия. Она включала в себя покоренные турками страны с арабским, греческим, славянским населением, стоявшим на более высокой ступени экономического развития. Оттуда главным образом и происходили караваны предпримчивых агентов торгового капитала, развивающегося под покровительством Порты, который содействовал укреплению ее хозяйственно-политической мощи, прекрасно уживаясь с военно-феодальной социальной верхушкой старой Турции.

Эти-то купцы, которые плавали под турецким флагом и были подданными Османской империи, и наследовали генуэзскую торговлю на берегах Черного моря, пользуясь всеми плодами торговой монополии, оберегаемой турецкими гарнизонами на побережье, подчиненном протекторату стамбульских султанов.

Они развили на черноморских рынках активную посредническую торговлю, не будучи тесно связаны с производством какой-либо одной местности, не будучи агентурой промышленности, а выступая свободно и самостоятельно, срывая легко цветы колоссальных барышей, лишь ничтожную долю которых они уступали государству в виде пошлин и сборов, имеющих силу косвенных налогов. Официальная пошлина составляла всего 3%, но фактически вся сумма взимаемых сборов была значительно выше – существовали особые корабельные и маячные сборы, и т.д.

Торговый капитал вообще во всех странах является первичной формой капитала, причем всюду он развивается в форме свободного и самостоятельного существования, сплошь и рядом возникая на базе некапиталистического способа производства.

Анализируя процесс превращения товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый, Карл Маркс в XX главе III тома «Капитала», где он дает блестящий очерк истории развития купеческого капитала, указывает, что если при капиталистическом способе производства купеческий капитал «является лишь капиталом с особой функцией», то в докапиталистических общественно-экономических формациях «купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence* (по преимуществу)» (Карл Маркс. Капитал. Т. III, С. 228).

«Торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет исторически древнейшую свободную форму существования капитала» (там же. С. 227), появляясь там, где имеется простое товарное обращение, причем для него безразлично – является ли производство в целом товарным производством, ибо он находит себе почву при любом способе производства, где существует обмен товаров, хотя бы хозяйство в целом и носило натуральный характер.

Даже более того, торговый капитал чувствует себя тем свободнее и самостоятельнее, чем данная общественно-экономическая формация исторически удалена от капиталистической. Известно, например, насколько активно и независимо выступал торговый капитал в древнем азиатском обществе («дамкары» Вавилона, финикийская торговля и пр.) и в античном мире (Эллада, Рим).

Именно поэтому Маркс и устанавливает закон, по которому «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества» ... (Карл Маркс. Капитал. Т. III. С. 229).

Далее Маркс приводит пример из истории итальянского торгового капитала и его деятельности на восточных (и черноморских) рынках, где особенно ярко проявлялся этот закон потому, что там «главный барыш приносит не вывоз продуктов из своей страны, а посредничество (выделено нами. – А.Ф.) при обмене продуктов таких обществ, которые не развились в торговом и вообще в экономическом отношении» ... (там же. С. 229).

В самом деле, именно посредничество при обмене продуктов разных экономических районов, характерных низким уровнем развития производительных сил и социальных отношений, именно это определяло основное содержание и береговой торговли в Абхазии.

В этом процессе обращения товаров, который обслуживала посредническая деятельность сначала генуэзского, а затем и «турецкого» торгового капитала, крайними членами были, например, крымская соль и абхазский самшит, сирийское железо и черкесские рабы, и т.п. продукты феодальной системы эксплуатации. Непосредственными производителями этих товаров были рабы и крепостные или лично зависимые крестьяне, но продавцами и покупателями всегда выступали их владельцы – представители господствующей феодальной верхушки, которая отчуждала прибавочный продукт трудящихся путем внеэкономического принуждения. Торговый же капитал, выступая в роли посредника, базировался на низкой степени развития производства обслуживаемых стран и районов, на натуральном по преимуществу характере их экономики, на феодальных методах классового господства и подчинения, на отсутствии достаточно развитого внутреннего обмена, используя даже патриархальность феодально-родовых норм (еще Интериано (1551 г.) сообщает, что торговля у адыге и абхазцев считалась занятием «недостойным знатных»). Одним словом, торговый капитал, активизируя свою посредническую деятельность на берегах Западного Кавказа, основывался, как говорит Маркс, «на варварстве производящих народов, для которых они (торговые города. – А.Ф.) играли роль посредников» ... (там же. С. 231).

Из этого посреднического характера деятельности генуэзских, а затем «турецких» купцов, и вытекает свойственная береговой торговле высокая торговая прибыль. Она была тем более высока, чем менее развиты в экономическом отношении производители товаров, чем менее регулярно производство для обмена, чем реже торговые акты, чем менее налажены внешние связи, чем больше, следовательно, разница между ценами производства, чем выше эксплуатация непосредственных производителей.

«Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, что-

бы дорого продать – вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов... » (Капитал. Т. III. С. 230).

Норма прибыли береговой торговли на рынках Абхазии и Черкесии была очень высока, о чем свидетельствуют современники.

Француз Шардэн, посетивший побережье Абхазии в 1671 году пишет:

«Турки получают большие барыши на товарах, которые они вывозят отсюда: то, что они покупают за 1 экю, они продают за 4 экю. Самый большой барыш они получают на торговле рабами... »¹.

Другой путешественник – французский консул при дворе Крымского хана Пейсонель – высказывает еще более определенно:

«Едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии. О выгодности ее можно судить по самшиту, продаваемому в Константинополе по 3 пиястра за центнер, между тем, как соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пары за центнер... »².

Таким образом, средняя норма прибыли колебалась около 300%, но зачастую достигала 1000% и более, особенно по линии экспорта самшита и воска. Пейсонель приводит весьма показательный пример: самшит обменивался на соль вес на вес, центнер соли стоил 10 пары, а центнер самшита 120 пары (1 пиястр содержит 40 пары): следовательно, даже при учете транспортных издержек, прибыль в данном случае достигает 1000%.

Ради подобной прибыли «турецкие» купцы, державшие в своих руках береговую торговлю, равно как и их западноевропейские собратья, способны были на любой риск, не стесняясь теми методами насилия, обмана и предательства, за которые Маркс всю деятельность торгового капитала той эпохи окрестил едким термином «система грабежа».

В одном из примечаний к знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» Маркс приводит следующую цитату из Dunning'a:

¹ «Voyage de m-r le chevalier Chardin en Perse, etc... » Paris, 1723, tome I, p. 145.

² «Traite sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peyssonnel, ancien consul-général». Paris, 1787, part. II, p. 12.

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточно прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул, хотя бы под страхом виселицы...».

Эта остроумная шкала роста капиталистической агрессии более всего применима к береговой торговле на побережье Абхазии и Черкесии.

Формы и характер берегового обмена скорее напоминали по своему внешнему облику военные, чем коммерческие операции. Купцы принимали активное участие в морских разбоях и феодальных набегах. Купеческие корабли ходили, вооруженные пушками. Главным объектом торговли был живой человеческий товар – рабы и военнопленные.

Купец, который фигурирует на берегах Абхазии в XVI–XVIII веках, выступает без маски буржуазной «цивилизации и демократии», надеваемой обычно современным капиталистом.

Он смотрит на нас глазами, в которых откровенно горит ненасытная жажда барыша и готовность идти на любой риск ради высокой наживы.

Он стоит перед нами с циничным оскалом хищника, с лапами эксплуататора, протянутыми к экономически неразвитым народам, стоит, «источая кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (Маркс).

Таков был типичный облик торгового капитала в эпоху его самостоятельного и свободного существования перед «утренней зарей капиталистического способа производства».

ФОРМЫ И ХАРАКТЕР БЕРЕГОВОГО ОБМЕНА

В XVI–XVIII столетиях в Абхазии господствовали феодальные отношения с характерным для них натуральным по существу хозяйством и производством продуктов в основном для собственных потребностей.

Конечно, это натуральное в целом хозяйство не могло быть абсолютно безобменным. Если обмен был слабо развит внутри страны, то тем бо-

лее ярко он проявлялся во внешних сношениях, концентрируясь на побережье Черного моря в тех пунктах, куда прибывали «турецкие» купцы, выполняя свои посреднические функции.

Береговая торговля в Абхазии в то время имела чрезвычайно оригинальный характер. **Шардэн**, путешествовавший в 1671 году на одном из купеческих кораблей вдоль берегов Абхазии, яркими красками рисует картину торговых операций на побережье, непосредственным свидетелем и участником которых он был.

«От канала Палус-Меотид (Керченский пролив. – А.Ф.) до Мингрелии по морскому берегу 600 миль расстояния. Это прекрасные горы, покрытые лесом и населенные черкесами... Суда, направляющиеся из Константинополя и Кафы в Мингрелию, проходя мимо, бросают якорь во многих местах этих морских берегов.

Они стоят один-два дня в каждой из этих местностей и в течение этого времени можно наблюдать, как полуоголые и жадные варвары со своих гор толпами обрушаиваются на берег с видом разбойников. Торговать с черкесами можно только с оружием в руках. Если несколько человек из них желают взойти на судно, им дают заложников, и если кто-нибудь хочет сойти на берег, то они дают, потому что им нельзя верить. Они дают трех человек за одного... »¹.

В этой цитате, прежде всего, характерно великодержавно-высокомерное отношение «культурного европейца» к местным жителям – «азиатам» и «дикарям», свойственное и другим агентам европейского капитала – **Интериано, Ламберти** и др. Несомненно, что взаимно местное население кавказского побережья с таким же презрением и ненавистью относились к приезжавшим купцам, прекрасно зная их хищнические склонности, на горьком опыте изучив их способности к обману и надувательству.

Неудивительно поэтому, что и сам процесс обмена происходил в обстановке обостренного недоверия с обеих сторон.

Описание Шардэна скорее напоминает картину переговоров между двумя враждующими противниками, чем повествование о «мирных» коммерческих взаимоотношениях продавцов и покупателей.

¹ Chardin, t. I, p. 118–119.

Эта картина торговли с оружием в руках и при посредничестве заложников еще раз подтверждает положение о том, что в ту эпоху торговый капитал выступал без маски лицемерной морали, обнажая свою эксплуататорскую сущность и не стараясь прикрыть основной принцип буржуазного мировоззрения – человек человеку волк».

Далее Шардэн описывает непосредственно самый процесс обмена: «Мена происходит таким образом. Барка с судна приближается к берегу. Все находящиеся в ней вооружены. Они позволяют приближаться к месту причала лодки только такому количеству черкесов, которое соответствовало бы их собственному числу.

Если же видят, что черкесы приближаются в большем количестве, то они уходят в море. Когда обе стороны сходятся, они показывают друг другу товары, имеющиеся для обмена, уславливаются и совершают обмен. Но все же всегда необходимо быть настороже, т.к. эти черкесы – само предательство и коварство. Не воспользоваться представляющимся случаем для грабежа выше их сил»¹.

Не будем опять подчеркивать, что термины «предательство» и «коварство» применимы к купцам-спутникам Шардэна не менее, чем к черкесам.

Отметим лишь, что рассказ Шардэна о характере торговых операций на берегах Черкесии полностью может быть отнесен и к Абхазии, ибо на той же границе своей книги он отмечает:

«Абхазы не в такой мере дики, как черкесы, но у них та же природа, склонная к грабежу и разбою. Береговые сношения с ними производятся с теми же предосторожностями, что и с черкесами».

Подобный характер обмена является весьма типичным для всех экономически неразвитых стран и народов, где хозяйство в целом продолжает еще оставаться натуральным и господствуют феодальные отношения.

В Абхазии того времени обмен не был еще естественным законом хозяйственного развития и носил еще в значительной мере случайный характер. Разумеется, для приезжавших «турецких» купцов он не был случайным, в полном смысле, но однако, купец не был уверен – встретит

¹ Ibid., p. 119.

ли он в данном рыночном пункте покупателей, которым он сможет реализовать свой товар.

Береговой обмен, основанный на крайнем недоверии сторон, вечно подверженный опасности военного нападения и вооруженного захвата, как товаров, так и самих продавцов, был весьма рискованным предприятием.

Как правило, обмен товаров основывался не на обмене эквивалентов по стоимости, а поэтому большое значение имели способности к надувательству и обману, кстати сказать, гораздо более развитые у приезжавших купцов, чем у местных жителей, менее опытных в торговле и обладающих более узким кругозором в отношении учета конъюнктуры цен и рыночной ситуации.

Нередко бывало, что там, где обнаруживалась невозможность совершить обмен, в виду несговорчивости или неуступчивости продавцов или покупателей, в дело неожиданно пускалось оружие, и война завершала начавшуюся «мирную» торговлю.

Береговая торговля в ту эпоху не могла быть не связана с риском вооруженного нападения. Иллюстрацией этого положения может служить инцидент, очевидцем которого был тот же Шардэн, в бухте **Исгаур** (Искуар, Скурча), куда он заехал, вместе с купцами, прибывшими для обмена:

«19 сентября (1672 г.) вечером множество спасавшихся крестьян прошло через Исгаур, распространяя бешеную тревогу, рассказывая, что абхазы, которых мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже недалеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их расставили на улицах базара и всю ночь провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное несчастное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостоять ему... 20 сентября все люди с на-

шего судна и с других, стоящих в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности быть захваченными абхазами, которые были близко.

Действительно, они были близко. Как раз, в 10 часов вечера, мы увидели, что весь рынок пылал в огне и, когда на следующее утро, люди отправились туда, они не нашли там ничего, кроме пепла и остатков пожарища ... »¹.

Подобное происшествие на Испаурском рынке для Шардэна, очевидно, было неожиданным сюрпризом, и он, со свойственной французам деликатностью, откровенно признается в своем страхе, но вероятно для его спутников – купцов и капитанов – это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея начеку оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вернули высаженный им вооруженный десант обратно на корабли, то наверно только потому, что из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазскими отрядами и благородно ретироваться под давлением сил противника».

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятно, купцы не только не сумели бы дать отпор наступавшим абхазам, но не постыдились бы и сами перейти в контратаку, ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны купцам и входили составным элементом в их коммерческую деятельность.

Правда, они сами также подвергались нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными абхазскими феодалами-князьями и дворянами приморских районов. Об этих пиратах упоминают и **Интериано**², и **Ламберти**³, и **Шардэн**, и другие путешественники.

¹ Ibid., t. II. p. 6–7.

² Giordio Interiano – «Della vita de Zichi chiamati Circasi», Venetia, 1583.

³ Relation della Colchide oggi detta Mengrellia, etc ... Del p. d. Archangelo Lamberti. In Napoli, 1654.

Более подробно на этом вопросе останавливается Дюбуа, посетивший Черноморское побережье уже в начале XIX века, но еще лично встречавший эпигонов морского бандитизма.

В первом томе своей книги¹ он говорит:

«Я часто имел возможность наблюдать черкесские галеры пиратов ... Галеры эти теперь большего размера, и вмещают обычно большее количество людей по 60–70 человек каждая. Они идут на веслах, скользя вдоль берегов, чтобы не быть замеченными. (Эти галеры называются по-черкесски «кафа» или «куафа», а также «камара», по-абхазски «ахба» (вернее *agba*... – А.Ф.). Порт Мамай, знаменитый еще и в древности своими пиратами, до сих пор служит центром черкесских корсаров» (р. 142–143).

Далее Дюбуа подробно рассказывает о том, как на его глазах вблизи Кодорского мыса небольшое торговое судно подверглось нападению на море со стороны двух пиратских галер, причем до прихода на помощь русского сторожевого военного судна из Сухума пираты успели захватить бочку вина и 30 рублей серебром.

По словам Дюбуа, пираты эти были бомборские абхазы, имевшие предводителями «трех князей из окрестностей Соук-Су (Лыхны)», друзей владетеля Абхазии Михаила Чачба (р. 299–300).

Следовательно, не только самый процесс берегового обмена, но и плаванье вдоль берегов Абхазии представлялось чрезвычайно рискованным делом. Только высокая норма прибыли заставляла купцов пробиваться через эти опасные препятствия, и наоборот, последние, в свою очередь, обуславливали высокую торговую прибыль.

«Эта первоначальная норма прибыли была по необходимости очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия... Прибыль, следовательно, должна была включать высокую премию за риск предприятия... (Ф. Энгельс. Закон ценности и

¹ Dubois de Montpréreux – Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et abkhases, etc... Paris, 1839.

норма прибыли. См. сб. Изложение 4-х томов «Капитала», изд. «Буревестник», 1924. С. 293–294).

Высокая прибыль заставляла идти на риск – большой риск повышал норму прибыли.

В этом была своеобразная диалектика берегового обмена.

ПРЕДМЕТЫ БЕРЕГОВОЙ ТОРГОВЛИ

Объектами берегового обмена были в первую очередь те товары, которые имели высокую потребительскую стоимость для населения Абхазии в целом (соль) и ее феодальной верхушки (оружие, ценные ткани), с одной стороны, а с другой – товары, предоставляющие наибольшую торговую прибыль для купцов-посредников.

Главными импортными товарами были: соль, оружие и металлические изделия, а также тонкие полотна, ситцы, сукна, сафьян и выделанные крашеные кожи.

Важнейшую статью экспорта составляло сырье, в первую очередь – лес, пушнина, воск.

Особое место занимала работторговля, о которой будет сказано ниже. Рабы, несомненно, служили главным предметом экспорта.

Кроме того, с берегов Абхазии вывозили шелк, льняную пряжу и грубые полотна, льняное семя, шкуры быков, куниц, бобров, самшит, воск и мед (Шардэн. С. 119).

Шардэн подробно останавливается на меде, отмечая его исключительные качества:

«Мед бывает двух сортов: желто-красный и белый, белого имеется в меньшем количестве, чем другого сорта, но он гораздо лучше и сладче – рафинированный сахар не может быть сладче: это продукт очень тонкого вкуса, он тверд на зубах.

Кроме домашнего меда, есть мед дикий, который находится в дуплах и щелях деревьев, он имеется в большем изобилии. Суда из Кафы везут его в Татарию, где из него и зерна приготовляют очень крепкий напиток ...» (Указ. соч. С. 145).

В другом месте Шардэн отмечает еще, как экспортный товар, «шкуры ланей и тигров...» (оленей и барсов. – А.Ф.).

Пейсонель на первое место среди экспортных товаров выдвигает самшит, «который обменивается на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз самшита...». Кроме самшита, Пейсонель подчеркивает экспорт воска, которого, по его словам, «из Абхазии вывозится громадное количество по очень выгодной и крайне низкой цене... воск продается неочищенным и при очистке его около 20% идет на убыль», но тем не менее сам Пейсонель лично встречал купцов, разбогатевших исключительно на абхазском воске.

Дюбуа также много говорит в первую очередь о самшите и вообще об эксплуатации лесосырья. Он указывает:

«Нет страны более богатой лесом, чем Абхазия. Лес можно получать везде на побережье, начиная от Сухума до устья Ингуре, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород – дуба, граба, бук, ели и сосны, там имеются великолепные ясени, громадные тисовые деревья с древесиной красного цвета, необыкновенных размеров грушевые деревья, самшит, каштаны и пр.» (Указ. соч. С. 289).

Дюбуа особо подчеркивает прекрасные качества абхазского самшита, отмечая, что и в его время «самшит по-прежнему один из главных предметов торговли Абхазии, и нигде нельзя найти такого прекрасного самшита и по такой дешевой цене. Самшит растет, как я уже говорил, до самого берега моря, в лесах у Бомбора, но лучший находится в ущельях внутри страны и у подножья гор...»

И во времена Дюбуа (начало XIX века) самшит продавался на вес и, по-преимуществу, обменивался на соль. Однако соотношение уже было иное:

«Самшит обменивают из расчета 30 фунтов соли за центнер самшита, который абхазы доставляют на берег моря, где его взвешивают...» (Там же. С. 271).

Таким образом, если в XVII–XVIII веках самшит обменивался на соль из расчета 1:1, то в начале XIX века эта пропорция составляла уже 1:8 в пользу соли.

Это объясняется, с одной стороны – падением цены на самшит, вследствие интенсивной эксплуатации его массивов, с другой – ограниченным в результате военных действий русского флота импортом крымской соли.

Кроме вышеперечисленных предметов экспорта, с берегов Абхазии вывозилась в незначительном количестве серебросвинцовая руда, а позднее, к концу XVIII века, из южной Абхазии начался вывоз кукурузы.

РАБОТОРГОВЛЯ

Центральное место в береговом обмене занимала работорговля на протяжении ряда столетий. При этом с течением времени ее значение не только не ослабевало, а наоборот, возрастало, вплоть до середины XIX века, когда на побережье Черного моря утвердил свою монополию российский торговый капитал, не заинтересованный в этой отрасли торговли. Эта незаинтересованность объяснялась, конечно, не моральными побуждениями, а просто-напросто в силу того, что российский купец обслуживал сначала потребности крепостнического хозяйства русских помещиков, не нуждавшихся в рабском труде, стремившихся и своих рабов (холопов) посадить на землю, да еще и перевести на оброк, а затем – потребности нарождавшейся национальной индустрии, основанной на вольнонаемном труде.

Особенный расцвет работорговля приобрела на восточном побережье Черного моря, как раз в эпоху турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль.

«Полуфеодальное» хозяйство Ближнего Востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства.

Рабы обрабатывали поля, плантации и сады Малой Азии, Румелии, Египта.

Рабы добывали соль в Крыму, мрамор в Карпаре, железо и медь.

Рабы служили гребцами на купеческих фелюгах и военных галерах, бороздивших волны Средиземноморья.

Рабы строили величественные дворцы и мечети Стамбула, мосты, дороги, военные бастионы, окаймлявшие рубежи обширной Османской империи.

Рабы грузили торговые корабли на пристанях Александрии, Кафы, Смирны, Стамбула.

Рабы охраняли серали пашей, служили домашней прислугой в домах феодально-бюрократической знати, а избранные красавицы-рабыни нередко попадали в гаремы султанов и его сатрапов, пополняя контингент их многочисленных жен и наложниц.

По словам Шардэна, ежегодно с берегов Абхазии и Черкесии вывозилось до 12.000 рабов.

Исключительное преобладание работорговли в системе берегового обмена объясняется также и тем, что она более чем какая-либо другая отрасль торговли соответствовала структуре натурального хозяйства феодальной Абхазии не только не подрывая, но, наоборот, укрепляя его устои, покоящиеся на внеэкономическом принуждении, на бесправии трудового народа и произволе эксплуататоров.

Маркс отмечал, что система рабства всегда сохраняет элементы натурального хозяйства, потому, что «самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара – рабочей силы, посредством войны, морского разбоя и т.д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» ... (Капитал. Т. II. С. 349).

Работорговля в Абхазии имела глубокие исторические корни, залегающие еще в вассальных отношениях абхазских племен в эпоху античной колонизации, которые обязывались завоевателями данью в размере нескольких десятков, а то и сотен рабов.

Дюбуа справедливо замечает:

«Во все времена древняя Зихия, нынешние берега Черкесии и Абхазии, была рынком рабов: это продолжается уже многие тысячи лет. Можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие страны. Страбон, Прокопий, Инериано и все современные авторы говорят о торговле рабами». (Указ. соч. С. 124).

Источником работорговли были феодальные набеги и войны. Военнопленных приводили к пунктам берегового обмена, где и продавали «турецким» купцам. Проданный в рабство пленный не только лишался всех социально-политических прав, но и терял элементарное человеческое достоинство.

Купец рассматривал раба как вещь, на покупку которой он затратил определенные средства, с надеждой извлечь высокую прибыль.

Положение рабов на купеческом корабле приводило в содрогание даже современников, в достаточной мере привыкших к жестоким и диким нравам эпохи.

Шардэн очень ярко передает свои впечатления о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Истгаур:

«Я был вне себя от радости, когда почувствовал, что нахожусь за пределами корабля, смрад которого я не в силах был более испытывать, а также видеть ту жизнь и ту низость, которая имела там место.

Каждый вечер заковывали в цепи мужчин по двое, а также и мальчиков. По утрам с них снимали цепи. Этот звон, производимый цепями, лишал меня возможности покоя, и это событие подвергало меня всегда в печаль.

По утрам мы всегда могли видеть неизбежные огни на берегу. Это был сигнал о том, что там находились люди, которые привели рабов для продажи или имели другие товары. Туда посыпали лодку, и те, что хотели взойти на судно, садились в лодку со своим товаром, входили на борт судна и производили свое торжище.

На нашем корабле было 40 рабов, в то время как я покинул его. Капитан, купцы-турки и христиане обменивали их на оружие, одежду и другие товары. Они давали то, что у них спрашивали, но считали вдвое дороже, чем им стоило самим. Мужчины от 25 до 45 лет обходились им только в 15 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет – 20 экю, другие – дешевле, женщины – 12 экю, дети – от 3-х до 4-х экю.

Один греческий купец, каюта которого была рядом с моей, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю. Женщине было не более 25 лет, черты ее лица были восхитительной красоты и кожа цвета подлинной лилии. Я никогда не видел более прекрасных закругленных грудей и такой

нежной кожи. Эта прекрасная женщина вызывала во мне одновременно и желание, и сострадание к себе.

Что более всего приводило меня в изумление, это то обстоятельство, что эти несчастные существа не были подавленными и не чувствовали всего несчастья своего положения.

Как только их покупали, с них снимали лохмотья, которыми они были прикрыты. На них одевали новую одежду и заставляли работать. Мужчин и мальчиков заставляли исполнять работы на судах, женщин и девочек заниматься шитьем... принуждая к работе ударами палки. (Указ. соч. С. 12).

Цены на рабов, указанные Шардэном, несомненно, можно принять, как весьма ориентировочные, ибо они были подвержены сильным колебаниям.

Пейсонель по этому поводу высказывает гораздо более осторожно:

«Рабы представляют собой товар, цену которого определить невозможно, т.к. между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского, до самого дряхлого.

Различные цели, для которых они предназначаются, пол, красота, стройность, способности, физическая сила, состояние здоровья, играют очень важную роль при определении стоимости рабов.

Вообще их ценность колеблется от 60 до 5.000 пиастров». (Указ. соч. С. 177).

Однако можно констатировать, что подростки, молодые юноши и девушки ценились дороже, чем остальные.

На всем побережье Абхазии подросток 10–12 лет в 5–6 четвертей¹ ростом служил мерилом стоимости, что оправдывает замечание Маркса о том, что «люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный капитал (Капитал. Т. I. С. 45).

Береговая торговля, чаще всего имевшая характер случайного натурального обмена, характеризовалась тем, что стоимость какого угодно товара легко воплощалась в стоимости любого другого товара.

¹ По-абх. «ахиэза-фэзга».

Шардэн указывает:

«Вся торговля происходит путем обмена на базарах, которые бывают поочередно на той и другой стороне, где запасаются всем необходимым, дают товар за товар. Деньги не имеют определенной стоимости. Деньги, имеющие здесь обращение, суть пиастры, голландские экю и абассы, которые представляют собой монеты, сделанные в Грузии, но персидской чеканки» ... (Там же. С. 145).

В этих условиях, при неразвитых формах обмена, на фоне процветающей работорговли, естественно, главным претендентом на роль всеобщего эквивалента могли быть рабы.

По мере развития, замкнутого в определенные локальные границы, берегового обмена рабы и выделились, как «специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма» (Маркс).

Подросток в 5–6 четвертей ростом, называемый по-абхазски «худза-фыдза», стал функционировать как денежная единица, служа разменной монетой.

Один «худза-фыдза» приравнивался по стоимости одной верховой лошади или 10–15 быкам. Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. За одного «худза-фыдза» можно было получить взрослого мужчину плюс пару быков или другой «привесок».

Если процесс обмена происходил даже без непосредственного участия «худза-фыдза», то во всяком случае он оставался мерилом стоимости заочно: «это ружье стоит два «худза-фыдза» – как же ты предлагашь мне за него всего 15 быков» ...

Но «худза-фыдза» по своей природе не был особенно удобен для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, не обладая необходимыми для этого качествами неизменяемости, прочности, однородности, делимости, портативности, почему роль всеобщего эквивалента у него оспаривал скот, а впоследствии, еще более успешно – металлические деньги.

ПУТИ И ЦЕНТРЫ БЕРЕГОВОЙ ТОРГОВЛИ

Береговая торговля Абхазии не была двусторонней торговлей наподобие эллинской или римской, она не связывала экономику Абхазии с каким-либо определенным районом.

Эта торговля была преимущественно посреднической, а значит, обслуживала самые разнообразные местности, зачастую весьма удаленные от Абхазии, которая представляла как бы узел перекрещивающихся торговых путей.

Береговые связи были чрезвычайно нерегулярны, часто порывались, благодаря постороннему воздействию, но все же можно проследить те тонкие нити, что связывали побережье Абхазии посредством берегового обмена с далекими заморскими странами. Паутина посреднической деятельности черноморских купцов захватывала рынки, на первый взгляд ничем не связанные между собой и на береговых базарах Абхазии можно было встретить товары не только со всего Ближнего Востока, но и почти со всей Европы.

Береговые рынки Абхазии в то время открывали свои ворота на Запад, огораживаясь с Востока стеной враждебного равнодушия.

Восток был недвижим.

За Главным Кавказским хребтом лежали мелкие раздробленные владения черкесских и кабардинских феодалов, бесконечно враждующих между собой и с абхазами, перегородивших рогатками феодального произвола былые транзитные тропы на Северный Кавказ, поджидающих у подножья перевалов, когда откроется возможность пограбить и похитить, напасть, уничтожить.

На юго-восток от Абхазии расстилались долины Риона и Куры, где звенели когда-то мечи воинов Баграта, Давида, Тамары, где когда-то один за другим двигались торговые караваны через цветущие селения, ярмарки и города. Но теперь, в XVI–XVII веках, эти долины опустели, мечи знаменитых абхазо-картвельских полководцев давно ржавели в могилах, караванные пути заросли сорняками феодальных междуусобиц владетелей карликовых государств – лоскутов могущественной в прошлом Грузии.

Западная Грузия, через которую проходили когда-то великие торговые пути из Персии в Византию, в результате падения последней в конце XV века подверглась полному экономическому оскудению.

Шардэн отмечает, что Кутаис – еще недавно оживленный, цветущий город, важный торговый центр, славившийся своими богатыми ярмарками и обширными базарами, в 1673 году едва насчитывал 200 дымов населения, превратившись в большую деревню, хотя он и оставался столицей Имеретии.

С востока ждать было нечего, кроме дыма горевших селений, запаха тления и трупного смрада.

А в то же время с Запада все чаще прибывали купеческие корабли под турецким флагом, на Западе раскрывались еще неведомые, но широкие экономические горизонты, оттуда долетали до берегов Абхазии атлантические ветры и сквозь дымку морского тумана мерещились силуэты испанских каравелл, покоривших океан, чтобы достичь полулегендарного Нового Света и завоевать сказочные богатства неизведанной страны, открытой предприимчивым генуэзцем Христофором Колумбом.

Ворота береговых абхазских рынков все шире отворялись на Запад.

Купеческие корабли к берегам Абхазии шли по двум основным направлениям: из Кафы вдоль берегов Черкесии и из Стамбула через Синоп – Трапезунд вдоль анатолийского побережья.

Но Стамбул и Каффа не были отправными точками. Это были передаточные пункты, крупные транзитные узлы, а нити торговых связей тянулись дальше.

В Каффе перекрещивались пути из Акмечети, Бахчисарая и остальных центров Крымского ханства. Из Кафы протягивались нити посреднической торговли: через Тамань – в ногайские и калмыцкие степи, на Волгу, по Дону – в Россию, через Молдавию – в Польшу, по Дунаю через Валахию и Венгрию до Богемии и Германии, через Бургас – в Балканские страны.

В Стамбуле бухта Золотого рога кишила торговыми судами, сновавшими меж островов Мраморного и Эгейского моря, приходившими с голубых средиземноморских просторов. Сюда тянулись широкие водные дороги из Смирны и Салоник, с берегов Сирии (Бейрут и Яффа), из Ка-

ира и Александрии, из Венеции и Марселя, Албании, Далмации и Туниса, протоптанные караванные пути из глубин Малой Азии и с Балканского полуострова.

На стамбульскую магистраль выходили у берегов Анатолии купеческие корабли из Трапезунда, Синопа и Гониэ, принимавшие на борт товары, шедшие по вьючным тропам из Месопотамии и Персии.

Через Каффу к берегам Абхазии направлялась крымская соль, оружие и металлические изделия из Богемии и Германии, из Стамбула шли сафьян и крашеные кожи, смирнские пряности (инжир, перец, имбирь) и благовония, сирийское оружие (дамасская сталь), казанлыкское розовое масло, ямпольские ткани, каирские полотна, французский порох, венецианское стекло и пр.

В Трапезунде и Синопе к этому грузопотоку присоединились персидские ситцы, ковры и шелка, дорогие восточные сукна.

Вот каким разнообразием товарного ассортимента bлистала береговая торговля.

Между тем объем товарооборота и размеры береговых рынков находились в явном противоречии с качественным разнообразием товарных потоков. Насколько богат был ассортимент товаров, настолько относительно беден был объем коммерческих операций.

Централами берегового обмена являлись обычно небольшие бухты или чаще всего устья рек. Обширные бухты, как, например, сухумская, не удовлетворяли требованиям тогдашнего мореплавания, ибо скромные парусные или гребные суда не находили гарантий безопасных стоянок на таких открытых и просторных рейдах.

Но небольших закрытых бухт на побережье Абхазии почти не было, т.к. ее береговая линия, как известно, изрезана весьма слабо. Вот почему купеческие галеры отдавали предпочтение устьям рек, которые были удобны еще и потому, что речные долины и ущелья представляли собой естественные транзитные проходы вглубь страны, чем ускорялся самый процесс обмена на береговых торжищах.

Несмотря на то, что встреча приезжавших купцов с местным населением и каждый отдельный факт обмена товаров на берегу, были сами по себе явлением на первый взгляд случайным, тем не менее повторение

этих случаев и накопление опыта в обращении товаров в итоге локализировало береговой обмен в определенных территориальных пунктах.

В XVI–XVIII столетиях на побережье Абхазии крупнейшим рынком был Иsgаур (Искурия, Скурча), который Арканджело Ламберти прямо называет «туркче эмпориум» что значит «большой турецкий базар». Этот рынок был расположен на востоке от кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту.

Еще и сейчас, в наши дни, пароходы, которые грузят лес на рейде у кодорского завода Аблестреста, в случае внезапного шторма укрываются в тихой и защищенной скурчинской бухте. В те же времена, когда техника мореплавания в меньшей степени могла противостоять капризам и коварству Черного моря, естественные данные маленькой для современных теплоходов, но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной скурчинской бухты, были весьма благоприятны для стоянки торговых судов.

Кроме того, выдвижению исгаурского рынка способствовало и то обстоятельство, что он служил конечным пунктом важнейшего для Абхазии транзитного торгового пути по реке Кодор через цебельдинское плоскогорье и урочище Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам, и дальше – на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды.

Значение этого пути очень образно подчеркивает Дюбуа, говоря:

«Ущелье Марух – один из древнейших путей сообщения Кавказа: через этот путь, большей частью, распространялась цивилизация с одного склона (Главного хребта) на другой и производилась торговля. Некогда Абхазия, окаймленная греческими колониями, цветущая подобно саду, благодаря развитой торговле, покрытая городами, замками, церквами, являлась самым драгоценным камнем в короне королей Грузии, и в то время Цебельда была ее Симплоном...» (Указ. соч. С. 320).

Наконец, не исключена возможность, что росту значения Иsgаура содействовала и историческая традиция. Если допустить, а это самый невероятный вариант, что на берегу сухумской бухты в свое время процветала знаменитая Диоскурия, то, несомненно, надо учесть историческую преемственность в отношении места для рынков, которую итальянские

и «турецкие» купцы получили от своих византийских и античных предшественников.

Что же представлял из себя Иsgаур, этот важнейший центр берегового обмена в Абхазии?

Шардэн, посетивший его в 1672 г., дает довольно полную картину.

«10 сентября мы прибыли в Иsgаур... Там находилось 7 больших судов. Прежде всего, наш капитан поставил свое судно на 4 якоря – по два на носу и на корме, и сложил на суше мачты и снасти.

Иsgаур – пустынное место, без жилья. По мере того, как приезжают купцы, там строятся хижины из ветвей деревьев, в том случае, если считают себя в безопасности от абхазов, что бывает редко...» (Указ. соч. С. 119).

Далее Шардэн снова возвращается к описанию Иsgаура.

«Как только наше судно вошло в бухту Иsgаура, я сошел на берег вместе с купцом греком, меня сопровождавшим. Я надеялся увидеть там дома и найти немного продуктов и какую-либо помошь; эта надежда имела основание, т.к. я видел семь судов в порту, но я был очень обманут в своих ожиданиях – ничего этого я не нашел.

Берег Иsgаура весь покрыт лесом. (Недалеко) от берега имеется площадь в 250 (метров) длины и 50 ширины. Это – большой рынок. Там есть одна улица, имеющая с каждой стороны сотню маленьких хижин, сплетенных из ветвей деревьев. Каждый торговец берет себе одну из этих хижин. Они проводят там ночь, но держат в лавке только те предметы, которые могут быть проданы в течение 2–3 дней.

Купленные вещи, а также и те, которые нельзя надеяться продать быстро, сохраняются на судне, вследствие недостаточной безопасности на суше. На рынке не было ничего другого, а также не видно было ни одного (жилого) дома. Я был крайне изумлен и огорчен, не найдя там никакой провизии, (между тем как) наша собственная уже приходила к концу, и увидев там закованных в цепи рабов и с дюжину оборванцев с луками и стрелами в руках, возбуждавших страх...» (Там же, стр. 3–4).

Описание Шардэна подтверждает и Пейсонель, видевший Иsgаур 80 лет спустя, в 1750-х годах.

«Открытая бухта, небезопасная для стоянки больших судов. Здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3–4 мили в окружности» (Т. II. С. 8–10).

Таков был Истаур – самый крупный центр берегового обмена. Остальные пункты причала и стоянки торговых судов на побережье Абхазии еще менее напоминали рынки обычного городского типа.

Устья рек Гудавы, Дгамыш, Келасури, бомборская и пицундская бухты не имели на своих берегах крупных поселений. Меркульский и илорский базары скорее служили местами для сельских ярмарок.

Тем не менее эти пункты с течением времени сделались обычным убежищем для купеческих кораблей и находились под давлением со стороны жителей окрестных селений, которые распространяли весть о прибытии купца вглубь страны, вызывая на побережье всех имеющих потребность в обмене.

Подобный внешний вид центров берегового обмена полностью соответствовал его содержанию и структуре.

Береговая торговля Абхазии определялась, главным образом, посреднической деятельностью «турецкого» торгового капитала.

Купец, плававший под турецким флагом и пользовавшийся его защитой, откупаясь пошлинами и налоговым сбором, легко приобретал право свободных операций на побережье с целью личной наживы и добычи тысячпроцентной прибыли.

Турецкая колонизация не преследовала цель иммиграции в Абхазию избыточного населения из метрополии, в противоположность хотя бы античной колонизации, когда колонисты прочно оседали на побережье.

Турецкая колонизация не подрывала основы феодального способа производства, который продолжал господствовать в Абхазии.

Турция, прежде всего, стремилась обеспечить свою идеально-политическую гегемонию, подкрепляя свой протекторат организацией военных форпостов и пропагандой ислама, довольствуясь получением дани и монополией в посреднической торговле, представлявшей рабочую силу (рабы) и сырье (самшит, пушнина и пр.), а также служившей добавочным источником доходов для государственной казны (пошлины и сборы).

Эти особенности турецкой колонизации, определявшие и характер посреднической торговли этой эпохи, являлись прямым следствием

специфиности той общественно-экономической формации, которая господствовала в Турции, и которую Энгельс метко окрестил термином «полуфеодализм». (Письмо Марксу от 22 дек. 1882 г.).

Эта особая разновидность феодализма характеризовалась тем, что частная собственность на землю в значительной степени была «сконцентрирована в национальном масштабе» и государство выступало как сорбирательный тип феодального эксплуататора.

Турция отличалась чрезвычайно сильной централизацией государственной власти, причем эта централизация по преимуществу находила базу именно в транзитной торговле.

Исходя из такого характера колонизации, турецкие опорные пункты на берегах Абхазии – Сухум-Калэ и Бала-Даг (Гагры), до последнего времени имели характер только военных форпостов и, хотя оберегали монополию «турецких» купцов, но сами не являлись сколько-нибудь значительными центрами береговой торговли.

По словам Пейсонеля, в середине XVIII века Сухум, основанный турками в 1578 году, представлял из себя «небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня, и числится около 3.000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря.

Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар под командой двухбунчужного паши... » (Указ. соч. С. 8–9).

К концу XVIII века значение Сухума для береговой торговли возросло в связи с тем, что он стал резиденцией абхазских владетелей, население увеличилось до 6.000 человек, базар расширился и город принял довольно благоустроенный вид. Но это был весьма кратковременный период в истории города, ибо в 1810 году он был разрушен дотла русской артиллерией и предан мерзости запустения.

Маленькая гагринская крепость была, разумеется, еще меньше похожа на торговый центр и, кроме нескольких хижин, не имела близ своих стен никаких поселений.

Подводя итоги, приходится констатировать, что в XVI–XVIII столетиях, в эпоху турецкого протектората, центры береговой торговли по

своему внешнему облику, по величине товарооборота и населения значительно уступали торговым центрам эпохи генуэзской, византийской и античной колонизации на берегах Абхазии.

И неудивительно, что после сравнительного обзора их, Дюбуа патетически восклицает:

«Какая разница между этой бедной, несчастной Абхазией наших дней (20-е годы XIX века. – А.Ф.) и той блестательной гирляндой греческих колоний, которые окаймляли ее берега в былые времена...» (Указ. соч. С. 263).

Разница была действительно огромная, и настолько же различно было влияние берегового обмена этих двух эпох на внутреннюю социально-экономическую структуру Абхазии.

II. Влияние береговой торговли на эволюцию Абхазского феодализма

ЗАМЕДЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ФЕОДАЛЬНОЙ АБХАЗИИ

Античная колонизация побережья Абхазии была результатом расширенного воспроизводства рабовладельческой системы хозяйства, представляя с одной стороны – источник добывания рабов и сырья, с другой – средство для освобождения метрополии (Эллада и Рим) от избыточного населения.

Милетские переселенцы, основавшие еще в VII веке до нашей эры Диоскурию, Питиус, Гераклею и др. античные колонии на побережье Абхазии, были не только земледельцами. Они вели оживленную торговлю с местными племенами –aborигенами Абхазии. Нет никакого сомнения в том, что первые же попытки развернуть обмен с местными жителями не могли не стимулировать разложение родовой общины и развитие института рабства у абхазо-адыгейских племен.

Военнопленный, который еще недавно для абхазской родовой общины (ажэла) был бесполезен, поскольку он становился товаром, превращается в раба.

Разумеется, было бы ошибкой считать античную колонизацию и возникающую на ее основе торговлю основной причиной разложения абхазского рода и появления рабства. Это был могучий стимул, но основу процесса составляло, конечно, развитие производительных сил внутри самого родового хозяйства: расширение пастбищ и расцвет эйлажного скотоводства, появление возделываемых полей и рост земледелия, эволюция металлической техники (переход от бронзы к железу) и оседание бродячих и кочующих родовых групп.

Но, так или иначе, в Абхазии береговая торговля в эпоху античной черноморской колонизации способствовала развитию внутренних связей (обмен и военные столкновения с целью захвата рабов и скота) и переходу от родовой общины (ажэла) к сельской общине (ақыта), в которой намечается уже социальное расслоение свободных производителей по имущественному признаку.

Однако античная торговля, стимулируя развитие общественных отношений в Абхазии, одновременно и тормозила нормальный ход развития производительных сил в силу того, что самый производительный район страны – береговая холмистая полоса, удобная для земледелия и для образования племенных сообществ, была недоступна абхазам, будучи захвачена колонизаторами.

Это диалектическое противоречие, которое содержалось во влиянии, оказываемом античной колонизацией и торговлей на процессы внутренней эволюции родового строя в Абхазии, приводило, само собой, к враждебным конфликтам между растущими абхазскими племенами и хижающими эллинскими колониями.

Римлянам приходилось держать на побережье уже более сильные гарнизоны для защиты береговых колоний и берегового обмена. Целый ряд данных свидетельствует о том, что местные племена не боялись нападать даже на такие крупные и хорошо укрепленные колонии, как Питиус (Пицунда) и др.

Местное население втягивалось античными колонизаторами в сферу грандиозных по масштабу военных действий, ареной которых нередко служило побережье Черного моря, в том числе и Абхазия.

Войны Рима с Митридатом, когда в Диоскурию явился знаменитый Помпей со своими войсками, войны Рима с Персией, пламя которых озарило зловещим заревом берега Лазистана и Абхазии, многовековая борьба Византии с Персией и арабами, – все это не могло не стимулировать образование во внутренней Абхазии племенных союзов, причем первое время эти племена выступали на стороне одного (Рим, Византия) или другого (Персия) лагеря, а позднее, окрепнув и находя удобный момент, начинали действовать самостоятельно и независимо.

Эти войны, имевшие в то время перманентный характер, содействовали выделению социальной верхушки сельских общин, охваченных глубоким процессом экономического расслоения.

Но не менее, чем военные действия, усилинию господствующей верхушки подовых старейшин¹ и племенных вождей², способствовал развивающийся береговой обмен.

Вожди и их приближенные – будущие феодалы³ – получали львиную долю добычи в результате военных набегов, которые обычно оканчивались не только уничтожением «войска» противника, но и захватом в плен и ограблением «мирного» населения, ибо дифференциации на фронт и тыл войны той эпохи не знали. Следовательно, вожди, обладая большим количеством награбленных ценностей (рабы, скот и пр.) могли чаще выступать на берегу в качестве партнеров колониальных купцов. А кроме того, предметом их коммерческих операций служили частично и те продукты, которые победители обычно получали в результате применения простейшей формы внеэкономического принуждения, – дани.

Таким образом, очевидно, что античная торговля на побережье оказывала известное влияние на формирование внутри свободных прежде абхазских сельских общин социальной прослойки будущих феодалов.

Торговый капитал античного мира, а впоследствии Византии, неоднократно содействовал возникновению в значительной мере эфемерных, плененных «государств» на берегах Черного моря, используя их как во-

¹ Ajlaaixabə.

² Arəza.

³ Atauadi-aməstei.

енно-политический буфер. Примером может служить выдвижение Лазики в V–VI веках нашей эры, причем один из лазских вождей Губаз подчинил своему влиянию и Абхазию.

Когда в VII–VIII веках абхазские племена, консолидируясь в борьбе с византийскими колонизаторами, выдвигаются на Западном Кавказе как мощная военно-политическая сила, торговый капитал Византии, быстро примирившись с потерей черноморских колоний, спешит использовать абхазо-картвельский племенной союз, как заслон против арабского нашествия. Абхазские кони, топот которых слышался в долинах Риона и Куры и даже в азербайджанских степях, протаптывали пути для византийских купеческих караванов, движущихся на Восток.

История развивается в противоречиях. Влияние торгового капитала, первоначально содействовавшее выдвижению племенных вождей-родоначальников будущего класса феодалов, в X веке порождает противоположную антифеодальную тенденцию: верховные руководители Абхазо-Картвельского государства, резиденцией которых становится пункт пересечения важнейших торговый путей (Мцхет – Тифлис), опираясь на торговые элементы и церковь, пытаются создать мощное централизованное государство с развитой бюрократией, единой финансовой системой и наемной армией, подавляя сопротивление феодалов. Это была «золотая эпоха» истории Западного Закавказья – эпоха Баграта, Давида и Тамары.

Однако, когда в результате жесткого экономического кризиса, вызванного нашествием монголов и захватом Византии «крестоносцами», огромное по масштабу, но непрочное по своей внутренней структуре государство Тамары разлагается и феодализируется, то Абхазия превращается в типичное феодальное захолустье – владение «эриставов» Шервашидзе-Чачба.

Феодальный способ производства и возникающие на его основе общественные отношения расцветают в Абхазии к XIII веку, т.е. как раз в тот период, когда византийская торговля на Черном море почти совершенно сходит на нет, а генуэзская колонизация на побережье еще не достигла своего расцвета.

Именно в этот период смены колонизационных влияний (византийского и генуэзского) на побережье и соответствующего ослабления бе-

регового обмена в Абхазии укрепляется такая система производственных отношений, базирующихся на господстве «мелкого земледелия с его подсобной домашней промышленностью» (Маркс), которая, в условиях феодальных методов присвоения прибавочного продукта и децентрализации государственной власти, ведет к натуральной замкнутости хозяйства и политической изоляции страны.

Специфика развития феодализма в Абхазии заключается в замедленном темпе роста производительных сил, в отсутствии ярко выраженного отделения ремесла от земледелия, в отсутствии рынков городского типа, в живучести элементов родового строя, сохранившихся в системе феодальных отношений.

Эти специфические черты в значительной мере являлись продуктом воздействия береговой торговли и береговой колонизации.

В I части настоящей работы достаточно выяснен характер деятельности генуэзского, а в особенности «турецкого» торгового капитала на побережье Абхазии.

Береговая торговля была, прежде всего, посреднической торговлей. Эта торговля основывалась, главным образом, на «варварстве производящих народов» (Маркс), следствием чего и являлась высокая норма прибыли.

Специфические особенности, господствовавшей в Турции, общественно-экономической формации («полуфеодализм»), определяли характер турецкой колонизации, описанный выше. Довольствуясь вассальной зависимостью абхазских владетелей, утверждением торговой монополии и получением дани, турки не имели необходимости ломать производственные отношения, которые они застали в Абхазии. Маркс в свое время особо подчеркивал эту черту турецкой колонизации, указывая, что: «при всех завоеваниях возможен троекратный исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он **оставляет существовать старый и довольствуется данью** (например, турки и римляне) или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)». (К критике полит. экономии. ГИЗ, 1931. С. 66).

Колонизаторы и купцы в эпоху турецкого протектората (XVI–XVIII столетия) были заинтересованы в консервации способа производства в Абхазии на наиболее низком уровне, ибо именно это обеспечивало расцвет посреднической торговли.

Но прямым следствием отсюда вытекало слабое, замедленное развитие производительных сил внутри самой Абхазии.

Земледелие в холмистой полосе начало уже превалировать над скотоводством, но земледельческая техника оставалась на чрезвычайно низком уровне.

Взрыхляя деревянной сохой-рогулей ничем не удобряемую, отвоеванную от леса землю, зачастую ограничиваясь мотыжной обработкой вручную без применения тяговой силы, бороня пашню пучком хвороста, утяжеленного камнями, абхазский крестьянин сеял гоми (просо), лобио (фасоль), ацыца (редька), лук, чеснок и прочую зелень. Позднее, в XVIII веке, появилась кукуруза, наряду с гоми, занявшая место основного хлебного злака. На обработку одного гектара кукурузы уходило не более 60–70 трудодней в год.

Скотоводство по-прежнему имело крайне экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гонялся летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима, свойственная холмистой полосе, не вызывали необходимости в создании искусственной кормовой базы – скот круглый год находился на подножном корму.

Техника виноградарства не подвинулась вперед в течение целых столетий, и виноградная лоза – очень древняя культура в Абхазии – продолжала обвиваться вокруг ольхового дерева без всякого ухода.

Также почти без специального ухода произрастали вокруг поселений фруктовые и ореховые деревья.

Собирание дикорастущих плодов, добыча меда у диких пчел, охота – все эти отрасли недалеко ушли в своем развитии от первых этапов присваивающего хозяйства.

Соответственно примитивности форм экономической деятельности крайне простым было и жилище абхазского крестьянина, представляющее собой легкую круглую постройку, плетенную из прутьев рододендрона, с конусообразной крышей, накрытой папоротником и сухой

травой. Постройка такого жилища была доступна каждому и не требовала привлечения специалистов, плотников и печников, держалась очень долгое время, предохраняя от зимних дождей и одновременно от летнего зноя.

Одежда, находившаяся в массовом употреблении, была также чрезвычайно проста. Черкеска и башлык являлись характерным костюмом только для высшей прослойки «чистых крестьян». Более распространенной крестьянской одеждой был грубый бешмет (акабакяч), длинная рубаха, войлочная конусообразная шапка и чусты из сырмятной кожи, а у женщин – длинное простое платье и безрукавка. Рабы и крепостные зачастую ходили почти совершенно голыми, прикрывшись кожаным фартуком (акуахчиа) или бесформенными дохмотьями.

Необычная ровность и мягкость климата, отсутствие резких отличий между временами года исключали необходимость дифференциации одежды на летний и зимний костюм.

Материалом для одежды служил лен, реже хлопок и шерсть.

Посуда делалась из глины или выдалбливалась из дерева, причем чаще всего преобладал последний способ, благодаря окружавшим поселки лесным богатствам.

Изготовлением одежды, посуды, несложной мебели занималась почти каждая семья. Во всяком случае, все предметы домашнего обихода могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья, в каждой крестьянской семье, не вызывая нужду в специализации, а стало быть, в отделении плотничего, столярного, портняжного, сапожного и гончарного промысла от земледелия.

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так только в металлообрабатывающих промыслах. На территории Абхазии не было крупных месторождений железа. Признаки железной руды обнаружены в высокогорной зоне – в верховьях рек Кодора и Бзыби, но нет никаких оснований предполагать, что они разрабатывались. Однако пояс залегания руд цветных металлов (цинка, свинца и меди), который тянется почти на 40 километров вдоль Чедымского хребта от г. Дзыпра до г. Хицма, был известен абхазам с глубокой древности. В урочище Ахизтоу-Акуара, в ущелье р. Гумы, до сих пор сохранились следы старинных серебросвинцовых и медных разработок.

Добыча этих руд предпринималась с целью изготовления грубых орудий (медь), пуль (свинец) и украшений (серебро). Процесс добычи и обработки руды отличался, конечно, крайней примитивностью. На склоне обрывистой горы, где обнажались выходы руд, рыли большую яму, в которой в течение некоторого времени жгли сухие каштановые дрова. Затем, по словам стариков когда, земля вокруг ямы накалялась настолько, что надо было беспрестанно поливать ноги холодной водой, чтобы стоять вблизи, тогда в яму бросали руду, затем снова засыпали каштановым углем, и снова жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл. Последний моментально разливали по формам, выдолбленным в камне или сделанным из глины, а потом, уже принося домой, в родовой кузнице подвергали дальнейшей обработке.

Как видно из краткого описания, процесс добычи металла был очень тяжел и поэтому доступен уже далеко не каждой семье, а кроме того, источники сырья этого рода (залежи руды) были локализованы в определенном пункте, вследствие чего далеко не все жители могли ими воспользоваться.

Также примитивно в Абхазии пробовали добывать порох из смеси сухого козьего кала (селитра), серы и особого растения «харчил» – («ahagчəl»).

Но ни добывающийся свинец и медь, ни самодельный порох, благодаря своему низкому качеству и ограниченному количеству, не могли удовлетворить быстро растущий спрос на оружие и боеприпасы, что заставляло обращаться к посредничеству приезжавших с моря купцов.

Именно оружие и боеприпасы, а также и соль, запасов которой в Абхазии не было совершенно – это были самые слабые звенья в цепи натуральной системы хозяйства феодальной Абхазии.

Но обмен не был еще законом развития этого хозяйства, которое оставалось в целом еще вполне натуральным. Внутренний обмен был развит очень слабо, прикрываясь чаще всего формой «дарения». Внешний обмен служил на первых порах лишь отдушиной, через которую удовлетворялся спрос на такие продукты, как оружие и соль, и таким образом не противоречил натуральным отношениям, твердо державшимся внутри Абхазии.

Более того, поскольку в основном потребности крестьянства и эксплуататоров-феодалов удовлетворялись собственным производством, а добавочный спрос на оружие и предметы роскоши со стороны князей и дворян всегда встречал в любом размере предложения со стороны приезжих купцов, следовательно, посредническая береговая торговля в этом смысле укрепляла натуральные формы хозяйства и консервировала существовавшие в Абхазии производственные отношения.

В течение столетий, почти до самого XVIII века, «мелкое землевладение с его подсобной домашней промышленностью» было непоколебимой основой феодального способа производства в Абхазии. В консервации данного способа производства немалую роль играл иностранный посредник-купец, стремившийся затормозить развитие производительных сил страны, замедлить темп ее культурно-политического роста, не допустить зарождения национальных элементов буржуазной формации в недрах абхазского феодализма.

Развитие торгового капитала в рамках феодального способа производства может происходить только на основе феодальных форм эксплуатации.

Это, между прочим, отрицала троцкистская оппозиция в дискуссии по китайскому вопросу. Но это ясно указывал тов. Сталин:

«Оппозиция не видит, что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании **господства** феодальных пережитков с существованием купеческого капитала **при сохранении** феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства». (Сталин. Об оппозиции. С. 618).

Именно возраставшая эксплуатация трудового населения страны феодальными владельцами и иноземными хищниками – колонизаторами не давала возможности ее экономике развиваться соответственно богатейшим природным возможностям.

УКРЕПЛЕНИЕ МОЩИ ФЕОДАЛОВ

При господстве натурального хозяйства, разумеется, и прибавочный продукт труда зависимого крестьянина присваивался феодалом в натуральной его форме.

Князь или дворянин, хотя и не вел непосредственно обширного хозяйства, однако обеспечивался в избытке не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами домашних крестьянских промыслов (льняные, а иногда и хлопчатобумажные ткани, шерсть и шерстяные изделия, ковры, посуда, оружие и пр.).

Но с течением времени по мере накопления отчужденного у подвластных крестьян прибавочного продукта потребности феодала росли. Возможность постоянного удовлетворения этих растущих потребностей, посредством берегового обмена, в свою очередь, стимулировала данный процесс.

Рост потребностей абхазских феодалов вызывал: во-первых, учащение актов берегового обмена и увеличение оборотов береговой торговли, во-вторых – повышение нормы эксплуатации, расцвет военно-феодального грабежа с целью захвата рабов, как самого распространенного предмета торговли.

Работоторговля увеличивала феодальную ренту. Развитие берегового обмена сближало интересы абхазских феодалов и иностранных купцов. С течением времени князья и дворяне привыкли рассматривать береговую торговлю, как источник добавочных доходов.

Работоторговля была весьма выгодным занятием. Рабы всегда доставались без большого труда, путем вооруженных набегов на соседей внутри Абхазии или за ее пределами. Все захваченные в плен составляли, конечно, собственность князя – организатора и предводителя набега, и поэтому поставщиками рабов на береговые рынки, обычно, являлись феодалы. Захваченных в плен обращали в рабство, но не всегда сразу продавали.

Каждый военный набег сопровождался все-таки известным риском, и потому нельзя было часто прибегать к этому способу воспроизведения живого товара. Гораздо безопаснее был способ естественного воспроизведения рабов путем деторождения.

Дюбуа отмечает, что «желая иметь рабов для продажи, они (феодалы. – А.Ф.) принимались за это дело заранее... Захватив пленников, пиратствуя по морям, воюя с соседями или же грабя в Имеретии и Черкесии, они спешили поженить тех рабов и рабынь, от женитьбы которых они ожидали наибольшей прибыли; но как только у них рождались дети, их отнимали от родителей и воспитывали отдельно до того времени, пока являлась возможность выгодно продать их. Эти несчастные пленники были настоящими производителями детей!» (Указ. соч. С. 258).

Во всяком случае, захват рабов и воспроизведение рабов для обмена сделалось важной отраслью хозяйственной деятельности абхазских феодалов.

Но, кроме рабов, предметами экспорта из Абхазии служили: лесосыре (в первую очередь, самшит), пушнина, мед и воск. Эти товары доставлялись феодалу подвластными крестьянами. По мере роста потребностей феодалов во внешнем обмене, мы наблюдаем поэтому увеличение натуральных приношений и усиление трудовых повинностей. Иллюстрацией могут служить примеры, характеризующие порожденное вышеуказанными потребностями стремление феодалов к захвату общинных лесов и пастбищ. Кодорские Чачба (Шервашидзе), владетели Абжойской (Срединной) Абхазии, резиденцией которых были селения Кутол и Тамыш, в XVIII веке пытались захватить большой Джгердинский лес, площадью до 100 кв. километров. Тогда же бзыбские Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита в Бзыбском ущелье, причем последовательность эксплуатации была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем для охраны от браконьеров владетели поселили там сторожей и, наконец, объявили о запрещении порубки и вывоза леса.

Не случайной была также и тенденция владельцев князей захватить свободные до того сельские общины высоких предгорий, населенные преимущественно охотниками и пчеловодами. В середине XVIII века, например, бзыбские Чачба добились захвата сел. Отхара, расположенного у подножья Чедымского хребта, жители которого были обязаны натуральными приношениями продуктов охоты и пчеловодства.

Повышение нормы эксплуатации ярче всего выражалось в усилении крепостнических элементов феодальной зависимости.

Основная масса абхазского крестьянства (анхайю), хотя и находилась в зависимых, несвободных **отношениях, но не была прикреплена к земле**. Домашнее хозяйство обслуживалось прислугой, состоявшей из рабов.

Теперь же феодалы начинают практиковать наделение рабов земельными участками, что ведет к образованию целой прослойки прикрепленных к земле производителей («ахуйю»), которые, наряду с исполнением домашних работ, занимаются и земледелием.

Одновременно падает патриархальная оболочка с натуральных приношений, которыми были обязаны «чистые крестьяне (анхайоцкиа): если раньше они приносили продукты по праздникам – в новый год, на пасху, на рождество, в виде подарков своему «князю-батюшке», с которым они часто находились в «родственных» отношениях в силу обычая усыновления (ахупхара, аюнадара) и воспитания (аатзара), то теперь сроки регламентируются, а объем и вес приношений нормируется. Кроме того, устанавливается обязательная трудовая повинность в размере 3–5 дней полевой работы на семью, что значительно отличается от прежней работы на поле владельца в форме «взаимопомощи» (ауаах).

Жажда наживы, жажда накопления, порожденная береговой торговлей с иностранными купцами, привозившими невиданные заморские товары, обуяла абхазских феодалов, сбросивших маску патриархальности и обнаживших свое настояще звериное лицо феодального эксплуататора, барщинника, крепостника.

В прошлом довольно примитивное хозяйство абхазского феодала приобретает новые функции (труд крепостных, торговые операции и т.д.), усложняется и нуждается уже в известном разделении труда и специализации.

Крайне характерным фактом является стремление крупных феодалов, в частности – владетельных князей Чачба, специализировать подвластных крестьян на определенных промыслах, в особенности, усовершенствовать металлообрабатывающие промыслы. Следствием этого было появление отдельных фамилий, из поколения в поколение занимавшихся по преимуществу одним и тем же промыслом – кузнецким

(фамилия Жиба от «ажиаа» – кузнец)¹, ювелирным («Ахиба» – золото)² и т.п.

С другой стороны, активное участие крупных феодалов в береговой торговле и усложнение структуры феодального хозяйства вызывало необходимость в специальных «управителях» – приказчиках – мажордомах (акяхя)³, на обязанности которых по преимуществу и лежала организация сбыта продуктов, предназначенных для обмена, на береговые рынки, заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих «управителей», пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали и себя, превращаясь в зажиточных и накопляя немалые богатства.

Этому способствовало и то, что должность такого «управителя» обычно бывала наследственной.

Одними из таких «управителей» были представители фамилии Квициния, служившие в этой должности у тамышских князей Чачба. С течением времени они накопили достаточные излишки в конце концов почти эмансирировавшись от своих хозяев. Эти Квициния не только имели постоянное общение с «турецкими» купцами, причалившими в устье р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с транзитными грузами вглубь страны – в Джгерды, Чилоу, Атара и т.д., торгуя солью и оружием.

В XVIII веке развитием береговой торговли и ростом товарности в хозяйстве крупных феодалов стимулируется и внутренний обмен.

Появляются внутренние рынки ярмарочного типа. Одной из первых таких ярмарок был базар в Илори, близ знаменитого по всей Абхазии, находящегося там храма святого Георгия, куда ежегодно собирались тысячи крестьян из разных концов страны.

На ярмарке в Илори, конечно, имели хождение по преимуществу товары, которые могли быть использованы затем для берегового обмена, или товары, купленные на побережье у приехавших купцов.

¹ Абх. «ајіәі» (ажы).

² Абх. «axiә» (ахэы).

³ Абх. «akiahia» (ақъахиа).

Все это – начиная от «кузнецов» Жиба и тамышских «мажордомов» Квициния до Илорской ярмарки – свидетельствует о признаках разложения натурального хозяйства Абхазии XVIII века.

Такова диалектика истории. Береговая торговля, тормозившая вначале рост производительных сил Абхазии и консервировавшая феодальный способ производства, в конце концов породила явно противоположные тенденции, направленные к разложению феодализма, к появлению в недрах его эмбрионов товарно-капиталистической формации.

Абсолютистские тенденции владетельных князей Чачба

Береговая торговля в значительной степени содействовала укреплению экономической мощи и усилинию политического авторитета владетелей Абхазии – князей Чачба (Шервашидзе).

Резиденцией владетелей было селение Лыхны, а потомственным владением, своего рода «вотчиной» – Бзыбская Абхазия. Но родственникам владетеля из фамилии Чачба принадлежал ряд пунктов и в других районах Абхазии. Вероятно, неслучайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты берегового обмена: Келасури, Тамыш, Очемчиры, Гудава, не считая Бомборы и Пицунды.

Лыхненские Чачба в эпоху расцвета феодальных отношений занимали среди других феодалов положение «первых среди равных», обладая в значительной степени номинальной властью, а на деле, пасуя перед могуществом своих «подвластных» князей и дворян, признававших владетелей, поскольку они имели большую силу.

Однако, по мере развития берегового обмена, владетели накопили большие богатства на работорговле, на торговле самшитом и пушниной. Береговые базары к концу XVIII века давали им ежегодного дохода свыше 2.000 рублей серебром. Владетели первые пользовались лучшими товарами, запасаясь оружием, золотом и другими драгоценностями, которые можно было бы с успехом употреблять как средство подкупа в борьбе с «непослушными» феодалами.

Наряду с возраставшей экономической мощью, укреплению власти владетелей содействовали политические обстоятельства, в частности покровительство Турции.

Это покровительство со стороны Турции было, конечно, вынужденным. Дело в том, что появиввшись на берегах Абхазии еще в XVI веке, турки в течение более 100 лет никак не могли обеспечить свое господство на побережье.

Не говоря, что они не могли добиться аккуратной выплаты дани от абхазского населения, но зачастую дело доходило до того, что турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже покидали сухумскую и гагинскую крепости в результате нападений со стороны абхазов. Турецкий протекторат над Абхазией превращался в протекторат над Сухумом и Гаграми, да и то довольно непрочный.

Турки решили крепче связаться с фамилией владетелей Чачба, переманить их всерьез на свою сторону, сделать их своими надежными вассалами.

Еще в первой половине XVIII века три брата – Шерван, Сулейман и Зураб Чачба – были отправлены в Стамбул «аманатами» (заложниками). Один из них – Шерван – впоследствии был назначен пашой в Батумскую крепость, а другой – Сулейман – в Сухум. В Поти тоже пашой сидел один из представителей гурийских Шервашидзе. Таким образом, коменданты всех важнейших крепостей на побережье служили члены фамилии Шервашидзе.

Однако, хотя Сулейман и был комендантом Сухум-Калэ, но это еще не значило, что через него турки могут распоряжаться Абхазией.

Турецкие дипломаты инсценируют одно восстание за другим, ссорят претендентов на лыхненский «престол» и, в конце концов, выдвигают владетелем Абхазии молодого Ахмед-Келеш-бэя Чачба, утверждая его одновременно пашой Сухум-Калэ, и, следовательно, наместником Порты Оттоманской в Абхазии.

Этим Турция надеялась обеспечить незыблемость своего протектората и наладить получение дани.

Располагая поддержкой Турции, обладая полученным в наследство богатством, Келеш-бей поставил задачей укрепить центральную власть

во что бы то ни стало. Видя первых своих врагов в лице крупных феодалов, – князей Маршания, кодорских Чачба, эшерских Дзяпш-Ипа и др., – Келеш-бей делает ставку на мелкое дворянство и верхушечную прослойку «чистых крестьян», из которых он начинает вербовать своего рода служилых дворян, «дружинников» – форсируя создание промежуточного сословия «ашнакма».

После упорной борьбы, он сокрушает главного соперника, своего двоюродного брата – Бекир-бэя Чачба, принуждает к покорности цабальских князей Маршания и закодорских Ачба.

С эшерскими дворянами Дзяпш-Ипа он справляется проще, убивая их в своем дворце, куда он пригласил их якобы для переговоров.

Келеш-бей, разгромив наиболее непокорных из абхазских феодалов, переносит свою резиденцию из Лыхны в Сухум-Калэ, обосновывая теперь свой авторитет турецкими пушками и ружьями янычар.

Обезопасив свой тыл с северо-запада союзом с джигетами (садзами) и убыхами, он обрушивается на Мингрелию, захватывая Анаклию и совершая несколько походов вплоть до самой Гурии.

В этой борьбе с мингрельским владетелем Григорием Дадиани Келеш-бей впервые сталкивается с представителями русского царизма, который к этому моменту уже успел аннексировать восточную Грузию и протягивал свою хищную лапу к Имеретии и Мингрелии, стремясь выдвинуть свои боевые аванпосты на берега Черного моря.

У Келеш-бэя возникает мысль использовать вражду между Турцией и Россией, чтобы полностью освободиться от турецкого протектората и остаться полновластным государем в Абхазии. Он примиряется с Дадиани и начинает готовиться к самоопределению от Турции.

Князь Цицианов в письме владетелю Мингрелии Григорию Дадиани от 30 июня 1803 года указывает:

«Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бек Шервшидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство его императорскому величеству моему государю, и что будто он никак не зависел от блестательной Порты Оттоманской...» (Акты К. А. К., II, 536).

А три года спустя сам Келеш-бей пишет князю Цицианову (1806 г.).

«Сиятельный князь, высокостепенный и великолепный генерал! По изъявлении Вам искренней моей дружбы, сообщу следующее, что высокостепенный трапезундский владелец Таяр-паша... ласкаясь найти убежище под сенью высокого России покровительства, приехал ко мне в дом... И хотя по просьбе моей Порта Оттоманская уничтожила действие фирмана о доносе (в отношении Таяр-пши. – А.Ф.), но ежели бы вновь последовало ко мне на выдачу помянутого паша повеление, в таком случае я не исполню оного, ибо он, паша, желая быть под покровительством России, прибегнул в дом мой, а потому уже ни под каким видом не могу его выдать. Убежище его ко мне по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному... Покорно прошу Вас представить о том обстоятельстве Е. И. В. и употребить Ваше ходатайство... (о том, что) ... в случае могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своею помощью и защищением...» (Акты К. А. К., III, 191).

Поводом к разрыву с Турцией послужил инцидент с мятежным трапезундским пашой Таяр-беем, попавшим в опалу у султана и нашедшим приют в Сухуме у Келеш-бея.

На требование Стамбула выдать Таяр-пашу, Келеш-бей ответил отказом и тотчас начал переговоры с царским генералом Цициановым (1806 г.). Но русское командование затягивает переговоры, не решаясь открыто сорвать перемирие, заключенное недавно с турками.

Оставшись один на один с Турцией, Келеш-бей, однако, не теряет времени и готовится к упорной борьбе так энергично, что, когда турецкая эскадра, посланная для карательных мероприятий против Келеш-бея, 25 июля 1806 г. появляется у берегов Абхазии, то она встречает укрепленные бастионы Сухум-Калэ и 25.000 войска, расположенного поблизости на побережье.

«Юйрук-байкадар», начальствующий над эскадрой, решает «благородно ретироваться».

Об этом событии русский генерал Рыгкоф доносил тифлисскому командованию в следующих выражениях (рапорт от 30 июля 1806 г.):

«Флотилия турецкая, состоящая из 3 военных и 8 гребных судов, для наказания Келеш-бека, мимо укрепления нашего, возведенного при устье

р. Хопи, сего месяца 25-го числа перешла к Сухуму и начальствующий оною эскадрою юйрук-байкадар был уполномочен по сему предмету... Келеш-бек себя к встрече с байкадаром совершенно успел приготовить и, собравши 25-тысячный корпус, составленный из черкесов и абазинцев, имел намерение защищаться, доколе будет возможно и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут... » (Акты К. А. К., III, с. 192).

Неудача турецкой карательной экспедиции сильно подняла авторитет Келеш-бека, о чём сообщает бар. Будберг графу Гудовичу в письме от 5 сентября 1806 г.

«Известия, помещенные в депешах в. с., от 16 сентября с. г., о «продолжающейся преданности к России абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры от мингрельских берегов, обратили на себя особое внимание Государя Императора» ... (Акты, III, 193).

Это был расцвет могущества Келеш-бея. Почти год он один управляет независимой Абхазией. Теперь он уже охладел к России и царские генералы даже заподозревают его в «измене».

Но вот наступает неожиданная развязка. 2 мая 1808 г. Келеш-бей был убит своим сыном Асланом, ставленником Турции.

Абсолютистская тенденция обрывается со смертью ее наиболее яркого носителя.

Происшедший «дворцовый переворот» открывает новую эру для Абхазии. Междуусобица детей Келеш-бея – Сафар-бея и Аслан-бея – вызывает в стране феодальную реакцию, политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом.

9 июня 1810 года русский десант с боем занял Сухум-Калэ.

Береговая торговля начинала хиреть и вырождаться в контрабанду.

Август 1932 г. – июль 1933 г.

Использованная литература

1. «*Voyage de m-r chevalier Chardin en Perse, etc...*», Paris, 1723, tome I et II.
2. «*Relation della Colchide noggi, detta Mengrellia, etc...*», Del p. d. Archangelo Lamberti, in Napoli, 1654.
3. «*Traite sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peysonnel, ancient consul-général*». Paris, 1787, p. II (русский перевод в выдержках – изд. Адыгейского Н.-И. Института).
4. Dubois de Montpréreux – «*Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesse et les abkhases, etc ...*», Paris, 1839.
5. Акты Кав. Арх. Комиссии, т. II и III.
6. Сб. «История классовой борьбы в Закавказье» – изд. ЗКУ, Тифлис, 1930.
7. Торнау – «Воспоминания Кавказского офицера», 1835.
8. Гулия Д. – «История Абхазии», т. I.
9. Кудрявцев – «Сб. материалов по истории Абхазии».
10. Розен – «История Турции».
11. Маркс – «Капитал», т. I и III.
12. Энгельс – «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Опубликовано: А.В. Фадеев. *Меч и золото на берегах Абхазии. (Очерки по истории береговой торговли XVI–XVIII вв.)*. Сухум: Издание Абгиза, 1933. 43 с. (Абхазский Научно-исследовательский Институт Краеведения.)

**ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ
ОБ ИСТОРИИ АБХАЗИИ**

(Обзор Общественно-исторического отдела музея)

Введение

Советская Абхазия – яркий пример успехов и достижений ленинской национальной политики.

На наших глазах Абхазия совершает кругой поворот от отсталого полунатурального хозяйства к новым крупным социалистическим формам сельского хозяйства – совхозам и колхозам, от нескольких полукустарных предприятий к мощным индустриальным очагам – Ткварчелстрою и Бзыбстрою, от феодального гнета и национального порабощения к международной спайке прежде враждовавших народов, к небывалому расцвету культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Первая пятилетка изменила лицо страны – бывшей колонии российского «военно-феодального империализма» (Ленин), а ныне – социалистической советской республики, в дружной семье других советских республик Закавказской федерации и СССР, строящей бесклассовое социалистическое общество. Тем более ярок в Абхазии контраст между прошлым и настоящим, тем больше интереса представляет изучение исторического развития Абхазии.

Историко-революционный отдел Абхазского музея краеведения имеет задачей показать историческое прошлое Абхазии на основе марксистко-ленинского учения об общественно-экономических формациях, показать, какие движущие силы определяли развитие Абхазии с глубокой древности до наших дней, показать, где находятся корни тех социальных пережитков, которые сегодня препятствуют бурному росту социалистического строительства в Абхазии.

Историко-революционный отдел музея создан недавно и молод, как весь музей в целом. Собранные и экспонированные материалы еще недостаточны для стопроцентного разрешения задач, стоящих перед отделом.

Настоящая брошюра является не только путеводителем, но и средством помочь посетителю музея уяснить себе полную картину исторического прошлого Абхазии в тесной связи с современной действительностью реконструктивного периода.

Первобытный человек на территории Абхазии

В нескольких местах на территории Абхазии были обнаружены следы пребывания первобытных людей, живших 8–10 тысяч лет назад.

В те далекие от нас времена склоны ближайших к морю хребтов и предгорий, покрытых могучей растительностью, обладающих ровным и мягким субтропическим климатом, изобилующих животными и дичью, представляли собой местопребывание бродячих человеческих орд, передвигавшихся с места на место в поисках средств к существованию. Эти люди стояли на низкой ступени развития техники и культуры. В общественно-историческом отделе музея имеются экспонаты орудий, которые употребляли эти первобытные люди. Это – слабо отшлифованные каменные «ударники», нечто среднее между топором и молотом. Они найдены были в районе г. Сухума и являются образцами материальной культуры эпохи неолита.

Неолит или новокаменный век – это уже вторая ступень развития человечества, когда оно от грубо обтесанных каменных орудий уже начало переходить к полированным, более усовершенствованным каменным орудиям, от бродяжничества к оседлости, от присваивающего хозяйства к производящему, от первобытной орды к родовому строю.

Люди, жившие в эпоху неолита (10.000 лет назад) на территории Абхазии и оставили нам эти полированные орудия, свидетельствующие о низкой степени их технико-экономического развития.

Однако с течением времени, хотя и очень медленно, происходил рост производительных сил, результатом чего явился переход от камня к металлу.

Открытие возможности плавления руды и получения металла совершило значительный сдвиг в технике неолитического человека. Первым металлом, который стал известен человеку, была медь, а затем – олово. Прошло много времени, и около 5.000 лет назад человек изобрел способ получать бронзу – сплав меди и олова. Металлические, в частности бронзовые орудия обусловили мощный подъем производительных сил.

Находки предметов бронзовой техники в Абхазии встречаются гораздо чаще, чем находки каменных орудий. В музее имеется большая кол-

лекция бронзовых орудий и украшений, найденных в разных местах Гудаутского (Баклановка, Петропавловка, Мугудзырхва, Ачандары и др.), Сухумского (Келасури, Цебельда) и Кодорского (Лабры и пр.) районов.

Это говорит о том, что и в эту эпоху на территории Абхазии в предгорной полосе жили люди, причем плотность населения была значительно выше, чем в эпоху каменной техники. В Абхазии и сейчас имеются выходы медных руд, а тогда они возможно были в большем количестве. Что касается олова, то оно в Абхазии не имеется, но крупные месторождения олова были в так назыв. Передней Азии, на Иранском плоскогории, на территории современной Персии. Можно легко допустить, что в эти времена уже существовал обмен между родовыми и племенными группами. Во всяком случае, интересно отметить, что тип бронзовых орудий, найденных в Абхазии, совпадает с находками, сделанными в Осетии, Грузии, Армении и даже Западн. Европе (так назыв. кобанская культура).

Очевидно, что эту стадию материальной культуры переживали люди разных стран, что подтверждает замечание Маркса о том, что «в первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно заново и в каждой местности независимым образом».

Конечно, бронза не сразу вытеснила каменную технику. Энгельс писал: «Медь и олово и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение. Бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла еще вытеснить каменные орудия. Это могло сделать только железо... Оно сделало возможным превращение в пашню более широких лесных пространств».

Переход от бронзы к железу также произошел не сразу. Долгое время человек пользовался и железом, и бронзой одновременно. В Музее имеется железный меч с бронзовым эфесом (ручкой) – памятник этой переходной эпохи.

Люди, населявшие Абхазию несколько тысяч лет назад, при помощи металлической техники уже были способны к солидным сооружениям.

Проживая в лесах, занимаясь скотоводством, охотой и первобытным земледелием (огородничеством), сравнительно часто передвигаясь с места на место, эти люди не нуждались в постоянных и прочных каменных жилищах. Они обитали в легковесных деревянных постройках или плетеных хижинах.

Но для их идеологии тогда уже были характерными начальные религиозные верования – «культ предков». Почитая духов умерших предков-прародителей, родовые группы сооружали особые постройки из тяжелых каменных плит – так наз. «дольмены», где и хоронили своих покойников. Такие дольмены найдены и в Абхазии – в сел. Эшеры и Азанта. Фотографии и найденные в них вещи экспонированы в музее.

Античная колонизация в Абхазии

Свыше 2.500 лет назад на побережье Абхазии находились колонии Эллады или Древней Греции. Эллада была классическим примером так называемого античного общества. Это государство господствовало на берегах Средиземного и Черного морей в течение столетий.

«Греция и Рим являлись странами наиболее высокого “исторического развития” среди народов древнего мира»... (Маркс и Энгельс. Т. 1. С. 194). Все могущество Эллады и ее исторического преемника – Рима, весь расцвет античной культуры (лучшие образцы которой, по словам Маркса, обладают в художественном смысле «вечной прелестью», как произведения «детства человеческого общества») были основаны на рабстве. Эксплуатация рабов давала возможность рабовладельцам укреплять и развивать экономическую и военно-политическую мощь своего государства. Прибавочный продукт, отчуждаемый рабовладельцем, служил не только средством потребления для эксплуататоров, но и средством для обмена, прибыль от которого, разумеется, опять-таки шла рабовладельцу.

Благоприятное географическое положение Эллады способствовало развитию внешнего обмена и морской торговли. Но рабство содержит в себе тенденции к техническому застою, ибо труд раба настолько дешев, что эксплуататоры не задумываются над необходимостью технических усовершенствований.

Технический застой приводил к экономическим кризисам античного хозяйства, выходом из которого служил захват новых территорий, представлявших источник добывания новых тысяч рабов и средство для переселения избыточного свободного населения из метрополии. Такова была причина эллинской колонизации.

Эллинские колонии были разбросаны по всем берегам Черного моря: в Крыму –Херсонес (около Севастополя) и Пантикопея (Керчь), в устье р. Дона – Танаис, на Таманском полуострове – Фанагория и др. На побережье Абхазии эллины имели большую колонию – Диоскурию (по-видимому, на берегу Скурчинской бухты, за Кодорским мысом) и ряд более мелких: Триглит (Гагры), Питиунт (Пицунда), Зуфу (Лыхны), Никопсия (Псырцха), Чамчир (Очемчиры) и др. Эти колонии вели оживленную торговлю с населением Абхазии, вывозя отсюда лес, соленую рыбу, скот, серебро – свинцовую руду и, наконец, живой товар – проданных в рабство пленных. Область своей колонизации на восточном берегу Черного моря эллины называли «Колхидой», включая в это понятие Абхазию, и Мингрелию.

В эллинской литературе очень много указаний на природные богатства Колхиды (миф о «золотом руне»).

С падением могущества Эллады черноморские колонии переходят в I веке до н. эры в руки понтийского царя Митридата Эвпатора, создавшего крупное рабовладельческое государство на берегах Черного моря. Затем эти колонии становятся ареной ожесточенной борьбы между понтийскими царями и римским государством. Рим, являясь преемником Эллады, также основывал свое хозяйство на рабстве, а потому стремился к колониальным захватам. В 66 году до н. эры римский военачальник Помпей был на берегах Абхазии с огромной армией, а затем прошел вверх по р. Кодор, преследуя понтийского царя.

Римляне держали в своих руках бывшие эллинские колонии несколько столетий. Они построили ряд укреплений (на Иверской горе у Псырцхи, в Гаграх, в Пицунде) и под защитой своих военных легионов возобновили оживленную торговлю на побережье Абхазии.

Эллинские и римские писатели мало сообщают о коренном населении Абхазии того времени, считая его «варварами» и «дикарями». Эллинский историк и географ Геродот (V в. до н.э.) называет местных жителей «колхами», римляне Плиний (I в.) и Арриан (II в.) – «генохами», что значит «перевозчики». Но ясно, что это прозвища, данные местному населению античными колонизаторами.

В Музее эпоха античной колонизации в Абхазии представлена коллекциями предметов античной материальной культуры, найденными при случайных раскопках в районе г. Сухума.

Абхазо-картвельские объединения и их борьба с Византией

В IV веке нашей эры на развалинах бывшей Римской империи образовалось новое крупное государство – Византия. К ней перешли все колонии римлян на побережье Абхазии.

Византийские купцы, опираясь на укрепленные военные форпосты на побережье, стремились распространить свое влияние и на всю Абхазию, сочетая методы прямого вооруженного грабежа с методами духовного закабаления местного населения путем пропаганды христианской религии. Еще и сейчас сохранились на территории Абхазии христианские храмы (Гагры, Пицунда, Лыхны, Каманы, Илори и др.), построенные византийскими миссионерами – агентами торгового капитала. Рядом с храмами обычно строились торговые фактории и склады, нередко за стенами монастырей держались военные гарнизоны. Союз креста и меча помог Византии утвердиться на берегах Абхазии.

Жители Абхазии (которых византийский писатель VI века Прокопий Кесарийский называет «абсилы», «абаски», «авасги», что, несомненно, является исковерканным самонименованием абхазов – «апсу») – абхазы переживали тогда период родового строя.

Они жили отдельными родовыми группами (абх. «ажэла»), объединявшими несколько семей (абх. «атаацчва»), имевшими общие родовые пастбища и расчищавшими небольшие участки из-под леса для примитивного земледелия. Каждая родовая группа управлялась на началах «примитивной демократии» (Энгельс).

Стоявшие во главе рода старейшины (абх. «рапхя-гылаю») строго придерживались выработанных издавна обычая и традиций.

С течением времени, по мере роста производительных сил (развитие земледелия и использование труда рабов – военнопленных), хозяйствственные территории отдельных родов сближались, следствием чего на смену родовой общине приходила новая социальная форма – сельская община (абх. «акыта»).

Дальнейшее развитие производительных сил, расширение обмена на основании увеличения прибавочного продукта, укрепляло связи между абхазскими племенами, каждое из которых представляло собой объединение автономных родовых групп, связанных общностью территории, хозяйства, диалекта и пр.

В Музее находится карта примерного расселения абхазских племен, где обозначены места обитания различных племенных сообществ: бзыбцев, садзкуа, гумаа, далаа, цабалаа, абжюа, псхеоа, басхаги (абазины), шагерей и др.

Имущественное неравенство отдельных родов внутри сельской общины и учащение военных столкновений приводило к выделению «сильных фамилий» и военных вождей, к превращению примитивной демократии в «военную демократию».

Военные вожди и их фамилии стараются утвердить свое господство над остальными членами сельской общины. Так зарождается классовое неравенство.

В VI веке абхазские племена оказывают активное сопротивление византийским колонизаторам. Используя борьбу Византии с Персией, они в VIII веке совершенно освобождаются от византийской зависимости.

В конце VIII века абхазские племена организуют грандиозный военный поход на юг и в союзе с некоторыми картвельскими (грузинскими) племенами образуют большое Абхазо-Имеретинское племенное государство.

Восточная Грузия в это время была захвачена арабами. Византийский торговый капитал, стремясь очистить закрытые арабами торговые пути, поддерживает наступление абхазских и картвельских племен.

К X веку Абхазо-Картвельское объединение включает уже всю территорию современной Грузии и восточное побережье Черного моря (Абхазию и Черкесию).

Сначала политическим центром этого объединения является южная Абхазия. Еще и теперь в Гальском районе АССР А встречаются многочисленные руины крепостей и храмов, построенных в эпоху Абхазо-Картвельского объединения X–XII века. Но впоследствии политические

центры этого «государства» переносятся в долину р. Куры к Тифлису – крупному узлу великих торговых путей из Персии к Византии.

Грузинским царям эпохи Давида и Тамары удается в X–XII веке создать сильное централизованное государство, но затем в XIII веке под влиянием жестокого экономического кризиса оно распадается на ряд феодальных владений – Кахетию, Карталинию, Имеретию и т.д.

Эриставы (наместники) Абхазии князя Шервашидзе в XV веке приобретают полную независимость.

Феодализм в Абхазии

С XIII века в Абхазии получил развитие феодальный способ производства, при котором непосредственный производитель – крестьянин, в силу личной зависимости и под воздействием внеэкономического принуждения, вынужден отдавать свой прибавочный продукт феодалу.

Свободные ранее сельские общины попали теперь под власть феодалов (абх. «атауад» и «аамыста»), а свободные крестьяне (абх. «анхайоцкиа») все более и более превращались в зависимых (абх. «анхайо-хипши»). Личная зависимость крестьян не была одинакова: одни крестьяне были формально свободны и обязаны были только натуральными приношениями, другие – были прикреплены к земле и отбывали трудовые повинности, наконец, были рабы, исполнявшие роль домашней и дворовой челяди феодала. В Абхазии в целом власть номинально принадлежала владетельному князю («ах») из рода Шервашидзе, который жил в сел. Лыхны, но на деле «тауады» и «аамыста» признавали владельцами «постольку-поскольку», соперничая с ним и враждую между собой.

Характерной чертой абхазского феодализма является то, что в его систему крепко вжились элементы родового строя. Феодал использовал родовые обычаи усыновления («ахупхара», «аюнадара») и воспитания («аатзара») для укрепления своих прав над недавно еще свободной крестьянской фамилией. С другой стороны, однако, эти элементы родового строя тормозили иногда феодальный произвол («кровная месть» и пр.).

Во всяком случае, население Абхазии резко делилось на эксплуататоров-феодалов и эксплуатируемых – крестьян и рабов.

В Музее это классовое деление представлено противопоставлением экспонатов – фотографий и моделей укрепленных домов «тауадов» и «амыста» и крестьянских хижин, богатых вещей из бытового обихода феодала и примитивных орудий, характеризующих тяжелый труд крестьянина.

Хозяйство абхазского феодала имело в целом натуральный характер, но этим не исключался внешний обмен. С XIII века побережье Абхазии захватывают генуэзские купцы – агенты богатой итальянской торговой республики – Генуи. Генуэзские укрепленные торговые фактории: Хакари (Гагры), Санта-София (Алахадзы), Каво ди Буксо (Гудауты), Севастополис (Скурча), Ола-Гуана, Санта-Анджело (Сатанджо) и др., развивали активную деятельность до XV века, когда они падают под ударами турок, завоевавших Византию и установивших свое господство на Черном море.

Турки, заняв два опорных пункта на побережье – Сухум-Калэ и Бала-даг (Гагры), стремились подчинить своему влиянию Абхазию, распространяя ислам и поставив владетелей в вассальные отношения к турецкому султану. На берегах Абхазии в это время развились оживленная торговля лесом (самшит и каштан), мехами, кожей и рыбой. Ежегодно с Черноморского побережья экспортировалось в Турцию до 12.000 рабов. Но абхазские владетели, усилившиеся за счет рабо- и лесоторговли и эксплуатации крестьян, вскоре начали стараться освободиться от турецкой зависимости. Еще в первой половине XVIII века «ах» Манучар Чачба (Шервашидзе) пытался объявить себя независимым, но он был удален турецким ставленником Леваном Чачба.

Сын Манучара – Келеш–бей –名义上执行了土耳其长官的职责，但实际上是该地区的实际统治者。他将首都从利希尼迁至苏呼姆，并实施了残酷的中央集权政策，无情地镇压不服从的封建领主（如达雅普-伊帕、马尔沙尼）。

Национально-освободительная борьба с русским царизмом

К этому моменту, на пороге XIX века, над Абхазией навис мрачный призрак русского царизма, который в это время уже хозяйничал в Грузии.

Келеш-бей, желая использовать упорную борьбу между Турцией и царской Россией и в виде выигрыша получить независимость от Турции

и укрепить свою власть для подавления прочих абхазских феодалов, начинает вести секретные переговоры с командующим русскими войсками в Грузии князем Цициановым. Но царское правительство действует осторожно: оно чувствует себя недостаточно сильным на Западном Кавказе для овладения Абхазией. Переговоры затягиваются. Келеш-бей уже открыто порвал с Турцией. Но турки восстановливают против него абхазских феодалов. 2 мая 1808 г. происходит «дворцовый переворот»: Келеш-бей убит заговорщиками, во главе которых стоял один из его сыновей Аслан и один из братьев – Хасан.

Аслан-бей при помощи турок подымает всех феодалов против наследника Келеш-бая – другого из его сыновей – Сафара.

Последний через своих родственников – мингрельских владетелей Дадиани – обращается за помощью к царской России, предлагая за это передать себя и всю Абхазию «в вечное подданство и рабство» русскому царю. В Музее находится копия письма Сафар-бая царю Александру I.

9 июня 1810 г. русский десант взял штурмом Сухум-Калэ. Это было начало захвата Абхазии русским царизмом, с помощью верхушки абхазских феодалов.

Национально-освободительная борьба абхазского народа по существу была крестьянским движением против блока (союза) русского царизма с абхазской феодальной знатью. Правда, первое время (20-е годы) движение еще возглавляется теми феодалами, которые не желают усиления владельца, поддерживаемого русскими штыками.

11 сентября 1821 года, вскоре после смерти Сафар-бая, вспыхнуло восстание в северной Абхазии. Повстанцы осадили Сухум, но были разбиты на реке Кодор карательным отрядом генерала Горчакова. Последний привез в Абхазию нового «владельца» – Дмитрия (Омар-бая) Чачба. Это был сын Сафар-бая, воспитывавшийся в Петербурге. Дмитрий, портрет которого имеется в Музее, прожил в Абхазии год под охраной царских солдат и был 16 октября 1822 года отравлен крестьянином Урушом Лакоба. Этот террористический акт служил грозным предостережением для царских захватчиков и их союзников – князей и дворян.

Новый «владелец» – русский ставленник Михаил (Хамуд-бей) Чачба – вынужден был бежать в Мингрелию. Русский гарнизон в Сухуме подвергался систематическим нападениям.

Время от времени царские генералы проводят карательные экспедиции: в Цабал в 1837 г., в Дал в 1842 г., и т.д., каждая из которых сопровождается расстрелами, насилиями, пожарами, разорением целых селений.

Начавшаяся в 1853 г. война царской России с Турцией поднимает новую волну крестьянского движения в Абхазии. Повстанцы связываются со знаменитым национальным вождем Дагестана и Чечни – Шамилем. Русские войска спешно выводятся из Абхазии.

Но после войны Абхазия все же остается по условиям мирного договора за царской Россией и царские генералы с помощью владельца и крупных князей и дворян вновь занимают Абхазию.

В это время поднимается первая крупная волна «махаджирства» – эмиграции тысяч абхазских крестьян в Турцию. «Махаджирство» было результатом не только агитации мулл – агентов Турции, желавшей использовать абхазов в качестве «пушечного мяса» в борьбе с Россией, но в первую очередь – результатом военно-феодальных методов колонизации, свойственных русскому царизму. Эти методы характеризуются следующим письмом царя Николая I главнокомандующему на Кавказе генералу Паскевичу:

«Кончив одно славное дело (войну с Турцией 1829 г. – А.Ф.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»...

Царские генералы следовали этим установкам.

В 1841 году генерал Муравьев предпринял карательную экспедицию в Дальское ущелье Кодора, откуда хотя и был отброшен с потерями абхазскими повстанцами, все же успел «выселить 500 семейств, а жилища их предал огню». В 1862 г. генерал Шатилов доносил царю о своих подвигах: «занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев»...

Неудивительно, что в результате карательной политики царских генералов, подавление каждого восстания сопровождалось массовой эмиграцией абхазского крестьянства в Турцию. Кроме 20.000 чел., высыпавшихся после 1855 г., волна «махаджирства» поднималась еще два раза – после восстания 1866 г. и восстания 1877 г. Всего выселилось из Абхазии не менее 100.000 чел.

В 1864 г. царское правительство завершает политическое завоевание Абхазии, арестовав и выслав «владетеля» Михаила Шервашидзе (Чачба), и назначив начальником «Сухумского военного отдела» полковника Коньяра.

Крестьянская реформа 1870 года

Вслед за политическим завоеванием Абхазии, русский царизм предпринял шаги к превращению Абхазии в сырьевую колонию российского капитализма. С целью расчистки путей для победного шествия капитализма, царские чиновники начинают подготовку крестьянской реформы.

Если, по словам Ленина, в России «крестьянская реформа была проводимой крепостниками буржуазной реформой» (т. XV, стр.143), то в Абхазии крепостнические черты ее были еще ярче. Царские чиновники не хотели обидеть своих верных друзей – абхазских князей и дворян. Абхазское крестьянство скоро почувствовало классовый характер подготовляемой реформы и заволновалось. Многотысячный сход крестьян в с. Лыхны в 1866 г. закончился расправой над обнаглевшими царскими сатрапами. Полковник Коньяр был убит. Вспыхнувшее восстание охватило всю Абхазию. Повстанцы осадили Сухумскую крепость и только под давлением крупных сил, прибывших в Абхазию под начальством кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского, отступили в горы.

После этого восстания и последовавшего за ним нового массового выселения абхазов в Турцию, царское правительство ускорило ход реформы.

8 ноября 1870 года было издано «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе».

Крестьяне «освобождались»: при сохранении всех феодальных повинностей, в течение 4 лет за выкуп деньгами или натурой в размере от 50 до 180 руб. Но даже и выкупивший себя крестьянин оставался «во временно-обязанных отношениях», которые официально были отменены только в 1912 г. Лучшие земли были отданы феодалам, а крестьяне за «высочайше пожалованные» наделы должны были отныне платить оброчную подать, исполнять «мирские повинности» и нести налоги. Име-

ющийся в Музее подлинник выкупной грамоты крестьян сел. Атара ярко иллюстрирует характер реформы. Зато бывшие феодалы, по существу, ими же и оставались, получив широкую возможность, кроме внеэкономического принуждения, основанного на личной зависимости, применять и капиталистические способы эксплуатации (аренда и пр.), а также получив «вознаграждение» из царской казны в размере 400.000 рубл.

Пустующие после махаджиров земли щедро раздавались царским офицерам и чиновникам. А для того, чтобы дать этим новым помещикам рабочую силу и чтобы разжечь национальную вражду (и этим воспользоваться для укрепления своей власти), царское правительство открыло двери в Абхазию греческим и армянским переселенцам, которые вскоре оказались в положении ничуть не лучшем, чем абхазские крестьяне.

Превращение Абхазии в сырьевую колонию русского капитализма началось фактически с внедрения в сельское хозяйство технических культур, в первую очередь – табака.

Рост табаководства сопровождался расслоением крестьянства и систематическим разорением и обнищанием его в результате эксплуатации помещиками и торговым капиталом (скупщики табака).

Революция 1905 г.

Обреченное на разорение крестьянство Абхазии при первом удобном случае восстало. Это произошло в 1877 г., когда царская Россия ввязалась в новую войну с Турцией.

Под натиском повстанцев царский генерал Кравченко был выброшен из Абхазии со своим отрядом. (Паническое отступление царских солдат иллюстрирует оригинальная картина, находящаяся в Музее). Но после войны русский царизм снова утвердился в Абхазии, жестоко подавив крестьянское движение. Абхазские крестьяне были объявлены «виновным населением» – произвол захватчиков еще усилился.

Поэтому ясно, что первые же раскаты революции 1905 г. отзвались в Абхазии нарастанием новой волны крестьянского движения, наряду с революционной борьбой рабочего класса. С 1903 года в Абхазии существовала организация РСДРП. Под ее руководством в 1905 г. проходили

политические забастовки рабочих на лесозаводах –Кодорском и Гагринском, и развилось движение городской бедноты.

Рабочих горячо поддерживало крестьянство. Оно отказывалось платить аренду помещикам и налоги правительству. Отдельные группы крестьян вели партизанскую борьбу с полицией и князьями. Поджоги полицейских управлений в Очемирах и Гудаутах, нападения на стражников в сел. Тамыш и с. Лыхны, убийство агента охранки – учителя Хорава и т.п. – были актами красного террора со стороны революционного крестьянства. В марте 1905 г. крестьяне села Дранды и Бабушеры, вместе с рабочими лесозавода Максимова двинулись на Сухум с революционными лозунгами. У реки Келасури их встретили солдаты и полиция. Начальник Сухумского округа испугался, однако вступать в бой с демонстрантами, боясь вызвать всеобщее восстание. Он обманул их обещаниями довести до сведения правительства их требования.

16 октября 1905 г. в Сухуме солидарные с великой Октябрьской стачкой рабочие и беднота устроили грандиозную революционную демонстрацию. Царские чиновники и полиция растерялись. Но, благодаря меньшевикам, которые были тогда сильны в сухумской организации РСДРП, движение возглавила буржуазная городская дума, организовавшая в ноябре «общественную самооборону». Под этим громким названием скрывались классовые стремления сухумской буржуазии заставить быстрый процесс нарастания революции. Пока городская дума громкими фразами о «народной власти» отвлекала трудящихся от революционного натиска, князья и дворяне уже собирали «черные сотни» для подавления и расправы над рабоче-крестьянским движением. В Музее имеется интересная фотография контрреволюционного отряда абхазских дворян во главе с князем Ширваном Туркия, беспощадноправлявшегося с революционерами и красными партизанами.

В Гудаутах в 1905 г. группа большевиков с т. Орджоникидзе готовили вооруженное восстание, для чего было привезено из-за границы оружие, но в последний момент организаторы были арестованы. Однако часть из них, оставшаяся на свободе, приняла активное участие в сочинском восстании в декабре 1905 г., когда в течение 7 дней власть в гор. Сочи находилась в руках революционных масс трудящихся.

Борьба за власть Советов в 1917–1921 гг.

Годы 1910–1914 в Абхазии характерны дальнейшим развитием капиталистических отношений, ростом табаководства и других технических культур, развитием крупной торговли.

Но этот хозяйственный подъем происходил за счет усилившейся эксплуатации трудящихся помещиками, кулаками и торговой буржуазией. Колониальные методы эксплуатации и великодержавный гнет обострял все более классовые противоречия.

Когда началась война 1914 г., побережье Абхазии оказалось в сфере военно-морских действий. Береговые пути были закрыты, вывоз упал, табаководство резко сократилось, подвоз продовольственных продуктов почти прекратился, спекулянты наживались на растущей дороговизне. В июне 1916 г. в Сухуме вспыхнули так наз. «продовольственные беспорядки».

Доведенная до отчаяния городская беднота разгромила ряд магазинов крупных купцов и выдержала стычки с полицией.

Эти «беспорядки» были предвестниками революции.

Революция 1917 года в Абхазии отражена в музее целым рядом характерных документов, фотографий и пр.

Первое возвзвание о перевороте в Петрограде было опубликовано в Сухуме 16 марта 1917 г. Сухумская буржуазия, стремясь возглавить движение масс, чтобы пресечь в корне революционный шквал, сохранив за собой власть, избирает тотчас же «Городской Исполнительный Комитет». 23 марта помещики и капиталисты организуют «Окружной Комитет общественной безопасности» во главе со «светлейшим князем» Ал. Шервашидзе.

Окружным комиссаром милиции назначается известный контрреволюционер и крупнейший помещик князь Таташ Маршания.

Благодаря соглашательской политике меньшевистского руководства Сухумскими Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, власть в Сухуме на деле попадает в руки буржуазии и помещиков, которые объявляют «революцию законченной».

Но все усилия буржуазии, помещиков и их лакеев – меньшевиков, задержать ход перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, не приводят ни к чему.

В Гудаутах создается крепкий революционный центр. Гудаутские большевики еще с весны 1917 года фактически берут власть в районе в свои руки. Хозяином района становится Совет с большевистским руководством во главе. Комиссаром милиции Гудаутского района избирается стойкий революционер – большевик тов. Нестор Лакоба. Гагринский Совет также возглавляется большевиками. В Гальском районе ведут агитацию вернувшиеся с фронта солдаты-большевики во главе с тов. П. Дзигуга.

Даже в Сухумском Совете меньшевики теряют свои позиции одну за другой.

На массовых митингах и сходах крестьяне голосуют за большевистские резолюции. Крестьянская беднота Гудаутского района создает свою боевую партизанскую организацию «Кераз».

После Октябрьской революции в России грузинские меньшевики объявляют о необходимости «отделения» от Советской России. Стремясь дезорганизовать массы и заглушить революционное движение, они собирают в ноябре 1917 г. в Сухуме 1-й крестьянский съезд, на котором кулацким большинством проводят свое предложение об организации «Абхазского Национального Совета» – политической ширмы для собирания контрреволюционных сил. На другой же день после съезда трудовые массы крестьянства выражают недоверие «Абхазскому Национальному Совету».

Видя, что контрреволюция открыто готовится к наступлению (дворянские банды князей Маршания, Чичба, Ачба и друг. уже разгуливают по Абхазии), абхазские большевики ставят в порядок дня вопрос о вооруженном восстании.

Инцидент в Сухуме 13–17 февраля 1917 г. с матросами с крейсера «Король Карл» передает власть на 3 дня в руки военно-революционного Комитета, выделенного Советом. Но, не идя на провокацию меньшевиков, не выступая преждевременно, большевики продолжают готовиться к восстанию.

В конце марта 1918 года под руководством большевиков отряды красной гвардии и «Кераза» захватывают Гагры и Гудауты и движутся к Сухуму. «Чрезвычайный Комиссар» – меньшевик Чхиквишили, после неудачного для меньшевиков боя, сдает власть Военно-революционному Комитету в составе тт. Н. Лакоба, Атарбекова, Эшба.

42 дня – с 6 апреля по 17 мая – над всей Абхазией, кроме Кодорского района, развевается красное знамя.

Во всем Закавказье тогда существовало только два Советских центра – Бакинская коммуна и Абхазский Ревком. Спеша на помощь кодорским князьям и дворянам, меньшевики высаживают десант в Очемчирах. Карательные отряды их «народной гвардии» во главе с известным социал-палачом Джугели и генералом Мазниевым двигаются на Сухум. Неделю идут упорные бои на реке Кодор, где горсть красных партизан под непосредственным боевым руководством т. Н. Лакоба защищает грудью Советский Сухум от вдесятеро превосходившего их противника.

Но и для героев есть невозможное... 17 мая 1918 года красные отряды оставляют Сухум. Целое лето они ведут упорную героическую борьбу с меньшевистской гвардией, пока, наконец, отходят на Сочи – Туапсе, с боями прорываясь сквозь белогвардейскую Кубань на соединение с северо-кавказскими красными армиями.

В Абхазии устанавливаются черные дни буржуазно-меньшевистской диктатуры. Белый террор, расцвет спекуляции, хозяйствственный кризис, отдача природных богатств Абхазии европейскому капиталу (концессия на ткварчельский уголь), разгул оголтелого шовинизма, закрепление эксплуататорских прав помещиков и кулаков, – вот, что характеризует меньшевистскую власть в Абхазии. Об этом наглядно рассказывают экспонаты, выставленные в Музее: меньшевистский декрет о земле, акт об «автономии» Абхазии, возвзвание, фотоснимки и т.п.

Неудивительно, что героическая подпольная работа большевиков имеет богатые плоды. Как только в феврале 1921 г. грузинские трудящиеся поднимают восстание, абхазские братья их поддерживают.

На помощь со стороны Гагр приходит Красная Армия. Несмотря на упорное сопротивление у Псырцха, где меньшевики хотели задержаться при помощи артиллерийского огня французской эскадры, Красная

Армия бок о бок с абхазскими партизанами наступает на Сухум. 4 марта 1921 г. над Сухумом снова взвивается знамя Советов. Абхазский Ревком во главе с тов. Н. Лакоба объявляет Абхазию Социалистической Советской Республикой.

Первые воззвания Ревкома, радиотелеграмма Ревкома на имя Ленина и Сталина, коллекция фотоснимков, а также картина молодого абхазского художника Кортуа «Бой под Новым Афоном» – иллюстрируют в Музее вторую Советизацию Абхазии.

Прямым продолжением Историко-революционного Отдела Музея являются разделы: «Ткварчелстрой», «Черноморка», «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» и др. Они показывают, каких огромных достижений на фронте социалистического строительства добились трудящиеся Абхазии, ценой кровавой героической борьбы, победившие классовых врагов в великие годы революции и гражданской войны. Подробный обзор этих разделов будет дан в следующих выпусках.

Опубликовано: А.В. Фадеев. Что должен знать каждый об истории Абхазии (Обзор Общественно-исторического отдела Музея). Под ред. Директора Музея Ф.А. Ашибокова. Сухум: Абгиз, 1933 (Абхазский музей краеведения). 32 с.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АБХАЗИИ

Часть первая

(С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ АБХАЗИИ

Источники исторических сведений

О древнейших обитателях Абхазии мы не имеем никаких письменных источников. Первые письменные источники, в которых упоминается побережье Абхазии и населяющие его люди, относятся только к VI–V векам до нашей эры, т.е. ко времени 2.500 лет назад. Это записи античных писателей – уже свидетелей эллинской (греческой) колонизации на Кавказском побережье Черного моря. Первые эллинские поселенцы на Черноморском побережье Кавказа происходили из богатого торгового города Милет. Поэтому и первые сведения о побережье Кавказа и Абхазии мы имеем в сочинениях греческого географа и историка Гекатея, родом из Милета, жившего во второй половине VI века до нашей эры. К сожалению, его крупное сочинение – «Землеописание» – дошло до нас только в отрывках. Однако ни Гекатей Милетский, ни последующие авторы – Геродот, Гиппократ (V в до н.э.) тем более Ксенофонт (IV в. до н.э.), Скилакс и др. – не могут удовлетворить нас, ибо ясно, что на территории современной Абхазии жили люди задолго до этого времени. Кроме того, античные писатели вроде Гекатея и Геродота имели очень смутные географические и исторические понятия. Большинство из них даже не было на берегах Кавказа лично, а следовательно, делало свои записи на основании рассказов других лиц, передававших свои субъективные поверхностные впечатления, часто пронизанные великодержавно-презрительным отношением к местному населению. Таким образом, письменные источники говорят нам о древнейших обитателях Абхазии очень мало.

Гораздо больше могут рассказать вещественные памятники или памятники материальной культуры. Изучение предметов, находившихся в употреблении, и в первую очередь – орудий труда, может дать очень много для выяснения характерных особенностей хозяйства и общественных отношений древнейших обитателей Абхазии. На это обращал особое внимание Карл Маркс:

«Такую же важность, как строение останков костей, имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения организации исчезнувших общественно-экономических формаций»... (К. Маркс. Капитал. Т. I, глава V, С. 121. ГИЗ, 1929).

Найдки вещественных памятников (каменные и бронзовые орудия, украшения, гончарные изделия, урны, дольмены) значительно облегчают нам изучение древнейших обитателей Абхазии. Все найденные предметы хранятся в историческом отделе Абхазского музея Краеведения в Сухуме. Общественную жизнь и мышление древнейших обитателей Абхазии нам помогает уяснить этнографическое изучение старых обычаяв, обрядов, традиций и религиозных представлений, сохранившихся в общественном и семейном быту абхазской деревни с глубокой древности. Очень много в этом отношении дает и анализ абхазского фольклора, т.е. устного народного творчества абхазов, отличающегося богатством и разнообразием. В песнях, сказках, легендах, пословицах и т.п. слышатся подчас отзвуки очень далеких от нас времен.

В современном языке абхазов также сохранилось много терминов и выражений, употребляемых теперь механически и часто даже в ином смысле, которые отражают очень древние эпохи общественного развития.

Кроме того, большой материал можно почерпнуть из сравнительных обзоров из истории древнейших обитателей соседних с Абхазией территориальных единиц – Адыгеи, Кабарды, Осетии, Дагестана, Мегрелии, Гурии, Имеретии, Лазистана и т.д.

Только комплексное изучение всех этих источников и анализ всех этих разнообразных материалов при помощи единственного научного марксистско-ленинского метода исторического материализма может обеспечить правильное понимание социально-экономического строя и идеологии древнейших обитателей Абхазии.

Низкий уровень экономического развития

Как известно, естественно-географические данные Абхазии резко выделяют ее среди соседних областей Кавказа. Расположенная на широте средней Италии, Южной Франции и Северной Испании, на берегу никогда не замерзающего Черного моря, защищенная Главным Кавказским хребтом от северных холодных ветров, обладающая богатой растительностью, Абхазия, казалось бы, должна служить особенно благоприятной ареной для хозяйственной деятельности и культурно-экономического развития первобытных людей. Однако это не совсем так. В первобытной действительности щедрость и богатство природы Абхазии было не столько на пользу человеку, сколько затрудняло его хозяйственную деятельность.

В самом деле. Попробуем абстрагироваться (отвлечься) от тех экономических возможностей, которые открываются сейчас нашими техническими достижениями не только от нашей современной социалистической техники, но и от средневековой техники. Попробуем представить себе человека, лишенного металлических орудий, не имеющего простого топора и обыкновенной сохи, не имеющего рабочего скота, скота молочного, без примитивных агротехнических и зоотехнических понятий, без серьезного хозяйственного опыта. Вообразим этого человека на лоне девственной природы Абхазии, не современной Абхазии с ее культурной, хозяйственно-освоенной прибрежной полосой, а подлинно первобытной Абхазией, какой она в действительности была несколько тысяч лет назад.

Абхазия – горная страна, образованная Главным Кавказским хребтом и его отрогами, имеет общее падение на юго-запад к Черному морю. Только одна треть (точнее 39%) всей площади ее составляют низменности и предгорья.

Сложное устройство поверхности оказывает решающее значение на все прочие природные условия страны и прежде всего на климат. Горные хребты регулируют распределение тепла и влаги, обусловливая так называемую «вертикальную зональность» климата, которая проявляется

в том, что по мере поднятия над уровнем моря климат, растительность, почва изменяются так же, как при передвижении с юга на север.

Прибрежная низменность обладает влажно-субтропическим климатом с количеством осадков до 1400 мм и со средней годовой температурой +15°. В условиях обилия тепла и влаги прибрежная низменность оказывается часто заболоченной. Причиной образования болот является также и своеобразный характер абхазских рек, которые, низвергаясь с огромной высоты, в устье широко разливаются, особенно в период летних ливней и таяния снегов, отлагая при впадении в море смывтый в горах материал и образовывая мели, перекаты и острова, а с другой стороны – заводи, озерки, болота. Сила вегетативного процесса на побережье исключительна. Устья рек, озерки и болота, морские лагуны, быстро зарастают густой травой и гидрофильным кустарником.

Могла ли эта прибрежная полоса служить благоприятным местом обитания первобытного человека? Болота и густая гидрофильная растительность, несомненно, препятствовали его хозяйственной деятельности. Свирепая малярия, тропические желудочные заболевания, ревматизм отпугивали его от постоянного пребывания в этой зоне.

Таким образом, первая прибрежная зона, которая сейчас на основе осушения болот, выкорчевке зарослей и ликвидации малярии становится самым цветущим районом Советской Абхазии, в те далекие от нас времена не была и не могла быть удобной для расселения человека и его культурно-экономического развития.

Благодаря слабому техническому вооружению первобытного человека, богатства и щедрость природных условий береговой Абхазии обращались для него в свою противоположность. «Бессиление дикаря в борьбе с природой», – вот как формулировал Ленин это диалектическое противоречие.

Так обстояло дело с прибрежной полосой.

Но с другой стороны, территория Абхазии свыше 600 м над уровнем моря также была неудобна для заселения. «Ущельный рельеф» высокогорной Абхазии, бесчисленные отроги, увалы, кряжи, боковые хребты, сплошь заросшие вековыми лесами, изобилующие осыпями, обрывами, обвалами, грозными теснинами, замкнутые долины и котловины, в тече-

ние многих месяцев отрезанные от мира непроходимыми снегами – все это никак не могло быть благоприятной обстановкой для технически слабого первобытного человека.

Что же оставалось?

Оставалась единственная предгорная полоса, зона холмов и нагорий от 100 до 400 метров над уровнем моря. Здесь не было ядовитых испарений береговых болот и чудовищной влажности, а с другой стороны – рельеф местности имел более мягкий характер, отличаясь этим в лучшую сторону от высокогорных районов.

Именно в этой предгорной полосе мы находим следы пребывания древнейших обитателей Абхазии. (Именно здесь, главным образом, со средоточены, между прочим, и старые абхазские селения – Окум, Бедия, Ткварчелы, Тхина, Чилоу, Джгерды, Атара, Цабал, Анухва, Абгархук, Эшеры, Дурипш, Отхара, Блабурхва, Бармыш и др.).

Найдены самых древних каменных орудий и предметов неолитической эпохи пока обнаружены в Абхазии в районе Сухума, но на высоте 150–200 метров (гора Чернявского, холмы в бассейне р. Волчьей).

Три группы дольменов (Эшеры, Азанта, Отхара) и многочисленные находки бронзовых предметов опять-таки падают на эту предгорную полосу от 100 до 400 м над уровнем моря.

Но и эта предгорная полоса далеко не была раем для первобытного человека. Она была покрыта лесами, которые здесь имеют характер чуть ли не тропических дебрей, отличаясь густым подлеском, обилием лиан, ползучих и лазящих растений, обвивающие гигантские стволы деревьев.

Густая растительность, богатство животного мира, наличие большого числа хищников (вплоть до зубров и леопардов) и пресмыкающихся, отсутствие свободных пространств и удаленность горных пастбищ, одинаково благоприятствовали, как раннему появлению земледелия, так и развитию скотоводства.

Беден и слаб был древнейший обитатель Абхазии, прикрытый звериной шкурой, с грубым каменным топором и дубиной, пробирающийся сквозь лесную чащу.

Тысячу раз прав Ленин, который особенно подчеркивал: «что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок приро-

ды – это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»... (Ленин. Соч. Т. IV. С. 182).

И действительно, древнейший обитатель Абхазии, вооруженный каменной техникой, был «совершенно подавлен» трудностью добывания средств к существованию в условиях девственной стихии лесов и гор, в условиях могучей и богатой природы.

Мы, к сожалению, еще не нашли вещественных памятников, которые отражали бы нам технику и хозяйственную деятельность самых древнейших обитателей Абхазии.

Мы имеем пока под руками только каменные орудия эпохи неолита («нового камня»), относящиеся к периоду шестого-восьмого тысячелетия до нашей эры. В этот период обитатели Абхазии имели уже более сложную хозяйственную основу. К этому периоду относится уже зарождение земледелия и начало скотоводства и гончарного ремесла, естественные отношения людей этой эпохи уже начинают строиться на основах кровного родства.

Но нет сомнения, что люди жили в Абхазии и в более древнее время. Их техника была по преимуществу каменной техникой, прогрессировавшей чрезвычайно медленно. Большую роль играли и деревянные палки, дубины, лианы и ползучие растения. (Последние употреблялись в качестве веревок). Очень много времени прошло, пока был изобретен и освоен лук (абх. «ахәс») и стрелы (абх. «ахүрпәл»). «Лук, тетива и стрела – говорит Энгельс, – образуют уже сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт»...

Обусловленная подобной техникой хозяйственная деятельность самых древних обитателей Абхазии отличалась крайней примитивностью.

Наибольшую древность имели промыслы присваивающего характера. К ним относятся не только собирание готовых продуктов природы, плоды, съедобных трав и т.п. (в Абхазии, кстати, запасы дикорастущих плодовых очень велики: буковые орешки, каштаны, лесной орех, ягодные кустарники и проч.), но и присвоение мелких животных и птиц посредством первобытных орудий. Очень древним промыслом было также и бортничество – лесное пчеловодство, т.е. собирание меда. Абхазские

породы пчел отличаются высокой производительностью, благодаря особому строению и длине хоботка. Мед и воск были издавна очень распространенными продуктами употребления и товарами, имевшими экспортное значение.

Впоследствии в результате технического прогресса и примитивного разделения труда развились охота и рыболовство. Абхазский народный эпос указывает на древнейшее развитие охоты. Богатство животного мира в Абхазии особо благоприятствовало развитию охотничьих промыслов. Рыболовство, сейчас не имеющее почти никакого значения в хозяйстве абхазского крестьянина, в старину играло большую роль. Старики и в наши дни рассказывают о распространенности речного и озерного рыболовства в Абхазии. (Эти рассказы можно было слышать чаще в прошлом веке. На них ссылается Торнау – см. «Записки кавказского офицера». С. 61).

При переходе к оседлой жизни из охоты выросло приручение животных, а из собирательства – земледелие. Именно поэтому еще не так давно среди абхазского крестьянства труд в семье распределялся так, что охота и скотоводство (вплоть до доения коров) было делом мужчины, а уход за огородом и в значительной мере за полем – входил в обязанность женщины.

В целом же хозяйственная деятельность древнейших обитателей Абхазии была очень примитивна, отражая тот «низкий уровень экономического развития», который Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. считает самым характерным признаком первобытного коммунизма (см. Письма М. и Э., изд. 4, С. 383).

Пережитки дородовых отношений

Выше было уже сказано, что мы располагаем в Абхазии вещественными памятниками, самые древние из которых относятся к эпохе неолита, т.е. к периоду становления родового строя. Однако общественная организация, основанная на кровном родстве, не есть первая форма человеческого общества. Родовой строй – это уже более поздняя стадия первобытного общества.

Первая – самая начальная стадия общественного развития, именуемая Лениным «первобытное стадо» (см. письмо Ленина к М. Горькому. Ленинский сборник, I. С. 158), еще не знала родовой организации.

На первой стадии первобытного общества люди жили небольшими группами – ордами, впоследствии перешедшими к организованной охоте и постоянному рыболовству, имевшими лишь примитивное половозрастное разделение труда, при постепенном упорядочении половых отношений, выражавшемся первоначально лишь в ограничении брачных сношений между родителями и детьми.

Половозрастные группы с переходом к производящему хозяйству принимают более устойчивый характер. Организованная охота становится основным промыслом. Хозяйство подобного типа порождало своеобразные тотемические представления, выражавшиеся прежде всего в том, что данная группа, занимавшая более или менее определенную территорию, обозначала важнейшую отрасль производства «термином», который единовременно был именем какого-либо ценного и распространенного здесь животного или птицы, стремясь впоследствии обосновать этим свое родство с ним, как общим предком – прародителем. Такие охотничьи группы именуют сейчас обычно тотемными группами (от американского-индейского «от – отем», что значит «его род» или «его предок»). Тотемные охотничьи группы широко изучены у отсталых североамериканских племен. Тотемные группы устанавливали и «табу», т.е. запрещение убивать животное или птицу на известное время года. Впоследствии временное «табу» в связи с развитием тотемических представлений о родстве с животным принимало иногда и постоянный характер. «Табу» также детально изучено у культурно-отсталых племен Австралии, Океании и т.д.

Имеем ли мы данные предполагать, что на территории Абхазии жили тысячи лет назад люди, стоявшие на ранних стадиях развития первобытного общества?

Да, имеем, потому что пережитки дородовых отношений, а также и тотемических представлений еще до недавнего прошлого сохранялись в быту абхазов.

Половое разделение труда (мужчина – охотник и скотовод, а женщина – домашняя хозяйка и «огородница») еще совсем недавно строго соблюдалось в абхазской семье. Тот удивительный для многих чужестранных исследователей факт, что в абхазской семье на мужчине лежала обязанность доения скота, а на женщинах целый ряд земледельческих работ (кроме огорода, еще, например, и обработка хлопковых посевов), этот факт имеет очень древнее происхождение, восходящее к эпохе первобытного полового разделения труда до периода процветания родового строя. Подобное разделение труда сохранилось не только у абхазов, а у многих народов Кавказа, Азии и др. областей. Энгельс не раз подчеркивал, что именно возрастно-половое разделение труда было первой формой разделения труда на древнейшей стадии первобытного общества.

Тотемические пережитки также можно проследить у абхазов. Ряд абхазских имен и фамилий заимствует свое наименование от животного: Абгадж (от абх. «абјақта» – «тур»), Цугба (от абх. «асги» – «кошка»), Шуарах (абх. «аšuarax» – «зверь»), Кудж (абх. «акиқта» – «волк», Жяжь (абх. «јај» – «старый заяц»), Лажь (абх. «laj» – «старая собака») и проч. Пережитки тотемического «табу» были очень широко распространены в Абхазии еще недавно. Фамилия Шамба, Базба и многие другие не убивали и не ели зайца, фамилия Чочория и Чочуа не употребляла в пищу почки («почка» по абх. «ачача»), фамилия Гулия не принимала в пищу сердца («сердце» – абх. «агиә»). Можно привести и еще много примеров подобных запретов, имеющих несомненную связь сtotемическими и первобытно-магическими представлениями.

В абхазском фольклоре также можно обнаружить элементы тотемизма. Например, крайне показательна в этом отношении сказка о том, как женщина вскормила медвежонка, представляющая собой перевернутую кверху ногами римскую легенду о Ромуле и Рэме, вскормленных волчицей. (Абхазская сказка на эту тему, конечно, абсолютно местного происхождения – смешно было бы предполагать здесь какое-либо заимствование, тем более, что сказки на эту тему имеются и у др. народов). Старики утверждают, что при встрече с медведем поэтому стоит лишь сказать «нан, нан» (абх. «мать») и медведь не тронет.

Все эти факты свидетельствуют, что древнейшие обитатели Абхазии так же, как и все человечество, проходили определенный путь общественно-исторического развития, начиная с «первобытного стада», через тотемические группы к родовому строю – к расцвету первобытного коммунизма.

Рост производительных сил и усложнение хозяйственной деятельности

Важнейшим этапом в развитии первобытного общества был переход от каменной к металлической технике. Необходимой предпосылкой для этого служило полное овладение техникой добывания огня. Несмотря на то, что пользование огнем было давным-давно известно древнейшим обитателям Абхазии, все же очень долго огонь в их представлении казался сверхъестественным явлением. Пережитки почитания огня, как сверхъестественной силы, сохранялись среди абхазов до последнего времени. Так, например, еще сейчас в абхазском языке есть выражение: «имсахи эс°еit», что значит «твой огонь да заснет...». Теперь это выражение употребляется механически, чаще в шутливой форме. Но в старину подобное пожелание – «да заснет твой огонь...» – было страшным проклятием. В этом выражении как нельзя лучше выявляется слабость первобытной техники и бессилие первобытного человека, для которого зажечь новый огонь было делом очень трудным, а иногда и прямо невозможным. Огонь сохраняли долгое время, переходя с места на место, переносили горящие головни, ибо техника возжигания огня заново была крайне примитивна. Долгое время люди только пользовались огнем, но добывать его не умели, или добывали с большим трудом. Кроме того, почитание огня сказывалось еще и в абхазском обычаяе, связанном с переселением из старого жилища во вновь построенный дом. В этом случае, хозяйка обязательно зажигала новый очаг горящей головней, перенесенной из старого очага. Здесь выражается старая традиция перенесения огня при переходе на другое место, порожденная необходимостью совершать это в далекие времена.

И наконец, огонь до последнего времени играл важную роль в религиозно-магических обрядах абхазов, как например: в культе кузницы, в обряде очищения огнем (путем прыганья через костер («barbanqia») и т.д. Кстати, обряды очищения огнем отмечены и у лаков, и армян, и грузин, и персов и проч. соседних с абхазами народов. Только после овладения техникой добывания огня стала возможной плавка руды и добыча металла. Известно, что повсеместно первым металлом, освоенным человеком была медь. Медь чаще встречается в виде самородков, а главное, легче поддается плавке и ковке. Месторождения медной руды известны и в Абхазии (в верховьях р. Кодор – Клычское ущелье и гора Лыхта, в районе горы Дзышра и в предгорьях севернее селения Окум), и в соседних с нынешней территорией Абхазии районах – в верховьях р. Мзымта, в бассейне р. Лабы, на северных склонах Эльбруса, в районе г. Кутаиси и г. Озургеты.

То, что медь является самым древним металлом и в Абхазии, подтверждает ее магическое значение в религиозных обрядах и в абхазском фольклоре. Легендарный кузнец Айнар («ainar-ajæi») делал будто бы медные заплаты на разрубленные черепа. Для обеспечения успешности родов кладется залог («ašas») духу-покровителю, состоящий чаще всего из медных вещей (например, медный котел и т.п.) Однако орудия из чистой меди не отличались высоким качеством. Для придания им твердости к меди начали добавлять несколько процентов олова и цинка, или только олова, получая бронзу.

Олово встречается в природе гораздо реже, чем медь. Не только в Абхазии, но и на Кавказе месторождения олова встречаются редко. Ближайшее в Абхазии месторождение олова отмечено в Грузии по реке Дзирула и на Северном Кавказе на р. Лаба. Для древнейших обитателей Абхазии олово было, несомненно, импортным продуктом. Это подтверждается тем, что термин, обозначающий олово, один и тот же для абхазов («akalei»), для грузин («kalo») для лазов («kala»), для турок («kalai»). Ближайшим крупным центром добывания олова для кавказских народов была так наз. «Передняя Азия». Длина пути, который приходилось делать олову, неудивительна, если принять во внимание, что древние греки, бронзовая техника которых достигла высокой ступени развития, импор-

тировали олово с британских островов (из Англии), которые даже назывались ими «касситеритскими» или «оловянными».

Так или иначе, древнейшие обитатели Абхазии в течение долгого времени пользовались бронзовой техникой. В полосе холмов, предгорий сделаны многочисленные находки предметов бронзовой культуры.

Орудия и предметы из бронзы найдены в сел. Мугудзырхва, Петровское, Эшеры, Псырцха, Анухва, в районе Сухума, в устье р. Келасури, в сел. Лабры. Среди этих предметов встречаются топорики, кинжалы, мотыги, застуны, а также всевозможные украшения: браслеты, сувалки, бусы, серьги и, наконец, специфически военные предметы – шлемы, мечи и т.п. Большинство этих предметов свидетельствует уже о высоком уровне технико-экономического развития и должны быть отнесены хронологически к середине и ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

Значительно позднее среди древнейших обитателей Абхазии получило распространение железо. Железная руда встречается в Абхазии в верхнем течении р. Бзыби, в верховьях р. Кодора и др. местах, но не отличается высоким качеством. Железо, вероятно, также в большей степени являлось для Абхазии импортным продуктом.

Тем не менее наличие найденного шлака и форм для литья металла в районе Цебельды, свидетельствует о том, что если не добыча, то переработка металла и изготовление металлических орудий, несомненно, производилось и на месте. По рассказам стариков-абхазов добыча металлических руд (на горе Дзышра и в ущелье р. Гумиста – медь и свинец) производилась следующим образом.

На склоне обрывистой горы, где обнаружились выходы руд, рыли большую яму, в которой в течение некоторого времени жгли сухие каштановые дрова. Затем, когда земля вокруг ямы накалялась настолько, что «надо было беспрестанно поливать ноги холодной водой, чтобы стоять вблизи», тогда в яму бросали руду, затем снова засыпали древесным каштановым углем и снова жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл. Последний моментально разливали по формам, выдолбленным на камня или сделанным из глины, а потом уже подвергали ковке в кузнице.

Чаще, очевидно, не только железо, но и бронзу выменивали у соседей. В Абхазском Музее краеведения хранится очень интересный слиток бронзы, найденной в сел. Эшеры, который, вероятно, как раз и представлял обычную форму импортной бронзы, переходя из рук в руки на большом расстоянии.

Техника обработки металла эволюционировала очень медленно. Одно и то же орудие имело разные назначения. Первоначально функциональная дифференциация орудий была очень слаба, отражением чего является, например, тот факт, что в абхазском языке имело место обозначение термином металла вообще уже готовых изделий – «аиха» означает одновременно и «топор», и «железо». Одним общим термином – «авуа» обозначалась и «меди», и «бронза».

Наряду с железом долгое время продолжала употребляться и бронза. В этом отношении крайне интересным памятником этой переходной эпохи является найденный в устье р. Келасури железный меч с бронзовым эфесом.

Переход к металлической технике значительно усложнил хозяйственную деятельность древнейших обитателей Абхазии.

«Медь и олово, и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение. Бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла еще вытеснить каменные орудия. Это могло сделать только железо... Оно сделало возможным превращение в пашню более широких лесных пространств»... (Энгельс).

Металлическая техника открыла возможность для быстрого развития скотоводства и земледелия. В эпоху бронзовой техники древнейшие обитатели Абхазии, населявшие преимущественную предгорную полосу, в большей степени занимались скотоводством, чем земледелием. Бронзовые орудия еще не позволяли выкорчевывать из-под леса большие поля. В то же время вооруженный бронзовой техникой человек уже был смелее и активнее в путешествиях по горам, в охоте, в охране стад прирученных животных. Скотоводство, конечно, имело тогда отсталый характер. Ближе всего оно приближалось к типу современного «эйлажного» скотоводства.

«Эйлаг» (от тур. «jajla») – летние пастбища, высокогорные луга, куда выгоняется скот на летние месяцы. В зимнее время эти пастбища

недоступны по климатическим условиям, будучи расположены на высоте свыше 2.000 м над уровнем моря. Зимой скот возвращается обратно в предгорную зону. Скот гонялся на значительные расстояния и нередко стада переваливали даже через Главный хребет, как с севера на юг, так и обратно.

Первоначально занимались разведением мелкого скота – коз и овец. Крупный рогатый скот появился позднее. Преобладание мелкого скотоводства в первобытную эпоху подтверждается религиозно-магическим значением козла, как «священного», культового животного при совершении многих абхазских обрядов, сохранившихся до недавнего времени.

Доказательством того, что скотоводство у древнейших обитателей Абхазии имело первостепенное значение, служат памятники материальной культуры и данные абхазского фольклора. Бронзовые предметы, найденные в Абхазии, лишены характерных земледельческих орнаментов. В то же время, многие бронзовые украшения, обнаруженные при раскопках в сел. Мугудзырхва, Азанта, Эшеры, имеют изображения животных – барана, быка, собаки и домашних птиц. В сел. В. Яштух, близ Сухума, найдены две головы барана, высеченные из камня. В абхазском фольклоре имеет большое распространение старинная легенда о карликах (абх. «асан»), которые будто бы были самыми древними жителями Абхазии. Эта легенда содержит в себе указание на то, что эти карлики не занимались земледелием, а жили исключительно разведением коз.

Однако и в бронзовую эпоху уже имелось примитивное мотыжное земледелие. На это ясно указывают бронзовые мотыги и застуны, найденные в сел. Эшеры и в окрестностях Сухума.

Наряду с развитием скотоводства и земледелия, еще сохраняли свою силу и древние промыслы присваивающего характера – охота и пр.

Родовой строй

Переход к оседлости и связанному с ним производящему хозяйству укреплял родственные связи. Производственная общность приводила к кровнородственной общности. Первой формой родовой организации

был материнский род. Возрастно-половое разделение труда, происходящее в условиях роста производительных сил, привело к усилению значения женщины, благодаря развитию земледелия и усложнению домашнего хозяйства. Все народы, проходя родовой строй, начинали именно с материнского рода. Женщина-мать играла передовую роль в хозяйственной и общественной жизни. Ленин подчеркивал, что

«Было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое» (Соч., XXIV. С. 366).

Несомненно, что и древнейшие обитатели Абхазии переживали период матриархата. Пережитки последнего сохранились в семейном быту абхазов до последнего времени. Так, например, дядя по матери (абх. «ап-ша») имеет в абхазской семье гораздо большее значение, чем родственники по отцу. Женщина-мать пользуется особым положением в семье. В старину значение матери сказывалось еще сильнее. Так, старики-абхазы, передавая рассказ о герое Данаке Джер-ипа, рассказывают следующее: когда «псхувцы» (одно из абхазских племен) решили сделать набег на своих соседей, они просили Данакая быть их вождем; Данакай отказался, заявляя, что он может принять их предложение только с согласия своей матери и только после того, как его мать разрешила ему участвовать в набеге, Данакай принял на себя обязанность вождя. В народных преданиях о богатырях-нартах видное место занимает «Сатания-Гуашя» (абх. Satania-guaša»), у которой было 100 сыновей и сто первым родился Нарт Сосрук (абх. «sosrəqua»).

Впоследствии с развитием скотоводства и появлением плужного земледелия центральной фигурой становится мужчина, и материнские роды превращаются в отцовские или «патриархальные» роды.

Патриархальный род существовал позднее материнского. Благодаря преобладанию скотоводства у древнейших жителей Абхазии, патриархальный род был выражен ярче, а поэтому пережитков патриархата в абхазском быту можно обнаружить гораздо больше. Понятие «рода»

(абх. «ajla») сохраняет свое значение у абхазов до последнего времени. Каковы же были наиболее характерные черты родовой организации или родовой коммуны? Краткую, но ясную характеристику рода дает Маркс в письме к В. Засулич:

«Общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева... Общий дом и коллективное жилище были... экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни... Работа производилась сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления» ... (Архив М. и Э. И. С. 284).

Коллективный труд и коллективная собственность на основные средства производства и прежде всего на землю, как «естественная основа коллективного производства и присвоения» (Архив М. и Э. И. С. 272) – вот основные признаки родовой коммуны.

Пережитком родовой собственности в абхазской деревне служили сохранившие свою силу до последнего времени родовые пастбища. Та или иная крестьянская фамилия еще недавно гоняла скот на определенные участки высокогорных пастбищ, причем границы пастбищ строго соблюдались и скот, принадлежащий другой фамилии, не имел права пастись на данном пастбище. Пережитком коллективного производства служила и родовая взаимопомощь – члены одной и той же фамилии помогали друг другу при полевых работах, постройке дома и т.д. Своеобразной формой родовой взаимопомощи является имевший место до последнего времени обычай – «доля душе» (apsxura), когда однофамильцы делали приношения семье умершего, являясь на поминки. (Обычай родовой взаимопомощи впоследствии в наше время широко использовали зажиточные и кулацкие семьи для скрытой эксплуатации своих маломощных однофамильцев).

Древнейшие обитатели Абхазии в эпоху родового строя, таким образом, жили небольшими родовыми коммунами, занимаясь скотоводством и примитивным земледелием, а также охотой, рыболовством, бортничес-

ством. Пережитками родового строя, несомненно, являются и характерные для современной Абхазии родовые поселки. Сел. Блабурхва почти целиком населена одной фамилией – Барцыц. В сел. Дурипш фамилии Гунба, Тарба, Таркил занимают обособленные поселки, имеющие даже название данной фамилии. Подобный же родовой характер расселения можно проследить и в других абхазских селениях.

Характерная для родовой организации экзогамия, т.е. запрещение браков между сородичами, соблюдается в Абхазии до последнего времени.

Коллективная собственность и коллективное производство определяли первобытно-коммунистический характер общественных отношений.

«И какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй. Без солдат, без жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судебных дел, без тюрем, без процессов – все идет своим заведенным ходом, всякие раздоры и столкновения улаживаются коллективом. Домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земли является собственностью всего племени... Бедных и нуждающихся быть не может... Все равны и свободны, не исключая женщин» ... (Энгельс. Происхождение семьи. С. 120).

Но эти общественные отношения были именно первобытным коммунизмом, возникающим на основе низкой ступени экономического развития, примитивной каменной и бронзовой техники, экстенсивного скотоводства, мотыжного земледелия, редкой населенности, неосвоенных земельных пространств.

Энгельс подчеркивает, что «величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность, проявляется в том факте, что здесь нет места для господства и угнетения... (Происхождение семьи. С. 187).

Еще не было условий для возникновения эксплуатации, классового неравенства и государства.

Ленин говорит:

«Когда в обществе не было классов, когда люди... трудились в первобытных условиях большого равенства, в условиях еще самой низкой про-

изводительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом... (Т. XXIV, С.369).

Но уже и в родовой коммуне был налицо зародыши будущего неравенства, выраставшего на основе разрыва между трудом и собственностью. По мере усложнения хозяйственной деятельности, в родовой коммуне все большее значение приобретает старший в роде, наиболее опытный, ведущий старейшина, патриарх (абх. *Arxia-gəlay* – «ajla-aihabə»). До последнего времени в быту абхазов царило исключительное уважение к старшим в роде. Каждая крестьянская фамилия имела своего передового, ведущего старейшину, пользовавшегося особым почетом. Уважение и почет к старшему поколению проявлялось и за столом, когда никто из молодых не имел права сесть без приглашения старика, и в церемонии омовения перед едой, когда каждый старался уступить свою очередь старшему, и в пути, когда старший ехал впереди, а молодые, отступая назад. Это уважение к старикам доходило до таких мелочей, как невозможность прикупить у старшего трубку. Еще не так давно по рассказам стариков-абхазов, строго соблюдался следующий обычай: если отец садился на какое-либо место, то сын в течение целого дня избегал садиться туда же. Все это выражается старинной поговоркой: «*eihabə dəzzəm atac^o zxairxom*», что значит примерно: «без старшего (без главы) в семье не будет благополучия».

Все эти и многие другие факты свидетельствуют о значении старейшины в родовых коммунах. В родовом строе нет государства, но старейшины пользуются элементами власти. Ленин в полемике со Струве ясно подчеркивал это:

«Принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было» ... (т. I, стр. 304).

Голос старшего в роде имел большое значение. Еще недавно сельские сходы в абхазской деревне носили характерные черты родовой «примитивной демократии»: в центре круга под сенью вековых «священных»

деревьев рассаживались старики, а за ними группировались их сородичи-однофамильцы, причем первое и решающее слово принадлежало старикам. Старший в роде не только советовал и направлял, он мог и наказывать. Лазы, живущие в Абхазии, рассказывают, что у них в старину родовой старейшина (лаз. *umçane»*) имел право «арестовывать» и запирать своих провинившихся сородичей под замок или сажать в особые ямы. Несмотря на то, что это может и кажется эмбрионом тюремных застенков, подобные права старейшин не дают никаких оснований говорить здесь о государстве, ибо родовой строй соответствует как раз стадии расцвета доклассового общества. Родовые коммуны вели натуральное хозяйство. Потребности были невелики и удовлетворялись продуктами своего труда. На первых ступенях общественного развития не было необходимости в развернутом обмене. Последний заключался в случайных актах, часто принимавших характер «дарения». Внутри родовой коммуны обмен первоначально и вовсе не имел места, так как коллективная собственность исключала его необходимость.

Натуральный характер хозяйства древнейших обитателей Абхазии сказывался впоследствии, будучи закреплен эпохой феодализма, в том, что еще в прошлом столетии среди абхазов сильно было распространено мнение о том, что продавать продукты своего хозяйства, как например: вино, фрукты, орехи и проч., и вообще заниматься торговлей неэтично.

Подобное воззрение было широко распространено и у других народов Кавказа – ингушей, осетин, карачаевцев, а также в древней Греции, на первых стадиях ее развития.

Древнейшие обитатели Абхазии, организованные в родовые группы, не имели тесной связи между собой. Межродовые взаимоотношения не имели постоянного характера. Каждая родовая группа была в значительной степени изолирована от соседей. Межродовые взаимоотношения выражались, кроме случайных форм обмена, в похищении женщин, в обычаях гостеприимства и усыновления. Последние обычай способствовали укреплению дружественных отношений между родами. Взаимоотношения родов регулировались традициями и обычаями, из которых первостепенное значение имела кровная месть. Происхождение кровной мести объясняется необходимостью уравновесить потерю ра-

бочей силы соответствующим уроном в соседнем роде – виновнике этой потери. Поэтому и примирение кровников предполагало необходимым условием усыновление и подарки, так как и то, и другое служило возмещением данной материальной потери, каковой было убийство или ранение одного из работников-родичей.

Известно, что родовые обычаи похищения невест, обычаи гостеприимства, усыновления и передачи детей на воспитание (абх. «аазара»), а также обычай кровной мести (абх. «аšaura») были широко распространены среди абхазов, равно как и у всех народов, переживавших стадию родового строя.

Язык и культура

Социально-экономический строй древнейших обитателей Абхазии очень напоминает нам хозяйственную структуру и общественную жизнь многих народов древности и даже некоторых отсталых народностей нашего времени. Материальная культура древнейших обитателей Абхазии имеет необычайное сходство с вещественными памятниками, обнаруженными в других областях Кавказа, и даже в более удаленных от Абхазии районах Европы и Азии. Это сходство культурных форм давало старым буржуазным археологам и историкам пищу для глубокомысленных рассуждений о «переселении народов», о «культурных влияниях цивилизованных стран» и т.д.

Так, например, на территории Абхазии найдены многочисленные дольмены. Дольмены (от британского «dol» – «стол» и «men» – камень) – погребальные сооружения из тяжелых каменных плит, в которых хоронили родовых старейшин и племенных вождей. Практикование строительства дольменов началось, очевидно, еще в эпоху неолита, но продолжалось и в эпоху бронзовой техники. Дольмены обнаружены, кроме Абхазии, на территории бывш. Черкесии, в Майкопском, Туапсинском, Геленджикском районах, в Крыму, на Скандинавском полуострове, в Англии, во Франции, в Португалии, а также в Индии и Персии. Буржуазные археологи объясняли широкие распространение дольменов существованием особого «дольменного народа», который вышел из

центральной Азии и, передвигаясь с места на место, достиг Скандинавии и Англии. Нелепость такого объяснения очевидна, после обнаружения дольменов в Сев. Африке, Японии и других, достаточно удаленных друг от друга стран земного шара. Чем же объяснить существование дольменов в совершенно различных районах?

Очевидно, тем, что практика сооружения дольменов была выражением определенных идеологических представлений, порожденных соответствующими социально-экономическими отношениями, общими для различных народов на определенной ступени их исторического развития. Однородность экономической основы и выраставших на ней общественных отношений – вот причина общности культурных форм, в том числе и однотипности дольменных погребений. Последнее является главной причиной, объясняющей и другие аналогии. Например, на территории Абхазии найдены бронзовые предметы из известных раскопок в ауле Кобань и других пунктах Осетии. Такие же формы были найдены в Боржомском районе в Грузии. Это дало повод буржуазным археологам говорить об особой «кобанской культуре», распространенной по Кавказу каким-то народом, пришедшим будто бы из «передней Азии». Но бронзовые предметы «кобанского типа» обнаружены и в других местах земного шара, например, на острове Суматра. Можно ли всерьез предполагать, что, возможно было распространение однотипных культурных форм из одного и того же центра через переселение на такой значительной дистанции – от Осетии до Суматры?

Конечно, нет.

Мы не отрицаем заимствования, как одного из факторов общности формальных данных. Мы не отрицаем, что передвижения племенных и родовых групп по обе стороны Главного Кавказского хребта, вызываемые специфическими особенностями элажного скотоводства, способствовали переносу культурных форм. Но мы отвергаем чудовищное преувеличение «миграционного фактора», отвергаем тезис о том, что только переселение является главенствующим, доминирующим фактором культуротворчества, отвергаем попытки построения гипотез о происхождении той или иной «культуры» из одного праисточника.

Мы исходим из гениального замечания Маркса и Энгельса о том, что «В первоначальной истории каждое изобретение должно было де-

латься ежедневно наново и в каждой местности независимым образом» ... (Архив М. и Э., I, стр. 236).

Однаковый экономический базис, однородные производственные отношения, один и тот же способ производства, вот что лежит в основе общности социальных и культурных форм, сходства не только материальной, но и духовной культуры.

Вот почему и общественный строй, и материальные памятники, и идеологические представления древнейших обитателей Абхазии имеют так много общего и сходного с общественными отношениями и культурами формами не только их соседей по Кавказу, но и народов Древнего Востока (халды, египтяне, абиссинцы) и Европы (эллины, этруски, баски, кельты, древние германцы), и Америки (ирокезы и пр.).

Примерно таков должен быть подход и к рассмотрению языка и духовной культуры древнейших обитателей Абхазии. Мы категорически отвергаем попытки представить тогдашнее население Абхазии, как существующий ныне абхазский народ. Мы отвергаем также и мнение о том, что древнейшие обитатели говорили на одном языке. Не только до нашей эры, но и в первые века нашей эры не существовало и не могло существовать ни абхазского, ни адыгейского, ни картвельского народов, также как не существовало и подобных языков.

Древнейшие обитатели Абхазии – не абхазы, но это не значит, что абхазы пришли откуда-то в Абхазию и осели здесь впоследствии, ибо не было и не могло быть тысячи лет назад современных абхазов с нынешним абхазским языком и культурой.

«Чистота племени и нации, несмешанность крови есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти. Культур изолированных, расовых также нет, как нет расовых языков. Есть система культуры, как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общественности с таким разрывом с изжитыми формами, что новые типы не походят на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась» ... (Марр. Избр. работы. Т. I. 1933. С. 241).

Мелкие этнические группы – родовые группы с однородным производственным базисом, с однообразием языковой основы, а значит, и с

однородной по типу материальной культурой и идеологией, пронизанной анимистическими и тотемическими воззрениями – вот какова была социальная структура древнейших обитателей Абхазии.

Отсюда – столько же «народов», столько же «государств» и столько же языков, сколько мелких этнических групп, ведущих натуральное родовое хозяйство и замкнутую общественную жизнь, слабо связанных между собой. Однородность культуры и языковой основы наряду с невероятным разнообразием конкретных проявлений – это диалектическое противоречие, недаром поражало в Абхазии античных колонизаторов – сынов уже единого народа, с единой культурой и единым языком (ибо они уже прошли стадию скрещения племенных языков).

Каждая мелкая этническая группа казалась им самостоятельным народом и все современники, посетившие берега Абхазии 2.000–2.500 лет назад, рассказывали о необычном разнообразии и множественности языков и «народов» Кавказа.

Еще географ Страбон, описывая Диоскурию – самую крупную греческую колонию на берегах Кавказа, – говорил, что там «собирались торговцы от 300 племен, из числа которых ни одно не заботится о том, что происходит в остальном мире и не понимает языка соседей, т.к. все живут разрозненно» ... (Страбон, XI, 5).

Известный римский историк Плиний в I веке нашей эры в своем знаменитом сочинении «Historia naturalis», описывая побережье Кавказа, говорил: «Племя абсилов, племя санигов, наконец – племена гениохов, под разными названиями» ... (Плиний, VI, 5).

Позднее Аммиан Марцелин в IV веке отмечал, что на берегах Кавказа «живет множество народов, отличающихся разнообразием языков и внутреннего строя – яксаматы, меоты, язиги, аланы, меланхлены, гелоны... которые кочуют по разным направлениям ...».

Конечно, современный абхазский язык имеет связь с языковой (т. наз. «яфетической») основой древнейших обитателей Абхазии, но именно такую связь и такое сходство, какую имеет курица и яйцо, из которого она вылупилась. Современный абхазский язык образовался путем длительного процесса скрещения и слияния многих языков и наречий родовых и племенных групп.

Именно однородностью производственного базиса, однотипностью социального строя объясняется необычайное сходство идеологических представлений древнейших обитателей Абхазии и их соседей – народов Кавказа, и даже больше – иногда очень удаленных от Абхазии народностей Сибири, Центральной Азии, древней Европы и даже Америки.

Первобытное мышление, развивающееся в процессе образования человеческой кинетической (ручной) речи, было пронизано магическими представлениями. Окруженные могучей и пышно цветущей природой, девственной стихией лесов и гор, чувствуя слабость своего технического вооружения, древнейшие обитатели Абхазии уподобляли себе все природные явления, наделяя их свойствами живого существа. Шелест листвьев – «шепот» деревьев, прибой волн – «сердится» море, течение реки – ее «бег» к морю, и т.п. Другим представлением является представление о перевоплощении одних предметов в другие и о передаче свойств животного – людям. Пережитки древних магических представлений еще недавно были широко распространены среди абхазов. Это было наследие древнейших обитателей Абхазии, их первобытного мышления.

Абхазские охотники, идя на охоту, разговаривают на условном «охотничьем» языке, чтобы не дать зверям понять того, что охотники идут их убивать. Так, например: «огонь» по абх. «амса», но охотники говорят, alaxač», «соль по абх. «азэка», но «по-охотничи» – «азлаба», «луна» – «амза», но охотники говорят – «ча», «вода» – «азэ», а по охот. «аміэ», и т.д.

Некоторые условные термины охотников легко переводимы, будучи связанными с истинным обозначением явления или предмета. Например, «солнце» охотники называют «горяче-красное», медведя – «толстоногий», кабана – «длинный клык», осла – «длинноухий», и пр. Весьма интересно, что условные охотничьи термины различны для отдельных районов Абхазии. Это лишний раз подтверждает, что происхождение их относится к далеким временам, когда население Абхазии говорило на разных «языках», хотя и имеющих общую яфетическую основу. Условный охотничий язык был распространен не только у большинства народов Кавказа, но и у камчадалов, сойотов и проч...

Магическими представлениями порождены и разнообразные приметы, заклинания и заговоры. Встретить зайца, значит быть неудачником, ибо заяц труслив. Его свойства переходят, таким образом, на человека.

«Чтобы летом змеи не вползли во двор, там накануне «великого четверга», ночью, один из хозяев-мужчин берет мотыгу, а другой – в сите золу. Первый обходит двор, царапая землю мотыгой, а другой идет за ним, и из сита просеивая золу в царапины, говорит: «Змеи, то, что мы загородили, нам принадлежит, не имеете права сюда войти...» (Гулия. История Абхазии. С. 177).

Пережитки магических представлений сохранились и в родильных, и свадебных обрядах абхазов.

С началом родов развязывают узлы и отпирают ящики, символизируя разрешение от бремени и этим стараясь облегчить роды. Под голову новорожденного кладут пулью, чтобы он был смелым и храбрым, воинственным. Невестусыпают серебром и зернами гоми, чтобы была богата, плодовита и счастлива. Все эти обычай распространены и у сванов, хевсур и многих других народов.

Отсюда и вера в амулеты – ношение зубов волка, выставление черепов лошади на изгороди двора или поля для отпугивания враждебных сил и самозащиты.

С магическими представлениями тесно связано и происхождение религии. Древнейшие обитатели Абхазии, как и все другие народности в эту эпоху, не обладали истинным пониманием природы, ибо чувствовали свое бессилие перед ее могуществом.

Маркс говорит, что было время, когда «человеческое существо не обладает истинной действительностью... Религиозное убеждение есть в одно и то же время выражение действительности нищеты и протест против действительной нищеты. Религия – это воздух угнетенной твари» ... и в то же время «религия – опиум народа» ... (Маркс и Энгельс. Т. I, С. 399).

От одушевления животных и наделения сверхъестественными свойствами зверей первобытный человек перешел к последовательной вере в духов. Родовой строй локализировал духов при каждой родовой группе и

породил кульп предков-прародителей. Каждая родовая группа имела своего духа-покровителя, свою «святыню» (абх. «апəха» – именно «святыня», а не «икона», как неправильно переводят этот термин теперь). Еще недавно эти понятия крепко держались в сознании абхазского крестьянства. Так, род Лейба имел своего духа-покровителя – «leirpəха», род Ашуба поклонялся «abaapəха», и т. д. Впоследствии, по мере слияния родовых групп в сельские общины и племена, духи-покровители наиболее сильных родов сделались сельскими и племенными «святынями». Так, например, возникла «Iзаapəха» – «святыня» сел. Адзаа или «apərsnəха» – «святыня» для всех бзыбских абхазов, имеющая резиденцию на «священной» горе Дирипш в сел. Ачандара.

Материальным выражением культа предков служат дольмены и родовые кладбища. Родовых старейшин и племенных вождей, а также их близких, древнейшие обитатели Абхазии хоронили в дольmenах – огромных, монументальных склепах. Умерших снабжали оружием, пищей и всем необходимым, чтобы они не терпели лишений в загробной жизни. В одном из дольменов, найденном в сел. Эшеры, были обнаружены три скелета (в сидячем положении), разнообразные бронзовые орудия и оружие, украшения и глиняные сосуды, в которых, очевидно, была оставлена вода и пища.

Точно так же на родовых кладбищах еще и в наше время абхазские крестьяне ставят на свежей могиле пищу и вино. В течение некоторого времени после смерти близкого родственника за столом во время принятия пищи ставят «долю умершего», стараясь выбрать лучшие куски. Нередко оставляют неприкосновенной постель умершего и кладут на нее или рядом с ней его оружие и костюм.

Поминки («арсхига») также являются наглядным выражением культа предков. Чем богаче поминки, чем больше выставлено пищи и вина, тем приятнее будто бы умершему, который будет поэтому благосклоннее к оставшимся родственникам, будет защищать и помогать им. Культ предков широко был распространен у всех народов земного шара, прошедших стадию родового строя. С развитием скотоводства и земледелия религиозные верования усложнились. Развился кульп природы.

Беспомощность человека, еще не сумевшего завоевать природу, ярко сказалось в этом культе – в поклонении духам-богам, покровительствующим скотоводству («aitar»), земледелию («заза»), охоте («ajerpš’aa») и духам, населяющим природу, руководящим ее явлениями: духу молнии («afə»), воды («зызлан»), гор (ašxa-enxu»). Отсюда и представления о «священных» рощах (например, пицундская), деревьях (граб), «священных» гор (Дыдрыпш и Лашкендар), и моления этим духам с принесением жертв и коленопреклонением.

Гораздо позднее с объединением в племенные союзы, с возникновением центральной власти появилось собирательное понятие о «главном» боге, о боге «вообще» – «анja». Развитие металлической техники, значительно усилившей хозяйственную мощь древнейших обитателей Абхазии, породило культ металла, культ кузницы. Добыча металла и изготовление металлических орудий было первоначально делом очень трудным. Процесс обработки металла не был изучен. Удачный результат и хорошее качество зависели больше от случайностей. Технический опыт был весьма беден. Отсюда – работа над металлом казалось связанный с какими-то сверхъестественными непонятными силами, кузнец – особенный человек, кузница – «священное место». Так родилась вера в духа-покровителя кузнечного дела и грозного бога «lafə», а также многие религиозные обряды, связанные с кузницей и металлом. Первоначально религиозные обряды исполнялись старшими в роде, как наиболее опытными и почетными, знающими все традиции и обычаи. Впоследствии, когда родовые «святыни» наиболее сильных родов стали сельскими и племенными «святынями», исполнение религиозных обрядов и сношения с духами сделались монополией стариков отдельных родов. Так, например, до последнего времени жрецами («апəхараауə») божества «апəрспəх», пребывающего якобы на горе Дирипш, были члены привилегированной фамилии Чичба, получавшие от этого «промысла» немалую прибыль.

«Сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения», – говорит т. Сталин. Действительно, даже в наши дни, когда Советская Абхазия вступила во вторую пятилетку социалистической реконструкции – пятилетку построения бесклассового социалистического общества, еще подчас в абхазской деревне сохраняют свою силу

пережитки глубокой старины – наследие древнейших обитателей Абхазии. Прошли тысячелетия, а эти пережитки остались до наших дней, потому что эксплуататоры и угнетатели – князья, дворяне, помещики, попы, капиталисты – стремились во все эпохи сохранить силу первобытных представлений и родовых традиций, чтобы сковать ими развитие политического самосознания трудящихся масс. И в наши дни – эти пережитки в большинстве случаев являются орудием классового врага в борьбе с победоносным социалистическим строительством.

Классовый враг стремится противопоставить старые, прадедовские способы ведения хозяйства – новой социалистической агротехнике, авторитет родового старейшины – сельсовету, родовые традиции – советским законам, старые с.-х. культуры – новым высокоценным субтропическим культурам. Классовый враг использует родовые обычай «усыновления» и «воспитания» («аօնадара», «ахур phara», «аазага») для укрепления связей с трудящимися, обычай родовой взаимопомощи для эксплуатации и скрытого применения наемного труда. Классовый враг поддерживает обычай кровной мести против мероприятий советского суда. Религиозные представления, отражающие «бессилие дикаря в борьбе с природой» (Ленин), помогают классовому врагу организовать саботаж директив партии и советской власти. «Запретные дни», свадьбы, поминки и пр. поглощают сотни и тысячи трудодней ежегодно, срывая нормальный ход с.-х. работ. Моления божествам «апəха» обходятся абхазскому крестьянству в сотни тысяч рублей. Магические обряды, заговоры, заклинания, играют на руку знахарям и мешают санитарно-профилактической и лечебной работе органов здравоохранения. Десятки умирают по вине этих знахарей. В целом все эти пережитки тормозят победный ход культурной революции, противодействуют социалистической реконструкции.

«История – самая живая, наиболее политическая наука из всех, которых только существуют» (М.Н. Покровский) Изучение истории поможет нам в практической борьбе с пережитками прошедших эпох, в борьбе за социализм.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ И АНТИЧНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АБХАЗИИ

Возникновение сельской общины

Технический прогресс определял расширение возможностей хозяйственного использования окружающей природы и усложнял хозяйственную деятельность деревенских обитателей Абхазии. В первой главе уже было указано на археологические находки в устье р. Келасури близ Сухума, где наряду с бронзовыми предметами обнаружены были уже и орудия из железа.

Даже бронзовая техника, а тем более железные орудия, сделали древнейших обитателей Абхазии более сильными и стойкими в борьбе с природой. Первоначально, как было отмечено выше, скотоводство имело преобладающее значение в районах предгорной полосы.

«Эйлажное» скотоводство характеризуется постоянными передвижениями скота в поиске лучших пастбищ. Эти передвижения скота вызвали и частые переходы его хозяев, причем вместе со стадами передвигались не только пастухи, но и все население данной родовой общины, включая женщин и детей. Еще совсем недавно подобные выселения всех жителей села на летние пастбища можно было наблюдать во многих районах Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Часто бывало и так, что с летних пастбищ стада и их хозяева не возвращались на старую зимовку, а спускались с гор на новые места. Слабая плотность населения и обилие пустопорожних земель способствовали этому и поэтому обитатели нынешней Абхазии, гоняя скот на летние пастбища северного Глав-

ного Кавказского хребта, оставались и зимовать на северокавказских нагорьях. Не исключается и обратная картина передвижений обитателей Сев. Кавказа в Абхазию.

Неудивительно, что многие античные писатели называют жителей Черноморского побережья «кочевниками». Римский историк Аммиан Марцеллин (IV век), описывая аланов (обитателей нынешней Осетии), говорит:

«У них нет постоянных жилищ, они не занимаются земледелием, питаются мясом и больше молоком, живут в своих повозках, которые покрывают кусками древесной коры... Когда они доходят до лугов, то располагают свои двухколесные повозки (арбы? – А.Ф.) в круг. Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и таким образом пасут его». (Сб. свед. о кавк. гор., IV, 190).

Очевидно, что в этой специфике хозяйственного уклада надо искать причину тех фактов, которые нашли отражение в народных преданиях. Среди кабардинцев, например, существует легенда о том, что в VI веке гиджры (XIII век нашей эры) кабардинские племена занимали область низовьев р. Дона, Таманский полуостров и сев. побережье Азовского моря, вплоть до Крыма, откуда вождь Инал вывел их на территорию нынешней Кабарды. Старики-абхазцы из фамилии Ашуба говорят, что предки их переселились в Джгерды из Псху. Вообще, рассказы о передвижениях и перемене местожительства очень распространены среди абхазцев.

Развитие элажного скотоводства и учащение встречных сношений между отдельными родовыми и племенными группами стимулировало и развитие обмена. Рост производительности труда создавал возможность делать запасы. Излишки, таким образом, могли превращаться в товар и обмениваться для удовлетворения растущих потребностей. Главным предметом обмена у древнейших обитателей Абхазии, очевидно, был скот, приобретавший постепенно функции денег. Еще не так давно, в XVII–XVIII веке, скот зачастую выполнял в абхазской деревне роль всеобщего эквивалента при обмене товаров. В глубокой же древности это значение скота в процессе обмена было гораздо выше.

Рост производительных сил родового хозяйства усиливал и общественное расчленение внутри рода.

«Увеличение производства во всех областях скотоводства, земледелия, домашнем ремесле – сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода... Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военно-пленные стали обращаться в рабов» ... (Энгельс. Происхождение семьи. С. 190).

Захваченные в плен члены чужого рода или чужого племени превращались в рабов. Но эта патриархальная форма рабства первоначально резко отличалась от позднейшего античного рабства. В родовой коммуне раб употреблялся сначала по преимуществу для домашних работ и, пока продолжала господствовать коллективная собственность на средства производства, положение раба мало чем отличалось от положения каждого члена рода. Скорее всего, использовать раба с целью личной наживы мог старейшина, руководящий родовым хозяйством.

С момента, когда появляется практика выделения небольших земельных участков или стад и пользование отдельных семей (при сохранении коллективной родовой собственности) применение рабского труда приобретает особое значение.

При помощи рабов семья старейшины или другого члена рода могла самостоятельно выкорчевывать новый участок земли из-под леса. Этот участок и урожай с него является уже собственностью данной семьи в противоположность общей родовой собственности.

Так, эксплуатация рабов приводила к появлению частной собственности, а значит, и к возникновению экономического неравенства.

Чрезвычайно интересно, что абхазский термин «атэы» означает одновременно и «раб», и «собственность», что является блестящим подтверждением тезиса Маркса и Энгельса о том, что настоящая частная собственность начинается с появлением рабов, как движимой собственности (см. Архив М. и Э., изд. 1924. С. 251).

С течением времени по мере роста производительных сил, расширения запашек и пастбищ, на основе эксплуатации рабов, сближались владения и хозяйствственные территории соседних родов. Родовая община

перерастала в сельскую общину (абх. «акәта»), которая была «одной из первоначальных форм общества от Индии до Ирландии» (Маркс и Энгельс. Коммунистический Манифест).

Процесс образования сельской общины в Абхазии наглядно иллюстрируется современным характером расселения во многих абхазских селениях. Примером может служить сел. Дурипш Гудаутского района, где несколько родовых поселков составляют одну сельскую единицу, а также и большинство других абхазских селений.

«Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества (доклассового общества. – А.Ф.) является в то же время переходным базисом к вторичному образованию, т.е. переходным базисом от общества, основанного на общей собственности к обществу, основанному на частной собственности... в сельской общении дом и его приданок, двор, принадлежат землевладельцу в собственность... сельская община носит в своих собственных недрах подтаскивающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой подготовляется нападение на общую землю. Это случилось. Но самое существенное, это парцеллярное хозяйство как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство». (Маркс – см. Архив М. и Э. С. 284–285).

Противоречие между коллективной собственностью и тенденцией к разрыву между трудом и собственностью, содержащейся еще в недрах родового строя (выделение старейшин, патриархальное рабство) превращается в сельской общине в антагонизм между частной и общинной собственностью.

Семьи старшин и тех родичей, которые приобрели рабов, выдвигаются на первое место. Остальные сородичи вынуждены обращаться к ним за помощью, попадая в зависимость, отрабатывая долги своим тру-

дом. Хозяйственной единицей становится уже не род, а одиночная семья. Растет классовое расслоение внутри сельских общин.

«Наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными – обусловленное новым разделением труда, новое разделение общества на классы» ... (Энгельс. Происхождение семьи... С. 193).

Античная колонизация на берегах Абхазии

Свыше 2.500 лет назад Черноморское побережье Кавказа стало объектом античной колонизации.

Античные государства – «Греция и Рим являлись странами наиболее высокого “исторического развития” среди народов древнего мира» ... (Маркс и Энгельс. Т. I. С. 194).

Все могущество древней Греции и ее исторического преемника – Рима, весь расцвет античной культуры (лучшие образцы которой, по словам Маркса, обладают в художественном смысле «вечной прелестью», как произведения «детства человеческого общества») были основаны на рабовладельческом способе производства. Эксплуатация многих тысяч рабов давала возможность рабовладельцам укреплять экономическую и военно-политическую мощь своего государства.

Но рабовладельческий способ производства таил в себе тенденции к техническому застою. Рабский труд определял низкий уровень техники и препятствовал ее развитию. Это создавало реальную опасность относительного перенаселения.

Кроме того, класс мелких производителей – античное крестьянство – в Древней Греции еще за 1000 лет до нашей эры становилось жертвой земледельческой аристократии («евпатридов») и торговцев-ростовщиков. Разорение деревни началось еще с распадом родового строя. Развитие рабовладельческого способа производства еще более ускорило этот процесс. К VII–VI векам до н. эры подавляющее большинство крестьян оказалось обездемеленным. Это еще более увеличило кадры избыточного населения. Разорившиеся мелкие собственники, безнадельные крестья-

не, лишенные средств производства бедняки – вот из этого слоя по преимуществу вербовались эмигранты для колонизации тех областей и районов Средиземноморья и Черноморья, которые представляли интерес для быстро растущей античной торговли. Торговые фактории («эмпории») греческих купцов зачастую становились центрами новых колоний, населявшимися затем аграрными переселенцами. Разбойничье-торговые экспедиции были первыми попытками захвата тех пунктов, которые впоследствии превратились в колонии – источники добычи сырья и рабов.

«В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации». (Маркс и Энгельс. Т. X. С. 128).

Таким образом, античная колонизация была необходимым следствием рабовладельческого способа производства. Одним направлением греческой колонизации было западное – берега Италии, Сицилии и т.п.

Другим – восточное, точнее северо-восточное – побережья Мраморного и Черного морей.

Первые данные о посещении греками Кавказского побережья мы черпаем из мифического предания о том, как легендарный герой Язон, родом из Фессалии (область в Сев. Греции) снарядил экспедицию для похищения золотого руна (руно – баранья шкура) из страны колхов – Колхиды. На корабле «Арго» Язон со своими спутниками доплыл до берегов Колхиды, где с помощью дочери колхидского царя Айета – Медеи сумел выполнить свое намерение и увез золотое руно.

Несомненно, что эта легенда отражает первые попытки снаряжения разбойничье-торговых экспедиций к берегам Кавказа. Что же манило предприимчивых агентов греческого торгового капитала в сказочной Колхиде? Надо ли понимать под «золотым руном» драгоценные полезные ископаемые?

Термин «золотое руно» расшифровали сами античные писатели. Так, например, М. Теренций Варрон пишет: «старинные поэты передали, что даже скот имел золотые шкуры, разумея его дорожизну..., как,

например, в Колхиде у Аэта; за шкурой его барана, говорят, отправились аргонавты» ... (Теренций Варрон – «Rerum rusticarum», II, I, 6). Во всяком случае, от первых пиратско-комерческих экспедиций Черноморского побережья Кавказа проходит несколько столетий. Черное море именуется греками «Негостеприимным» (Понт Аксенский) и только много времени спустя превращается в «Гостеприимное» (Понт Эвксинский). Колонизационная деятельность Древней Греции на Черном море развернулась в VIII–VII вв. до нашей эры. Основание черноморских колоний приписывается эмигрантам из Милета – крупнейшего торгового центра цветущей греческой области – Ионии (на западном берегу Малой Азии). Выходцами из Милета было основано до 90 колоний, но, конечно, большинство из них были поселениями незначительной величины.

Наиболее выдающимися греческими колониями на южном берегу Черного моря были Синоп и Трапезус (VIII век до н. эры), а на северном – Истр (устье р. Дуная), Тирас (устье р. Днестра), Ольвия (устье р. Буга), Пантикея (Керчь). Последние были основаны в VII веке до нашей эры. К этому времени относится начало греческой колонизации на восточном побережье Черного моря. Здесь возникла крупные колонии – Питиунт (на мысе Пицунда), Диоскурия и Фазис (в устье р. Риона).

Некоторые позднейшие греческие писатели – Стефан Византийской (V в.) и Никанор Александрийский говорят, что Диоскурия была основана греками на развалинах древнего города Эйя. В этом указании некоторые ученые находят намек на существование на берегах Кавказа финикийских и египетских колоний. Но пока мы не располагаем никакими сколько-нибудь достоверными данными на этот счет. Вернее предполагать, что за термином «Эйя» скрывается поселение местных жителей.

Наиболее крупной из всех греческих колоний на Кавказе была Диоскурия. Греческий географ Страбон (I век до н. эры) дает такое, правда, краткое, но многозначительное описание Диоскурии:

«Самый этот город служит общим торговым пунктом для живущих выше и по соседству с ним народов. Говорят, что там собирается до 70 (по другим, которые менее правдивы, даже 300) народов» ... (Страбон, XI, 16.)

О значении Диоскурии говорит и более поздний римский историк Плиний:

«Этот город теперь опустошен, но прежде был так известен, что там собиралось до 300 народов, говорящих на разных языках и впоследствии еще мы (римляне. – А.Ф.) вели там свои дела с помощью 130 переводчиков... (Плиний, VI. 5, I).

Местонахождение древней Диоскурии точно пока не установлено. Вероятнее всего, что она находилась на берегу Скурчинской бухты, защищенной Кодорским мысом. Скурчинская бухта была соединена узким каналом с маленьким озером, представлявшим как бы вторую внутреннюю бухту. Небольшие гребные и парусные суда находили там хорошую защиту от непогоды и удобную стоянку. На берегу этой бухты существовало поселение, конечно, не столь значительное, как это кажется на первый взгляд, когда читаешь античных писателей, центром которого была торговая фактория («эмпориум»). От Скурчинской бухты совсем близко находится река Кодор. Таким образом, очевидно, Диоскурия служила конечным пунктом наиболее удобного и важнейшего торгового пути по р. Кодор через урочище Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам и дальше на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды. За местонахождение Диоскурии в устье р. Кодора на Скурчинской бухте (а не на месте современного Сухума, как предполагают некоторые ученые) говорит и тот факт, что позднее в XIII–XIV и до XVII–XVIII века именно здесь находился самый крупный и важный пункт береговой генуэзской и турецкой торговли, носивший название – Ислаур, Искурия. Лингвистические аналогии также подтверждают местонахождение Диоскурии близь устья р. Кодор: «Диоскурия» – «Искурия» – «Ислаур» – «Скурча». К сожалению, до сих пор на берегу скурчинской бухты не производились серьезные археологические изыскания, которым, очевидно, будет принадлежать решающее слово в этом вопросе.

Какова же была социально-экономическая структура греческих колоний на Черноморском побережье Кавказа?

Античные писатели называют побережье Кавказа «Колхией», а народ, живущий там – «колхами». Но границ этой «Колхией» установить по их сочинениям очень трудно. С одной стороны, некоторые из них помещают в «Колхиде» даже Трапезос (Трапезунд), с другой стороны – одной из крупнейших колоний «Колхида» называют Питиунт (Пи-

цунду). Конечно, в представлении античных писателей «Колхида» была чаще всего не административным, а только географическим понятием.

Колхида характеризуется в античных письменных памятниках весьма плодородной областью с большими природными богатствами. Почва «Колхиды» плодородна, хорошо родит лен и коноплю, но большая часть страны покрыта девственными лесами, в которых много ценных пород деревьев. «Кораблестроительный материал, – пишет Страбон, – спускается по рекам вниз (к морю). Добываются здесь также воск, смола и горький мед». («Горький мед» Страбона – это «пьяный мед» (абх. «асха qua»), известный в Абхазии, Мегрелии и Гурии, который собирается пчелами с цветов рододендрона и др. растений, вредно действующий на организм.)

Леса «Колхиды» изобилуют дикорастущими плодами. По словам Страбона, «склоны гор производят здесь такое изобилие диких древесных плодов, как например: винограда, груш, яблок и разных сортов орехов, что люди, отправляющиеся в лес за дровами, находят там во всякое время года большие запасы плодов... Там и хорошая охота и много дичи, вследствие изобилия всякого рода корма»... (XII, 3, 15). Население нагорных районов «Колхиды» занимается скотоводством, по преимуществу разводя мелкий скот, хотя у Страбона есть уже упоминание и о лошадях, и о крупном рогатом скоте.

Таким образом, «колхицкие» колонии древних греков занимались обширной торговлей. Ассортимент товаров был весьма разнообразен. Главнейшими экспортными товарами были: ценная древесина (тис, самшит, пихта), пушнина, кожи, воск, мед, смола, продукты скотоводства. В противоположность северо-черноморским греческим колониям (Ольвия, Херсонес, Пантикопея), в «колхицких» колониях хлеб и вообще продукты земледелия не имели первостепенного значения. Важнейшим импортным товаром была соль. Страбон прямо говорит о жителях «Колхиды», что «они собираются в Диоскурию, главным образом, ради соли». Соль импортировалось купцами-посредниками из крымских колоний. Совершенно особое место занимала развивавшаяся работорговля.

«В числе предметов, необходимых для нашего существования, припонтийские страны доставляют нам в большом изобилии превосходного

качества скот и огромное количество рабов, а из предметов, служащих дополнением к предметам первой необходимости... доставляют нам мед, воск, соленую рыбу в изобилии» (Полибий, IV, 38, 1–10).

Кроме Фазиса, Питиунта и Диоскурии, существовавших несколько столетий, на побережье возникли и исчезли более мелкие поселения колонистов: Триглит, Абсарос, Цигнус, Зигополь и др.¹, точно установить местонахождение которых пока не представляется возможным.

Почти все крупные черноморские колонии греков в политическом отношении развивались с тенденцией к автономии и даже полному самоопределению от метрополии. В VII–VI вв. до н. эры связь «колхидских» колоний с метрополией чувствовалась еще сильно, но в V веке, благодаря разгрому персами Милета (в эпоху Греко-персидских войн), она значительно слабеет. В V веке до н. эры греческие колонии на берегах Киммерийского (ныне Керченского) пролива создают независимое Боспорское государство, с центром в городе Пантиакапее (совр. Керчь), достигающее расцвета в IV и первой половине III века до н. эры.

С другой стороны, на черноморском берегу Малой Азии, в IV веке, возникает Понтийское государство, составлявшее сначала часть Каппадокии, находившейся под влиянием Греции. Торговый порт Понтийского государства – Синоп – имел тесную связь с Кесарией (в древности – Мазака) – резиденцией Каппадокийских правителей и важнейшим центром торговых путей, пересекающих Малую Азию.

Таким образом, «колхидские» греческие колонии – Фазис, Диоскурия, Питиунт и др., становятся как бы связующим звеном между двумя крупными торговыми рабовладельческими государствами – Понтом и Боспором.

Отсюда в III веке до н. эры «колхидские» колонии приобретают особое значение. На берегах Абхазии развивается не только натуральная, но и денежная торговля.

На территории южной Абхазии, Мегрелии, Гурии и др. местностях Закавказья неоднократно были найдены монеты, получившие название

¹ Многие из них, очевидно, возникли на месте поселений местного происхождения.

«колхидок». На них обычно имеется рисунок головы быка. Некоторые снабжены греческими буквами.

Чеканка «колхидок» обычно относится к IV веку до нашей эры. Именно в это время «колхидские» колонии греков достигают наивысшего расцвета, развивая интенсивную посредническую торговлю с Боспорским и Понтийским государством. В эту эпоху особенно укрепляется их автономия. Несомненно, что береговая торговля и античная колонизация способствовала дальнейшему углублению процессов разложения родового строя среди местного населения. Рабство теряло свой патриархальный характер. Рабы выступали теперь не только как рабочая сила, но и как товар, получивший широкое распространение в системе античной торговли.

«В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости» (Маркс. Капитал». Т. III, ч. I. С. 255).

В Абхазии рабовладельческая система не получила своего законченного развития, но тем не менее эксплуататорская верхушка местных родовых и племенных объединений очень скоро осознала работорговлю как источник обогащения. Между родоплеменной верхушкой местного населения и греческими колонистами установилась тесная связь, поддерживаемая торговыми сношениями не только по линии работорговли, но и торговли сырьем. Ясно, что рубить на продажу лес, собирать мед и воск, продавать меха и кожи могли по преимуществу, богатые семьи, эксплуатирующие рабов и имеющие крупные стада и хорошие пастбища. Еще Страбон указывал, касаясь влияния античной колонизации, на «припонтийские», т.е. причерноморские племена, что

«Надо сказать, что наш образ жизни почти во всех произвел перемену к худшему, внося расколы, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность в значительной степени проникла и к варварам,

между прочим, и к номадам (кочевникам. – А. Ф.). Последние со временем знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество» (Страбон, VII, 3–7).

«Испорченность», о которой говорит Страбон, таким образом, выражалась, прежде всего, в разрушении патриархальных форм общественной жизни, подрываемых разложением первобытно-коммунистических производственных отношений и развитием классового неравенства на базе укрепления частной собственности.

Греческие колонисты застали древнейших обитателей Черноморского побережья Кавказа на последней стадии развития доклассового общества – на стадии его разложения. Береговая торговля не была основной причиной, но, безусловно, стимулировала распад патриархально-родовых отношений среди местного населения.

На берегах Кавказа еще не сформировалось в то время единого народа с единой культурой. Все античные писатели отмечают многоплеменность местного населения. Об этом уже говорилось в первой главе. Античные писатели дают перечисляемым «народам» совершенно произвольные названия, часто исходя из чисто внешних признаков: «меланхлены» (от *melas* – «черный»), фтирофаги («вшееды»), «гюнайко-кратумены» («управляемые женщинами»), «гениохи» или «иниохи» («возничие» или «перевозчики»), и т.д. Название «колхи», употребляемое по преимуществу ранними греческими авторами, является также, очевидно, произвольным и при этом собирательным наименованием вообще для всех обитателей Колхиды. Более поздние авторы, убедившиеся в том, что «Колхида» не населена единым народом, уже избегают этого термина.

Большинство этих «народов», как называли греки отдельные родовые и племенные группы, вначале «даже не знали собственного повелителя» (Иосиф Флавий – «Иудейская война», II, 16, 4).

Однако, по мере углубления процесса разложения первобытно-коммунистических отношений укрепляется значение родовой верхушки и племенной знати. Береговая торговля, ускоряя разделение труда и развитие частной собственности, стимулирует и рост межродовых и меж-

племенных связей. Связи, возникавшие первоначально на базе «эйлажного» скотоводства и слабого междуобщинного обмена, укрепляются. Транзитная торговля ускоряет процесс становления племен, занимающих определенную территорию и приобретающих, путем скрещения и расщепления многообразных языков мелких этнических групп, единый язык и единую культуру.

Становление племен подготовлено всем предыдущим ходом развития – расширением пастбищ, возрастанием плотности населения и прочими условиями, характерными для эпохи образования сельских общин, о которых говорилось в начале этой главы. В эту эпоху «война является регулярной формой сношений, которою занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственном возможном для них традиционном способе производства, создает потребность в новых средствах производства (Архив М. и Э., I, стр. 247).

Учащение военных столкновений с целью захвата рабов, скота и пастбищ, все более выдвигает племенных вождей-военоначальников (абх. «арəза»). Выражая интересы социальной верхушки, они укрепляют свою власть над местными сельскими общинами.

Античные писатели называют этих племенных вождей «базилевсами». В этом значении «базилевс» – не царь, как неправильно переводят этот термин большинство старых ученых, а именно «племенной военоначальник».

«Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже их слияние, а тем самым слияние раздельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военоначальник народа – rex, bazileus, thiudans – становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не было. Военоначальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становится теперь регулярным функциями народной жизни» ... (Энгельс. Происх. семьи... С. 193.)

В I веке до нашей эры племена Западного Кавказа, переживающие эпоху становления, уже имеют общественный строй, именуемый Энгель-

сом «военной демократией». Греческий географ Страбон указывает, что «иниохи» имеют 4 «базилеса», а у «соанов» есть «базилес» и совет из 300 чел., а войско они набирают до 200.000, ибо «все население отличается воинственностью, хотя бы и не было в строю». Правители греческих колоний, втягивая местных племенных вождей в сложные политические комбинации и натравливая их друг на друга, способствовали усилению их власти и стремились подчинить их своему влиянию. Но «колхидские» колонии греков не имели достаточных сил для полного захвата всей территории «Колхида» (тем более, что «Колхида» была в значительной мере условным понятием).

Во II веке до нашей эры могущество Греции падает. На смену приходит Рим, который начинает вести активную воинствующую политику на востоке. В 146 г. до н. эры Македония объявляется римской провинцией. Через 10 лет такая же участь постигает всю Грецию.

Черноморские греческие колонии хиреют. Херсонес и Боспорское государство переживают острейший экономический и политический кризис. Они не могут сопротивляться давлению консолидирующихся скифских племен, от которых греческие колонисты вынуждены откупаться особыми «дарами» или даже уплачивать определенную дань. Сначала Херсонес, а затем – около 110 г. до н. эры – и Боспорское государство передают себя в руки более мощного Понтийского государства. Понтийский царь Мифрадат Евпатор значительно расширяет пределы своего государства.

В 88 г. до н. эры Мифрадат начинает борьбу против Римской агрессии. Потерпев поражение в Малой Азии, он, однако, не теряет духа и готовится к новой войне. Античные авторы указывают, что Мифрадат, владевший名义上 огромной территорией на южном, восточном и северном берегах Черного моря (от Синопа до Крыма), «сумел составить войска из каких только мог племен» (М. Туллий Цицерон – «Речь о Помпее», IV, 9). Это показывает, что Мифрадат стремился вовлечь в борьбу с Римом и местные племена, в частности – населяющие нынешнюю Абхазию и Мегрелию («Колхида»), вождей которых манила богатая добыча (захват рабов, скота, оружия), а также подарки самого Мифрадата.

В 66 г. до н. эры Мифрадат снова открывает военные действия, но разбитый на р. Евфрате римскими легионами известного полководца Помпея, отступает на север. Есть сведения о том, что зимой 66–65 гг. до н. эры Мифрадат с остатками своего войска оставался в течение нескольких месяцев на берегу бухты Диоскурии, а затем уже отступил в Боспорские владения (берега Керченского пролива), где в 63 г., обессиленный восстанием, которое поднял против него его сын Фарнак, покончил жизнь самоубийством. Римские легионы Помпея, преследуя Мифрадата, прошли через «Колхиду» и достигли «земель иниохов», т.е. выдвинулись и на территорию современной Абхазии. Античные авторы говорят, что Помпей на местные племена «колхов», «иниохов» «действовал то страхом, то убеждением» (Дион Кассий. История Рима. XXXVII, 3). Это свидетельствует о том, что местные племенные вожди, после поражения Мифрадата на р. Ефрат очень быстро оставили его и не сопротивлялись сильной армии Помпея, а порой даже заключали союз с ним, признавая формально римский протекторат.

Быстрые переходы местных племенных вождей, то на сторону одного, то другого противника, лишний раз свидетельствует об отсутствии прочных государственных образований на Западном Кавказе, ибо местные жители, очевидно, находились еще на той стадии развития, когда для только что выделившейся среди них социальной верхушки «война... ведется... ради чистейшего грабежа, становится постоянным промыслом»... (Энгельс. Происхожд. семьи. С. 194).

Эти грабительские войны, как справедливо указывает Энгельс, усиливают, что Помпей, победив Мифрадата, армянские земли и Колхиду разделил между базилевсами, которые оказали ему помощь на войне» (Страбон, XII. 3,1). Разумеется, тот «базилевс» – племенной военачальник, который пользовался теперь покровительством римлян, значительно укрепил свой авторитет, как внутри своего племени, так и среди соседей. Римляне, конечно, были заинтересованы централизовать свою власть над местными племенами, находя удобным поставить во главе их преданного им военачальника. Так, например, Помпей утвердил над всеми племенами «колхов» базилевса Аристарха (см. соч. Евтропия, VI, 14). Этот Аристарх, вероятно, эллинизированный или романизирован-

ный представитель местной племенной знати, достиг такой власти, что стал даже чеканить монеты с греческой надписью «Аристарх – базилевс Колхиды».

В 48 г. до н. эры сын Мифрадата Фарнак, в свое время перешедший с частью Понтийского войска на сторону римлян, подымает мятеж против последних.

С большой армией, собранной им в Боспоре, присоединив к себе местные племена северной части черноморского побережья Кавказа, Фарнак вторгается в «Колхиду», опрокидывая малочисленные римские гарнизоны и отряды племенных «базилевсов». Рим высыпает против Фарнака легионы знаменитого Юлия Цезаря, который в 49 г. н. эры и одерживает над Фарнаком блестящую победу в Малой Азии на р. Галис (ныне река Кизил-Ирмак). Рассказывают, что об этой своей победе будто бы Юрий Цезарь сообщил в Рим тремя словами – «пришел, увидел, победил». Разбитый Фарнак бежал в Боспор (ныне Керчь), где и был убит своим соратником Асандром. Крупные события, разыгравшиеся на территории Западного и Южного Кавказа в I веке до н. эры окончательно подорвали былое значение греческих колоний. Самые крупные из них – Диоскурия и Питиунт – были разрушены дотла во время военных действий, причем римский писатель Плиний указывает, что «Питиунт ограблен иниохами».

Утвердив свое владычество на кавказском побережье, после разгрома Мифрадата и Фарнака, римляне подкрепляют его постройкой укреплений и расстановкой сильных военных гарнизонов. Римляне строят на побережье нынешней Абхазии сильную крепость Севастополис (на месте бывш. Диоскурии или на берегу Сухумской бухты). Затем, восстанавливают укрепления Питиунта. Численность римских гарнизонов на побережье Кавказа достигает на пороге нашей эры до 3.000 «тяжеловооруженных» солдат, т.н. «гоплитов». В то время это была очень крупная сила.

Римский полководец Агриппа с гордостью заявлял, что «иниохи, и колхи, и племя тавров, и боспораны, и народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуется теперь трем тысячам гоплитов, а сорок военных ко-

раблей создали спокойствие и мир на диком море (Черном море. – А.Ф.), по которому прежде нельзя было плавать ...» (см. «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, II, 16, 4).

Действительно, сильные римские гарнизоны и военные корабли, которые крейсировали у побережья, гарантировали возрождение береговой торговли. В эпоху греческой колонизации нормальный ход торговли сильно подрывался пиратскими набегами местных племен. Еще Страбон жаловался на то, что: «Иниохи, выходя в море на своих «камарах» и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность, или даже город, господствуют на море».

Теперь военное могущество римлян на побережье содействует свободному развитию торговли. Под защитой римских крепостей снова расцветает береговая торговля. По-прежнему важнейшую статью экспорта составляют сырье и рабы, а импорта – соль, металлические изделия, посуда и пр. О значении «Колхиды» для римской экономики образно говорит римский поэт М. Манилий: «Ради желудка ездят дальше, чем для военной службы: нас кормят побережья Нумидов и леса Фасида (Риона. – А.Ф.), мясопродукты (*macellum*) вывозятся оттуда, откуда было по новой поверхности моря привезено золотое руно» (Астрономия, lib. V, 376–378).

Замечание Манилия лишний раз подчеркивает первостепенное значение, которое имело скотоводство в народном хозяйстве и береговой торговле тогдашних обитателей Абхазии и Мегрелии.

Но владычество римлян было прочным лишь на самом берегу моря. Как только уходили крупные римские легионы, влияние Рима во внутренних районах Западного Кавказа значительно падало.

Если римская колонизация побережья в известной мере сковывала рост производительных сил местной экономики, то развивавшаяся на базе этой колонизации транзитная торговля действовала в обратном направлении, ускоряя процесс разложения доклассовых отношений и укрепляя межплеменные связи.

В первые века нашей эры наблюдаются первые попытки создания крупных племенных объединений. В противоположность греческим авторам позднейшие римские писатели все чаще употребляют термины,

обобщающие раздробленные этнические группы в более крупные создания. Сначала это – «иниохи», «колхи», «мосхи», «иберы». Затем выдвигаются «лазы» и «абсили», позднее – «авасги». Хотя римский писатель Плиний (I век) еще указывает: «племена иниохов под разными названиями» (VI, 5), подчеркивая, очевидно, условность этого обобщающего термина и, значит, непрочность данного племенного образования.

Географически эти племенные объединения распределялись примерно следующим образом:

- 1) территорию будущей Абхазии, Адыгеи и Кабарды (эпохи феодализма) занимают «иниохи»;
- 2) с юга с ними тесно соприкасаются «колхи», занимающие территорию будущей Мегрелии,
- 3) верховья р. Риона и нагорья Месхийского хребта населяют «мосхи»;
- 4) восточнее «мосхов» – «иберы», занимающие территорию остальных районов современной Грузии;
- 5) территорию современной Осетии, нагорья Северного Кавказа и долину верхней р. Кубани – «аланы»;
- 6) восточнее «иберов» – «албаны» (территория соврем. Азербайджана).

При этом, надо отметить, что среди этих племенных наименований выдвигаются, впоследствии заменяя их, новые, как-то среди «иниохов» – абсили, авасги, абаски, а среди «колхов» – «лазы». Здесь мы имеем не просто уточнение терминологии («иниохи» – произвольное греческое, а «абаски», дескать, подлинно местное самонименование, равно как «колхи» и «лазы»), а отражение реального процесса становления племен, происходящего в эту эпоху. Выдвигаются особые социальные группы, которые распространяют свои прежние родовые самоназвания, часто имеющие еще тотемические корни, на все подчиненное ими власти племя. Так именно образуется племенное название «абаски». Сначала – это тотемическое название какого-либо сильного рода, выдившего военных вождей и этим еще более выделившегося среди других родов племени. Затем – это уже обобщающее племенное название племени, возглавляемого вождями из рода, носившего это имя.

Становление племен, как уже говорилось выше, происходит на основе углубляющегося общественного расчленения. Конечно, не все племена развиваются одинаково. Очевидно, впереди других в первые века н. эры идут иберы и лазы, проживавшие как раз на великом торговом пути, пролегавшем по долинам р. Риона и р. Куры, и дальше через Иранское нагорье в Персию и Индию. У иберов разложение первобытно-коммунистических отношений привело в эту эпоху к выделению определенной социальной группировки, к которой принадлежали так наз. «эристави» (груз. eris tavi, что значит «глава войска – народа», т.е. одновременно – военачальник и племенной вождь). Их господство сменило, но на более расширенной основе, первоначальную родовую власть в лице родовых старейшин – «мамасахлиси» (груз. mamasaxlisi, что значит «отец дома»). Академик Н.Я. Марр утверждает, что термин «эристави» весьма древнего происхождения и рассказывает его историю следующим образом:

«erî, по-грузински воспринимаемый лишь как “народ”, “войско”, “нация” и т.п., на самом деле было названием определенного “класса” (при анахронистическом перенесении на архаические, качественно иные организации названий позднейших социальных форм – “сословий”) с присущей ему функцией производства, а не наследственных и иных правомочий, и главари этого класса в Грузии “er-is-tav-i” – “главы эра”, лишь впоследствии “князья”» ... (Избр. соч. Т. I. С. 328).

Эта социальная верхушка нуждалась уже в особых органах подавления и управления. Она закладывает основы государственности. Выдвигается «мепе» (груз. тере), именуемый пышным титулом «царь царей». При нем имеется особый главный военачальник и судья. Вокруг него группируется привилегированная верхушка, эксплуатирующая рабов и обладающая рабами. Но еще существует масса свободного населения, только что выходящего из колыбели родового строя и не оторвавшегося от пуповины первобытно-коммунистического общества. Классовое устройство еще не получило полного завершения, а потому нет еще законченного государства. Однако римские колонизаторы вынуждены считаться с «царем царей» – «мепе», и один из них – Фарасман – даже путешествует в Рим для установления личных связей с римским прави-

тельством. Племена, населявшие нынешнюю Абхазию, в тот период отставали в своем развитии от иберов, но тем не менее их военачальники также входили в сношения с римскими колонизаторами. Римский писатель Арриан (II век) перечисляет: «Базилевс иниохов – Анхиал, базилевс лазов – Маалас, апсилов – Юлиан, авасгов – Рисмаг», и утверждает, что все они «получили власть» от римского императора. Следовательно, римское правительство утверждало племенных военачальников – вождей – своими наместниками, не вмешиваясь в их внутреннее дела, но облагая данью. Однако последняя выплачивалась неаккуратно. Об этом сожалеет Арриан и с великодержавным презрением добавляет: «Бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны» ... (цит. по книге Д. Гулия – стр. 263).

Однако, римляне не в силах были расширить пределы своего владычества на Кавказе и снаряжать карательные экспедиции.

Величественная римская империя, раздираемая внутренними противоречиями, порожденными глубоким кризисом всей рабовладельческой системы производства, подвергается в это время нашествиям германских и скифских племен. В середине III века скифы совершают набеги на черноморские римские колонии, в результате которой гибнет самая крупная из римских колоний на побережье нынешней Абхазии – Питиунт. Слабость римлян чувствуют и местные кавказские племена. Они тоже начинают вооруженную борьбу племен, во главе с аланами, снова подвергают опасности разгрома восстановленный было Питиунт.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ И ИХ БОРЬБА С ВИЗАНТИЕЙ

Византийская колонизация

Распад огромной Римской империи, рабовладельческая основа которой была подорвана революцией рабов, проявлявшейся в особой манифестирующей форме на протяжении многих столетий, привел в IV веке к разделению ее на две самостоятельные части – Западную и Восточную. Западная Римская империя вскоре (в начале 5 века) окончательно пала и на ее развалинах начал складываться западноевропейский феодализм. Восточная Римская империя, столицей которой сделался отстроенный в 330 г. на месте древнегреческой колонии Византии, город Константинополь, существовала еще более тысячи лет.

В Восточной Римской империи, называемой самими византийцами «Ромейской», очень скоро римская культура уступила место греческой, которая была национальной культурой господствующей социальной верхушки населения. Византийская империя унаследовала почти все римские владения на Средиземноморье и берегах Черного моря. Могуществу Византии способствовало дальнейшее развитие торговли. Столица обширной империи – Константинополь – была центром великих торговых путей.

Однако на Черноморском побережье Кавказа византийцам приходилось встречать уже упорное сопротивление со стороны местных племен. Для обеспечения береговой торговли византийцам необходимо было держать гарнизоны в реставрированном Питиунте и вновь построенной (очевидно тоже на развалинах римского укрепления) крепости Анакопии.

пия (вероятно, нынешняя Псырцха). Византийцы стремились установить свой протекторат над местными племенами и обеспечить получение дани, пуская в ход всевозможные средства от оккупации отдельных районов и коррупции племенных вождей до религиозной пропаганды.

Деятельность византийских миссионеров, развернувших широкую пропаганду христианской религии на кавказском берегу Черноморья, укрепила политическое влияние Византии среди местного населения. Конечно, новая (христианская) религия воспринималась коренными жителями Кавказа через призму свойственных им древних религиозных представлений и сколько-нибудь глубокие корни пустила только лишь среди правящей социальной верхушки. Наибольшего подъема пропаганда христианства достигла на территории Абхазии в VI веке, когда византийский император Юстиниан установил даже епископские кафедры в Питиунте и Анакопии (536 и 541 гг.). Епископы были в то время не только высшими чинами церкви, но и государственными представителями, игравшими роль политических советников.

Соперником Византийской империи на Кавказе и вообще на Ближнем Востоке была Персия. Борьба между Византией и Персией была естественным продолжением борьбы между Персией и Римом. Великий торговый путь на Восток пролегал как раз по долинам рек Риона и Куры. Закавказье, таким образом, было «яблоком раздора» между двумя могущественными государствами.

Пользуясь упадком Римской империи, Персия в IV веке закрепляет захваченную ею Армению и устанавливает протекторат над восточной частью Иберии. Позднее вся Иберия попадает под власть Персии.

Для борьбы с Персией Византия подготавливает себе плацдарм на Черноморском побережье Кавказа. В эпоху Юстиниана на берегу Черного моря византийцы строят сильную крепость Петра (точное местонахождение ее пока не установлено – или в районе Батума, или Поти). Византийские колонизаторы втягивали в борьбу с Персией местные племена, укрепляя авторитет племенных вождей и выдвигая тех из них, кто был надежным союзником. Этим Византия способствовала возникновению эфемерных, непрочных племенных образований. Так, в V веке на побережье Черного моря выдвинулись вожди лазов, один из которых Губаз

становится главой обширного племенного объединения, называемого в византийских источниках «Лазикой».

Акад. Марр указывает, что «Лазика обнимала не нынешний лишь Лазистан, а и восточное побережье Черного моря с нынешней Гурией, Мингрелей и даже Имеретией» (Н.Я. Марр – «Крещение армян и т. д.», З. В. О. Р. А. О., XVI, 166).

В состав Лазики входила и нынешняя Абхазия. Губаз сумел подчинить своему влиянию и племена абасков-авасгов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI век) отмечает, что «авасги были издревле подчинены лазам, но всегда имели двух базилевсов из своих»... Очевидно, абаски-абхазы не очень охотно шли под власть лазских вождей из рода Губазов и последним приходилось нередко прибегать к суровым мерам административного воздействия для укрепления своего авторитета. Ярким свидетельством гегемонии лазов на побережье Черного моря, в том числе и Абхазии, служит старинная абхазская поговорка, приводимая Д.И. Гулия: «Междуд людьми нет хуже лаза, между птицами – сойки, между деревьями – вишни и между животными – осла». Здесь находит выражение протест широких масс абхазских племен против владычества лазских военачальников, узурпировавших власть с помощью Византии. Характерно, что правители Лазики были из рода Губазов, а в Абхазии в Гудаутском районе и по сей день живет крестьянская фамилия Губаз. Последняя, очевидно, получила свое наименование от родового названия этих древних властителей Абхазии – лазских военачальников, в смысле «подвластные Губаза» – «Губазовы». Лазика была стратегическим плацдармом Византии в борьбе с Персией. За овладение Лазикой продолжались кровопролитные войны.

В конце V века в Иберии поднимается восстание под руководством Вахтанга Гургаслана, направленное против Персии. На короткое время Иберия становится независимой. Вахтанг Гургаслан распространяет свое влияние и на Абхазию, стремясь включить в свои владения всю территорию, называемую в древних грузинских памятниках – «Эгриси».

Под этим термином в старину понималась почти вся территория Западного Закавказья.

«Теперь грузины мингрельцев видят лишь в обитателях нынешней Мингрелии, но из древних грузинских памятников видно, что грузинам

было известно значительно более широкое значение термина «eger». От этой основы произведено название «egr-is-i», под которым понималась вся Западная Грузия, с включением нынешней Имеретии, Грузии, Имерхева и пр.» (Н.Я. Марр – «Крещение и т. д.», 169).

Однако попытка Вахтанга Гургаслана не удалась. В 532 г. Персия уничтожает автономию иберских владетелей и окончательно превращает Иберию в свою провинцию, во главе которой становится персидский сатрап Марznak.

Борьба абхазских племен с Византией

Весь VI век был заполнен ожесточенной войной между Персией и Византией. Государство персидских царей из династии Сасанидов в первой половине VI века достигает наивысшего расцвета. Персидский царь Хозрой (Хозров) Ануширован (531–579), укрепив свой авторитет, как абсолютный монарх, внутри страны, со всей силой обрушился на Византию. С огромной армией он в 550 году вторгнулся в пределы Лазики. Вожди лазских племен изменили Византии. Один из военноначальников Хозроя – Хориан – двинулся с многотысячным отрядом из долины р. Риона на север, в нынешнюю Абхазию. Византийские гарнизоны, стоявшие на побережье Абхазии, отступили без боя, предварительно разрушив все укрепления Питиунта и других крепостей.

Хориан, удовлетворившись этим, вывел свой отряд из Абхазии. Однако через несколько месяцев один из персидских полководцев Набед вновь явился в Абхазию, заставив верхушку абхазских племен дать твердое обещание не помогать Византии. Для подкрепления верности этого обещания Набед, уходя из Абхазии, взял с собой 60 заложников – детей «знатнейших мужей страны».

В эти же годы упорной борьбы Персии и Византии из-за Лазики происходят крупные события во внутренней жизни Абхазии.

К этому времени уровень хозяйственной деятельности населения стал уже значительно выше. На побережье и в нагорных районах поучило развитие плужное земледелие. Основной с.-х. культурной было про-со. Распространено было виноградарство и приусадебное плодоводство.

Наряду с этим первенствующее значение все еще имело скотоводство, не потерявшее своего древнего «эйлажного» характера. Окончательно укрепилось мелкое парцеллярное хозяйство, основательное на частной собственности, развитие которого, хотя и сочеталось еще с отдельными формами уже взорванного окончательно родового строя. Экономическое расслоение и классовое неравенство достигло того уровня, на котором племенная знать (семьи военноначальников и старейшин) не ограничивается эксплуатацией рабов, а все более стремится осуществить получение прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения от попадающих в зависимость от них ранее свободных членов сельских общин. Внутри сельской общины, («акәта»), на этой основе обостряются противоречия между экономически мощной и политически влиятельной правящей верхушкой и остальной массой населения. Еще нет детализации в социальной структуре общества. Еще не видно сословной иерархии, свойственной развитому феодализму. Но уже налицо резко классовое деление на две основных группы: эксплуататоров и эксплуатируемых. Абхазские термины «ахәларшы» и «ахәіршә» от «ахә» – «голова» и «аршра» – «смотреть» т.е. «главный» и в то же время «смотрящий» – «наблюдающий» – «управляющий» «ахәірбә» – объект «наблюдения» – «управления», т.е. «управляемый» – «зависимый».

В обстановке великих войн VI века, когда территория Западного Закавказья служила ареной опустошительных военных экспедиций то персидских сатрапов, то византийских полководцев положение трудящихся членов сельских общин ухудшалось параллельно укреплению классового господства выделявшихся из племенной верхушки «ахәларшы». Военный грабеж сделался обычным явлением. Военные вожди местных племен, участвуя в борьбе Персии с Византией, то на стороне одного, то другого противника, умножили свое богатство военной добычей. Береговая торговля, в особенности работторговля, также увеличившая доходы эксплуататорской верхушки, толкала в свою очередь к новым военным набегам.

Ясно, что масса мелких собственников в подобной обстановке еще сильнее ощущала неизбежность своего закабаления, но тем более не могла спокойно мириться с этой перспективой. Несомненно, не раз трудящиеся члены сельских общин активно сопротивлялись захватнической,

уазурпаторской политике эксплуататорской верхушки. Византийский историк Прокопий Кесарийский упоминает об одном значительном эпизоде начинавшейся классовой борьбы.

«Аvasги (абаски-абхазы. – А.Ф.) издревле были подчинены лазам, но всегда имели двух князей из своих. (Прокопий употребляет этот термин, но очевидно содергание его в этом случае почти равнозначно первоначальному понятию «*basileusa*», как племенного вождя-военномачальника. – А.Ф.), из которых один управлял западной частью страны, а другой – восточной. Эти варвары даже до моего времени создавали почитание рощам и лесам по причине грубого невежества, считая деревья за богов. Вследствие корыстолюбия князей они страшно от них терпели. Князья торговали кастратами из детей подданных своих, сбывая их в Константинополь. Весьма многие евнухи в Империи (Византийской. – А.Ф.) и даже во дворце императора были родом авасги. В царствование императора Юстиниана... они приняли христианскую веру... Юстиниан построил и храм Богометрии у авасгов и назначил им епископа и священников, и сделал все, чтобы они изучили христианские обычаи. Уничтожив обоих князей, авасги начали жить свободно... (Прокопий – «Войны Готские», IV, гл. 9).

Конечно, апологет Византийской империи, ее официальной христианской религии и ее «цивилизаторского» влияния, Прокопий Кесарийский проявил в этом отрывке: во-первых, свое великодержавно-презрительное отношение к «варварам» – авасгам, во-вторых, свое преклонение перед «благораживающей» ролью христианской религии, распространение которой будто бы «облегчило» положение авасгов. Если откинуть эту мишурку, вырисовывается истинная сущность описанных Прокопием событий. Возмущение основной массы трудящихся против эксплуататоров, захватчиков и работогровцев достигло предела. Оно вылилось в мощное восстание мелких собственников, свободных и полусвободных, закончившееся свержением власти племенных военномачальников.

«Аvasги начали жить свободно» ...

Но можно ли было повернуть обратно колесо истории? Можно ли было вернуться назад к идиллическим временам процветания родового строя, когда не было ни богатых, ни бедных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, не было господствующих и подчиненных?

Нет, невозможно. Сами восставшие мелкие собственники никогда не согласились бы в то время на уничтожение частной собственности, глубоко проникшей в недра общественной жизни. А совместить частную собственность с патриархальными порядками, с первобытным равенством, с бесклассовыми отношениями было невозможно.

Невозможно было и долго оставаться без военоначальников, без военных вождей, в обстановке, которая окружала тогда Абхазию, озаренную заревом великих войн, Абхазию, у берегов которой крейсировали военные корабли византийских захватчиков. И потому, через некоторое время, когда византийцы снова «старались подчинить страну эту и наложили на жителей некоторые новые подати, авасги... опасаясь, чтобы совершиенно не сделаться рабами греков, опять поставили себе правителей из своих: Апсита – в восточной (части), а Скепарна – в западной ...» (Прокопий, там же).

Новые правители начали «тайные сношения с персами. Когда узнал об этом Юстиниан – он приказал своему полководцу Бесу идти на них со значительным войском. Собрав много войска и назначив Улигага и Иоанна (начальниками), он послал их на кораблях против авасгов. Один из правителей авасгов, именно Скепарн, в то время был у персов, вызванный незадолго до того Хозроем, а другой, узнав о нашествии греков, собрал всех авасгов и решил их встретить» (Прокопий, там же).

Захватническая политика византийских колонизаторов получала, следовательно, теперь солидный отпор со стороны местных племен. Борьба с Византией стимулировала обширные племенные союзы. Прокопий указывает прямо, что под знаменами Апсита собирались «все авасги».

Почва для племенных союзов была уже подготовлена внутренним развитием местных общин. Эйлажное скотоводство, транзитная торговля, совместное участие в военно-политических комбинациях, то Византии, то Персии, уже значительно сплотило разрозненные этнические образования Западного Кавказа.

«Слияние родственных племен становится уже необходимостью» (Энгельс). Становление абхазо-адыгейских племен становится реальным фактом.

Территория, населенная ими, представляла тогда «обширный район, доходя на севере, по всем видимостям, до Анапы» (Марр – Избр. соч.,

т. I, 75). Еще и сейчас заметна тесная языковая связь абхазов и черкесов (адыге). Но в те времена эта связь была еще теснее, ибо чувствовалось общая «яфетическая» основа. Племенные и географические названия говорят о том, что становление абхазо-адыгейских племен происходило на широкой территории по обе стороны Главного Кавказского хребта, от Анапы до Эльбруса.

Именно в эту эпоху, в первые века нашей эры, очевидно, началось образование таких абхазо-адыгейских племен, как: садзы и абадзехи (с общей основой «adz»), бжедухи и абжюа («bz»), псху, ахчипсху и шапсуги («ps»), и т.д., которые впоследствии слились в два единых народа – абхазы (апсуа) и адыге – еще долго сохранявшие, однако, внутренние различия. Таким образом, становление племен было результатом всего предшествующего социально-экономического развития. Борьба с Византией лишь способствовала созданию племенных союзов. Отряды византийских полководцев Улигага и Иоанна высадились на берегах Абхазии. Решающее сражение произошло у подножья горного отрога, вплотную подходящего к морю. Прокопий называет это место «Трахея», т.е. узкий проход. Трудно сказать, где именно находилась эта «Трахея». По описанию Прокопия, местонахождение ее можно определить или у современных Гагр, или у Псырцхи, или в устье р. Келасури. В упорном бою у «Трахеи» абхазы были разбиты. Но при продвижении византийцев внутрь страны, им приходилось преодолевать сильное сопротивление. Все население защищалось против захватчиков. Прокопий достаточно ярко рисует картину жестокого избиения местного населения византийской карательной экспедицией.

«Дома, стоящие друг от друга не в дальнем расстоянии, представляли как будто укрепленную стену. Аvasги, засевшие в домах, оборонялись всеми силами, сверху осыпая противника стрелами... Их положение стало ужасным, когда грекам пришла мысль зажечь дома (авасгов). Через это они получили полную победу. Аpsит вместе со многими бежал... в Кавказские горы. Прочие или погибли в огне, или попали в руки врагов. Жен княжеских со всеми детьми захватили греки, и, сравняв стены укреплений с землей, далеко распространили опустошение» ...

Методы византийской колонизации представляли, таким образом, сочетание коммерческого влияния и религиозной пропаганды с воору-

женным захватом и насилиями военных карательных экспедиций, опустошивших самые производительные нагорные районы страны. Разумеется, чем теснее объединялись между собой местные племена, чем более росла экономическая и военно-политическая сила племенной знати, тем ярче развивалась идея о свержении иноземного гнета византийских колонизаторов.

Поражение освободительного движения в 50-х годах VI века не могло приостановить тенденцию к самоопределению, развитие которой было обусловлено могучими процессами внутреннего исторического развития абхазо-адыгейских племен. В начале VII века продолжаются восстания против византийских колонизаторов.

В то же время снова разгорается пламя войны между Персией и Византией. Кроме того, к границам византийских владений в Азии подходит новый враг, еще более страшный, чем Персия – арабы. В этой обстановке византийское правительство решает предоставить абхазским племенам автономию, для того, чтобы закрепить их за собой в качестве союзников. Около 620 г. византийский император утверждает одного из абхазских племенных вождей Леона (Левана) своим наместником («куропалатом») и передает ему крепость Анакопию, представлявшую самый сильный военный форпост Византии на побережье Абхазии.

Леон (Леван), объединивший, очевидно, под своей властью многие абхазо-адыгейские племена, действительно оказывает Византии помощь в борьбе с Персией.

В VII веке против Византии по всему фронту начинают наступление арабы. Союз арабских племен, сложившийся в торговых центрах Западной Аравии (Мекка), сцепментированный объединяющим влиянием религии ислама, предпринял ряд крупнейших завоевательных походов. В 633 г. арабы начали движение вглубь иранского нагорья. В 650 г. они ликвидировали правление династии Сасанидов и окончательно завоевали Персию. Через 10 лет арабские авангарды выдвигаются на территорию Закавказья. Заняв Армению, они вторгаются в Иберию. Сломив сопротивление карталинских правителей Арчила и Мира, в 60-х годах VII века арабы захватывают Иберию, включая ее в состав так наз. «Ираншахра» – одну из частей государственного государства арабов – «Хали-

фата». В Малой Азии и на границах Лазики арабы ведут упорную борьбу с Византией.

Верхушка картвельских племен, сопротивлявшаяся наступлению арабов, ориентировалась на Византию, ища союза с находившимися под ее влиянием племенами Западного Кавказа – лазами, абхазами, адыге, и т.д. Карталинские правители Арчил и Мир нашли себе убежище в крепости Анакопия, находившейся теперь в руках абхазо-адыгейской племенной верхушки. Иммиграция картвелов из бывшей Иберии, захваченной арабами в VIII веке достигла значительных размеров, причем картлы-иммигранты переселяясь в бассейн р. Рион, вклинивались между лазами и мегрелами. Подорвавшее могущество и авторитет Византии нашествие арабов еще более содействовало развитию тенденции к эманципации местных племен Западного Кавказа. Среди них особо выдвигается племенное объединение абхазов-адыге, территории которого менее всего была подвергнута разрушительному влиянию византийско-арабской войны. В первой четверти VIII века абхазская племенная верхушка вновь пытается провозгласить независимость на всей территории, включающей и побережье, порвав всякие сношения с Византией. Правительство последней посыпает в Абхазию карательную экспедицию под командованием Льва Исаврия. Но Лев Исаврий не решился собственными силами бороться с абхазами и отправился к соседним аланам (населявшим современную Осетию и окружающую территорию), чтобы натравить их на абхазов. Он подкупает вождей аланов за 3.000 золотых солидов. Но глава абхазского племенного союза (абх. «ах»), узнав об этом, обещает аланам вдвое больше – 6.000 солидов, если они выдадут ему Льва Исаврия. Аланы согласились, но получив часть этой суммы и выдав Льва Исаврия, однако, вслед за этим напали на конвой, перебили абхазов и снова увели его к себе. Это вызвало сильное и кровопролитное столкновение между абхазами и аланами. Но, во всяком случае, карательные мероприятия Византии против абхазского племенного союза были сорваны и Лев Исаврий лишь впоследствии с большим трудом пробрался в Константинополь.

Для борьбы с арабами, постоянно совершившими набеги на территорию современной Западной Грузии, а также для укрепления своего авто-

ритета перед Византией, вожди абхазского племенного союза вступают в тесную связь с хазарами, создавшими в эту эпоху крупное племенное государство на Северном Кавказе.

Поддержка хазар еще более усиливала значение абхазского племенного союза.

Старой Иберии не существовало. Лазские племена были ослаблены войной с арабами и столкновениями с иммиграционным потоком картлов (картвелов). Становление абхазо-адыгейских племен в то время достигло того уровня, когда развитие производительных сил, взрывающих родовой строй, вызвало уже необходимость более тесного объединения.

В 786 г. глава абхазского племенного союза Леон (Леван) Второй провозглашает себя «государем» (абхаз. «ah°əntkar»¹), владетелем всей территории, находящейся под властью абхазских племен. Надо отметить, что местообитание племен и даже сами племенные образования в то время в точности не соответствовали современным категориям. Так, например, целый ряд данных свидетельствует о том, что в старину существующего ныне резкого деления на ветви – абхазскую и адигейскую – не было. Многие географические названия в современной Абхазии имеют окончания «рშ’»: *gagrə-pš’*, *zvandrə-pš’*, и т.д. В современном абхазском языке этот термин отсутствует, тогда как в современном адигейском «рშ’» означает «князь». Кроме того, в народном творчестве современных адиге (например, бжедухов) сохранились предания о том, что когда-то они жили в пределах современной Абхазии, именно – в бассейне р. Бзыби.

Но, так или иначе, отдельные племена были тесно связаны между собой, и территория, подвластная «ah°əntkar»’ Левану Второму была весьма значительных размеров.

Среди господствующей социальной верхушки («ахəlapšу») уже формировались феодальные элементы – будущие князья и дворяне (абх. «аамəsta», адиг. «рშ’и», и мегрельск. «jnoskua»). Они владели лучшими землями, захватывая общинные владения и участки разорившихся и обеднивших мелких собственников. Они накопляли в процессе грабительских войн эксплуатации рабов и зависимых все большие богатства.

¹ От араб. «hūnkar» – повелитель, владыка.

Внеэкономическое принуждение стало обычным приемом в руках этой господствующей группы.

Но все это происходило в условиях все еще крайне примитивного способа производства, основанного на мелком парцелярном земледелии, «элажном» скотоводстве и домашней промышленности.

Земледелец все еще взрыхлял отвоеванную от леса землю деревянной сохой-рогулей или даже мотыгой. Стада по-прежнему гонялись на летние пастбища в горы, где бродили под охраной вооруженных пастухов, которые, правда, теперь не столько стерегли их от диких зверей, сколько от двуногих хищников. Несложные предметы широкого потребления – шерстяные, льняные и хлопковые ткани, грубую глиняную и деревянную посуду – изготавливали почти в каждой семье. Только больше стало рабов и еще больше зависимых, потерявших личную свободу членов сельских общин, труд которых обеспечивали получение прибавочного продукта господами-владельцами.

Жажда накопления, стремление к умножению собственности и удовлетворению растущих потребностей правящей верхушки наталкивалась на примитивность способа производства. Это противоречие, возникавшее из низкой производительности труда, разрешалось расширением сферы эксплуатации, т.е. новыми завоеваниями, захватами новых земель, новых пастбищ, новых тысяч голов скота и новых рабов и зависимых, которые облагались данью или обязывались трудовыми повинностями.

Вот что толкало на завоевательные походы. Не просто грабеж, а грабительские захваты с целью разрешения основного противоречия, рожденного неразвитыми, примитивными формами производства. Маркс подчеркивает, что

«Есть традиционный взгляд, что будто бы в известные периоды люди жили исключительно грабежом. Однако, чтобы было возможно грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство». (К критике полит. эконом. С. 23)

Для главенствующей верхушки абхазского племенного союза сложилась к концу VIII века благоприятная обстановка для завоевательных походов.

Могущество Византии на берегах Кавказа было ослаблено. Внутренняя борьба подорвала систему арабского «Ираншахра». Арабы уже

с трудом подавляли активность армянских и картвельских феодализирующихся племенных образований. Но, в то же время, западно-картвельские племена были значительно слабее абхазского союза. В этой обстановке абхазский «*ах’энткар*» Леван II, опираясь на группировавшийся вокруг него господствующий эксплуататорский слой, и пользуясь поддержкой обширного хазарского объединения, сумел совершить победоносный завоевательный подход на юг, захватив всю территорию Западного Закавказья до Сурамского хребта. Центром абхазского племенного союза становится сначала Южная Абхазия (Бедия), а затем и Кутаис. Леван II применяет новейшую военную технику, заимствуя технические достижения византийского строительного искусства. В его войсках имеются военные советники-византийцы. Византийские мастера строят башни и укрепления. Эти завоевательные походы укрепляют господство выросшей социальной верхушки.

«Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. Грабительские войны укрепляют власть верховного военоначальника, равно как и второстепенных вождей: обычное избрание его преемников из одной и той же семьи переходит мало-помалу в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так, органы родового строя постепенно отрываются от своих корней... Родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей и, соответственно этому, его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа... Родовое устройство отжило свой век. Оно было разрушено разделением труда и его последствием – разделением общества на классы. Его заменило государство» ... (Энгельс. Происхождение семьи... С. 194 и 199).

На разраставшейся территории абхазского союза складываются новые общественные отношения. Роды и племена перемешались. Среди свободных жили рабы и зависимые. Выросли новые поселения. Появи-

лись новые рынки. Росто влияние христианского духовенства. Религия помогла господствующему слою цементировать новые объединения и освящала его могущество. Для господства на обширной территории в обстановке, наполненной обострившимися классовыми противоречиями, обычное родовое право не давало необходимых средств.

Возникает необходимость в государстве. Оно – «продукт непримиримости классовых противоречий» (Ленин), но оно же есть орудие господствующего класса эксплуататоров, орудие угнетения трудящихся.

Первым признаком государственной организации Энгельс считает «разделение подданных по территориальному признаку» (стр. 200). После перенесения своей резиденции в Кутаис, Леван II разделил всю завоеванную территорию на несколько административных областей, «эристава» (груз. eristavi), которому представлены были все права внутреннего управления. Это уже не племенные вожди, это категория администраторов нового типа. Феодальные тенденции, зародившиеся давно и таившиеся в недрах племенных образований, выявляются теперь со всей резкостью.

Племенные образования сменяются государственными. Абхазский племенной союз сменяется абхазским государством.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«АБХАЗО-КАРТВЕЛЬСКОЕ» ГОСУДАРСТВО

Становление государства

Внутреннее развитие абхазо-адыгейских племен обусловило разложение родового строя и, следовательно, создало возможности эксплуатации и угнетения. Предпосылки к образованию государства складывались давно. Завоевательные походы абхазского племенного союза лишь ускорили его становление, ибо со всей очевидностью выявились невозможность господства над обширной завоеванной территорией, разнородной и разноплеменной по составу населения, старыми методами, основанными на обычном родовом праве.

Однако носителям новой государственной власти приходилось преодолевать сопротивление как внешних врагов, еще весьма могущественных, так и внутренних противников.

Энгельс отмечает, что если «государство возникает, как непосредственной результат завоевания обширных чужих территорий», то это еще не означает окончательной ликвидации элементов родового строя.

«Но, так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства» ... (Энгельс. Происхождение семьи. С. 199–200).

Поэтому централизация государственной власти и установление новой администрации встречала нередко сопротивление со стороны отдельных представителей родовой знати в особенности в завоеванных районах. Они провоцировали широкие народные массы против нового государства и поставленных им «эриставов», прикрывая демагогическими рассуждениями о сохранении родового права свои истинные намерения, смысл которых заключался в нежелании делить получаемый прибавочный продукт с победившими завоевателями – носителями государственной власти.

В этом свете становится совершенно ясным характер ожесточенной борьбы, в пламени которой рождалось государство абхазских завоевателей.

Преемнику Левана Второго – Феодосию I, возглавлявшему новое государство в первую половину IX века, приходится дважды (в 841 г. и 843 г.) отражать византийские десанты, стремившиеся вновь захватить Черноморское побережье Кавказа. Феодосий I успешно справляется с этими рецидивами византийского захватничества и для подкрепления окончательного самоопределения нового абхазского государства от византийского влияния провозглашает автокефалию христианской абхазской церкви, т.е. самостоятельность ее и независимость ее от Константинопольского патриарха.

Но гораздо серьезнее был другой внешний враг – арабы. Феодосию I приходится неоднократно воевать с арабских эмиром, имевшем резиденцию в Тифлисе.

В 40-х годах IX века могущество арабов было подорвано мятежом тифлисского эмира Исхаака против Халифата. Пользуясь этим, на территории современной Грузии стали оформляться независимые племенные образования – Карталиния, Кахетия и др., внутри которых интенсивно развивались феодальные тенденции. Политическая зависимость от арабов прекращалась одновременно с отказом уплачивать дань и содержать арабских администраторов.

Однако халиф Мутевакиль не желал терять свои владения в Закавказье и послал против мятежного тифлисского эмира и отложившихся картвельских объединений сильную карательную экспедицию под начальством Буга.

Последний, быстро сломив сопротивление непокорных армянских и карталинских владетелей, опустошая все на своем пути, подошел к Тифлису, взял его штурмом и сжег, а эмира Исхаака убил.

Феодосий I двинулся было против Буга, но, потерпев ряд поражений у подножья Сурамского хребта, отступил вглубь страны. Преемник Феодосия I – Георгий – стремится укрепить государственную власть внутри страны. Он строит укрепления, сторожевые башни, храмы и монастыри, которые в свою очередь были и военными форпостами, и торговыми пунктами. Именно к этой эпохе относится начало постройки многих памятников, разбросанных и теперь в виде руин по Очемчирскому и Гальскому районам АССР Абхазии и в Мегрелии. Большинство этих памятников содержат определенное влияние византийского стиля. По этому поводу старики-абхазцы рассказывают, что эти башни «строил «aps-ha» («абхазский правитель» – «абхазский царь»), но руками греков. Возможно предположить, что абхазские государи действительно привлекли к постройке этих сооружений византийских специалистов строительного искусства, захваченных в плен или даже особо приглашенных. Завоевательные тенденции правящей и господствующей верхушки Абхазского государства наталкивались, прежде всего, на противодействие феодализирующихся элементов картвельских племен. Последние также в свою очередь проявляли завоевательные тенденции. Так, например, социальная верхушка Кларджетии (в бассейне р. Чороха), тесно связанная с византийским торговым капиталом, захватила в IX веке Месхетию (в южных районах нынешней Грузии). Абхазские государи в течение IX–X веков направляют свои удары против Карталинии и Кахетии. Один из них, Георгий, во второй половине IX века захватывает резиденцию карталинских владетелей – крепость Уплис-Цихе (близ нынешнего города Гори), объявляет Карталинию своим владением и назначает над ней наместника, носящего титул «эристава эриставов». Однако, карталинская племенная знать оказывает упорное сопротивление и последующим абхазским государям – Константину и Георгию II снова приходится утверждать свою власть над Карталиней силой оружия.

Только в первой половине X века Карталиния и Кахетия более или менее прочно включаются в пределы абхазского государства.

В результате этой обостренной внутрикавказской борьбы и завоевательных походов растет дифференциация в среде господствующего класса.

Из категории «ахəlapšy» уже выделились более крупные собственники «atauad» (от груз. «tavadi») и менее значительные «aaməsta». И те, и другие эксплуатировали попадавших в зависимость и завоеванных мелких производителей и рабов, но в то время, как первые сопротивлялись централизации государственной власти, вторые видели в единовластии государя сдерживающее начало против произвола крупных собственников. Значительное влияние приобрела церковь, высшие представители которой (епископы) были сами крупными собственниками, умножая свое богатство путем торговли и эксплуатации широких народных масс. Поэтому церковная верхушка впоследствии также оказывает противодействие единовластию государей. Зато торговые элементы, купцы, выделившиеся в процессе развития развернутого товарообмена между различными районами обширного по размерам государства, а также на основе роста транзитной торговли (Византия – арабы), были защитниками абсолютистской тенденции, ибо в сильной центральной власти, ограничивающей произвол «эриставов», они видели залог процветания торговли.

В конце X века происходит объединение Абхазского государства с наиболее картвельским образованием феодального типа – Тао-Кларджетией. Правитель последней Давид утверждает своим наследником племянника абхазского государя – Баграта, сделавшегося, таким образом, главой огромного государственного объединения.

Баграт, называемый по счету «третьим», сильно укрепил государственный аппарат, организовал наемные вооруженные отряды, т.е. регулярную армию, и, опираясь на мелкое дворянство, преимущественно абхазское и тао-кларджетское, сокрушил сопротивление крупных феодальных собственников, дважды пытавшихся поднять мятеж в Карталинии (восстание Кавтара Тбелина и Рати Орбелиани). В 1010г. Баграт III завоевывает Кахетию, обойдя Тифлис, в котором все еще сидел арабский эмир.

Баграт III в начале XI века предпринимает ряд завоевательных походов на Восток в союзе с армянским царем Хачиком, разрушая Гянджу и

Шамхор, находившиеся во власти арабских эмиров. Признав могущество Баграта III, византийский император дает ему титул куропалата. Это уже совершенно новое образование феодального типа, правда со своеобразной структурой феодализма, обусловленной конкретными историческими фактами – тем, что это государство вырастает в обстановке развивающейся транзитной торговли и в результате союзного объединения социальных верхов разных племенных образований.

Со времени Баграта III правители этого государства уже именуют себя пышным титулом «царя абхазов, картлов, кахов, лаков, армян и т.д.», т.е. присваивают себе титулы бывших правителей всех влившимся союзных и завоеванных племенных коллективов.

Границы этого союзного государства ширятся, но развитие его все еще протекает в обстановке жестокой борьбы государей-«царей» с местной знатью, светскими и духовными феодалами.

Преемнику Баграта III – Георгию III – приходится снова подавлять феодальные элементы, действовавшие в центробежном направлении, в Кахетии. Одновременно возникает необходимость обороны от византийской агрессии (1021 г.).

Но мощь этого государства уже не под силу сломить ни запутавшейся в противоречиях Византии, ни ослабевшим арабам. Еще Георгий III завоевывает Армению, а сын его, Баграт IV, в 1042 г. занимает Тифлис. Однако этот же Баграт IV под напором феодальной знати вынужден отречься от престола.

Но централизация государственной власти достигает высшего предела в эпоху царя Давида. Последний располагает 50.000-й наемной армией и развитым государственным аппаратом. Он осуществляет реформу церковного управления, отстраняя крупных духовных феодалов и заменяя их по существу покорными центральной власти чиновниками в рясах. Давид доводит границы своего государства до Дербента на востоке и персидского Азербайджана и Армении (включительно) на юге. Столица этого государства, включавшего теперь все Черноморское побережье Кавказа и весь Южный Кавказ и побережье Каспийского моря, переносится в окончательно отвоеванный от арабов Тифлис – крупнейший центр транзитной торговли.

Падение гегемонии абхазских элементов и децентрализация государства

В процессе становления союзного «Абхазо-Картвельского» государства господствующий социальный слой абхазских племен играл первенствующую роль. Даже о царице Тамаре, эпоха правления которой (1184–1212 гг.) была эпохой самого блестящего расцвета внешнего военно-политического могущества нового государства с соответствующим ростом хозяйственно-политического значения долины р. Курьи и Тифлиса, акад. Н.Я. Марр отзыается следующим образом:

«Тамара XII–XIII века – царица не одних грузин, не грузин «вообще», а определенных социальных слоев органически наросшей в процессе длительной жестокой борьбы союзной формации кавказских народов, начиная в первую голову с абхазов и затем грузин и отнюдь не исключая народов Северного Кавказа, в том числе и аваров» ... (Н.Я. Марр. В тупике ли история материальной культуры. С. 18).

Конечно, в строительстве нового союзного государства господствующая верхушка феодализирующихся картвельских племен, в частности – картлов, кахов и др. играла немалое значение и с боем сопротивлялась абхазской гегемонии. Особенно значительна была роль племенной верхушки Тао-Кладжетии с X века объединившей свои завоевательные тенденции с абхазской агрессией, что выражалось в утверждении союзным государством Баграта III.

Однако еще и Тамара в XII–XIII веках именует себя «царицей абхазов, картлов, кахов, армян и т.д.», причем акад. Н.Я. Марр отмечает, что «абхазы оказывались на первом месте отнюдь не только в титулатуре Тамары» (там же, стр. 20), т.е. абхазская знать имела еще большой удельный вес в государственной структуре царства Тамары.

И тем не менее по мере расцвета начатого абхазской социальной верхушкой государственного строительства, по мере роста обширной завоеванной территории, по мере усложнения хозяйственной основы и детализации классового расчленения общества, гегемония абхазских племен начинает падать. И дело здесь не в том, что абхазы количественно

уступают прочим племенным группам в общей 5-миллионной массе населения «Абхазо-Картвельского» государства эпохи Давида и Тамары. Основной причиной является то, что экономическими центрами нового союзного государства все более становятся этапные узловые пункты на великом торговом пути Южного Кавказа, который, начинаясь на побережье Черного моря, пролегал по долине р. Риона и р. Куры, разветвляясь в Тифлисе в восточном (Гянджа – Баку – Дербент) и южном (Армения) направлениях.

Именно здесь, в долинах Риона и Куры, складываются экономически передовые и мощные районы нового государства. Здесь процветает торговля. Здесь вырастают крупные города (Кутаис, Тифлис). Здесь земледелие преобладает над скотоводством. Здесь растут крупные феодальные поместья «тавадов». Здесь торчат кресты остроконечных башен наиболее широко известных монастырей (Гелати, Мцхети). Эти районы заселены трудящейся массой картвельских племен, но имеют древнюю культурную основу. Здесь, на пороге нашей эры и в первые века н. эры, существовала древняя Иберия. Здесь перекрещивалось персидское и античное, позднее – арабское и византийское влияния.

Абхазская племенная знать не располагала необходимыми средствами для господства в этих обширных, хозяйственно более передовых, районах. Но она не сразу отказывается от гегемонии. Она, завоевывая хозяйственно освоенные территории, вместе с населяющими ее картвельскими племенами, стремится обеспечить свое государство воспринятыми у последних идеологическими данными. Это противоречие между социально-экономической основой завоевателей и завоеванных разрешается в сторону последних. Официальным языком нового союзного государства становится картвельский (грузинский). Конечно, здесь оказала большое влияние и роль союзников – западно-картвельских феодальных элементов (Тао-Кларджетия).

Язык – важнейшее орудие политики. Абхазский язык того времени не был достаточным для государственного господства. Языком союзной абхазо-картвельской социальной верхушки стал новый картвельский язык. Это подтверждает сама история абхазского языка. Целый ряд терминов социально-юридического порядка как раз в эпоху становления

«Абхазо-Картвельского» государства сделался общим для абхазского и картвельского языков. Таковы, например: «atauad» – «князь» – (груз. «tavadi»), «akalaki» – «город» (груз. «kalaki»), «aul» – «долг», «обязанность» (груз. «vali»), «agalvan» – «ограда» (груз. «galavani»), «akaba» – «бешмет» (груз. «kaba»), «ajar – крест» – (груз. «jvari»). «asaxa» – «протрет» (груз. «saxe»), «abakaurec^oa» – особый административно-полицейский институт при владетеле для сбора дани, податей, и т.д. (груз. «bogauri»), «pxangloup» – специфическое выражение, обозначающее принадлежность к одной и той же социальной группе, напр., крестьян, дворян и т.д. (видоизмененное груз. «amxanago» – товарищ»). Самый абхазский термин «государства» заимствуется от арабского «hünkár».

Но этот официальный язык нового союзного государства не был древним иберским языком. Социально-экономический переворот – «скачок от мелких этносов-родов в своеобразный уклад феодального общества» (Mapp) – вызвал соответственно и небывалый культурный сдвиг, что отразилось, прежде всего, в языке.

«Но творческие силы самого сдвига, это выдвижение социально новых слоев в борьбе местных краевых культур с великодержавными, объединение различных национальных образований Кавказа – абхазов, сев. горцев, армян и курдов, независимо от вероисповедования, в одном хозяйственном строительстве, носящем лишь кличу национальную, на этот раз грузинскую» ... (Н.Я. Mapp. Грузинский язык. Б. С. Э., 19, 611).

Этот новый язык формируется в процессе жестокой борьбы за централизацию государства, борьбы организованной в государство массы феодалов с племенной знатью и «князьями церкви». Эта борьба заканчивается «феодализацией и классовой национализацией церкви» (Mapp), что находит свое отражение в выделении новой письменности, новой литературы.

«Выработалось рядом с христианским письмом церковным, по-грузински «хуцур», т.е. священническим, другое феодальное, по-грузински «мхедрул», т.е. всадническое, рыцарское, по технической природе наименования груз. феодальной знати m-xed-ar. Они уже социальный военный класс рыцарей-мхедаров вносят с собой в литературу и ее язык тра-

диции лишь в язычестве процветавшего эпоса. Возникает средневековая литература, в которой впервые письменно выступает и оформляется народный язык (грузинский. – А.Ф.) ... (Mapp, там же).

Официальное господство этого нового языка, выражаемого новой письменностью – «мхедрули», подтверждается памятниками материальной культуры, сохранившимися в самой Абхазии. Так, например, в христианском храме в сел. Лыхны, построенным не позднее XI века, имеется фресковая надпись, относящаяся к 1066 г. (царствование Баграта IV), написанная алфавитом «мхедрули».

В XII веке все еще продолжалась борьба с крупными феодалами – носителями идеи децентрализации государственной власти. В 1170 году царю Георгию III приходится с большим трудом подавлять карталинских феодалов во главе с Иваном Орбелиани, который занимал видную государственную должность, соответствующую понятию военного министра. Подавив восстание, Георгий III, однако, вынужден сделать ряд уступок церковным кругам, согласившимся на утверждение католикоса Микеля (католикос – высший церковный чин) первым министром своего государства.

Царица Тамара пыталась было сместить Микеля, но потерпела поражение. При поддержке Микеля большинство государственных должностей в центральных учреждениях было занято карталинскими феодалами. Это завершало падение роли абхазских и западнокартвельских элементов в системе центрального управления «Абхазо-Картвельского» государства. Большое значение имела здесь также активность представителей торгового класса, группировавшихся в Тифлисе и связанных с восточнокартвельским дворянством.

Конечно, и в эпоху Тамары, и после нее эпигоны абхазских завоевателей еще держались в Тифлисе, занимая высшие должности в государстве, но последнее все более принимало характер картвельского (грузинского) образования.

Наоборот, собственно Абхазия из центрального в политическом смысле района, каким она была в период завоевательных походов Левана II и даже от части Баграта III, все более превращалась в окраину огромного феодального государства.

Около 1125 года царь Давид утвердил эриставом Абхазии (в этнографических ее границах) одного тавада из фамилии Шервашидзе (Чачба), который являлся по существу типичным владельцем феодального типа. Внутри Абхазии окончательно торжествует победу феодальная собственность.

Процесс феодализации Абхазии стимулируется общим хозяйственно-политическим кризисом «Абхазо-Картвельского» государства и распадом его на отдельные единицы. Кризис этот был вызван разгромом Византии бандами западноевропейских феодалов – «крестоносцев», нашествием монголов и упадком транзитной торговли. В 1231–1232 гг. монголы разрушают Тифлис и оккупируют почти всю территорию Грузии.

В эту эпоху, в XIII веке, эристав Абхазии Датаго Шервашидзе (Чачба) добивается потомственных прав на Абхазию, а в XIV веке наследники его провозглашают отделение от Тифлиса и этим заявляют о своей независимости. Эта независимость оформляется юридически в XV веке, когда бывшее «Абхазо-Картвельское» государство под влиянием затяжного кризиса окончательно распадается на три крупных части: Кахетию, Карталинию и Имеретию, причем гурийские и мегрельские эриставы, по примеру Шервашидзе, отказались признать власть имеретинского царя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭПОХА РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

Экономика абхазского феодализма

К XIII веку на большей части территории Абхазии сложились феодальные отношения.

В основе феодализма лежит особый феодальный способ производства. Характерными признаками его является: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя необходимыми средствами производства, отношения личной зависимости, как выражение особой формы присвоения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения. Для феодальной экономики весьма характерно сочетание крупного землевладения с мелким производством. Мелкое раздробленное земледелие, соединенное с домашней промышленностью, составляет экономический базис феодализма.

Одним из условий и в тоже время следствием подобной формы хозяйства было «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой». (См. Ленин – том III, стр. 139–141).

Феодальный способ производства неизбежно отражает однородные производственные отношения. В качестве укладов в хозяйстве эпохи феодализма могут существовать старый патриархально-общинный уклад, рабовладельческий, а позднее – уклад товарного хозяйства. Процесс образования феодальной собственности, подготовленный всем предыдущим периодом разложения родового строя у абхазских племен, особенно усилился в эпоху завоевательных походов, в эпоху союзного «абхазо-картвельского» государства.

Развитие социального неравенства внутри сельских общин («акəта»), выделение «ахəlapşy», и «ахiərşə», раздача завоеванных территорий в условное владение «эриставам», затем утверждение наследственных прав «эристава», развитие вассальных отношений – личной

зависимости мелких «аамəста» от более крупных «атауад», а последних от «эристатов»-владетелей («ах»), все это звенья одного общего процесса. Но отношения личной зависимости устанавливались не только сверху, но и снизу. В обстановке беспрерывных грабительских войн, развивающейся работорговли и межплеменной вражды, самостоятельный мелкий собственник сам был вынужден становиться на путь личной зависимости, передавая себя и свою собственность в руки более мощной фамилии.

Зачастую бывало, что целые селения – сельские общины – отдавали себя во владение той или иной феодальной фамилии.

Так, например, сел. Блабурхва Гудаутского района, по рассказам стариков, долгое время бывшее свободным, передал затем себя под власть дворянскому роду Блабаа.

Точно так же и крестьяне сел. Отхара принуждены были отаться под власть князей (тавадов) Чачба, пригласив одного из них на «княжение» в Отхара. В Кодорском районе в сел. Атара старики Квициния рассказывают, что их деды жили раньше за Гаграми, в местности Хакуцчра, где они были свободными, но, переселившись в Атара и подвергнувшись систематическим набегам и нападениям, попали в зависимость от абжуйских (кодорских) Чачба.

Так развивался процесс превращения свободных сельских общин в зависимые владения – процесс не мирной эволюции, но записанный железом и кровью в истории абхазского народа.

В конце концов, прибрежная полоса Абхазии была поделена между феодалами. Тот или иной князь-«тавад» и «аамыста»-дворянин стал возглавлять зависимую от него общину.

О новых взаимоотношениях общин с феодалами интересно говорят адаты адыгейских племен (одинаковые, по существу, с абхазскими), собранные русскими администраторами в начале XIX века: – «п. II. Жители селений, кои находятся под покровительством князя, признают над собой его власть: он почитается владельцем селений и земель им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать; тот же аул (селение), в котором живет сам князь, считает своей собственностью, хотя и не имеет права распоряжаться со всеми жителями оного по своему произволу» ... (Адаты кавказских горцев, т. I, Одесса, 1882 г.).

Здесь бросаются в глаза осторожные и смягченные формулировки: «как бы своей собственностью» и «не имеет права со всеми распоряжаться произвольно». Объясняется это тем, что русских властей удивляла разница и отличие феодальных отношений у абхазо-адыгейцев от крепостнических отношений русской деревни. Отличие это и причина его будет ясна из следующей характеристики феодальной системы в Абхазии.

Абхазскому феодалу – «таваду» или «аамста» – в условиях слабо развитой техники и невозможности непосредственно вести крупное сельское хозяйство, совершенно незачем было отнимать землю, находящуюся в единоличном пользовании крестьян, или в совместном пользовании всех членов сельской общины – акыта.

Энгельс указал, что «в средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но... был принужден нести в пользу господина повинность трудом или натурой...» (Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. ГИЗ, 1928. С. 49).

Феодалу было гораздо выгоднее оставить землю в пользовании крестьян и сельских общин и, путем внеэкономического принуждения (личная зависимость), взимать натуральные повинности, увеличивая этим свое богатство и силу. Таким образом, феодальная земельная собственность в Абхазии была «лишь следствием собственности определенных лиц (тавадов и аамыста. – А.Ф.) на личность непосредственных производителей (крестьян) ...» (Маркс. Капитал. Т. III, ч. 2. С. 174).

– «Мои люди – значит моя земля», – так рассуждал тавад. Подобный характер аграрной системы феодального хозяйства имелся не только в Абхазии. Еще Маркс говорил, что в Западной Европе: «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялась не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа ленно зависимых крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» (Маркс. Капитал. Т. I. С. 575).

Поместье абхазского тавада или аамыста само по себе было невелико, оно мало отличалось от зажиточного крестьянского двора, но вокруг него были десятки хозяйств, обязанных натуральными повинностями, лично зависимых крестьян. Пример: поместье (ahtənra) тавада Маршания в сел. Джгерды не превышало по размерам полей и садов хозяйства

некоторых крестьян из фамилии Ашуба, а поместье аамыста Цыба было даже меньше последних.

В сочетании крупного княжеско-дворянского владения с мелким раздробленным хозяйством и заключается характерная черта и сила феодала. Раньше всего феодальные отношения сложились окончательно в береговой и нагорной полосе Абхазии, где был выше уровень экономической жизни, где больше сказывалось разлагающее патриархальные отношения влияние береговой торговли, где наибольшее значение получило земледелие. В горных районах: Псху, Ахчипсху и пр. еще продолжал господствовать уклад патриархально-родового хозяйства, основанный на коллективной собственности, с соответствующим сохранением института родового права. Даже в XVIII веке феодальные отношения существовали там лишь в зачаточном состоянии.

Наоборот, в береговых народных районах к XIII веку в Абхазии вся территория была поделена между феодальными собственниками, которые «хитростью, обещаниями, угрозой, силой подчинили своей власти... крестьян и крестьянские земли» ... (Энгельс).

Весь смысл приобретения права владения крупными территориями заключался для феодала, разумеется, в стремлении получить возможно большее количество прибавочного продукта.

Этого он достигал путем внеэкономического принуждения на основе своей политической и военной силы.

Каковы же были формы и методы этого внеэкономического принуждения?

Обычно сейчас у защитников «самобытности» абхазской истории главным козырем служит положение: «в Абхазии не было крепостной зависимости, не было крепостного права, значит (!) абхазский крестьянин был свободным». «Теория» о «свободном» крестьянине не нова в исторической науке. Ряд буржуазных русских историков (Ключевский, Петрушевский, Беляев и др.) давно еще настаивали на том, что крестьяне феодальной домосковской Руси были свободны.

Русские историки-марксисты (Покровский и др.) дали прекрасную отповедь этим фальшивым утверждениям на основе диалектического анализа исторических фактов, которые полностью опровергают эту «теорию».

В феодальной Абхазии XIII–XV веков не было широко распространено крепостное право в его «чистой» форме – такое, какое привыкли видеть в России XVIII века.

Но делать отсюда вывод, что «абхазский крестьянин был свободен» – это значит механически, а не диалектически подходить к анализу исторического процесса.

Маркс говорил, что для того, чтобы феодал мог выжать прибавочный продукт внеэкономическим принуждением, ему были: «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве приданка последней» ... (Маркс. Капитал. Т. III, ч. 2. С. 326).

Почему же в Абхазии закрепощение крестьян, как массовое явление, не было заметно в эпоху раннего феодализма?

Во-первых, оттого, что абхазские феодалы имели мало экономической выгоды в этом, в силу обширности свободных земельных пространств и слабости с.-х. техники. Феодальную Абхазию в этом случае можно легко сравнить с Россией XIII века и воспользоваться характеристикой М.Н. Покровского в отношении русских крестьян той эпохи:

«Что касается крестьян, то их нельзя в это время назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне не было... Земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки, сжигали их, устраивали там пашни... Господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому-нибудь одному месту». (Покровский. Русская история в сжатом очерке. С. 38).

Кроме того, и факты грузинской истории говорят о том, что прикрепление крестьян к земле широко распространилось в Грузии лишь в XVIII веке (при карталинском царе Ростоме).

Во-вторых, в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденцию феодалов к закрепощению крестьян.

Формы внеэкономического принуждения и способы присвоения прибавочного продукта применялись при феодализме разнообразные. Маркс указывал на три характерных формы докапиталистической ренты,

которые соответствуют основным этапам развития феодального способа производства.

Раннему периоду феодализма соответствует так наз. «отработочная рента», когда «непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т.д.), фактически и юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на земле владельца, даром. (Маркс. Капитал. Т. III, 2, С. 569).

Отработочная рента – наиболее яркая форма внеэкономического принуждения.

Периоду утверждения феодального способа производства соответствует «рента продуктами», которая предполагает «более высокую ступень развития... общества» ... «Рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому... » (Маркс. Там же. С. 573).

Наконец, периоду разложения феодализма, когда начинают господствовать вместо натуральных товарно-денежные отношения, соответствует «денежная рента», возникающая «из простой метаморфозы ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой» ... (Там же. С. 574).

В конкретной обстановке феодальной Абхазии мы можем обнаружить преимущественно две первых формы ренты. Последняя – денежная рента – приобретает значение в Абхазии лишь в конце XVIII и в начале XIX века.

В первый период развития феодализма в Абхазии ведущее значение имела отработочная рента, хотя это не исключало и существования ренты продуктами. Несмотря на крайне пестрый состав массы непосредственных производителей, центр тяжести эксплуатации в первый период развития феодализма лежал на категориях «*at^oэ*» (рабы) и «*ахиуэ*» (крепостные), которые представили объект наиболее оголенного, обнаженного от всяких прикрас, внеэкономического принуждения. Это, конечно, вовсе не означает, что и другие категории крестьян «*апхауэ*»,

не подверглись эксплуатации. Но эти категории отдавали свой прибавочный продукт преимущественно в форме ренты продуктами, что кроме того маскировалось использованием феодалами всевозможных патриархальных обычаев для целей эксплуатации.

Внутри Абхазии рабский труд не создал особого способа производства, как это было, например, в античных странах.

На это явление, характерное вообще для восточных стран, указывал и Энгельс, говоря, что «домашнее рабство на Востоке не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи». (Энгельс. «Диалектика природы. ГИЗ, 1930. С. 60).

В Абхазии рабство носило именно «домашний» характер. Рабы использовались как прислуга при доме, добавочная рабочая сила в хозяйстве.

Но с развитием феодальных отношений было гораздо выгоднее посадить раба на землю. И вот «благоприобретенный» (*ахаš°ala*), путем захвата в плен или покупки и подарка раб, зачастую сажался на землю. Владелец «разрешал» ему обзавестись семьей, «дарил» ему постель, медный котел для очага (как символ «семейного счастья»), корову и наделял его земельным участком.

Раб и его семья теряли рабское положение и переходили в разряд «ахиуэ», которые были уже по существу крепостными крестьянами.

Такой крестьянин был обязан:

1. 3 дня в неделю работать с семьей и своим инвентарем у владельца.
2. Выполнять по приказу владельца все домашние работы (отсюда и происхождение термина «ахиуэ», что значит «приготовлявший пищу».)
3. Делать приношения с урожая и по праздникам.
4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.
5. Резать и содержать скот владельца.

Таким образом, личная зависимость этих крестьян-полурабов, прикрепленных к земле, была настолько велика, что по существу не отличалась от типичной крепостной зависимости. «Ахиуэ» могли владеть не только князья и дворяне, но и «чистые» крестьяне.

По сведениям Сухумской сословно-поземельной комиссии, в XIX веке лишь 50 проц. всех «ахиуэ» владели князья и дворяне, а остальными – «апхауэ», но так или иначе этот закрепощенный посаженный на землю

раб должен был отдавать свой прибавочный продукт и находился в положении эксплуатируемого и бесправного человека.

Правда, он мог откупиться от трудовых повинностей, заплатив до 300 руб. выкупа, но эти случаи в период до XIX века были весьма редки. Не все рабы прикреплялись к земле, часть их оставалась на положении дворовой прислуги, которую использовали до поры до времени, или продавали, дарили и пр.

Причем интересно отметить, что в то время, как князья и дворяне стремились превратить рабов в крепостных крестьян, сажая их на землю, «чистые» крестьяне («анхаю») использовали их по-прежнему на принципах домашнего рабства. Поэтому и оказалось, что к XIX веку князья и дворяне имели лишь около 25 проц. всех рабов, а остальные были в руках «анхаю».

Но, по мере развития феодализма, личная зависимость все шире и шире распространялась и на другие категории непосредственных производителей. В сферу феодальной эксплуатации включались все более значительные кадры крестьян («апхауэ»). Понятие «апхауэскia» (буквально «чистый», т.е. независимый крестьянин) в эпоху развитого феодализма окончательно потеряло свое первоначальное значение.

Однако «апхауэ» представляли многочисленную группу населения. Они обычно объявляются свободными защитниками абхазской «самобытности».

Подтверждением этого приводят иногда близорукие «анализы» русских чиновников, которые писали, что «анхаю» не было сословие зависимое, а ставшее добровольно в обязательном отношении, вследствие необходимости иметь какую-либо защиту» ... (Сборник сведений о кавказских горцах, т. VI, стр. 1972).

В этом анализе верноподданных «исследователей» поражает безграмотная противоречивость определения.

Ведь именно потому, что «анхаю» были обязаны определенными повинностями, они и были, следовательно, зависимыми.

Правда, следует отметить один момент, имеющий чрезвычайную важность для анализа положения крестьян данной группы, а именно то, что отношения их с феодалами были скрыты нередко под оболочкой патриархально-родовых отношений.

Эти патриархально-родовые отношения служили для абхазского феодала также своеобразной формой внеэкономического принуждения. Еще и сейчас некоторые старики, потомки «чистых» крестьян («апхауэскia»), стремясь доказать «чистоту» своей фамилии, говорят, что князья и дворяне только «помогали» им, защищая их от набегов и пр., и что приношения и службы крестьян были «добровольными».

Разоблачение этой фальши не требует особого труда, если посмотреть на многочисленные примеры использования абхазскими феодалами особых патриархальных обычаяев, основанных на родовом праве – «аазага», когда тавад или аамыста отдавал сына на воспитание крестьянской фамилии, которая становилась «родственной» ему, т.е. фактически зависимой от него.

«Усыновление» (ахурфара), когда посредствам торжественной церемонии целования женской груди князь или дворянин становился родственником данной фамилии.

«Удомашнение» («аօռадага»), почти то же, в сущности, что и «усыновление», когда данная фамилия, ставшая в «родственные» отношения к князю, обязана была «добровольно» делать ему приношения, кормить его скот и пр.

Эта тонкая махинация, опутанная идиллическими родовыми традициями и обычаями, на первый взгляд, действительно далека от понятий «зависимости» и «эксплуатации».

По крайней мере, так казалось вначале крестьянам, чего и добивался князь, стремившийся в некоторых случаях скрыть истинный характер феодальной эксплуатации.

Правда, в дальнейшем, с течением времени, натуральные повинности все более теряли патриархально-идиллическую оболочку «добровольности» и из-под маски «родственника» и крестьянского «печальника» все чаще и чаще выглядывала хищная физиономия феодального эксплуататора.

Так, если крестьяне («апхауэ») раньше делали приношения лишь на Пасху и Рождество и в любом количестве, то впоследствии феодал сам нередко стал устанавливать сроки и размеры: козленка или теленка, столько-то акалат кукурузы (акалат – 30–60 фун.) или столько-то апхалов вина (апхал – около 1 ведра) и т.д.

Если вначале крестьяне только 1 день в году выходили на поля князя «помогать» в уборке кукурузы и т.д., то впоследствии эта, с позволения сказать, «помощь» достигала подчас 3–5 дней полевой работы, причем в случае отказа феодал налагал штраф и принимал карательные меры: люди князя уводили у такого своевольного крестьянина корову и т.д. С течением времени личная зависимость крестьян росла и одновременно увеличивалась феодальная эксплуатация.

К началу XIX века «чистый» крестьянин («анхаю»), подвластный феодалу, должен был выполнять следующие повинности.

1. По зову своего владельца являться на полевую работу от 1 до 5 дней в году.

2. Ежегодно приносить козу, теленка, вино, кукурузу, дичь и пр. в определяемом владельцем количестве (размеры приношений были различны, но, по рассказам стариков и найденной нами в сел. Атара Кодорского района выкупной грамоты, их можно определить: кукурузы – 6–8 п., вина – 4–6 ведер.)

3. Приносить подарки на свадьбу и другие семейные праздники.

5. Уплачивать за владельца штраф (своебразную контрибуцию), в случае поражения его в военном набеге и необходимости возместить материальный ущерб победившему соседу.

6. Кормить владельца и его свиту во все время нахождения его вблизи данного двора, во время охоты и пр.).

7. Седлать и ухаживать за лошадьми владельца.

8. Предоставлять транспортные средства для перевозок (арбу, быков, лошадей).

9. Помогать при постройке или ремонте усадьбы владельца.

10. Исполнять поручения и сопровождать феодала.

11. Составлять военную силу его в случае вооруженного столкновения, являясь по первому зову, «конно, людно, оружно».

Одного перечисления этих повинностей достаточно для того, чтобы легенда о «свободном крестьянстве» в Абхазии разметалась впрах. Правда, могут возразить еще, что «чистый» крестьянин мог отказаться от повинностей и перейти к другому владельцу. Формальное право («ассатство») перехода существовало, но фактически крестьянин им мало пользовался. Этот переход еще был целесообразен в первый период

феодализма, но, когда по всей почти Абхазии установились феодальные отношения, переход от одного владельца к другому вряд ли имел смысл – «хрен редьки не слаше». А, кроме того, крестьянина задерживали его родовые связи, привычки, традиции и пр.

Право перехода в условиях развитого феодализма теряло свое первоначальное значение.

Без сомнения, правильно, что положение «чистых» крестьян, «апхауэскia», было лучше и немного легче, чем других прослоек крестьянского населения.

«Чистый» крестьянин имел свое хозяйство, имел известные общественные права, имел рабов («at^oэ-it^oэ») и даже зависимых от себя крестьян («апхауэ-хиршэ»). (Характерно, что это явление было не только в Абхазии, и в других странах, например, в России, где в эпоху феодализма некоторые группы русских крестьян имели своих собственных крепостных).

Говоря о том, что «личная зависимость характеризует при феодализме общественные отношения материального производства», Маркс указывает, что в силу этого здесь «продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму», т.е. выступать как товар. (Маркс. Капитал. Т. I. С. 35).

В Абхазии той эпохи господствовало натуральное хозяйство, и прибавочный продукт присваивался феодалом в натуральной его форме.

Крестьяне производили у себя в хозяйстве и обеспечивали феодала не только продовольственными продуктами (хлеб, вино мясо, фрукты), но и продуктами своей домашней промышленности (ткани, шерсть, ковры, орудия, оружие, посуда и пр.)

Остаточная форма этих домашних промыслов феодального периода сохранилась в Абхазии до последнего времени в наиболее отсталых, менее товарных, хозяйствах горных селений – Отхара, Джгерды и др.

Но было бы механистично понимать хозяйство феодальной Абхазии, как абсолютно безобменное.

Если обмен был слаб внутри страны, то он ярко проявлялся по линии внешних сношений. О развитии береговой торговли и ее влиянии на систему абхазского феодализма будет рассказано ниже.

Политический строй феодальной Абхазии

Население феодальной Абхазии резко делилось на два противоположных класса: феодалов и крестьян. Подчиненное положение крестьян, не говоря уже о рабах, проявлялось даже в унизительных обычаях, в мелочах бытового порядка: крестьянин не мог садиться на коня без разрешения феодала, не мог сидеть в присутствии феодала, должен был уступать ему дорогу, не мог иметь крытый дранью дом и пр.

Крестьянин обязан был выполнить все прихоти и поручения феодала, с почтением относится к нему и его слугам. Чего стоят хотя бы факты, рассказываемые стариками, о том, что во время охоты псари феодала ночевали вместе с собаками в крестьянских домах, выбрасывая оттуда семью и детей крестьянина и загоняя туда собак.

Класс крестьян был в политическом и правовом отношении подчинен классу феодалов, который стремился монополизировать все военные, административные и судебные функции. Классовому делению соответствовала система сословий, ибо феодалы представляли собой привилегированные сословия.

Их привилегии заключались в том, что они не несли трудовых повинностей, пользовались лучшими общинными землями, получали дань, сборы, налоги с обмена, пользовались правом монопольной охоты и рубки лесов, имели решающее слово на сельских сходах и судах, пользовались выморочным правом на имущество своих подвластных и т.п. Привилегированное положение феодалов подчеркивается и адыгейскими адатами, которые устанавливают за убийство князя 100 быков пени, дворянина – 30, а крестьянина – 15.

В Абхазии, как в любой феодальной стране, соблюдалась строгая иерархия сословий. Эта иерархия начала складываться еще с эпохи становления феодального общества в Абхазии, потому что в XV веке иерархическое строение абхазского общества было известно и за границей. Трапезундский император Давид в письме к герцогу Бургундскому от 22 апреля 1459 года пишет: «В числе союзников против турок будет Рабия, герцог абхазский, его брат и его бароны с 30.000 воинов». (Броссе. История Грузии).

Иерархическая лестница развитого абхазского феодализма представлялась в следующем виде:

1. Владетель всей Абхазии из рода Чачба (Шервашидзе) – ah.
2. Тавады-князья, номинально подчиненные ah'у, но фактически не всегда поддерживающие его – atauad.
3. Аамыста-дворяне, находящиеся в вассальных отношениях к тавадам – aaməsta.
4. Личные дворяне («ищущие дворянства») из «чистых крестьян», жившие при дворе ah'a и составлявшие его почетную свиту – ašnaqta.
5. «Чистые» крестьяне, за редким исключением, зависимые от первых четырех сословий – anxaуә.
6. Крестьяне, зависимые от anxaуә (anxaуә-xipšә).
7. Закрепощенные крестьяне – ахиуә.
8. Рабы и «рабы рабов» – at°ә, at°ә-it°ә.

Первые (привилегированные) сословия: тавады, аамыста и ашнакма составляли, без сомнения, меньшинство населения. По не вполне достоверным данным сухумской сословно-поземельной комиссии, чисто членов привилегированных этих сословий достигло всего 10–12 проц. населения, на самом же деле, вероятно, их процент был еще меньше.

Феодальная эксплуатация, разумеется, вызвала классовое сопротивление со стороны крестьян против дворян и князей.

Примеры проявлений этой классовой борьбы эпохи феодализма, к сожалению, мало исследованы, но отдельные факты, которые нам удалось собрать, все же доказательно говорят о классовых противоречиях между крестьянами и феодалами в Абхазии.

В сел. Покуаш Кодорского района рассказывают о коллективном выступлении крестьян, во главе с крестьянином Гиндия, отказавшихся работать на поле у тавада Ачба.

В сел. Атара, Кодорского района вспоминают, как приехавший от убыхов, где не было князей, один из рода Квициния стал агитировать своих кодорских однофамильцев отказаться от зависимости. Во время выступления против Гергуала Чачба этот «агитатор» был убит, и выступление окончилось неудачно.

В Гудаутском районе много рассказывают о сопротивлении крестьян аамəsta Званбая, прославившимся жестокой эксплуатацией своих подвластных.

Ярким примером революционной борьбы было выступление крестьян во главе с Аджкуреем Агрба в с. Абгархук в XVIII в. против феодалов Лакербая и Ачба.

Если классовое сопротивление доходило до вооруженной борьбы, то крестьянину приходилось, разумеется, уходить в горы и леса и становиться абреком. Такие абреки, выступавшие против феодалов, пользовались обычно горячей поддержкой крестьян; о них и сейчас поют песни, рассказывают легенды и пр.

Со своей стороны, феодалы старались обеспечивать получение прибавочного продукта и личную зависимость особыми мерами, создав примитивный аппарат принуждения. Этот аппарат принуждения основывался, прежде всего, на военной силе феодала, которую он черпал путем «воинской повинности» ему подвластных. Но, кроме этого, для карательных мероприятий и личной охраны крупные феодалы заводили своего рода жандармерию. Создавались определенные группы вооруженных людей из аамəста, из аšнаqта, из «чистых крестьян», наиболее тесно связанных с феодальными элементами, для обеспечения системы внеэкономического принуждения. Эти люди иногда назывались «abokaurc°а», а чаще, данная карательная группа, принимавшая характер постоянной организации, именовалась термином «кераз». Этот термин имел очень широкие распространение, соответствую понятию «объединения» – «организации» вообще. В данном случае, он принимал совершенно определенное значение феодально-карательной организации, охранявшей права эксплуататорского класса.

«Кераз» отражал и сам совершал военные набеги, наказывал непокорных, взимал «штрафы» и дань, как с крестьян, так и с купцов на побережье, уничтожал личных врагов феодала, действуя совершенно безнаказанно. «Кераз» часто выполнял личные прихоти феодала. Сохранились песни и рассказы о том, как «кераз» воровал для князей Чачба красивых девушек: рассказ о красавице Чире Таркил и песня о прекрасных Ханифе и Казирхан – сестрах крестьянина Афаг Мута.

Феодальный «кераз» – яркий факт развития государственного аппарата, как системы принуждения и классового господства.

Но следует однако отметить одну важную особенность политической структуры абхазского феодализма – диалектику развития родовых

пережитков. Если эти родовые пережитки помогали феодалам укрепить личную зависимость крестьян посредством родственных связей и замазывали классовые противоречия, то одновременно они – эти родовые пережитки – ограничивали несколько и феодальный произвол.

Во-первых, тавад вынужден был считаться с представителями сильных крестьянских фамилий и важные вопросы общественной жизни выносить на обсуждение сельских собраний, где право голоса имели все «чистые» крестьяне, хотя решающее слово и оставалось, конечно, за феодалами.

Во-вторых, обрушиваясь на какого-либо «дерзкого» крестьянина, он иногда встречал сопротивление всей фамилии, всего рода. Отсюда – отсутствие телесных наказаний для крестьян, ибо легче было тайно убить, чем, скажем, подвергнуть публичной порке. За это оскорбление, без сомнения, грозила кровная месть со стороны всего рода, иногда многочисленного и сильного.

Родовые пережитки (кровная месть) в этих случаях поворачивались против феодала, ограничивая его произвол.

В этом проявляется диалектика роли родового уклада в системе абхазского феодализма.

Родовые пережитки сказывались и на юриспруденции абхазского феодализма. Тавад и даже ах-владетель судил провинившихся вместе с почетными стариками-патриархами сильных фамилий и при этом судил в соответствии с родовыми адатами (обычаями).

В эпоху феодализма Абхазия представляла собой государство с сильно раздробленной политической властью и слабой централизацией. Хотя официально вся страна и имела центральную власть в лице владельца (Чачба-Шервашидзе), но фактически она была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства в феодальных владениях – следствие самого феодального способа производства.

Каждое из этих феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода «государством в государстве».

Политическая власть владельца (наследственными владельцами Абхазии были князья Чачба-Шервашидзе) имела функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владелец («ah») регулировал внешний обмен, представляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войн и мира, используя военную силу подчиненных ему феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления – взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, причем за всякие конфликты, произошедшие близ его резиденции, получал определенные пени; все административные функции он осуществлял через своих «дружинников» – личных служилых дворян-«ашнакма» и свою гвардейско-жандармскую организацию «кераз».

Монеты своей абхазские владельцы не чеканили, а денежными единицами служили золотые и серебряные монеты – грузинские, арабские, турецкие и пр., а также рабы и крупный рогатый скот.

Владелец («ah») жил в сел. Лыхны. Вокруг его дворца (сначала деревянного, а потом каменного здания, развалины которого сохранились и поныне) были домики живущей при нем «челяди», а неподалеку разбросаны были усадьбы «керазников» и «ашнакма». Последние жили и в других селениях, получая от владельца землю, скот и рабов. Это единственный пример условного владения в феодальной Абхазии.

Личным владением ah'a была Бзыбская Абхазия – часть современного Гудаутского района.

Родственники владельца (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келасури, Кутол, Очамчыры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов в отношении игнорирования и даже сопротивления владельцу. На пороге XIX века абжуйские Чачба – Алибей и Манучар – даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от ah'a.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Например, долиной на правом берегу от устья реки Бзыби (сел. Аллахадзы, Колхида и пр.) владели Инал-Ипа, сел. Ачандары – тавады Ачба, сел. Псырцха – Маргания, сел. Эшеры – аамыста Дзяпш-Ипа, сел. Адзюбжа – Маргания, сел. Атара и Джгерды – тавады Маршания, сел. Тхина – Дзяпш-Ипа, сел. Моквы – Ачба, сел. Гупы – та-

вады Маршания и аамыста Атумава, сел. Ткварчелы и сел. Покуаш – Ачба и т.д.

Все крупные феодалы, находясь в вассальной зависимости от владельца и имея у себя подчиненных им мелких феодалов, фактически были полными государями в пределах своего владения и признавали власть владельца («ah») лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодальными отношениями – Псху, Ахчипсху и джигетские («садзуа») общины – Цан, Геч, Арто и т.п., подчинялись власти владельца лишь номинально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Таким образом, владелец («ah») был типичным феодальным государем, являясь всего лишь «первым среди равных». Принудить к повиновению крупных тавадов он мог только силой. Этой силой он сам не обладал, для чего ему приходилось прибегать к организации союзов и группировок и использовать распри и раздоры среди феодалов. Споры из-за пастбищ, выгонов, лесов выливались в форму вооруженных столкновений, набегов и пр. Каждый феодал жил всегда «на военном положении» и весь его домашний быт милитаризован.

Крупный феодал выбирал место для своего двора («ašta») обычно на возвышенности, где строил каменный или деревянный дом так, чтобы в нем можно было выдержать осаду и отразить нападение врагов. Примеры: дом феодала Каца Маргания («Кац яшта») в сел. Джирхва, дом Хасана Маргания (Маан Хасан) близ Нового Афона и др.

Вот как описывает современник жилище сильного келасурского владельца Хасан-бэя Чачба, стоящее на крутом холме около устья реки Келасури: «его деревянный дом имел вид четырехугольной башни на высоких каменных столбах. Кругом дома шла галерея. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами и тесной калиткой, способной пропустить лишь одного человека» ... (Торнау. Воспоминания кавказского офицера. С. 1835).

Выезжая из дома, тавад всегда брал десяток-другой надежных вооруженных людей, а под черкеску одевал металлическую сетку-кольчугу («akylzə») и железный пояс (avanəzamaka») для защиты от внезапного нападения.

Нет сомнения, что в феодальной Абхазии мы имели своеобразный иммунитет, т.е. неприкосновенность, независимость феодала во внутренних делах своего владения. Произвол феодала внутри его владения ограничивался скорее родовыми пережитками, чем центральной властью владельца. Но тем опаснее чувствовал феодал себя за пределами своего владения. Борьба между феодалами не прекращалась никогда и только могла временно замирать, чтобы с новой силой вспыхнуть в благоприятный момент. Иногда эта борьба носила форму «большой войны» – в военные действия вовлекались сотни и тысячи крестьян, составлявших «армии» феодалов. В памяти абхазского народа сохранились походы владельца Келеш-бея Чачба в конце XVIII века против атарского тавада Бекир-бея и поддерживающих его кодорских Ачба. Еще раньше этого владельца, Зураб Чачба вел жестокую войну с эшерскими феодалами Дзяпши-Ипа. Целые века длилась борьба владельца с цабало-дальскими тавадами Маршания. Эта война сопровождалась свойственными эпохе жестокостями, захватом скота, пленных, которые тотчас обращались в рабов и продавались за границу.

Старики рассказывают, что при набегах Чипиак Ате-Ипа Маршания жгли целые селения, убивали детей и пр.

Но, кроме «большой войны», прибегали и к методам «малой войны», методам интриг, подкупов, покушений и т.п. Известны факты следующего порядка: владелец Келеш-бей, будучи не в силах справиться с Дзяпши-Ипа, пригласил троих из них к себе и вероломно убил их в своем собственном доме, владелец Хамуд-бей отравил келасурского Чачба Дмитрия, своего родственника.

Измены, предательства, убийства из-за угла – это были излюбленные методы феодальной политики. Нет нужды говорить о том, как подобная борьба отзывалась на народном хозяйстве и задерживала нормальное развитие производительных сил.

Идеология абхазского феодализма была пронизана религиозным влиянием. В эпоху феодализма первое место в религии занимали в Абхазии пережитки родовой и племенной религии. Культ природы (священные горы, небесные светила, леса, деревья, вера в духов, населяющих землю и воду) и культ предков (фамильные кладбища, почитание очага, родовой кузницы и пр.) были еще в полном расцвете и прекрасно уживались

с новыми религиями христианской и мусульманской, которые, безусловно, имели меньший удельный вес, в силу того, что они были принесены в Абхазию извне и не были тесно связаны с социально-экономическими устоями народа и страны.

Феодалы поддерживали религиозные пережитки родового строя и даже часто являлись носителями их, беря на себя функции защиты и охраны «священных мест». Пример: жрецами «священной» горы Ди-дрипш была дворянская фамилия Чичба.

Феодалы использовали и христианскую религию, распространившуюся в Абхазии еще в эпоху византийской колонизации V–VII веков, но ослабленную после прекращения связи с Византией.

Христианские церкви и монастыри (Пицунда, Афон, Каманы, Дранды, Илори и др.) имели свои земли, стада, своих рабов и занимались торговлей вообще и работторговлей в частности. Христианская церковь пользовалась поддержкой Византии, имела значительное экономическое богатство, и поэтому абхазские католикосы, жившие в Пицунде и Афоне до 1795 года, пользовались большим влиянием среди абхазских феодалов.

Это влияние, правда, было подорвано распространением в XV–XVI вв. ислама – орудия турецкого господства на побережье.

К началу XIX века в Абхазии функционировали только две церкви – в Лыхны и Илори, остальные были закрыты и разрушались.

Сами феодалы не очень считались с церковными памятниками; имеются сведения, что Хасан Маргания – псырцхинский феодал – выстроил себе дом из материалов афонской церкви Симона Кананита, разобрав для этого свод храма.

Но ислам не пустил корней в Абхазии так же, как и христианство: в обычаях абхазов трудно найти влияние законов шариата.

Религия родового строя – «национальная» религия абхазов – освещала право и нравственность феодального общества. Выше уже говорилось, как феодалы использовали правовые и моральные нормы родового строя в своих целях.

Феодальный порядок сохранил такие родовые атрибуты, как кровная месть, представление о «чистоте» фамилии-рода, патриархальные взаимоотношения в семье, а одновременно распространил и развил феодальные воззрения на «почетные» и «позорные» занятия. Первыми

считались военное дело и охота, вторыми – торговля и промышленность для производства на продажу. Еще итальянец Интериано, побывавший в Абхазии в 1450 г., отмечает в своем сочинении («*Della vita de zichi*»), что «за занятия торговлей и ремеслом знатных (“nobili”) лишали достоинства». Эти воззрения сохранили свою силу до последних лет и способствовали слабой пролетаризации абхазской деревни в пореформенный период.

Медленное развитие производительных сил феодальной Абхазии сказалось на слабой систематизации производственного опыта в форме научных представлений.

Искусство в основном отражалось народным творчеством в форме песен, сказок, музыки, танцев, содержание которых заполнялось материалом описания одухотворенных сил природы и героизма отдельных представителей наиболее видных родов, а впоследствии – феодалов. Абхазские тавады любили иметь хороших певцов-музыкантов, которые были завсегдатаями в феодальных домах, импровизируя песни и сказки, развлекая этим отдыхающих или пирующих феодалов.

Многие из этих песен, отражающих феодальный строй, остались в народе до сего времени.

Развитие феодального способа производства в Абхазии имело свои особенности. Абхазский феодализм подчас чрезвычайно отличался по внешним признакам от феодального режима западноевропейских стран, но прав Энгельс, когда он говорит: «Разве когда-нибудь феодализм отвечал своей идее? Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, еще дальше усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он приблизился всего ближе к своей идее в эфемерном Иерусалимском государстве, которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине, на короткое время, и то, большей частью на бумаге?» (Письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. Цитировано по: «Рев. Восток», № 2, 1927).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Береговая торговля и ее влияние на развитие абхазского феодализма

После того, как господство Византии в восточной части средиземноморского бассейна падает, подорванное великим наступлением арабских племен, на средиземноморских и черноморских рынках начинает активизироваться западноевропейский торговый капитал. В эпоху так называемых «крестовых походов» – этого мощного движения на Восток феодальной Европы – к X–XII векам выделяются итальянские «города-государства» – Венеция, Пиза, Флоренция, Генуя, которые, пользуясь упадком Византийской империи, натравливая на нее полчища западноевропейских феодалов, успешно вытесняют византийский торговый капитал, проникая и в Черное море.

Еще в 1170 году генуэзские купцы заключают договор с византийским императором Мануилом на право «свободной торговли» (*commerce liberte*) на черноморских рынках.

Когда же в 1204 году организованные венецианским капиталом банды «крестоносцев» разграбили и захватили Константинополь, создав на дымящихся развалинах великолепной Византии эфемерное феодальное государство – «Латинскую империю», то венецианские купцы стали полными хозяевами прежних византийских рынков.

Вечные конкуренты Венеции – генуэзские купцы стремились в течение полутора веков подорвать венецианскую монополию, не стесняясь никакими средствами, вплоть до морского разбоя и бандитизма.

Борьба этих могучих конкурентов за средиземноморские и черноморские рынки закончилась победой Генуи. В 1261 году генуэзцы оказываются решительную поддержку византийцам, которые вновь занимают Константинополь, разрушая «Латинскую Империю» – этот худосочный выродок агрессивного западноевропейского феодализма. В благодарность за реставрацию Византии император Михаил Палеолог передает генуэзцам все венецианские колонии на берегах Эгейского и Черного морей.

Гэнуэзский торговый капитал проявляет кипучую деятельность на берегах Черного моря. Центром Генуэзской торговли в 1266 году становится на Черном море Каффа (в Крыму, близ современной Феодосии), построенная еще в 1234 году, но затем разрушенная крымскими татарами.

На побережье Абхазии также возникают генуэзские колонии:

Хакари (Hacary) – нынешние Гагры.

Санта-София (St. Sofia) – в долине сел. Алахадзы.

Пеционда (Peconda) – в Пицундской бухте.

Каво ди Буксо (Cavo di buxo) – на берегу Бомборской бухты.

Никопия (Nicopia) – нынешняя Псырцха.

Сант-Анджело (St. Angelo) – около устья реки Ингур, в местности Сатанджо.

Наиболее крупной из этих колоний был Севастополь, который служил резиденцией протектора (protector) всех кавказских колоний генуэзцев.

Генуэзские колонии обычно представляли из себя населенные пункты, обнесенные стеной или, защищенные башнями, с торговыми факториями, гостиными дворами (fondaco), магазинами и т.д.

Самый расцвет генуэзской торговли на Черном море относится к XIII–XIV векам.

Захват турками Византии в 1453 году нанес смертельный удар черноморской торговле генуэзцев.

Турецкий флот на Черном море нарушает регулярные торговые сношения. Колонии хиреют. В 1475 году турки захватывают Каффу и вслед за этим генуэзский капитал теряет окончательно и другие колонии.

Однако потеря колоний не означала полной ликвидации торговой деятельности генуэзцев на Черном море. Еще и в XVIII веке мы видим генуэзских купцов на побережье Абхазии и Черкесии, но, разумеется, теперь они принуждены уступать купцам, плававшим под турецким флагом.

Западноевропейский торговый капитал не оставлял надежды проникнуть на черноморские рынки, ставшие ему известными со времен «крестовых походов». В этом отношении показателен факт заключения франко-турецкого союза и торгового договора в 1535 г., благодаря которому французские корабли появляются на Черном море. Но французская

торговля под контролем Турции, конечно, не могла достичь размеров итальянской торговли эпох генуэзской монополии. Главными наследниками генуэзцев были все-таки купцы – подданные Турции, находившиеся под защитой ее военно-политического могущества.

Эти купцы в большинстве случаев не были турками по национальности, ибо обширная и могущественная Османская империя ни в коей мере тогда не была национальным турецким государством и отличалась такой же пестротой национального состава, как и ее предшественница – Византия. Она включала в себя покоренные турками страны с арабским, греческим, славянским населением, стоявшим на более высокой ступени экономического развития. Оттуда главным образом и происходили кадры предпримчивых агентов торгового капитала, развивающегося под покровительством Порты, который содействовал укреплению ее хозяйственно-политической мощи, прекрасно уживаясь с военно-феодальной социальной верхушкой старой Турции.

Эти-то купцы, которые плавали под турецким флагом и были подданными Османской империи, и наследовали генуэзскую торговлю на берегах Черного моря, пользуясь всеми плодами торговой монополии, оберегаемой турецкими гарнизонами на побережье, подчиненном протекторату стамбульских султанов.

Они развили на черноморских рынках активную посредническую торговлю, не будучи тесно связаны с производством какой-либо одной местности, не будучи агентурой промышленности, а выступая свободно и самостоятельно, срывая легко цветы колосальных барышей, лишь ничтожную долю которых они уступали государству в виде пошлин и сборов, имеющих силу косвенных налогов. Официальная пошлина составляла всего 3%, хотя фактически вся сумма взимаемых сборов была значительно выше: существовали особые корабельные и маячные сборы, и т.д.

Торговый капитал вообще является первичной формой капитала, причем всюду он развивается в форме свободного и самостоятельного существования, сплошь и рядом возникая на базе некапиталистического способа производства.

Анализируя процесс превращения товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый, Карл Маркс в XX главе III тома

«Капитала», где он дает блестящий очерк истории развития купеческого капитала, указывает, что если при капиталистическом способе производства купеческий капитал является лишь капиталом с особой функцией, то в докапиталистических общественно-экономических формациях «купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence* (по преимуществу)» (Карл Маркс. Капитал. Т. III. С. 228).

«Торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет исторически древнейшую свободную форму существования капитала» (Там же. С. 227), появляясь там, где имеется простое товарное обращение, причем для него безразлично – является ли производство в целом товарным производством, ибо он находит себе почву при любом способе производства, где существует обмен товаров, хотя бы хозяйство в целом и носило натуральный характер.

Даже более того, торговый капитал чувствует себя свободнее и самостоятельнее, чем дальше данная общественно-экономическая формация исторически удалена от капиталистической. Известно, например, насколько активно и независимо выступил торговый капитал в древнем азиатском обществе («дамкары» Вавилона, финикийская торговля и пр.) и в античном мире (Эллада, Рим).

Именно поэтому Маркс и устанавливает закон, по которому «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества... (Капитал. Т. III. С. 229).

Далее Маркс приводит пример из истории итальянского торгового капитала и его деятельности на восточных (и черноморских) рынках, где особенно ярко проявляется этот закон потому, что там «главный барыш приносит не вывоз продуктов из своей страны, а посредничества (выделено нами. – А.Ф.) при обмене продуктов таких обществ, которые не развились в торговом и вообще в экономическом отношении» ... (Там же. С. 229).

В самом деле, именно посредничеством при обмене продуктов разных экономических районов, характерных низким уровнем развития производительных сил и социальных отношений, именно это определяло основное содержание и береговой торговли в Абхазии.

В этом процессе обращения товаров, который обслуживала посредническая деятельность сначала генуэзского, а затем и турецкого торгового капитала, крайними членами были, например, крымская соль и абхазский самшит, сирийское железо и черкесские рабы, и т.п. продукты феодальной системы эксплуатации. Непосредственными производителями этих товаров были рабы и крепостные или лично зависимые крестьяне, но продавцами и покупателями всегда выступали их владельцы – представители господствующей феодальной верхушки, которая отчуждала прибавочный продукт трудящихся путем внеэкономического принуждения. Торговый же капитал, выступая в роли посредника, базировался на низкой степени развития производства обслуживаемых стран и районов, на натуральном по преимуществу характере их экономики, на феодальных методах классового господства и подчинения, на отсутствии достаточно развитого внутреннего обмена, используя даже патриархальность феодально-родовых норм (еще Интериано (1551 г.) сообщает, что торговля у адыге и абхазцев считалась занятием «недостойным знатных»). Одним словом, торговый капитал, активизируя свою посредническую деятельность на берегах Западного Кавказа, основывался, как говорит Маркс, «на варварстве производящих народов, для которых они (торговые города. – А.Ф.) играли роль посредников» ... (Там же. С. 231).

Из этого посреднического характера деятельности генуэзских, а затем «турецких» купцов и вытекает свойственная береговой торговле высокая торговля прибыль. Она была тем более высока, чем менее развиты в экономическом отношении производители товаров, чем менее регулярно производство для обмена, чем реже торговые акты, чем менее наложены внешние связи, чем больше, следовательно, разница между ценами производства, чем выше эксплуатация непосредственных производителей.

«Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать – вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов» ... » (Капитал. Т. III. С. 230).

Норма прибыли береговой торговли на рынках Абхазии и Черкесии была очень высока, о чем свидетельствуют современники.

Француз Шардэн, посетивший побережье Абхазии в 1671 году, пишет:

«Турки получают большие барыши на товарах, которые они вывозят отсюда: то, что они покупают за 1 экю, они продают за 4 экю. Самый большой барыш они получают на торговле рабами...»¹.

Другой путешественник – французский консул при дворе Крымского хана Пейсонель – высказывается еще более определенно:

«Едва ли существует в целом страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии. О выгодности ее можно судить по самшиту, продаваемому в Константинополе по 3 пиястра за центнер, между тем, как соль, в обмен на которую приобретает это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пары за центр...»².

Таким образом, средняя норма прибыли колебалась около 300%, но зачастую достигла 1000% и более, особенно по линии экспорта самшита и воска. Пейсонель приводит весьма показательный пример: самшит обменивался на соль вес на вес, центнер соли стоил 10 пары, а центнер самшита 120 пары (1 пиястр содержит 40 пары): следовательно, даже при учете транспортных издержек прибыль в данном случае достигает 1000%.

Ради подобной прибыли «турецкие» купцы, державшие в своих руках береговую торговлю, равно как и их западноевропейские собратья, способны были на любой риск, не стесняясь теми методами насилия, обмана и предательства, за которые Маркс всю деятельность торгового капитала той эпохи окрестил едким термином «система грабежа».

В одном из примечаний к знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» Маркс приводит следующую цитату из Dunning'a.

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточно прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы,

¹ Voyaqe de m-r le chevalier Chardin en Perse, etc...". Paris, 1723, tome I, p. 145.

² "Traite sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peyssonnel, ancien concul-general". Paris, 1787, part II. P. 12.

при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул, хотя бы под страхом виселицы...»

Эта остроумная шкала роста капиталистической агрессии более всего применима к береговой торговле на побережье Абхазии и Черкесии.

Формы и характер берегового обмена скорее напоминали по своему внешнему облику военные, чем коммерческие операции. Купцы принимали активное участие в морских разбоях и феодальных набегах. Купеческие корабли ходили вооруженные пушками. Главным объектом торговли был живой человеческий товар – рабы и военнопленные.

Купец, который фигурирует на берегах Абхазии в XVI–XVIII веках, выступает без маски буржуазной «цивилизации и демократии», надеваемой обычно современным капиталистом.

Он смотрит на нас глазами, в которых откровенно горит ненасытная жажды барыша и готовность идти на любой риск, ради высокой наживы.

Он стоит перед нами с циничным осколком хищника, с лапами эксплуататора, протянутыми к экономически неразвитым народам, стоит «источая кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (Маркс).

Таков был типичный облик торгового капитала в эпоху его самостоятельного и свободного существования перед «утренней зарей капиталистического способа производства».

Формы и характер берегового обмена

В XVI–XVIII столетиях в Абхазии господствовали феодальные отношения с характерным для них натуральным по существу хозяйством и производством продуктов в основном для собственных потребностей.

Но если обмен был слабо развит внутри страны, то тем более ярко он проявлялся во внешних сношениях, концентрируясь на побережье Чёрного моря в тех пунктах, куда прибывали «турецкие купцы», выполняя свои посреднические функции.

Береговая торговля в Абхазии в то время имела чрезвычайно оригинальный характер. Шарден, путешествовавший в 1671 году на одном из купеческих кораблей вдоль берегов Абхазии, яркими красками рисует картину торговых операций на побережье, непосредственным свидетелем и участником которых он был.

«От канала Палус-Меотид (Керченский пролив. – А.Ф.) до Мингрелии по морскому берегу – 600 миль расстояния. Это прекрасные горы, покрытые лесом и населенные черкесами.... Суда, направляющиеся из Константинополя и Кафы в Мингрелию, проходя мимо, бросают якорь во многих местах этих морских берегов.

Они стоят один-два дня в каждой из этих местностей и в течение этого времени можно наблюдать, как полуголые и жадные варвары со своих гор толпами обрушаются на берег с видом разбойников. Торговать с черкесами можно только с оружием в руках. Если несколько человек из них желают взойти на судно, им дают заложников, и если кто-нибудь хочет сойти на берег, дают трех человек за одного... »¹.

В этой цитате, прежде всего, характерно великодержавно-высокомерное отношение «культурного европейца» к местным жителям – «азиатам» и «дикарям», свойственное и другим агентам европейского капитала – Интериано, Ламберти и др. Несомненно, что взаимно местное население кавказского побережья с таким же презрением и ненавистью относились к приезжавшим купцам, прекрасно зная их хищнические склонности, на горьком опыте изучив их способности к обману и надувательству.

Неудивительно поэтому, что и сам процесс обмена происходил в обстановке крайне обостренного недоверия с обеих сторон.

Описание Шардэна скорее напоминает картину переговоров между двумя враждующими противниками, чем повествование о «мирных» коммерческих взаимоотношениях продавцов и покупателей.

Эта картина торговли с оружием в руках и при посредстве заложников еще раз подтверждает положение о том, что в ту эпоху торговый капитал выступал без маски лицемерной морали, обнажая свою эксплуататорскую сущность и не стараясь прикрыть основной принцип буржуазного мировоззрения – «человек человеку волк».

«Мена происходит таким образом. Барка с судна приближается к берегу. Все находящиеся в ней хорошо вооружены. Они позволяют приближаться к месту причала лодки только такому количеству черкесов, которое соответствовало бы их собственному числу.

¹ Chardin, t. I, p. 118–119.

Если же видят, что черкесы приближаются в большем количестве, то они уходят в море. Когда обе стороны сходятся, они показывают друг другу товары, имеющиеся для обмена, уславливаются и совершают обмен. Но все же всегда необходимо быть настороже, т.к. эти черкесы – само предательство и коварство. Не воспользоваться представляющимся случаем для грабежа, выше их сил»¹.

Не будем опять подчеркивать, что термины «предательство» и «коварство» применимы к купцам-спутникам Шардэна не менее, чем к черкесам.

Отметим лишь, что рассказ Шардэна о характере торговых операций на берегах Черкесии полностью может быть отнесен и к Абхазии, ибо на той же странице своей книги он отмечает:

«Абхазы не в такой мере дики, как черкесы, но у них та же природа, склонная к грабежу и разбою. Береговые сношения с ними производятся с теми же предосторожностями, что и с черкесами».

Подобный характер обмена является весьма типичным для всех экономически неразвитых стран и народов, где хозяйство в целом продолжает еще оставаться натуральным и господствуют феодальные отношения.

В Абхазии того времени обмен не был еще естественным законом хозяйственного развития и носил еще в значительной мере случайный характер. Разумеется, для приезжавших «турецких» купцов он не был случайным, в полном смысле, но, однако, купец не был уверен – встретит ли он в данном рыночном пункте покупателей, которым он сможет реализовать свой товар.

Береговой обмен, основанный на крайнем недоверии сторон, вечно подверженный опасности военного нападения и вооруженного захвата, как товаров, так самих продавцов, был весьма рискованным предприятием.

Как правило, обмен товаров основывался не на обмене эквивалентов по стоимости, а поэтому больше значение имели способности к надувательству и обману, кстати сказать, гораздо более развитые у приезжавших купцов, чем у местных жителей, менее опытных в торговле и обладающих более узким кругозором в отношении учета конъюнктуры цен и рыночной ситуации.

¹Ibid., p. 119.

Нередко бывало, что там, где обнаруживалась невозможность совершить обмен, в виду несговорчивости или неуступчивости продавцов или покупателей, в дело неожиданно пускалось оружие и война завершала начавшуюся «мирную» торговлю.

Береговая торговля в ту эпоху не могла быть не связана с риском вооруженного нападения. Иллюстрацией этого положения может служить инцидент, очевидцем которого был тот же Шардэн, в бухте Иsgаур (Искуар, Скурча) куда он заехал вместе с купцами, прибывшими для обмена:

«19 сентября (1672 г.) вечером множество спасавшихся крестьян прошло через Иsgаур, распространяя бешеную тревогу, рассказывая, что абхазы, которых мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже недалеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их расставили на улицах базара и всю ночь провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостоять ему... 20 сентября все люди с нашего судна и с других, стоящих в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности быть захваченными абхазами, которые были близко.

Действительно, они были близко. Как раз в 10 часов вечера мы увидели, что весь рынок пыпал в огне, и когда на следующее утро люди отправились туда, они не нашли там ничего, кроме пепла и остатков пожарища... »¹.

Подобное происшествие на исгаурском рынке для Шардэна, очевидно, было неожиданным сюрпризом, и он, со свойственной французам деликатностью, откровенно признается в своем страхе, но, вероятно, для его спутников – купцов и капитанов – это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея на чеку

¹ Ibid., II, p. 6–7.

оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вернули высаженный им вооруженный десант обратно на корабли, то, наверно, только потому, что из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазским отрядами и «благородно ретироваться под давлением превосходных сил противника».

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятно, купцы не только сумели бы дать отпор наступавшим абхазам, но не постыдились бы и сами перейти в контратаку ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны купцам и входили составным элементом в их коммерческую деятельность.

Правда, они сами также подверглись нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными абхазскими феодалами-князьями и дворянами приморских районов. Об этих пиратах упоминает и Интериано¹, и Ламберти², и Шардэн, и другие путешественники.

Более подробно на этом вопросе останавливается Дюбуа, посетивший Черноморское побережье уже в начале XIX века, но еще лично встречавший эпигонаов морского бандитизма.

В первом томе своей книги³, он говорит:

«Я часто имел возможность наблюдать черкесские галеры пиратов ... Галеры эти теперь большего размера и вмещают обычно большее количество людей по 60–70 человек каждая. Они идут на веслах, скользя вдоль берегов, чтобы не быть замеченными. (Эти галеры называются по-черкески «кафа» или «куафа», а также «камара», по-абхазски «ахба» (вернее, ауба ... – А.Ф.) Порт Мамай, знаменитый еще в древности своими пиратами, до сих пор служит центром черкесских корсаров» (р. 142–143).

Далее Дюбуа подробно рассказывает о том, как на его глазах вблизи кодорского мыса небольшое торговое судно подверглось нападению на

¹ Giorgio Interiano – “Della vita de Zychi chiamati Circasi”, Venetia, 1583.

² Relation della Colchide noqqi detta Mengrellia, etc”... Del p. d. Archangelo Lamberti, Ln Napoli, 1654.

³ Dubois de Montpereux – Voyage autour du Caucase, chez, les tcherkesse et les abkhases, ets ... Paris, 1839.

море со стороны двух пиратских галер, причем, до прихода на помощь русского сторожевого военного судна из Сухума, пираты успели захватить бочку вина и 30 рублей серебром.

По словам Дюбуа, пираты эти были бомборские абхазы, имевшие предводителями «трех князей из окрестностей Соук-Су (Лыхны)», друзей владетеля Абхазии Михаил Чачба (р. 229–300).

Следовательно, не только самый процесс берегового обмена, но и плаванье вдоль берегов Абхазии представлялось чрезвычайно рискованным делом. Только высокая норма прибыли заставляла купцов пробиваться через эти опасные препятствия, и наоборот, последние, в свою очередь, обусловливали высокую торговую прибыль.

«Эта первоначальная норма прибыли была по необходимости очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия... Прибыль, следовательно, должна была включить высокую премию за риск предприятия» ... (Ф. Энгельс. Закон ценности и норма прибыли., см. сб. «Изложение 4-х томов «Капитала», изд. «Буревестник», 1924. С. 293–294).

Высокая прибыль заставляла идти на риск – большой риск повышал норму прибыли.

В этом была своеобразная диалектика берегового обмена.

Предметы береговой торговли

Объектами берегового обмена были в первую очередь те товары, которые имели высокую потребительскую стоимость для населения Абхазии в целом (соль) и ее феодальной верхушки (оружие, ценные ткани), с одной стороны, а с другой – товары, представляющие наибольшую торговую прибыль для купцов-посредников.

Главными импортными товарами были: соль, оружие и металлические изделия, а также тонкие полотна, ситцы, сукна, сафьян и выделенные крашенные кожи.

Важнейшую статью экспорта составляло сырье, в первую очередь – лес, пушнина, воск.

Особое место занимала работторговля, о которой будет сказано ниже. Рабы, несомненно, служили главным предметом экспорта.

Кроме того, с берегов Абхазии вывозили: шелк, льняную пряжу и грубые полотна, льняное семя, шкуры быков, куниц, бобров, самшит и мед (Шардэн, стр. 119).

Шардэн подробно останавливается на меде, отмечая его исключительные качества:

«Мед бывает двух сортов: желто-красный и белый, белого имеется в меньшем количестве, чем другого сорта, но он гораздо лучше и сладче – рафинированный сахар не может быть сладче: это продукт очень тонкого вкуса, он тверд на зубах.

Кроме домашнего меда, есть мед дикий, который находится в дуплах и щелях деревьев, он имеется в большем изобилии. Суда из Каффы везут его в Татарию, где из него и зерна приготовляют очень крепкий напиток...» (Указ. соч., стр. 145).

В другом месте Шардэн отмечает еще, как экспортный товар, «шкуры ланей и тигров...» (оленей и барсов. – А.Ф.).

Пейсонель на первое место среди экспортных товаров выдвигает самшит, «который обменивается на соль, вес на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз самшита...» Кроме самшита Пейсонель подчеркивает экспорт воска, которого по его словам, «из Абхазии вывозится громадное количество по очень выгодной и крайне низкой цене... воск продается неочищенным и при очистке его около 20% идет на убыль», но, тем не менее, сам Пейсонель лично встречал купцов, разбогатевших исключительно на абхазском воске.

Дюбуа также много говорит в первую очередь о самшите и вообще об эксплуатации лесосыря. Он указывает:

«Нет страны более богатой лесом, чем Абхазия. Лес можно получать везде на побережье, начиная от Сухума до устья Ингуре, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород – дуба, граба, бук, ели и сосны, там имеются великолепные ясени, громадные тисовые деревья с древесиной красного цвета, необыкновенных размеров грушевые деревья, самшит, каштаны и пр...» (Указ. соч. С. 189).

Дюбуа особо подчеркивает прекрасные качества абхазского самшита, отмечая, что и в его время «самшит по-прежнему один из главных

предметов торговли Абхазии и нигде нельзя найти такого прекрасного самшита и по такой дешевой цене. Самшит растет, как я уже говорил, до самого берега моря, в лесах у Бомбара, но лучший находится в ущельях внутри страны и у подножья гор... »

И во времена Дюбуа (начало XIX века) самшит продавался на вес и, по преимуществу, обменивался на соль. Однако, соотношение уже было иное:

«Самшит обменивают из расчета 30 фунтов соли за центнер самши-та, который абхазы доставляют на берег моря, где его взвешивают... » (Там же. С. 271).

Таким образом, если в XVII–XVIII веках самшит обменивался на соль из расчета 1:1, то в начале XIX века эта пропорция составляла уже 1:8 в пользу соли.

Это объясняется, с одной стороны – падением цены на самшит, вследствие интенсивной эксплуатации его массивов, с другой – ограниченным в результате военных действий русского флота импортом крымской соли.

Кроме вышеперечисленных предметов экспорта, с берегов Абхазии вывозилась в незначительном количестве серебросвинцовая руда, а позднее, к концу XVIII века, из южной Абхазии начался вывоз кукурузы.

Работорговля

Центральное место в береговом обмене занимала работорговля на протяжении ряда столетий. При этом, с течением времени, ее значение не только не ослабевало, а наоборот, возрастало, вплоть до середины XIX века, когда на побережье Черного моря утвердил свою монополию российский торговый капитал, не заинтересованный в этой отрасли торговли. Эта незаинтересованность объяснялась, конечно, не моральными побуждениями, а просто-напросто в силу того, что российский купец обслуживал сначала – потребности крепостнического хозяйства русских помещиков, не нуждавшихся в рабском труде, стремившихся и своих рабов (холопов) посадить на землю, да еще и перевести на оброк, а затем – потребности нарождавшейся национальной индустрии, основанной на вольнонаемном труде.

Особенный расцвет работорговля приобрела на восточном побережье Черного моря как раз в эпоху турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль.

«Полуфеодальное» хозяйство Ближнего востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства.

Рабы обрабатывали поля, плантации и сады Малой Азии, Румелии, Египта.

Рабы добывали соль в Крыму, мрамор в Карраре.

Рабы служили гребцами на купеческих фелюгах и военных галерах, бороздивших земли Средиземноморья.

Рабы строили величественные дворцы и мечети Стамбула, мосты, дороги, военные бастионы, окаймлявшие рубежи обширной Османской империи.

Рабы грузили торговые корабли на пристанях Александрии, Кафы, Смирны, Стамбула.

Рабы охраняли серали пашей, служили домашней прислугой в домах феодально-бюрократической знати, а избранные красавицы-рабыни нередко попадали в гаремы султанов и его сатрапов, пополняя контингент их многочисленных жен и наложниц.

По словам Шардэна, ежегодно с берегов Абхазии и Черкесии вывозилось до **12000** рабов.

Исключительное преобладание работорговли в системе берегового обмена объясняется также и тем, что она более чем какая-либо другая отрасль торговли соответствовала структуре натурального хозяйства феодальной Абхазии, не только не подрывая, но наоборот, укрепляя его устои, покоившиеся на внеэкономическом принуждении, на бесправии трудового народа и произволе эксплуататоров.

Маркс отмечал, что система рабства всегда сохраняет элементы натурального хозяйства, потому что «самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара – рабочей силы посредством войны, морского разбоя, и т.д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чу-

жой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» ... (Капитал. Т. II. С. 349).

Работоторговля в Абхазии имела глубокие исторические корни, залегающие еще в вассальных отношениях абхазских племен в эпоху античной колонизации, которые обязывались завоевателями данью в размере нескольких десятков, а то и сотен рабов.

Дюбуа справедливо замечает:

«Во все времена древняя Зихия, нынешние берега Черкесии и Абхазии, была рынком рабов: это продолжается уже многие тысячи лет. Можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие страны. Страбон, Прокопий, Инериано и все современные авторы говорят о торговле рабами». (Указ. соч. С. 124).

Источником работоторговли были феодальные набеги и войны. Военно-пленных приводили к пунктам берегового обмена, где и продовали «турецким» купцам. Проданный в рабство пленный не только лишался всех социально-политических прав, но и терял элементарное человеческое достоинство.

Купец рассматривал раба как вещь, на покупку который он затратил определенные средства, с надеждой извлечь высокую прибыль.

Положение рабов на купеческом корабле приводило в содрогание даже современников, в достаточной мере привыкших к жестоким нравам эпохи.

Шарден очень ярко передает свои впечатления о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Истаур:

«Я был вне себя от радости, когда почувствовал, что нахожусь за пределами корабля, смрад которого я не в силах был более испытывать, а также видеть ту жизнь и ту низость, которая имела там место.

Каждый вечер заковывали в цепи мужчин по двое, а также и мальчиков. По утрам с них снимали цепи.

Этот звон, производимый цепями, лишал меня возможности покоя и это событие повергало меня всегда в печаль.

По утрам мы всегда могли видеть неизбежные огни на берегу. Это был сигнал о том, что там находились люди, которые привели рабов для продажи или имели другие товары. Туда посыпали лодку, и те, что хотели взойти на судно, садились в лодку со своим товаром, входили на борт судна и производили свое торжище.

На нашем корабле было 40 рабов в то время, как я покинул его. Капитан, купцы – турки и христиане – обменивали их на оружие, одежду и другие товары. Они давали то, что у них спрашивали, но считали вдвое дороже, чем им стоило самим. Мужчины от 25 до 40 лет обходились им только в 15 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет – 20 экю, другие дешевле, женщины – 12 экю, дети – от 3 до 4 экю.

Один греческий купец, каюта которого была рядом с моей, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю. Женщине было не более 25 лет, черты лица ее были восхитительной красоты и кожа цвета подлинной лилии. Я никогда не видел более прекрасных закругленных грудей и такой нежной кожи. Эта прекрасная женщина вызывала во мне одновременно и желание, и сострадание к себе.

Что более всего приводило меня в изумление, это то обстоятельство, что эти несчастные существа не были подавленными и не чувствовали всего несчастья своего положения.

Как только их покупали, с них снимали лохмотья, которыми они были прикрыты. На них одевали новую одежду и заставляли работать. Мужчин и мальчиков заставляли исполнять работы на судах, женщин и девочек заниматься шитьем... принуждая к работе ударами палки». (Указ. соч. С. 12).

Цены на рабов, указанные Шардэном, несомненно, можно принять, как весьма ориентировочные, ибо они были подвержены сильным колебаниям.

Пейсонель по этому поводу высказывает гораздо более осторожно:

«Рабы представляют собой товар, цену которого определить невозможно, т.к. между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского до самого дряхлого.

Различные цели, для которых они предназначаются, пол, красота, возраст, стройность, способности, физическая сила, состояние здоровья, играют очень важную роль при определении стоимости рабов.

Вообще их ценность колеблется от 60 до 5.000 пиястр» (Указ. соч. С. 177).

Однако, можно констатировать, что подростки, молодые юноши и девушки ценились дороже, чем остальные.

На всем побережье Абхазии подросток 10–12 лет, в 5–6 четвертей¹ ростом, служил мерилом стоимости, что оправдывает замечание Маркса о том, что «люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный материал» (Капитал. Т. I. С. 45).

Береговая торговля, чаще всего имевшая характер случайного натурального обмена, характеризовалась тем, что стоимость какого угодно товара легко воплощалась в стоимость любого другого товара.

Шарден указывает: «Вся торговля происходит путем обмена на базарах, которые бывают поочередно на той и другой стороне, где запасаются всем необходимым, дают товар за товар. Деньги не имеют определенной стоимости. Деньги, имеющие здесь обращение, суть пиастры, голландские экю и абассы, которые представляют собой монеты, сделанные в Грузии, но персидской чеканки» ... (Там же. С. 145).

В этих условиях, при неразвитых формах обмена, на фоне процветающей работорговли, естественно, главным претендентом на роль всеобщего эквивалента могли быть рабы.

По мере развития, замкнутого в определенные локальные границы, берегового обмена, рабы и выделились, как «специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма» (Маркс).

Подросток в 5–6 четвертей ростом, называемый по-абхазски «худза-фыдза», стал функционировать как денежная единица, служа разменной монетой.

Один «худза-фыдза» приравнивался по стоимости одной верховой лошади или 10–15 быкам. Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. За одного «худза-фыдза» можно было получить взрослого мужчину плюс пару быков или другой «привесок».

Если процесс обмена происходил даже без непосредственного участия «худза-фыдза», то, во всяком случае, он оставался мерилом стоимости заочно: «это ружье стоит два “худза-фыдза” – как же ты предлагаешь мне за него всего 15 быков» ...

Но «худза-фыдза» по своей природе не был особенно удобен для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, не обладая

¹ по-абх. «ахиэза-фэза».

необходимыми для этого качествами неизменяемости, прочности, однородности, делимости, портативности, почему роль всеобщего эквивалента у него оспаривал скот, а впоследствии, еще более успешно – металлические деньги.

Пути и центры береговой торговли

Эта торговля была преимущественно посреднической, а значит, обслуживала самые разнообразные местности, зачастую весьма удаленные от Абхазии, которая представляла как бы узел перекрещивающихся торговых путей.

Береговые связи были чрезвычайно нерегулярны, часто порывались, благодаря постороннему воздействию, но все же можно проследить те тонкие нити, что связывали побережье Абхазии посредством берегового обмена с далекими заморскими странами. Паутина посреднической деятельности черноморских купцов захватывала рынки, на первый взгляд, ничем не связанные между собой, и на береговых базарах Абхазии можно было встретить товары не только со всего Ближнего Востока, но и почти со всей Европы.

Береговые рынки Абхазии в то время открывали свои ворота на Запад, отгораживаясь с Востока стеной враждебного равнодушия.

Восток был недвижим.

За Главным Кавказским хребтом лежали мелкие раздробленные владения черкесских и кабардинских феодалов, бесконечно враждующих между собой и с абхазами, перегородивших рогатками феодального произвола былье транзитные тропы на Северный Кавказ, поджидающих у подножья перевалов, когда откроется возможность пограбить и похитить, напасть, уничтожить.

На юго-восток от Абхазии расстилались долины Риона и Куры, где звенели когда-то мечи воинов Баграта, Давида, Тамары, где когда-то один за другим двигались торговые караваны через цветущие селения, ярмарки и города. Но теперь, в XVI–XVII веке, эти долины опустели, мечи знаменитых абхазо-картвельских полководцев давно ржавели в могилах, караванные пути заросли сорняками феодальных междуусобиц владетелей карликовых государств – лоскутов могущественной в прошлом Грузии.

Западная Грузия, через которую проходили когда-то великие торговые пути из Персии в Византию, в результате падения последней в конце XV века, подверглась полному экономическому оскудению.

Шарден отмечает, что Кутаис – еще недавно оживленный, цветущий город, важный торговый центр, славившийся своими богатыми ярмарками и обширными базарами, в 1673 году едва насчитывал 200 домов населения, превратившись в большую деревню, хотя он и оставался столицей Имеретии.

С востока ждать было нечего, кроме дыма горевших селений, запаха тления и трупного смрада.

А в то же время с Запада все чаще прибывали купеческие корабли под турецким флагом, на Западе раскрывались еще неизведанные, но широкие экономические горизонты, оттуда долетали до берегов Абхазии атлантические ветры и сквозь дымку морского тумана мерещились силуэты испанских каравелл, покоривших океан, чтобы достичь полулендлярного Нового Света и завоевать сказочные богатства неизведенной страны, открытой предприимчивым генуэзцем Христофором Колумбом.

Ворота береговых абхазских рынков все шире отворялись на Запад.

Купеческие корабли к берегам Абхазии шли по двум основным направлениям: из Кафсы, вдоль берегов Черкесии, и из Стамбула, через Синоп – Трапезунд, вдоль анатолийского побережья.

Но Стамбул и Кафса не были отправными точками. Это были передаточные пункты, крупные транзитные узлы, а нити торговых связей тянулись дальше.

В Каффе перекрещивались пути из Акмечети, Бахчисарай и остальных центров Крымского ханства. Из Кафсы протягивались нити посреднической торговли: через Тамань – в ногайские и калмыцкие степи, на Волгу, по Дону – в Россию, через Молдавию – в Польшу, по Дунаю, через Валахию и Венгрию, до Богемии и Германии, через Бургас – в балканские страны.

В Стамбуле бухта Золотого рога кишила торговыми судами, сновавшими меж островов Мраморного и Эгейского моря, приходившими с голубых средиземноморских просторов. Сюда тянулись широкие водные дороги из Смирны и Салоник, с берегов Сирии (Бейрут и Яффа), из Кира и Александрии, из Венеции и Марселя, Албании, Далмации и Туниса,

протоптанные караванные пути из глубин Малой Азии и с Балканского полуострова.

На стамбульскую магистраль выходили у берегов Анатолии купеческие корабли из Трапезунда, Синопа и Гониэ, принимавшие на борт товары, шедшие по вьючным тропам из Месопотамии и Персии.

Через Каффу к берегам Абхазии направлялась крымская соль, оружие и металлические изделия из Богемии и Германии, из Стамбула шли сафьян и крашенные кожи, смирнские пряности (инжир перец, имбирь) и благовония, сирийское оружие (дамасская сталь), казанлыкское розовое масло, ямбольские ткани, каирские полотна, французский порох, венецианское стекло и пр.

В Трапезунде и Синопе к этому грузопотоку присоединялись персидские ситцы, ковры и шелка, дорогие восточные сукна.

Вот каким разнообразием товарного ассортимента блистала береговая торговля.

Централами берегового обмена являлись обычно небольшие бухты или чаще всего устья рек. Обширные бухты, как, например, Сухумская, не удовлетворяли требованиям тогдашнего мореплавания, ибо скромные парусные или гребные суда не находили гарантий безопасных стоянок на таких открытых и просторных рейдах.

Но небольших закрытых бухт на побережье Абхазии почти не было, т.к. ее береговая линия, как известно, изрезана весьма слабо. Вот почему купеческие галеры отдавали предпочтение устьям рек, которые были удобны еще и потому, что речные долины и ущелья представляли собой естественные транзитные проходы вглубь страны, чем ускорялся самый процесс обмена на береговых торжищах.

Несмотря на то, что встреча приезжавших купцов с местным населением и каждый отдельный факт обмена товаров на берегу были сами по себе явлением, на первый взгляд, случайным, тем не менее повторение этих случаев и накопление опыта в обращении товаров в итоге локализировало береговой обмен в определенных территориальных пунктах.

В XVI–XVIII столетиях на побережье Абхазии крупнейшим рынком был Испгаур (Искуря, Скурча), который Арканджело Ламберти прямо называет «туркче эмпориум», что значит «турецкая фактория». Этот рынок был расположен на востоке от кодорского мыса на берегу неболь-

шой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннею бухту.

В те времена, когда техника мореплавания в меньшей степени могла противостоять капризам и коварству Черного моря, естественные данные маленькой, тесной для современных теплоходов, но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты, были весьма благоприятны для стоянки судов.

Кроме того, выдвижению Испаурского рынка способствовало и то обстоятельство, что он служил конечным пунктом вашнейшего для Абхазии транзитного торгового пути по реке Кодор через Цебельдинское плоскогорье и ущелье Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам, и дальше – на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды.

Значение этого пути очень образно показывает Дюбуа, говоря:

«Ущелье Марух – один из древнейших путей сообщения Кавказа: через этот путь, большей частью, распространялась цивилизация с одного склона (Главного хребта) на другой и производилась торговля. Некогда Абхазия, окаймленная греческими колониями, цветущая подобно саду, благодаря развитой торговле, покрытая городами, замками, церквами, являлась самым драгоценным камнем в короне королей Грузии, и в то время Цебельда была ее Симплоном» ... (Указ. соч. С. 320).

Наконец, не исключена возможность, что росту значения Испаура содействовала и историческая традиция. Если допустить, – а это самый вероятный вариант, что на берегу Скурчинской бухты в свое время процветала знаменитая Диоскурия, то, несомненно, надо учесть историческую преемственность в отношении выбора места для рынков, которую итальянские и «турецкие» купцы получили от своих византийских и античных предшественников.

Что же представлял из себя Испаур, этот важнейший центр берегового обмена в Абхазии?

Шардэн, посетивший его в 1672 г., дает довольно полную картину.

«10 сентября мы прибыли в Испаур... Там находились 7 больших судов. Прежде всего, наш капитан поставил свое судно на 4 якоря – по два на носу и на корме, и сложил на сушу мачты и снасти.

Испаур – пустынное место, без жилья. По мере того, как приезжают купцы, там строятся хижины из ветвей деревьев, в том случае, если счи-

тают себя в безопасности от абхазов, что бывает редко»... (Указ. соч. С. 119).

Далее Шардэн снова возвращается к описанию Иггаура.

«Как только наше судно вошло в бухту Иггаура, я сошел на берег вместе с купцом-греком, меня сопровождавшим. Я надеялся увидеть там дома и найти немного продуктов, и какую-либо помочь: эта надежда имела основание, т.к. я видел семь судов в порту, но я был очень обманут в своих ожиданиях – ничего этого я не нашел.

Берег Иггаура весь покрыт лесом. (Недалеко) от берега имеется площадь в 250 (метров) длины и 50 ширины. Это – большой рынок. Там есть одна улица, имеющая с каждой стороны сотню маленьких хижин, сплетенных из ветвей деревьев. Каждый торговец берет себе одну из этих хижин. Они проводят там ночь, но держат в лавке только те предметы, которые могут быть проданы в течение 2–3 дней.

Купленные вещи, а также и те, которые нельзя надеяться продать быстро, сохраняются на судне, вследствие недостаточной безопасности на суше. На рынке не было ничего другого, а также не видно было ни одного (жилого) дома. Я был крайне изумлен и огорчен, не найдя там никакой провизии, (между тем как) наша собственная уже приходила к концу, и увидев там закованных в цепи рабов и с дюжину оборванцев с луками и стрелами в руках, возбуждавших страх... » (Там же. С. 3–4).

Описание Шардэна подтверждает и Пейсонель, видевший Иггаур 80 лет спустя в 1750-х годах.

«Открытая бухта, небезопасная для стоянки больших судов. Здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3–4 мили в окружности» (Т. II. С. 8–10).

Таков был Иггаур – самый крупный центр берегового обмена. Остальные пункты причала и стоянки торговых судов на побережье Абхазии еще менее напоминали рынки обычного городского типа.

Устья рек Гудавы, Дгамыш, Келасури, бомборская и пицундская бухты не имели на своих берегах крупных поселений. Меркульский и илорский базары скорее служили местами для сельских ярмарок.

Тем не менее эти пункты с течением времени сделались обычным убежищем для купеческих кораблей и находились под наблюдением со стороны жителей окрестных селений, которые распространяли весть о

прибытии купца вглубь страны, вызывая на побережье всех имеющих потребность в обмене.

Подобный внешний вид центров берегового обмена полностью соответствовал его содержанию и структуре.

Береговая торговля Абхазии определялась, главным образом, посреднической деятельностью «турецкого» торгового капитала.

Купец, плававший под турецким флагом и пользовавшийся его защитой, откупаясь пошлинами и налоговым сбором, легко приобретал право свободных операций на побережье с целью личной наживы и добычи тысячепроцентной прибыли.

Турецкая колонизация не преследовала цель иммиграции в Абхазию избыточного населения из метрополии в противоположность хотя бы античной колонизации, когда колонисты прочно оседали на побережье.

Турецкая колонизация не подрывала основы феодального способа производства, который продолжал господствовать в Абхазии.

Турция, прежде всего, стремилась обеспечить свою идеино-политическую гегемонию, подкрепляя свой протекторат организацией военных форпостов и пропагандой ислама, довольствуясь получением дани и монополией в посреднической торговле, предоставлявшей рабочую силу (рабы) и сырье (самшит, пушнина и пр.), а также служившей добавочным источником доходов для государственной казны (пошлины и сборы).

Эти особенности турецкой колонизации, определявшие и характер посреднической торговли этой эпохи, являлись прямым следствием специфики той общественно-экономической формации, которая господствовала в Турции, и которую Энгельс метко окрестил термином «полуфеодализм». (Письмо Марксу от 22 дек. 1882 г.).

Эта особая разновидность феодализма характеризовалась тем, что частная собственность на землю в значительной степени была «сконцентрирована в национальном масштабе» и государство выступало, как собирательный тип феодального эксплуататора.

Турция отличалась чрезвычайно сильной централизацией государственной власти, причем эта централизация по преимуществу находила базу именно в транзитной торговле.

Исходя из этого характера колонизации, турецкие опорные пункты на берегах Абхазии – Сухум-Калэ и Бала-Даг (Гагры) до последнего вре-

мени XVIII в. имели характер только военных форпостов и хотя оберегали монополию «турецких» купцов, но сами не являлись сколько-нибудь значительными центрами береговой торговли.

По словам Пейсонеля в середине XVIII века Сухум, основанный турками в 1578 году, представлял из себя «небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3.000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря.

Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар под командой двухбунчужного паша... » (Указ. соч. С. 8–9).

К концу XVIII века значение Сухума для береговой торговли возросло, в связи с тем, что он стал резиденцией абхазских владетелей, население увеличилось до 6.000 человек, базар расширился и город принял довольно благоустроенный вид. Но это был весьма кратковременный период в истории города, ибо в 1810 году он был разрушен дотла русской артиллерией и предан мерзости запустения.

Маленькая гагринская крепость была, разумеется, еще меньше похожа на торговый центр и, кроме нескольких хижин, не имела близ своих стен никаких поселений.

Подводя итоги, приходится констатировать, что в XVI–XVIII столетиях, в эпоху турецкого протектората центры береговой торговли по своему внешнему облику, по величине товарооборота и населения значительно уступали торговым центрам эпохи генуэзской, византийской и античной колонизации на берегах Абхазии.

И неудивительно, что после сравнительного обзора их Дюбуа патетически восклицает:

«Какая разница между этой бедной, несчастной Абхазией наших дней (20-е годы XIX века. – А.Ф.) и той блестательной гирляндой греческих колоний, которые окаймляли ее берега в былье времена... » (Указ. соч. С. 263).

Разница была действительно огромная, и насколько же различно было влияние берегового обмена этих двух эпох на внутреннюю социально-экономическую структуру Абхазии.

Специфика развития феодализма в Абхазии заключалась в замедленном темпе роста производительных сил, в отсутствии ярко выраженного отделения ремесла от земледелия, в отсутствии рынков городского типа, в живучести элементов родового строя, сохранившихся в системе феодальных отношений.

Эти специфические черты в значительной мере являлись продуктом воздействия береговой торговли и береговой колонизации.

Береговая торговля была, прежде всего, посреднической. Эта торговля основывалась, главным образом на «варварстве производящих народов» (Маркс), следствием чего и являлась высокая норма прибыли...

Довольствуясь вассальной зависимостью абхазских владетелей, утверждением торговой монополии и получением дани, турки не имели необходимости ломать производственные отношения, которые они застали в Абхазии. Маркс в свое время особо подчеркивал эту черту турецкой колонизации, указывая, что «При всех завоеваниях возможен троекратный исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне), или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)» (К критике полит. экономии. ГИЗ, 1931. С. 66).

Колонизаторы и купцы в эпоху турецкого протектората (XVI–XVIII столетия) были заинтересованы в консервации способа производства в Абхазии на наиболее низком уровне, ибо именно это обеспечивало расцвет посреднической торговли.

Но прямым следствием отсюда вытекало слабое, замедленное развитие производительных сил внутри самой Абхазии.

Земледелие в холмистой после начало уже приваливать над скотоводством, но земледельческая техника оставалась на чрезвычайном низком уровне.

Взрыхляя деревянной сохой-рогулей ничем не удобряемую, отвешенную от леса, землю, зачастую ограничиваясь мотыжной обработкой вручную без применения тягловой силы, бороня пашню пучком хвороста, утяжеленного камнями, абхазский крестьянин сеял гоми (просо), лобио (фасоль), ацыца (редька), лук, чеснок и прочую зелень. Позднее

в XVIII веке появилась кукуруза, наряду с гоми, занявшая место основного хлебного злака. На обработку одного гектара кукурузы уходило не более 60–70 трудодней в год.

Скотоводство по-прежнему имело крайне экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гонялся летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима, свойственная холмистой полосе, не вызывали необходимости в создании искусственной кормовой базы – скот круглый год находился на подножном корму.

Техника виноградарства не продвинулась вперед в течение целых столетий, и виноградная лоза – очень древняя культура в Абхазии – продолжала обвиваться вокруг ольховых деревьев без всякого ухода.

Также почти без специального ухода произрастали вокруг поселений фруктовые и ореховые деревья.

Собирание дикорастущих плодов, добыча меда у диких пчел, охота – все эти отрасли недалеко ушли в своем развитии от первых этапов присваивающего хозяйства.

Соответственно примитивности форм экономической деятельности крайне простым было и жилище абхазского крестьянина, представлявшее собой легкую постройку, плетенную из прутьев рододендрона, с конусообразной крышей, накрытой папоротником и сухой травой. Постройка такого жилища была доступна каждому и не требовала привлечения специалистов плотников и печников, держалась очень долгое время, предохраняя от зимних дождей и одновременно от летнего зноя.

Одежда, находившаяся в массовом употреблении, была также чрезвычайно проста. Черкеска и башлык являлись характерным костюмом только для высшей прослойки «чистых крестьян». Более распространенной крестьянской одеждой был грубый бешмет (акабакяч), длинная рубаха, войлочная конусообразная шапка и чусты из сырмятной кожи, а у женщин – длинное простое платье и безрукавка. Рабы и крепостные зачастую ходили почти совершенно голыми, прикрывшись кожаным фартуком (акуахчия) или бесформенными лохмотьями.

Необычная ровность и мягкость климата, отсутствие резких отличий между временами года исключали необходимость дифференциации одежды на летний и зимний костюм.

Материалом для одежды служил лен, реже хлопок и шерсть.

Посуда делалась из глины или выдалбливалась из дерева, причем чаще всего преобладал последний способ благодаря окружавшим поселки лесным богатствам.

Изготовлением одежды, посуды, несложной мебели занималась почти каждая семья. Во всяком случае, все предметы домашнего обихода могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья в каждой крестьянской семье, не вызывая нужду в специализации, а стало быть, в отделении плотничего, столярного, портняжного, сапожного и гончарного промысла от земледелия.

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так только в металлодобывающих и металлообрабатывающих промыслах.

Процесс добычи металла на месте был очень тяжел и поэтому доступен далеко не каждой семье, а кроме того, источники сырья этого рода (залежи руды) были локализованы в определенном пункте, вследствие чего далеко не все жители могли ими воспользоваться.

В Абхазии пробовали добывать и порох из смеси сухого козьего кала (селитра), серы и особого растения – «харчил» («ahagчәi»).

Но ни добывающийся свинец и медь, ни самодельный порох, благодаря своему низкому качеству и ограниченному количеству, не могли удовлетворить быстро растущий спрос на оружие и боеприпасы, что заставляло обращаться к посредничеству приезжающих с моря купцов.

Именно – оружие и боеприпасы, а также и соль, запасов которой в Абхазии не было совершенно – это были самые слабые звенья в цепи натуральной системы хозяйства феодальной Абхазии.

Но обмен не был еще законом развития этого хозяйства, которое оставлялось в целом еще вполне натуральным. Внутренний обмен был развит очень слабо, прикрываясь чаще всего формой «дарения». Внешний обмен служил на первых порах лишь отдушиной, через которую удовлетворялся спрос на такие продукты, как оружие и соль, и таким образом не противоречил натуральным отношениям, твердо державшимся внутри Абхазии.

Более того, поскольку в основном потребности крестьянства и эксплуататоров-феодалов удовлетворялись собственным производством, а добавочный спрос на оружие и предметы роскоши со стороны князей и дворян всегда встречал в любом размере предложения со стороны при-

еезжих купцов, следовательно, посредническая береговая торговля в этом смысле укрепляла натуральные формы хозяйства и консервировала существовавшие в Абхазии производственные отношения.

В течение столетий, почти до самого XVIII века, «мелкое земледелие с его подобной домашней промышленностью» было неколебимой основной феодального способа производства в Абхазии. В консервации данного способа производства немалую роль играл иностранный посредник-купец, стремившийся затормозить развитие производительных сил страны, замедлить темп ее культурно-политического роста, не допустить зарождения национальных элементов буржуазной формации в недрах абхазского феодализма.

Развитие торгового капитала в рамках феодального способа производства может происходить только на основе феодальных форм эксплуатации.

Это, между прочим, отрицала троцкистская оппозиция в дискуссии по китайскому вопросу. На это указывал тов. Сталин: «Оппозиция не видит, что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала при сохранении феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства» (Сталин. Об оппозиции. С. 618).

Именно возраставшая эксплуатация трудового населения страны феодальными владельцами и иноземными хищниками-колонизаторами не давала возможности ее экономике развиваться соответственно богатейшим природным возможностям.

При господстве натурального хозяйства, разумеется, и прибавочный продукт труда зависимого крестьянина присваивался феодалом в натуральной его форме.

Князь или дворянин, хотя и не вел непосредственно обширного хозяйства, однако, обеспечивался в избытке не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами домашних крестьянских промыслов (льняные, а иногда и хлопчатобумажные ткани, шерсть и шерстяные изделия, ковры, посуда, оружие и пр.)

Но с течением времени, по мере накопления отчужденного у подвластных крестьян прибавочного продукта потребности феодала росли.

Возможность постоянного удовлетворения этих растущих потребностей, посредством берегового обмена, в свою очередь, стимулировала данный процесс.

Рост потребностей абхазских феодалов вызвал: во-первых, учащение актов берегового обмена и увеличение оборотов береговой торговли, во-вторых – повышение нормы эксплуатации, расцвет военно-феодального грабежа с целью прямого захвата рабов, как самого распространенного предмета торговли.

Работоторговля увеличивала феодальную ренту. Развитие берегового обмена сближало интересы абхазских феодалов и иностранных купцов. С течением времени князья и дворяне привыкли рассматривать береговую торговлю, как источник добавочных доходов.

Работоторговля была весьма выгодным занятием. Рабы всегда доставались без большого труда, путем вооруженных набегов на соседей внутри Абхазии или за ее пределами. Все захваченные в плен составляли, конечно, собственность князя – организатора и предводителя набега, и поэтому поставщиками рабов на береговые рынки обычно являлись феодалы. Захваченных в плен обращали в рабство, но не всегда сразу продавали.

Каждый военный набег сопровождался все-таки известным риском и потому нельзя было часто прибегать к этому способу воспроизведения живого товара. Гораздо безопаснее был способ естественного воспроизведения рабов, путем деторождения.

Дюбуа отмечает, что «желая иметь рабов для продажи, они (феодалы. – А.Ф.) принимались за это дело заранее... Захватив пленников, пиратствуя по морям, воюя с соседями или же грабя в Имеретии и Черкесии, они спешили поженить тех рабов и рабынь, от женитьбы которых они ожидали наибольшей прибыли; но, как только у них рождались дети, их отнимали от родителей и воспитывали отдельно до того времени, пока являлась возможность выгодно продать их. Эти несчастные пленники были настоящими производителями детей!» (Указ. соч. С. 258).

Во всяком случае, захват рабов и воспроизводство рабов для обмена сделалось важной отраслью хозяйственной деятельности абхазских феодалов.

Но, кроме рабов, предметами экспорта из Абхазии служили: лесосыре (в первую очередь, самшит), пушнина, мед и воск. Эти товары

доставлялись феодалу подвластными крестьянами. По мере роста потребностей феодалов во внешнем обмене, мы наблюдаем поэтому увеличение натуральных приношений и усиление трудовых повинностей. Иллюстрацией могут служить примеры, характеризующие порожденное вышеуказанными потребностями стремление феодалов к захвату общинных лесов и пастбищ. Кодорские Чачба (Шервашидзе), владетели Абжойской (Срединной) Абхазии, резиденцией которых были селения Кутол и Тамыш, в XVIII веке пытались захватить большой Джгердинский лес. Бзыбские Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита в Бзыбском ущелье, причем последовательность экспроприации была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем, для охраны от браконьеров, владетели поселили там сторожей, и наконец, объявили о запрещении порубки и вывоза леса.

Неслучайными были также и тенденции владетельных князей захватить свободные до того сельские общины высоких предгорий, населенные преимущественно охотниками и пчеловодами. В середине XVIII века, например, бзыбские Чачба добились захвата сел. Отхара, расположенного у подножья Чедымского хребта, жители которого были обязаны натуральными приношениями продуктов охоты и пчеловодства.

Повышение нормы эксплуатации ярче всего выражалось в усилении крепостнических элементов феодальной зависимости.

Одновременно падает патриархальная оболочка с натуральных приношений, которыми были обязаны «чистые» крестьяне (анхайоцкиа): если раньше они приносили продукты по праздникам в Новый год, на Пасху, на Рождество, в виде подарков своему «князю-батюшке», с которым они часто находились в «родственных» отношениях, в силу обычая усыновления (ахупхара, аюнадара) и воспитания (аатзара), то теперь сроки регламентируются, а объем и вес приношений нормируется. Кроме того, устанавливаются обязательная трудовая повинность в размере 3–5 дней полевой работы на семью, что значительно отличается от прежней работы на поле владельца в форме «взаимопомощи» (ауаах).

Жажда наживы, жажда накопления, порожденная береговой торговлей с иностранными купцами, привозившими невиданные заморские товары, обуяла абхазских феодалов,бросивших маску патриархальности и

обнаживших свое настояще звериное лицо феодального эксплуататора, барщинника, крепостника.

В прошлом довольно примитивное хозяйство абхазского феодала приобретает новые функции (труд крепостных, торговые операции, и т.д.), усложняется и нуждается уже в известном разделении труда и специализации.

Крайне характерным фактом является стремление крупных феодалов, в частности – владетельных князей Чачба, специализировать подвластных крестьян на определенных промыслах, в особенности, усовершенствовать металлообрабатывающие промыслы. Следствием этого было появление отдельных фамилий, из поколения в поколение занимавшихся по преимуществу одним и тем же промыслом – кузнецким (фамилия Жиба от «ажиаа» – кузнец)¹, ювелирным («Ахиба» – золото)², и т.п.

С другой стороны, активное участие крупных феодалов в береговой торговле и усложнение структуры феодального хозяйства вызвало необходимость в специальных «управителях» – приказчиках – мажордомах («акяхя»)³, на обязанности которых по преимуществу и лежала организация сбыта продуктов, предназначенных для обмена, на береговые рынки, заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих «управителей», пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали и себя, превращаясь в за житочных и накопляя немалые богатства.

Этому способствовало и то, что должность такого «управителя» обычно бывала наследственной.

Одними из таких «управителей» были представители фамилии Квициния, служившие в этой должности у тамышских князей Чачба. С течением времени они накопили достаточные излишки, в конце концов, почти эмансирировавшись от своих хозяев. Эти Квициния не только имели постоянное общение с «турецкими» купцами, причалившими в устье

¹ Абх. «ајъі».

² Абх. «ахіъ».

³ Абх. «абіахіа».

р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с транзитными грузами вглубь страны в Джгерды, Чилоу, Атара и т.д., торгуя солью и оружием.

В XVII веке развитием береговой торговли и ростом товарности в хозяйстве крупных феодалов стимулируется и внутренний обмен.

Появляются внутренние рынки ярмарочного типа. Одной из первых таких ярмарок был базар в Илори, близ знаменитого по всей Абхазии, находящегося там, храма святого Георгия, куда ежегодно собирались тысячи крестьян с разных концов страны.

На ярмарке в Илори, конечно, имели хождение по преимуществу товары, которые могли быть использованы затем для берегового обмена, или товары, купленные на побережье у приехавших купцов.

Все это – начиная от «кузнецов» Жиба и тамышских «мажордомов» Квициния, до Илорской ярмарки – свидетельствует о признаках разложения натурального хозяйства Абхазии XVII века.

Такова диалектика истории. Береговая торговля, тормозившая вначале рост производительных сил Абхазии и консервировавшая феодальный способ производства, в конце концов, породила явно противоположные тенденции, направленные к разложению феодализма, к появлению в недрах его эмбрионов капиталистической формации.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАХВАТ АБХАЗИИ РУССКИМ ЦАРИЗМОМ

Абсолютистские тенденции «владетелей»

Береговая торговля в значительной степени содействовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владетелей Абхазии – князей Чачба (Шервашидзе).

Резиденцией владетелей было селение Лыхны, а потомственным владением, своего рода «вотчиной» – Бзыбская Абхазия. Но родственникам владетеля из фамилии Чачба принадлежал ряд пунктов и в других районах Абхазии. Вероятно, неслучайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты берегового обмена: Келасури, Тамыш, Очемчиры, Гудава, не считая Бомборы и Пицунды.

Лыхненские Чачба в эпоху расцвета феодальных отношений занимали среди других феодалов положение «первых среди равных», обладая в значительной степени номинальной властью, а на деле, пасуя перед могуществом своих «подвластных» князей и дворян, признававших владетелей постольку, поскольку они имели большую силу.

Однако по мере развития берегового обмена владетели накопили большие богатства на работорговле, на торговле самшитом и пушниной. Береговые базары к концу XVIII века давали им ежегодный доход в виде пошлин и сборов свыше 2.000 рубл. серебром. Владетели первые пользовались лучшими товарами, запасаясь оружием, золотом и другими драгоценностями, которые можно было с успехом употреблять, как средство подкупа в борьбе с «непослушными» феодалами.

Наряду с возраставшей экономической мощью, укреплению власти владетелей содействовали политические обстоятельства, в частности, покровительство Турции.

Это покровительство со стороны Турции было, конечно, вынужденным. Дело в том, что, появившись на берегах Абхазии еще в XVI веке, турки в течение более 100 лет никак не могли обеспечить свое господство на побережье.

Мало того, что турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже покидали сухумскую и гагринскую крепости в результате нападений со стороны абхазов. Турецкий протекторат над Абхазией превращался в протекторат над Сухумом и Гаграми, да и то довольно непрочный.

Турки решили крепче связаться с фамилией владетелей Чачба, переманить их всерьез на свою сторону, сделать их своими надежными вассалами.

Еще в первой половине XVIII века три брата: Шерван, Сулейман и Зураб Чачба были отправлены в Стамбул «аманатами» (заложниками). Один из них – Шерван – впоследствии был назначен пашой в батумскую крепость, а другой – Сулейман – в Сухум. В Поти тоже пашой сидел один из представителей гурийских Шервашидзе. Таким образом, коменданты всех важнейших крепостей на побережье служили члены фамилии Шервашидзе.

Однако, хотя Сулейман и был комендантом Сухум-Калэ, но это еще не значило, что через него турки могут распоряжаться Абхазией.

Турецкие дипломаты инсценируют одно восстание за другим, ссорят претендентов на лыхненский «престол» и, в конце концов, выдвигают владетелем Абхазии молодого Ахмед-Келеш-бея Чачба, утверждая его одновременно пашой Сухум-Калэ, и, следовательно, наместником Порты Османской в Абхазии.

Этим Турция надеялась обеспечить незыблемость своего протектората и наладить получение дани.

Располагая поддержкой Турции, обладая полученным в наследство богатством, Келеш-бей поставил задачей укрепить центральную власть во чтобы то ни стало. Видя первых своих врагов в лице крупных феодалов-князей Маршания, кодорских Чачба, эшерских Дзяппш-Ипа и др., Келеш-бей делает ставку на мелкое дворянство и верхушечную прослойку «чистых крестьян», из которых он начинает вербовать своего рода служилых дворян, «дружинников» – форсируя создание промежуточного сословия «ашнакма».

После упорной борьбы он сокрушает главного соперника, своего двоюродного брата – Бекир-бея Чачба, принуждает к покорности цабальских князей Маршания и закодорских Ачба.

С эшерскими дворянами Дзяпш-ипа он справляется проще, убивая их в своем дворце, куда он пригласил их якобы для переговоров.

Келеш-бей, разгромив наиболее непокорных из абхазских феодалов, переносит свою резиденцию из Лыхны в Сухум-Калэ, обосновывая свой авторитет турецкими пушками и ружьями янычар.

Обезопасив свой тыл с северо-запада союзом с джигетами (садзами) и убыхами, он обрушивается на Мингрелию, захватывая Анаклию и совершая несколько походов вплоть до самой Гурии.

В этой борьбе с мингрельским владетелем Григорием Дадиани Келеш-бей впервые сталкивается с представителями русского царизма, который к этому моменту уже успел аннексировать восточную Грузию и протягивал свою хищную лапу к Имеретии и Мингрелии, стремясь выдвинуть свои боевые аванпосты на берега Черного моря.

У Келеш-бяя возникает мысль использовать вражду между Турцией и Россией, чтобы полностью освободиться от турецкого протектората и остаться полновластным государем в Абхазии. Он примеряется с Дадиани и начинает готовиться к самоопределению от Турции.

Князь Цицианов в письме к владетелю Мингрелии Григорию Дадиани от 30 июня 1803 года указывает:

«Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство его императорскому величеству моему государю, и что будто бы он никак не зависел от блестательной Порты Отоманскои...» (Акты К. А. К., II, 536).

А три года спустя Келеш-бей пишет князю Цицианову (1806 г.).

«Сиятельныйший князь, высокостепенный и великолепный генерал. По изъявлении Вам искреней моей дружбы, сообщу следующее, что высокостепенный трапезундский владелец Таяр-паша... ласкаясь найти убежище под сенью высокого России покровительства, приехал ко мне в дом... И хотя, по просьбу моей, Порта Отоманская уничтожила действие фирмана о доносе (в отношении Таяр-паши. – А.Ф.), но ежели бы вновь последовало ко мне на выдачу помянутого паши повеление, в таком случае я не исполню оного, ибо он, паша, желая быть под покровитель-

ством России, прибегнул в дом мой, а потому уже ни под каким видом не могу его выдать. Убежище его ко мне по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному. Покорно прошу Вас представить о том обстоятельстве Е. И. В. и употребить Ваше ходатайство... о том, что... в случае могущего последовать от Порты Османской притеснения не оставить нас от своей помощью и защищением» ... (Акты К. А. К. III. С. 191).

Поводом к разрыву с Турцией послужил инцидент с мятежным трапезундским пашой Таяр-беем, попавшим в опалу у султана и нашедшим приют в Сухуме у Келеш-бэя.

На требование Стамбула выдать Таяр-пашу, Келеш-бей ответил отказом и тотчас начал переговоры с царским генералом Цициановым (1806 г.). Но русское командование затягивает переговоры, не решаясь открыто сорвать перемирие, заключенное недавно с турками.

Оставшись один на один с Турцией, Келеш-бей однако не теряет времени и готовится к упорной борьбе так энергично, что, когда турецкая эскадра, посланная для карательных мероприятий против Келеш-бэя, 25 июля 1806 г., появляется у берегов Абхазии, то она встречает укрепленные бастионы Сухум-Калэ и 25.000 войска, расположенного поблизости на побережье.

«Юйрук-байкадар», начальствующий над эскадрой, решает «благородно ретироваться».

Об этом событии русский генерал Рыгкоф доносил тифлисскому командованию в следующих выражениях (рапорт от 30 июля 1806 г.).

«Флотилия Турецкая, состоящая из 3 военных и 8 гребных судов для наказания Келеш-бека, мимо укрепления нашего, возведенного при устье р. Хопи, сего месяца 25 числа прошла к Сухуму и начальствующий оною эскадрою юйрук-байкадар был уполномочен по сему предмету... Келешбек себя к встрече с байкадаром совершиенно успел приготовить и, собравши 25-тысячный корпус, составленный из черкес и абазинцев, имел намерение защищаться, доколе будет возможно и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут...» (Акты К. А. К. III. С. 192).

Неудача турецкой карательной экспедиции очень подняла авторитет Келеш-бека, о чем сообщает барон Будберг графу Гудовичу в письме от 5 сентября 1806 г.

«Известия, помещенные в депешах в. с. от 16 сентября с. г. о продолжающейся преданности к России абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры от мингрельских берегов, обратили на себя особенное внимание Государя Императора» ... (Акты. III. С. 193).

Это был расцвет могущества Келеш-бека. Почти год он один управляет независимой Абхазией. Теперь он уже охоладел к России и царские генералы даже заподозревают его в «измене».

Но вот наступает неожиданная развязка: 2 мая 1808 г. Келеш-бек был убит своим сыном Асланом, ставленником Турции.

Происшедший «дворцовый переворот» открывает новую эру для Абхазии. Междуусобица детей Келеш-бека, Сафар-бека и Аслан-бека вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом.

Блок русского царизма с абхазскими феодалами

Разложение феодально-крепостнического способа производства под напором все глубже проникающих товарно-капиталистических отношений, заставляло правительство царской России активизировать свою внешнюю политику с целью военно-феодального грабежа и захвата обширных территорий и новых тысяч крепостных рабов, с целью расширения сферы феодально-крепостнической эксплуатации.

Именно это вынудило правительство Екатерины II начать активную захватническую политику на юго-востоке, в частности на Кавказе. Для захвата Кавказа царизм удачно избрал наиболее слабое звено в цепи закавказских феодальных государств – Грузию. Первый удар независимости Грузии наносится заключением 24 июля 1783 года в гор. Георгиевске договора с грузинским (карталинско-кахетинским) царем Ираклием о том, что в области внешней международной политики Грузия становится вассалом России.

Восточная Грузия переживала тогда чрезвычайно тяжёлый период своего исторического развития. Феодальное хозяйство было охвачено интенсивным процессом разложения. Но еще не созрели необходимые условия для буржуазной революции. В то же время ослабленное внутренними противоречиями феодальное грузинское государство не имело сил для сопротивления активным посягательствам со стороны Турции и Персии.

Грузинские феодалы, заключая договор 1783 года, просили у царицы Екатерины II помочь против своих могущественных южных противников, но посланный в Грузию с отрядом царских войск генерал Тотлебен сразу же поставил себя там не на положение союзника, а на положение хозяина-колонизатора.

В 1801 г. русский царизм окончательно захватывает Восточную Грузию, превращая ее в административную единицу «Российской империи» – этой подлинной «тюрьмы народов».

Вслед за Карталиней и Кахетией следует довольно легкий захват ослабевших раздробленных феодальных владений – Имеретии, Аджарии и др.

Одновременно выявляется и еще одна тенденция русского царизма в завоевании Закавказья, а именно – стремление получить Босфор и Дарданеллы, т.е. выход из Черного моря, что было необходимо для вывоза помещичьего хлеба из южных губерний («Малороссии» и «Новороссии») на европейские рынки. Именно эта «дарданельская» тенденция лежит в основе энергичного продвижения царских войск из Тифлиса на запад к берегам Черного моря. Уже в 1803 г. русский царизм захватывает Мингрелию и тогда же царские генералы начинают секретные переговоры с «владетелем» феодальной Абхазии Келеш-беком.

Вначале царские дипломаты проявляют некоторую осторожность в этих переговорах, боясь осложнений во взаимоотношениях с Турцией, под протекторатом которой официально числилась Абхазия. Но «дворцовый переворот» 2 мая 1808 г. (убийство Келеш-бека) и рост турецкой ориентации среди абхазских феодалов, наиболее ярким выражителем которого был сын Келеш-бека, Аслан-бей Чачба (Шервашидзе), заставляют царское правительство насторожиться. Пока идет оживленная перепи-

ска между Тифлисом и Петербургом, группа абхазских феодалов – противников Аслан-бея, во главе с его братом Сафар-беем (Георгием) сама идет навстречу царю Александру I со следующим письмом:

«Всеавгустейшему и всемилостивейшему Монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим через сие мое письмо, следующим образом:

1) Я, законный наследник и владетель Абхазии, по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего Самодержца всея России и прочих Императора Александра Павловича.

2) Обязываюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все находящееся в Абхазии в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего Монарха Всероссийского и также преемника его, с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши христианами по греческому закону.

3) Да соизволит Е. И. В. по благости своей милости воззреть на меня, озnamеновав меня знаком, как прочие князья, поданные Императорского престола, озnamенованы.

4) Да по священнейшему благотворению и милости Е. И. В. пожалована мне будет грамота, утверждающая мое наследство, дабы я был начальником и управляющим владением моим и также сын мой и внуки его вечно и ненарушимо от начальства и владения наследственным нашим владением и утверждено сие будет Монаршею милостью, так чтобы доколе Императорский престол пребудет счастливым и сильным, и наше наследство и начальство пребыло бы таковым же по священнейшей же милости, через грамоту всемилостивейшего Государя нашего непосредственным подписанием оной и утверждение.

5) Оградить владение мое войском всемилостивейшего Государя нашего Императора.

6) Да по благости и человеколюбию самодержавнейшего Государя нашего Императора не лишусь я тех выгод и милости, которые имел наследственный владетель Абхазский Келеш-Ахмед-бек, отец мой, получавший ежегодное жалование от Порты Отоманской (Турции. – А.Ф.).

7) Желаю всеусерднейше до капли крови быть верным подданным и обязываюсь присягой и обещанием в вечном подданстве и буду покорен главноуправляющему Грузией вместе с верными и усердными рабами и подданными моими и дам лес для кораблей, как получала прежде до сего Порта Оттоманская, равно и заводы золотые и серебряные, буде находятся во владении моем, с дачею мне некоторой части по щедрой милости всемилостивейшего и самодержавнейшего Государя нашего.

С таким подданническим, искреннейшим усердием предаю себя и подвластное мне владение престолу Всероссийской Империи обещанием и присягаю с исповеданием греческой веры и закона, – в чем и подписуемся так: князь Георгий Шервашидзе. (На обороте подписались и засвидетельствовали в письме князья абхазские).

Прежде всего, посланные от меня письма и сие я заставил писать протоиерея Иоанна Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство Императорскому престолу».

В этом письме ясно выступает физиономия феодального хищника и эксплуататора, боявшегося лишиться львиной доли в эксплуатации абхазского крестьянства, благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами. Характерным является также и упоминание о «протоиерее» Иоселиани – предательская роль церкви в захвате Абхазии русским царизмом выявляется со всей очевидностью.

Весьма интересными являются также комментарии, которыми сопровождает письмо Сафар-бэя (Георгия) «главноуправляющий» Грузии граф Гудович:

«Главнейшие выгоды, представляющиеся от приобретения под Всероссийскую державу, состоят в том, что тогда лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом, и что, наконец, мы будем иметь в своей власти 2 крепости, Анакру и Сухум-калэ, – следовательно, тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена» (Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову от 3 марта 1809 г. № 28, Акты К. А. К., III. С. 209).

Феодалы и попы открыли в Абхазию двери русскому «военно-феодальному империализму». «Первый помешник» крепостнической

России – царь Александр I – понял «первого помещика» феодальной Абхазии.

9 августа 1810 года царь утвердил эти «просительные пункты» и «пожаловал» Сафар-бею грамоту о «назначении его владетелем Абхазии...».

Но за два месяца до этого, 9 июня 1810 года русский десант взял штурмом Сухум-Калэ, выбив оттуда, после упорного боя, турецкий гарнизон во главе с князем Аслан-беем Шервашидзе.

В первые десятилетия XIX века русский царизм рассматривал Закавказье, как арену откровенного военно-феодального грабежа. В kraе господствовало военное управление, политическая линия которого внутри страны целиком обуславливала и положением на боевых фронтах.

Заняв в 1810 г. сухумскую крепость, русское военное командование не решалось двигаться далее вглубь Абхазии, не обращая внимания на просьбы Сафар-бея о поддержке в борьбе с феодальной оппозицией, возглавляемой Аслан-беем. Пассивность эта в значительной мере объяснялась и общей политической ситуацией в царской России – война с拿полеоновской Францией отвлекала правительство от Кавказа.

В Абхазии в это время продолжалось беспрерывная феодальная вражда, которая окончательно свела к нулю значение «владетеля» Сафар-бея, который находился большей частью или в Сухуме, под защитой русских штыков, или в Мингрелии у Дадиани.

Последний был его союзником в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, причем сумел в виде вознаграждения за поддержку владельцу захватить Самурзакань.

Видя безуспешность своей политики в Абхазии, царское правительство к 1820 г. решила совсем увести русские войска из Абхазии.

И если Сухум-Калэ не был оставлен, то только благодаря резким возражениям главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова, грозившего отставкой в случае оставления Сухума – «нашего единственного опорного пункта на восточном берегу Черного моря».

Дальновидный политик и неплохой стратег Ермолов, будучи жестоким палачом для кавказских народов, был одновременно преданнейшим слугой русского царизма. Он понимал огромное военно-политическое значение Абхазии для «завоевания Кавказа» в целом.

В этот первый период до 1830–1840 годов «непосредственной целью русской колониальной политики было тоже, что было целью для португальцев и голландцев XVII века – «прямой грабеж» ... (М. Покровский).

Закавказье, в том числе и Абхазия целые десятилетия было на военном положении. Русские войска кормились за счет местных жителей – главным образом, трудового крестьянства, и без того эксплуатируемого своими собственными феодалами.

Возможность бесконтрольного хозяйствования, легкой наживы, полный произвол в управлении, быстрое продвижение в чинах, возможность безотчетно обворовывать государственную казну привлекли на Кавказ всякого рода авантюристов, манили все отбросы загнивающего дворянского общества царской России. Попавшие в опаду генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты, предприимчивые артельщики и подрядчики, разорившиеся дворяне и т.п., все эти «рыцари первоначального накопления», действительно мало чем отличались от испанских и португальских конкистадоров.

В системе военно-административного управления господствовали взятки, подлоги, подкупы, интриги, «лихие» налеты, бандитские нападения, открытый грабеж, насилия, обман, надувательство – таковы были методы «административного воздействия» русского управления на местное население. Эти «красочные» приемы тесно увязывались с методами разжигания междунациональной вражды и стравливания различных народностей многонационального Кавказа. Эти установки давало генералам и администраторам царское правительство. Еще Екатерина II писала на Кавказ генералу Медему: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть».

Дело шло о натравливании друг на друга ингушей и чеченцев, но это были «цветочки» по сравнению с «ягодками», которые произросли в XIX веке в Грузии и Азербайджане.

Подвергавшиеся чудовищной эксплуатации грузинские, тюркские, абхазские крестьяне намеренно провоцировались на восстания и мятежи. Последние подавлялись со зверской жестокостью. Истреблялись тысячи людей, включая детей и женщин, сжигались целые селения, сотни гектаров цветущих полей и садов обращались в пустыню...

Исторические документы – донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях, пестрят выражениями:

«уничтожено 2 аула»;

«мятежники истреблены»;

«сжег и не оставил камня на камне от сего разбойничьего гнезда» ...

Незабываемым ужасом, запахом дыма и крови веет от этих документов.

Вот, например, что писал в 1803 г. русский генерал (потомок грузинских феодалов) князь Цицианов крестьянам Закатальского района, не выплатившим возложенной на них контрибуции:

«Не обманите меня другой раз. Истреблю вас с лица земли и неувидите вы своих селений. Пойду с пламенем... и спалю все то, что не зайду войсками, и водворюсь навсегда в вашей земле. Знайте, что писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит как вода в кotle, члены дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю, а сам пойду. Землю покрою кровью вашей, и она покраснеет. Но вы, яко зайцы, уйдете в ущелье, и там вас достану и буде не от меча, то от стужи пооколеете» ...

Так с огнем и мечом все эти Ермоловы, Цициановы, Воронцовы с шайкой разбойников, авантюристов, героев подлости, насилия и грабежа – расчищали в Закавказье пути для будущего шествия российского капитала.

Эти действия, конечно, идеализировались патриотическими великодержавными писателями и поэтами под флагом «покорения и замирения» Кавказа, «насаждения» культурности и порядка», «благоустройства доселе дикого края».

Даже лучшие люди тогдашней царской России, как Пушкин, не раз бичевавший гнет самодержавия, оправдывал подлую колониальную политику царизма, проявив здесь подлинную классовую сущность русского дворянина-великодержавника.

Вот как опоэтизовал он «рыцарей первоначального накопления» в заключительных строфах поэмы «Кавказский пленник», позорящих творчество великого поэта:

И воспою тот славный час,
Когда почужа бой кровавый,

На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двухглавый,
Когда на Тереке седом
Впервые грянул бытвы гром
И грохот русских барабанов
И в сече с дерзостным челом.
Явился пылкий Цицианов.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда не мечался ты грозой,
Твой ход как черная зараза,
Губил, уничтожил племена ...
Но се восток подъемлет вой,
Поникни снежной главой,
Смирись, Кавказ – идет Ермолов,
И смолкнула ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно».

Неудивительно, что если, по словам Пушкина, целые племена уничтожались русскими генералами, то результатом этих процессов мы наблюдаем общее падение (деградацию) народного хозяйства в областях, завоеванных русским царизмом. Лучше все это можно видеть на примере Сухума.

В 1840 г. царский генерал Раевский, которого нельзя заподозрить в сгущении красок, писал о Сухуме:

«Во время владения турок, 3.000 семей составляли население города, окружавшего крепость. В нем находились плодородные сады и многочисленные базары. Сухум был богатый, здоровый, веселый, торговый город, на лучшей бухте Закавказского края. Ручей Чандар, разделенный по канавам, одетым камнями, везде давал свежую воду для орошения садов и других потребностей жителей ...

Вот настоящее его положение: народонаселение разбежались, сады вырублены, строения до единого развалились, крепостные стены треснули и грозят падением ... Канавы, по которым стекала вода, развалились

и заросли кустарником. Гнилая вода, в которой тлеют развалины домов, не имеет ската и остается до тех пор, пока не испарится от сильной жары. Для довершения всего, не далее, как в прошлом году, я нашел, что крепостной ров, едва ли чищенный со временем занятия нами Сухума, наполнялся всеми нечистотами крепости, которые бросились туда через амбразуры и, наконец, находясь в беспрестанном брожении, наполняли воздух гнилыми испарениями» ... (Акты, V).

Если такую картину представлял военно-административный центр – Сухум, то можно себе представить положение остальной страны, служившей ареной беспрерывных феодальных войн и карательных экспедиций. Население покидало самые производительные районы Абхазии, посевы сокращались, скот уменьшался. Участились неурожаи и массовые голодовки, внешняя торговля упала.

Социальная опора русского царизма в Абхазии

Классовая сущность колониальной политики русского царизма настолько очевидна, что вряд ли нуждается в особых доказательствах. Царизм был системой принуждения и господства крепостников-помещиков. «Военно-феодальный имперализм» русского самодержавия характеризуется, прежде всего, и главным образом, тем, что оно в своей захватнической политике стремилось опереться и заключить тесный союз с феодальной верхушкой завоеванных стран.

Результатом этого являлось то, что всюду, где закреплялся русский царизм, начиналось насаждение и усиление крепостного права. Так было в Прибалтике, Украине, Башкирии, Туркестане и, конечно, в Закавказье.

Везде и всюду русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление.

Процессы первоначального накопления и развития растущего торгового и денежного капитала прекрасно уживались и сочетались с формами и методами крепостничества.

И прав тов. Сталин, когда он говорит, что осью политической жизни Российской империи был «не национальный вопрос, а аграрный» (Сталин. Марксизм и нац. вопрос).

Национальная политика русского «военно-феодального империализма» была сугубо классовой политикой самодержавно-крепостнического, помещичье-дворянского государства.

Военные успехи и политические победы русского царизма на Кавказе объяснились именно тем, что местные феодалы шли навстречу и российскому «военно-феодальному империализму» в его колониальной политике. Ведь как раз там, где феодальные элементы отсутствовали, или были очень слабы, например, в Чечне, Дагестане, В. Сванетии, в горной Абхазии (Псху, Ахчи-Псху, Джигетии), завоевательная политика русского царизма имела больше всего неудач и препятствий. Ибо в этих областях «военно-феодальный империализм» не находил соответствующей социальной опоры.

На примере истории Абхазии как нельзя лучше видно, как феодалы продавали национальную независимость своей страны ради классового своего благополучия, ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом». Князь Сафар-бей Чачба (Шервашидзе) открыл двери в Абхазию русскому «военно-феодальному империализму».

Последний не забыл этой услуги, укрепляя впоследствии их авторитет и делясь с ними грабительской добычей, получаемой от эксплуатации трудящихся масс Абхазии. (Даже после того, как в 1864 г. князья Чачба были лишены политической власти, они остались в Абхазии крупными помещиками, получив от русского царя титул «светлейших князей»).

Неудивительно, что национальная борьба Абхазии против русского царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владельца и крупных феодалов, продававшихся русскому царю.

7 февраля 1821 г. умер Сафар-бей Чачба (Шервашидзе), а 11 сентября того же года вспыхнуло восстание, правда, организованное турецким агентом Аслан-беем, но имевшее характер национального крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников-феодалов Чачба. Ведущую роль в этом восстании имели сельские общины племен: псху, ахчи-псху, джигетов (садзов) и убыхов.

На помощь осажденному ими сухумскому русскому гарнизону двинулся карательный отряд царского генерала Горчакова из Имеретии. После упорного боя на р. Кодор, повстанцы были разбиты.

Движение замерло.

Царский генерал Горчаков привез в Абхазию нового «владетеля» – Дмитрия (Омар-бея) Чачба – сына Сафара, с малолетства воспитывавшегося в пажеском кадетском корпусе в Петербурге.

Дмитрий Чачба должен был служить ширмой для хозяйствичанья в Абхазии русских генералов. Он и в самом деле был только пешкой в политической игре, которую вели в Абхазии царское правительство.

Последнее утвердило его «владетелем Абхазии», но он был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем, почти забыв даже свой родной язык.

В Абхазии Дмитрий жил в сухумской крепости, под охраной русских штыков, не пользуясь никаким авторитетом среди абхазских феодалов, ненавидимый крестьянством, как раб царских захватчиков.

Через год, 16 октября 1822 года, он умер, отравленный по преданию одним крестьянином из фамилии Лакоба.

Титул «владетеля» был передан царским правительством брату Дмитрия – Михаилу (Хамуд-бею) Чачба.

Вспыхнувшее вслед за этим мощное национальное движение принудило нового владетеля удрать из Абхазии в Грузию под защиту царских генералов и мингрельских князей. Появившись через 3 года в Абхазии, Хамуд-бей (Михаил) подвергнулся в Лыхнах нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбывших это нападение с большими для себя потерями.

Этот факт показал царским генералам, что необходимо во что бы то ни стало укрепить авторитет «владетеля», хотя бы при помощи штыков.

Михаил был увезен в Тифлис, там ему царские чиновники дали соответствующее политическое воспитание в духе «военно-феодального империализма». Михаил получил чин майора, а потом полковника, получил пожизненное денежное жалованье от царского правительства.

Царские генералы и чиновники приложили все старания, чтобы сделать его своим верным союзником и рабом – исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 г. царская Россия заключила выгодный для себя мир с Турцией, получив от последней права на овладение устьем Дуная и Кавказского побережья Черного моря.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «кавказскую» политику, царское правительство становится более решительным в отношении Абхазии и Черкесии.

Царский генерал Паскевич в 1830 г. посыпает большой отряд русских войск для возведения укреплений на побережье Абхазии в Бомборах, Пицунде и Гаграх, где были оставлены русские гарнизоны. С этим отрядом прибыл в Абхазию и Михаил, поселившийся в Лыхны под наблюдением и охраной русского гарнизона в Бомборах (4 км. от Лыхны).

В апреле 1830 г. царские генералы собрали в сел. Мерхеулы представителей сословий от дворян и «чистых» крестьян (анхаю) и привели их к присяге владетелю. Как бы в ответ на это, кодорские крестьяне устроили нападение на илорский монастырь и сожгли дом, принадлежащий владетелю.

Для укрепления авторитета владетеля царский генерал Розен в 1837 г. провел карательную экспедицию в Цабал для примирения Михаила (Хамуд-бея) Чачба с тавадами Маршания.

В это же время было сломлено сопротивление эшерских феодалов Дзяпш-Ипа – давнишних врагов Чачба. В 1840 г. были построены укрепления в Драндах и Илори, с целью подчинения кодорских феодалов. Еще раньше того царские генералы помогли Михаилу расправиться с бзыбским феодалом Нарча Инал-Ипа.

То, что царские политики действовали в Абхазии от имени Михаила (Хамуд бея) Чачба, объяснялось слабостью русского царизма и желанием его найти себе социальную опору внутри самой Абхазии.

Об этом говорят в своих воспоминаниях сами царские генералы и чиновники, например, генерал Филиппсон (см. «Рус. архив», 1884 г., стр. 354). Этот Филиппсон подчеркивает, что «при Раевском (1840) все изменилось. Он сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии» (С. 209).

Характерно также великодержавно-презрительное отношение царского генерала к владетелю и его феодалам: Филиппсон называет Михаила

и абхазских князей «сволочью, которая была нужна только по политическим соображениям» ... (С. 211).

Укрепление авторитета владетеля, стремление сделать из него абсолютного монарха, хотя и вассала русского царя, вызвало сопротивление крупных тавадов и аамыста. Некоторые царские чиновники считали, что здесь был допущен даже известный перегиб. Во всяком случае, в 1840-х годах мы наблюдаем, что царское правительство, укрепив авторитет Михаила (Хамуд-бея) Чачба, старается привлечь и других дворян и князей. Царский ревизор-сенатор Мечников еще в 1831 г. писал из Тифлиса министру юстиции:

«Помещики в Грузии составляют самую лучшую и верную помощь, какую правительство наше может иметь» ...

А в 1840 г. царский наместник на Кавказе граф Воронцов пишет:

«Только одно аристократическое начало может побороть то сопротивление (со стороны трудящихся масс кавказских национальностей. – А.Ф.), против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплата противопоставлено не было» ...

И впоследствии, инструктируя русских генералов и чиновников, этот же Воронцов говорит в 1846 г.

«Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных» ...

Это «ограждение и укрепление прав» феодального дворянства выражалось внешне в щедрой раздаче чинов, титулов, орденов, наград отдельным, наиболее влиятельным феодалам. Хамуд-бей Чачба получил чин генерал-лейтенанта, келасурский феодал Хасан Чачба –чин поручика, аамыста (дворянин) Кац Маан сделан генерал-майором, его брат Хасан Маан –поручиком, Батал-бей Маршания – майором. Аамыста (дворянин) Званбая, поступивший на службу в русскую армию, быстро продвигался в чинах и в 1840 г. получил орден «св. Станислава» и «св. Анны» с бантом, а также «высочайшую благодарность» от царя Николая I.

Но если наиболее видные тавады и аамыста (князья и дворяне) покупались царским правительством за чины и награды, то все же абхазские феодалы превращались в оплот русского царизма, благодаря укреплению их эксплуататорских прав над крестьянством.

Русские чиновники стремились перенести целиком в Закавказье общественные отношения крепостнической России. Они раскопывали «законы царя Вахтанга» и, на основании ст. 260 этих законов 1710 г., гласившей о том, что «крестьянин, как и все, что у него есть, принадлежит господину», писали царскому правительству докладные записки такого характера:

«Грузинское крепостное право, в существе своем не различающееся с таковым правом Российского дворянства, сольется с оным и зависимость крестьян от помещиков установится на одних и тех же главных и прочих основаниях» ... (см. Акты кав. арх. ком., VII, стр. 44).

До XIX века в феодальной Абхазии крепостное право не получило большого развития, вследствие обширности земельных пространств и слабости с.-хоз. техники, а также по причине наличия тормозивших это развитее элементов родового строя в системе абхазского феодализма. Крепостническая зависимость в феодальной Абхазии распространялась лишь на одну группу крестьян («ахиэ»), представлявших собой прикрепленных к земле рабов («ахашала», «атэ»).

Основная же масса абхазского крестьянства – наиболее многочисленная группа («анхаю»), находилась в зависимых, несвободных отношениях, но не была прикреплена к земле. Теперь, благодаря стараниям царских генералов и чиновников, усиливаются крепостнические элементы феодальной зависимости.

Появились и денежные повинности, чего раньше почти не было. Почти совершенно исчезли свободные, ни от кого не зависимые крестьяне, так как в случае их нежелания стать в зависимые отношения, абхазский князь-тавад обвинял их в «крамоле» и натравливал на них карательные отряды царских солдат.

В итоге «народ абхазский, занимая лучшую часть кавказского края, упал до последней нищеты... Источник и причины печального положения Абхазии надо искать в княжеском управлении страной. Княжеская власть угнетала народ, русские поддерживали эту власть» ... (Газета «Кавказ», 1866 г., № 80).

Абхазский феодал одновременно являлся надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике.

Конечно, усиление феодально-крепостнического гнета, наряду с поборами и грабежами царских генералов, вызывало классовое сопротивление со стороны абхазского крестьянства. Если в 20-х годах XIX века мы еще видим во главе народных мятежей дворян (аамста) и князей (тавадов), то в 40-х годах эти «вожди» окончательно изменяют борьбе за национальную независимость Абхазии. Эта борьба становится классовой борьбой абхазского крестьянства не только против русского «военно-феодального империализма», но и против его союзников – абхазских феодалов.

Ярким примером этого является восстание 1840 года цабальских, дальских, кодорских крестьян.

Вождем этого восстания был крестьянин Измаил Джопуа. Восстание это было жестоко подавлено русскими генералами, при участии тавадов Чачба и их «ашнакма», тавадов Маршания и др.

Побережье Абхазии после 1840 года, было «покорено» благодаря активной поддержке местных феодалов русского царизма.

Борьба перенеслась в горные районы, где феодальные элементы были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее. Дальцы, псхувцы, ахчипсхувцы, садзы, убыхи продолжали вести настоящую войну не только с русскими войсками, но и с феодальными «ополчениями» тавадов и аамыста. Особенно достовалось от них бзыбским феодалам Маанам, Званбая и самому лыхненскому владетелю, Хамуд-бею Чачба.

Для анализа классовой борьбы в Абхазии характерен еще один интересный факт.

В первые десятилетия XIX века среди русских солдат было развито массовое дезертирство. Причиной этого была, прежде всего, невероятная тяжесть армейской службы.

Срок службы был 25 лет.

Все это время солдаты были только «пушечным мясом», подвергаясь жестоким издевательствам со стороны офицеров и генералов. Наказания палками, розгами, шомполами, избиения, зуботычины, плевки были обычным явлением в русской армии.

С другой стороны, и обстановка службы солдата на Кавказе была во много раз тяжелее обычной.

Очевидцы пишут в своих воспоминаниях:

«Сухумская крепость казалась каменным гробом. Нельзя было встретить ни одного свежего здорового лица ...

В Сухум ежегодно посыпалось 16 проц. штатного числа нижних чинов (солдат. – А.Ф.) на укомплектование, т.е., средняя жизнь считалась там почти в шесть лет». (Филиппсон, стр. 211).

Это о Сухуме, а вот что пишет писатель Бестужев-Марлинский в 1831 г.:

«Имя “Гагры” однозначуще со смертным приговором. Полтора комплекта солдат умирает ежегодно от ран и болезней».

И, наконец, самое главное, что кавказская армия комплектовалась чаще солдатами, чем-нибудь проштрафившимися «перед начальством», «грубиянами», «крамольниками», «непокорными» и т.д.

Так, например, солдаты восставших полков, принявших участие в движении декабристов в 1825–1826 гг., были сосланы в кавказскую армию.

Значит, в целом, политico-моральное настроение солдат кавказской армии было «весъма неудовлетворительно», с точки зрения их начальников. Отсюда – массовое дезертирство.

Дезертиры не могли, конечно, добраться до родины – поэтому бежали в горы, к абхазам и черкесам. И так была велика их ненависть к царизму, что они не раз принимали активное участие в борьбе абхазских крестьян, бок о бок сражаясь с ними против русских карательных отрядов. В донесениях царских генералов есть такие сведения: «ген. Розен пишет в 1837 году, что в Цабале было обнаружено 150 белых солдат, ген. Головин пишет после экспедиции в Дал в 1842 году, что ему удалось вернуть 111 “пленных” русских солдат, но добавляет: «они, частью, вовсе забыли свой язык, отступили от христианской веры и совершенно от русских обычаев, имеют свои семейства (женились на абхазках. – А.Ф.) и детей, рожденных в мухамеданстве».

Подлинная классовая история выворачивала наизнанку сюжеты поэм Пушкина и Лермонтова о «Кавказском пленнике».

Приведенные факты о дезертирах – беглых русских солдатах, вошедших в трудовую семью абхазского крестьянства и деливших с ним борьбу

и гибель от наступавшего русского царизма, – говорят о многом. Они говорят о том, что интересы абхазских крестьян полностью совпадали с интересами русских крепостных, хотя и одетых в солдатские мундиры.

Они говорят о великой интернациональной солидарности трудящихся всех стран и наций в их классовой борьбе против угнетателей и эксплуататоров.

И если крепок был союз абхазских феодалов с русскими помещиками, то еще крепче оказалась интернациональная спайка трудящихся.

В 1917 г. русские рабочие и крестьяне свергнули гнет своих помещиков и капиталистов.

В 1921 г. русские красноармейцы помогли абхазской бедноте освободиться от гнета феодально-буржуазной эксплуатации.

В этом – великая мощь пролетарского интернационализма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Крестьянская реформа 1870 г.

Развитие производительных сил в царской России приводило к тому, что в недрах старого крепостнического общества зрели новые отношения – капиталистические. Характеризуя Россию дореформенного периода, Ленин говорит: «В крепостном обществе, по мере развития торговли, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс – класс капиталистов» (Новые статьи и письма. С. 98).

И дальше Ленин указывает, что в крепостном обществе «был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» (Там же. С. 143). Торговый и денежный капитал, «бывший всегда и везде первичной формой капитала» (Ленин. Соч. Т. I. С. 346), начинает оказывать значительное влияние через связанную с ним бюрократию на внешнюю и колониальную политику царизма. Тем более, что интересы торгового капитала в этом соответствовали интересам помещиков – производителей экспортного хлеба.

Так же, как и английские купцы XVIII века, требовавшие «государственной охраны и монополий» (см. Архив Маркса и Энгельса. Т. I. С. 239), русский торговый капитал стремился добиться от царского правительства покровительственных, протекционистских мероприятий.

И он этого добавился с успехом. Правда, сначала таможенный тариф 1822 года не был распространен на Закавказье, т.к. содержание большой армии и администрации в условиях оторванности края от центральной России (тяжелые транспортные условия), обходилось дешевле за счет ввоза товаров из-за границы.

Но уже в 1831 г. Закавказье было включено в общую таможенную систему и российский торговый капитал, таким образом, мог не бояться конкуренции иностранных товаров. В 1830 г. в Тифлисе образуется «Торговая акционерная компания» русских фабрикантов. Закавказье начинает превращаться в рынок сбыта для русской промышленности.

Но в Абхазии русский торговый капитал не сразу занял монопольное положение. Защитная таможенная политика (закон 1831 года) сводилась почти на нет оживлением морской контрабанды. Турецкие и английские купцы, снабжавшие товарами абхазское и черкесское побережье до 1831 г., не хотели примириться с потерей этого немаловажного рынка.

В Трапезунде в 1830 г. образуется английская торговая компания. Потеряв в результате русского таможенного закона 1831 года транзитный путь через Грузию и весь кавказский рынок, эта компания принуждена была направить свою торговлю по другому пути: через турецкую Армению (Эрзерум) в Персию, но одновременно перешла и к контрабандной торговле.

Ежегодно в Сухум с берегов Анатолии прибывало до 70 крупных турецких судов. В Сухуме с 1832 года существовала русская таможенная застава, но пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что не могла помешать этим судам до захода в Сухум выгружать контрабандные товары в укромных местах: близ Очемчир, в устье реки Дгамыш, в устье реки Кодора и пр.

Успех контрабанды объяснялся тем, что привозимые морем на берег Абхазии иностранные товары были дешевле тех русских товаров, которые шли тысячами верст по Волге (с Нижегородской ярмарки), а затем на вьюках («чаландары») по калмыцкой степи и Военно-Грузинской дороге в Тифлис, а оттуда через всю Грузию и Мингрелию в Абхазию.

При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а турецкие обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т.п., что было выгоднее для абхазских крестьян и даже феодалов.

Тем не менее русская торговля, охраняемая таможенными пошлинами и пограничной стражей, постепенно росла и в Абхазии.

Наряду с ввозом русских товаров, усиливался и вывоз абхазского сырья. Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

В 1849 году 16.480 пудов.

В 1850 году 52.788 пудов.

В 1851 году 64.825 пудов.

О росте русской торговли на побережье Абхазии очень заботились царские генералы и чиновники.

Ген. Головин в докладной записке на имя министра Чернышева от 28 мая 1842 года пишет:

«Восточный берег Черного моря, усеянный когда-то цветущими колониями греков и генуэзцев, представляется страной особенной важности в торговом отношении. Для скорейшего упрочнения нашего владычества на этом берегу необходимо учредить торговые сношения между нами и южной Россией» ... (Акты, VII).

Дальше, перечисляя льготы, какие надо установить для русских купцов на побережье, Головин заключает:

«Мне остается доложить насчет избрания главного пункта этой торговли. Пункт этот должен быть Сухум-Калэ.

К сожалению сейчас ... для русского купечества Сухум не существует... Препятствуя турецкой торговле, мы не заменили ее русской».

Ярко выраженное покровительство царского правительства русской торговле вызвало осложнения во внешней политике, особенно с Англией.

Установление таможенных границ 1831 г. и закрытие Закавказья для иностранных товаров, причинило большой ущерб английской торговле.

Англичане исчисляли убыток от этого в 3 с половиной миллиона фунтов стерлингов (35 мил. рублей).

Неудивительно, что Англия поэтому начинает стремиться к обострению отношений между Турцией и Россией.

Английский посол в Стамбуле Стратфорд Коннинг оказывает большое влияние на турецкое министерство.

Секретарь английского посольства Уркарт в 1834 г. отправляется в «командировку» к черкесам для подготовки восстания в случае войны с Россией.

В 1836 г. английский купец Джемс Белль привез абхазам и черкесам соль, свинец, порох, кремни и пр., на суд «Виксон». В 1839 г. англичанин Лонгворт (сотрудник крупной лондонской газеты) перевез им же порох и свинец.

Все эти факты говорили о назревшей войне. В 1853 г. война началась. Вслед за Турцией русскому царизму объявили войну Англия, Франция и Сардиния.

Начавшаяся война подняла крестьянство горной Абхазии и Черкесии. Воспрянувший духом вождь демократического Дагестана и Чечни Шамиль прислал в Абхазию своего наиба Магомета Эмина для организации всеобщего восстания. Русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант союзников (турок и англо-французов), с гор – восставшие массы абхазов и черкесов.

В 1854 г. «Черноморская береговая линия» была ликвидирована – царское правительство вынуждено было вывести свои войска из Абхазии.

Осенью 1854 г. в Сухуме высадился турецкий десант.

Абхазские феодалы, во главе с Михаилом (Хамуд-беем) Чачба поспешили заключить союз с новыми хозяевами побережья. Турецкий главнокомандующий Омер-паша утвердил Хамуд-бея «вассалом Порты» (Турции) и назначил его «начальником всех укреплений от Анапы до Батума».

Хамуд-бей со своими абхазскими отрядами помог войскам Омер-паши продвинуться в Мингрелию. Абхазское крестьянство везде поддерживало турецкую армию, встречая ее как освободительницу от ненавистного великодержавного гнета русского царизма.

Однако радость национального освобождения была недолгой: в 1856 году, по окончании войны, турецкие войска оставили Абхазию. Русский царизм по условиям мирного договора сохранил свои права на Черноморское побережье, и Хамуд-бею и его тавадам не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис «извиняться» и «каяться» в своей измене царскому правительству.

Побережье Абхазии вновь было занято русскими войсками. Национально-крестьянское движение замерло. Но оно не было разгромлено окончательно. Царизм только готовился к решительному акту окончательного превращения Абхазии в колонию российского капитала.

Подготовка реформы

Царские генералы после войны 1853–1855 гг. переходят к решительным мерам. Обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф в записке от 23 декабря 1856 года пишет:

«Занимая вновь Абхазию, нам должно определить, предполагаем ли мы прочно в ней утвердиться, или имеется ввиду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, как это было в минувшую войну» ... (Акты, VII).

Карлгоф ставит вопрос ребром: «или-или». Его поддерживает другой генерал, командующий войсками Правого крыла Кавказской линии ген. Филипсон, который 13 мая 1859 года докладывает:

«Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен.

Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею» ... (Там же).

«Занимаем, но не владеем» – это была меткая характеристика положения русского царизма в Абхазии.

И вот, чтобы «овладеть» Абхазией, царское правительство решает прежде всего устранить владетеля. Хамуд-бей – эта подставная пешка сыграла свою роль. Больше он был не нужен. И даже больше того, он мешал русскому царизму своими феодальными интересами, личной своей враждой с тавадами он не раз путал карты царских политиков. К тому же теперь был хороший повод для устранения владетеля – его измена русскому царизму во время войны 1853–1855 гг. и тайные переговоры его с турецким правительством.

Осенью 1864 года генерал Шатилов прибыл в Очемчиры, вызвал к себе Хамуд-бэя (Михаила), находившегося тогда в Ткварчелах (у серных источников) и арестовал его.

Хамуд-бей был сослан в Воронеж, где и умер в том же году. Его личное имущество (в том числе до 200 пудов серебреной и золотой посуды) было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Трудящиеся массы абхазского народа отнеслись к этому событию совершенно равнодушно, что доказывает их классово-враждебное отношение к Чачба (Шервашидзе) – ставленникам и верным слугам русского царизма.

Так закончилась позорная историческая роль князей Чачба, в течение полутора бывших надежной и опорой русского «военно-феодально-го имперализма» в Абхазии.

После низложения владетеля маски были сорваны и Абхазия была превращена в «Сухумский военный отдел», где было введено так называемое «военно-народное управление», т.е. страна была отдана в полный произвол царских офицеров и военных чиновников, для отвода глаз, приглашавших иногда на совещание крупных тавадов и аамыста.

Одновременно усилился процесс экспроприации земель и массового выселения абхазского крестьянства в Турцию.

Этот процесс, известный под именем «махаджирства», начался еще давно и шел непрерывно с 1850 г. по 1880 г., то замирая, то усиливаясь. Можно насчитать три крупных волны этого движения:

После карательных экспедиций ген. Муравьева в 1841 г.

После Крымской войны, в период с 1856 по 1866 г.

После Русско-турецкой войны 1877 года.

В чем была сущность этого процесса?

В том, что царское правительство, «очищая» Абхазию от «непокорного населения», освобождало земли для капиталистической колонизации, необходимой для превращения Абхазии в сырьевую колонию.

Царизм и молодая торгово-промышленная буржуазия шли здесь рука об руку.

«Махаджирство» для царизма означало полное политическое «покорение» края.

«Махаджирство» для буржуазии было первой «очисткой почвы для капитализма».

(Второй очисткой была реформа).

Какой характер носило это движение?

Карательные экспедиции царских генералов против абхазского крестьянства сопровождались страшными жестокостями и зверствами. В 1841 году генерал Муравьев (вошедший в историю с кличкой «вешатель», за кровавое усмирение польского восстания) приказал «очистить Дальское ущелье от непокорных горцев». Несмотря на упорное сопротивление дальцев, он успел «выселить 500 семейств, а жилища их предал огню». Правда, затем он позорно отступил под натиском восставших крестьян, не осуществив полностью своей бандитской «программы». Но в 1844 году он отправляется с такими же намерениями на Псху, правда и там получая должный отпор.

В 1860–1861 гг. организуются экспедиции для «покорения» Псху и Ахчи-Псху. В 1862 году генерал Шатилов доносит царю: «занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев».

В апреле 1864 года большой отряд царских войск во главе с дядей царя – «великим князем» Михаилом Николаевичем – проходит в верховья реки Псоу, в районы, населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами.

Во время всех этих экспедиций тысячи абхазских крестьян погибли в неравном бою, целые селения разрушались, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось, включая сады, запасы кукурузы и пр. Оставшиеся в живых «покоренные горцы» обрекались на голодную смерть.

Неудивительно, что они представляли благоприятный материал для агитации турецких агентов – мулл, купцов и т.д., которые не жалели красок и обещаний, описывая несчастным крестьянам земной рай, ожидающий их в Турции.

И вот тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в «гостеприимную» Турцию. Там их, конечно, ждало горькое разочарование. Султанскому правительству выгодно было принять массу абхазов и черкесов с целью их будущего использования, как «пушечного мяса», в войне с Россией. И десятой доли обещаний не выполнило турецкое правительство. Первые эмигранты-«махаджиры» попадали в Турции в лапы стамбульских чиновников, которые, завинчивая налоговый пресс, обрекали их на полунищенское существование.

Только за период с 1850 по 1864 гг. из Абхазии выселилось:

Из Псху – 3.600 человек.

Из Ахчи-Псху – 4.000 человек.

Из Джигетии – (бассейн реки Псоу) – 12.000 человек.

Самые цветущие районы Абхазии – Цабал, Дал, Псху – обратились в пустыни.

Освободились огромные территории, пашни заросли колючкой и папоротником, сады смешивались с диким лесом, виноградники дичали и вырождались.

Но зато Абхазия «успокоилась», Абхазия была почти готова для победного шествия капитализма.

Крестьянская реформа была проведена в России в 1861 году, в Восточной Грузии – в 1864 г., в Имеретии и Гурии – в 1867 году.

В Абхазии она запоздала благодаря упорству национального-крестьянского движения, но классовая сущность ее не изменилась.

Историческая необходимость реформы вызывалась ростом капитализма, ломавшим рамки крепостничества.

Сущность реформы, по словам Ленина, состояла «только в замене одной формы другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью». (Собр. соч., I, стр. 300).

Но реформу осуществляло самодержавно-крепостническое государство.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой» ... (Ленин. Соч., XV, стр. 142–143).

Царское правительство провело реформу и в России, и в Абхазии так, чтобы не нанести ущерб феодалам-помещикам – своей социальной опоре.

Абхазские феодалы – тавады и аамыста – услышав о готовящейся реформе и боясь оказаться обиженными, сами стали обращаться к царским чиновникам за разъяснениями, стремясь одновременно добиться наибольших выгод.

Надо отметить, что местные военные власти сначала были не вполне «тактичны» по отношению к своим друзьям и братьям по классу – абхазским феодалам. Царские офицеры и чиновники, управлявшие Абхазией, задумали было «убить двух зайцев» – провести реформу и за счет закабаления крестьян, и за счет уменьшения политической мощи местных феодалов. Это, разумеется, было исторической нелепостью. Этим местные чиновники начали подрубать сук, на котором они сидели в Абхазии. Этим они создали своеобразную феодальную оппозицию против реформы.

Эти оппозиционные настроения тавадов и аамыста особенно усилились после того, как командированный в Абхазию для изучения сословно-поземельных отношений генерал Понсэ заявил: «Приобретение земель в Абхазии зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона».

Этим заявлением тавады и аамыста ставились перед перспективой потери всех земель, которыми они владели через лично зависимых от них крестьян. У помещиков тогда остались бы только их личные участки, а земли крестьян отошли бы от них и притом без всякого выкупа. Феодальная оппозиция усилилась.

Одновременно слухи о реформе дошли и в гущу абхазского крестьянства. Не разбираясь в сущности вопроса, крестьянство представляло реформу в виде новых карательных мероприятий царских чиновников, направленных против национальных обычаяев и родового быта. Распространялись слухи о том, что правительство хочет вырубить все леса, заставить всех жить в казармах «под одним одеялом», ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т.п.

Сельские сходы крестьян-анхаю в нескольких крупных селениях вынесли резолюцию о посыпке делегата в Тифлис к наместнику царя за разъяснениями. (Очевидно, своим феодалам и местным властям крестьянство не доверяло).

Этим народным делегатом был избран эшерский крестьянин Осман Шамба. Но начальник Сухумского военного отдела, полковник Коньяр, не разрешил поездку Шамба, усмотрев в этом подрыв своего авторитета. 21 июля 1866 г. в Лыхны собрался многотысячный крестьянский сход. Узнав о нем, туда приехал полковник Коньяр и чиновник Черепов (начальник Бзыбского округа) с 80 казаками.

На сходе присутствовали и представители феодального дворянства. Было бы, однако, большой ошибкой предполагать полное тождество интересов феодалов и крестьян. Наоборот, на сходе они ожесточенно спорили в присутствии русских чиновников.

Очевидцы рассказывают, что когда Коньяр, стараясь успокоить толпу, сказал крестьянам: «Вы не будете зависеть от дворян», то аамыста Титу Маан перебил его: «Они наши рабы были и будут» ... В ответ на это крестьянин Хучина Гагулия крикнул: «Врешь. Мы землей не зависели» ...

Таким образом, если отдельные представители дворянства и принимали участие в этом крестьянском движении, то только благодаря политической и классовой небдительности царских чиновников.

Во всяком случае, интересы дворянско-феодальной оппозиции были резко противоположны целям крестьянского движения.

На сходе в Лыхны, «выбранные от зависимых сословий в длинной речи объявили от имени народа причины их неудовольствия и настаивали в особенности на невыгоде для зависимых сословий выкупаться от владельцев своими собственными средствами» (Доклад кутаисского генерал-губернатора о восстании в Абхазии, Центр. Грузии, дело № 1636).

После речи Коньяра выступил Черепов с угрозами и оскорблением. Это переполнило терпение собравшихся.

И когда Коньяр приказал сходу разойтись, то в ответ на это по сигналу крестьяне бросились на чиновников и казаков. Коньяра и Черепова убили во дворце владетеля.

Казаки засели за оградой церкви. После двухдневной осады, потеряв убитыми 2 офицеров, 2 урядника и 49 казаков, оставшиеся в живых казаки пробрались с помощью жены князя Александра Шервашидзе в Бомборы, а затем – в Сухум. Лыхны стало очагом восстания, охватившего всю страну. 27 июля утром около 5.000 повстанцев подошли к Сухуму. Сухум был отрезан от всей остальной страны. Русские гарнизоны, находившиеся в других укрепленных пунктах, были перебиты. Только небольшой отряд русских войск в Цебельде был спасен дворянской бандой князей Маршания. Через день город Сухум был взят повстанцами, причем много домов и казармы были сожжены и разрушены. Корреспондент газеты «Кавказ» описывает эту картину так: «Сухум пылал по всем окраинам, кругом гремела оружейная и пушечная канонада» ... («Кавказ», № 76, 1866 г.).

Несколько раз повстанцы штурмовали сухумскую крепость.

Очевидцы рассказывают, что повстанцы шли на штурм стройными рядами с песнями, неся впереди цветные флаги, в том числе один красного цвета с вышитой на нем шашкой. На помощь сухумскому гарнизону для подавления восстания царские правительство двинуло в Абхазию крупные военные силы численностью до 8.000 бойцов под начальством Кутаисского генерал-губернатора князя Святополк-Мирского.

Восставшие упорно сопротивлялись, но потерпели поражение.

20 августа 1866 г. русские командование предъявило ультимативное

требование: выдать оружие, захваченное казенное имущество и «зачинщиков» восстания, обещая амнистию.

Несмотря на то что первые два требования были выполнены (сдано было до 4.000 ружей), захваченные в плен активные участники восстания были расстреляны у стены сухумской крепости.

В ущельях и долинах Бзыбской Абхазии еще не отзвучало эхо крестьянского восстания, когда 23 апреля 1867 г. была создана «Сухумская сословно-поземельная комиссия».

Предложения этой комиссии переданы были на рассмотрение «Комитета по освобождению зависимых сословий среди горных племен Кавказа» под председательством князя Святополк-Мирского. Членами комитета были: князь Багратион-Мухранский, генерал Понсэ, князь Туманов, граф Кутайсов, князь Эмухвари, князь Маршания, дворяне Инал-ипа и Маан. Одно перечисление их характеризует классовое направление проводимой реформы. Представители абхазских феодалов подали петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков.

Вот эта петиция целиком: «В целом свете сначала были только крестьяне или свободные люди, а помещики появились позже. Каким бы образом помещики не появились, крестьяне не могут отвергать факта существования помещиков в Абхазии с незапамятных времен со всеми теми правами, какие существуют и теперь. Если тот факт был в начале результатом насилия, то он и в других странах был насилием, которое было признано правительством не только в Грузии, где, как и в Абхазии, оно существует еще до Р.Х., но даже и в России, где крепостное право появилось гораздо позже.

Таким образом, помещичье право владения крестьянами и землею, искони веков установившееся и признанное правительством в остальных частях империи, не может быть по справедливости отвергнуто и в Абхазии» (см. «Журнал Зак. Центр. Ком. по устр. крестьян»).

Этот «крик души» абхазского дворянства нашел горячий отклик в царском генерале – крупном помещике, князе Багратион-Мухранском, который, заслушав петицию, сказал: «И в самом деле, для чего, для какой-то Абхазии, делать исключение?».

Классовая линия крепостников-помещиков победила.

Царские генералы поняли своих братьев по классу – абхазских помещиков. Комитет утвердил размер владений тавадов и аамыста до 250 десятин, исключая «земель, принадлежащих по обычному праву», которые, разумеется, сохранились за ними. Кроме того, за каждый чин или орден князь и дворянин получали еще не менее 10 десятин. (А ведь почти все крупные абхазские феодалы числились на царской службе).

Кроме того, из царской казны тавады и аамыста получали 400.000 рублей в виде «единовременного пособия».

Но самое главное – крестьяне, за свое «освобождение» обязанные уплатить выкуп, разного рода целями приковывались к помещику, даже более крепко, чем в России.

Утвержденное «Положение о прекращении личной зависимости и поземельного устройства населения в Сухумском отделе», изданное 8 ноября 1870 года, имело настолько ярко выраженный классовый крепостнический характер, что нельзя без отвращения читать лицемерный манифест царского наместника к абхазскому крестьянству:

«Отныне весь строй вашей общественной жизни устанавливается на твердых и справедливых основаниях.

Милостями великого государя нашего Вам предоставляются все средства к развитию хозяйства и обеспечения навсегда материального благополучия Вашего» ... (Сб. свед., VI).

Здесь все – от первого до последнего слова – пропитано подлым лицемерием, ибо на деле абхазскому крестьянину «представлялись все средства» к тому, чтобы или умереть с голоду, или идти в кабалу к помещику или капиталисту.

Абхазское крестьянство после реформы

Классовая сущность «крестьянской реформы» была одна и та же – и в Абхазии, и России. Но в Абхазии еще ярче выступал ее крепостнический характер, ибо абхазские феодалы были еще более, чем в России – помещики, социально-политической опорой царизма, ибо если в России буржуазия была слаба, то в Абхазии она почти отсутствовала.

Во всяком случае, то, что Ленин говорил о русской реформе, высказывая мысль о том, что в ней «сильны были крепостнические черты, так много было в ней бюрократически уродливого, так безмерны были тешбедствия, которые причинила она крестьянству» ... (Соч. XV. С. 97).

Все это еще в большей степени относится и к Абхазии.

Согласно «Инструкции учреждениям сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости», изданной 8 февраля 1871 года, зависимые, феодальные абхазские крестьяне превращались в свободных поселенцев.

Каково же оказалось положение этих «свободных поселенцев» на другой день после реформы?

1). Крестьяне получили земельный надел от 3 до 7 десятин на семью. (В то время, как «надел» князей и дворян был доведен до 250 десятин).

Но это были «теоретические» нормы, изложенные на бумаге. На деле нарезка наделов при отсутствии карт и планов местности затягивалась на «неопределенное время» и многие крестьяне через 30 лет, после реформы, не имели определенных наделов. Там же, где происходила нарезка наделов, царские чиновники осуществляли ее так, что крестьянская семья получала 3 десятины земельной площади, из которых половина, а иногда и больше, составляла неудобная земля: болота, колючки, скалы, крутые склоны со смытой дождями почвой и т.д.

Причем надел нарезывался в нескольких местах, дробился на мелкие участки, лежащие часто за 4–6 километров от усадьбы крестьянина.

Это создавало чересполосицу и дальноземелье, сохранившиеся в абхазской деревне до советизации.

Имея в среднем 2 с половиной га земли, пригодной для с.-х. использования, крестьяне вынуждены были обращаться к аренде земли у помещиков и кулаков. Эта аренда носила «кабальный» характер, так как арендная плата достигла от трети до половины урожая.

2) За «освобождение» свое от личной зависимости (феодальных повинностей) крестьяне должны были заплатить помещикам выкуп.

Размеры выкупа колебались от 50 до 180 рублей для различных групп крестьян: кто нес больше повинностей – платил и больший выкуп, и наоборот.

Выкуп разрешено было заменить отбыванием всех положенных повинностей в течение 4 лет. Но этот факт не имел почти никакого значения, так как безразлично, выкупил себя крестьянин или нет, но, по «Положению» 1870 года оставался на неопределенное время «во временно-обязанных отношениях».

Фактически все натуральные повинности (особенно приношения продуктами и т.д.) феодальной эпохи сохранились.

Официально они были отменены царским правительством в 1912 году, но на деле в большинстве случаев дожили до революции 1917 года.

Таким образом, «свободный поселянин» в Абхазии был не только отдан в экономическую кабалу помещику (малоземелье, аренда и т.п.), но и оставался лично зависим, и так же, как до реформы подвергался «внекономическому принуждению» со стороны своего бывшего владельца – феодала. Сами чиновники признавали, что «отношения временно обязанных крестьян к землевладельцам регулировались особыми «Положениями», в которых много недомолвок, многое представлено добровольным соглашениям сторон, многое ссылок на обычное право к разработке и разъяснению которого не было принято никаких мер» ... (См. кн. Туманов – «Земельные вопросы и преступность на Кавказе» – СПб., 1900, стр. 12).

3) Кроме того, леса и пастбища были переданы казне и за пользование ими крестьяне должны были уплачивать определенные сборы или государству, или помещику и кулаку, которые брали эти пастбища и леса в аренду у правительства.

4) За пользование данной ему в надел землей крестьянин обязан был платить так называемую «оброчную подать», которая по Сухумскому округу (Абхазия) в целом составляла 25.000 рублей ежегодно.

5) Крестьяне обязаны были выполнить так называемые «мирские» повинности: с них взыскивались средства на содержание попов и церквей, ремонт дорог, постройку церквей, школ и т.д.

В целом они составляли по всей Абхазии 60.000 рублей ежегодно. Особенno тяжелой была дорожная повинность.

«Нет уголка, где бы она не вызвала ропота и смятения среди крестьянского населения. Неприятнее всего, что требования непременно

предъявляются весной или осенью, т.е. во время полевых работ, когда один день решает иногда судьбу земледельца и вопрос об обеспечении его семьи» ... (Свед. матер. по изуч. быта гос. крестьян Зак. I, стр. 217).

6) Крестьяне после реформы подверглись усилению налогового гнета. По всей Абхазии они ежегодно уплачивали:

- а) сбор взамен отбывания воинской повинности 24.000 руб.;
- б) поземельный общий налог 25.000 руб.;
- в) земский поземельный сбор 100.130 руб.;

а всего, с вышеперечисленными денежными повинностями, до 25.000 рублей ежегодно пало на плечи абхазского крестьянства. Это, кроме отбывания «временных» феодальных повинностей, кроме платы за пастбища, покосы, лес, кроме арендной платы и т.д.

7) Крестьяне подверглись насилиям и произволу помещиков и их защитников – царских чиновников, вымогавших у крестьян взятки, «подарки» и т.д. Крестьяне были обязаны содержать стражников, солдат карательных отрядов, лесных объездчиков, разъезжающих чиновников и т.п.

8) Абхазские крестьяне были лишены всяких политических прав. После восстания 1877 года они были объявлены «виновным населением», им запрещено было селиться ближе, чем за 7 километров от берега моря и т.д. Всякие жалобы крестьян на произвол помещиков и чиновников были, разумеется, обречены на неудачу. Всякий судебный иск оборачивался против крестьянина и проч.

Вот каково было положение «свободного поселянина» в Абхазии. Оставшись прикрепленным к помещику феодальными «временными» повинностями, крестьянин попал к нему в тяжелую экономическую кабалу, одновременно неся на себе чудовищный гнет выкупных платежей, государственных налогов и сборов, и чиновничего произвола. Положение абхазского крестьянина после реформы значительно ухудшилось.

Зато укрепилось экономическое благосостояние абхазских помещиков – вчерашних феодалов.

Получив сотни десятин земли, они увеличивали свои владения при помощи царских чиновников-землеустроителей, захватывая общинные

земли, якобы принадлежащие им по «обычному праву» – леса, пастбища и проч.

Раздавая землю в аренду страдающим от малоземелья крестьянам, заключая кабальные договоры с «издольщиками» и «половинщиками», они весьма увеличили свои доходы, сохранив и феодальные права «внекономического» порядка – личные повинности, натуральные приношения и проч.

Благодаря развитию товарно-денежного хозяйства абхазский помещик нередко сам или через посредство скопщиков стал заниматься лесо-и скототорговлей, а затем и спекуляцией табаком (типичный пример этого – помещик Лакербая).

К началу XX века распределение земли в Абхазии представлялось в следующем виде:

абхазские князья и дворяне	97.394 га;
прочие помещики	34.283 га;
церкви и монастыри.....	4.789 га;
крестьянство	71.000 га.

Колонизация

После проведения реформы царское правительство особенно усилило свои тенденции по линии колонизации Абхазии. Эта колонизация должна была закрепить политическое владычество царизма и одновременно ускорить рост товарно-капиталистического сырьевого земледелия.

Процесс колонизации пошел быстрым темпом после восстания 1877 года. Услышав о начавшейся войне русского царизма с Турцией, абхазское крестьянство, уже почувствовавшее тяжесть цепей, наложенных на него реформой 1870 года, поднялось как один.

Мощным взрывом национального крестьянского движения царские генералы с их войсками были выброшены из Абхазии.

Второй раз царские войска ушли из Сухума. Первый раз это было в 1854 году, но тогда их вытеснила турецкая армия, а сейчас – абхазские повстанцы. Царский генерал Кравченко с крупным отрядом отступил на

Цебельду, но там, у Багадской скалы, он получил такой удар со стороны восставших крестьян, что обратился в паническое бегство через Нах – Джгерды – Зугдицы. Несколько месяцев Абхазия была свободна от царского гнета.

Но по окончании войны, в 1878 году, три отряда царских войск двинулись в Абхазию: через Марух с Северного Кавказа – генерал Бабич, из Мингрелии – генерал Алхазов, из Черкесии – полковник Шелковников. Жестоко расправлялись царские палачи с восставшими селениями. Особенно усердствовали абхазские дворяне и князья, бывшие на русской службе.

Официальные донесения указывают: «Полковник Шервашидзе (Чачба), потомок владетеля – скжег несколько селений».

Псху, Дал и Цабал – были совершенно «очищены» от абхазских крестьян.

Высоко поднялась новая волна «махаджирства»: до 35.000 абхазских крестьян выселилось в этот год в Турцию. «Свободные» земли щедро раздавались царским правительством генералам, офицерам, чиновникам, многие из которых сумели заполучить по несколько тысяч десятин.

В одном Цебельдинском районе было раздано «новоиспеченным» помещикам до 27.000 десятин. Остальные пустующие земли предоставлялись переселенцам.

Политические цели колонизации становятся очевидными при анализе следующего постановления русской администрации:

«Во избежание возможности повторения событий 1866 и 1877 гг., виновное абхазское население сгруппировать таким образом:

- а) чтобы оно не представляло слушанную массу, а было разбросано между поселенцами, имеющими быть призванными на свободные земли;
- б) чтобы оно было отделено от морского берега линией колонистских поселений». (Центрархив Грузии, д. канцелярии наместника 1878 года, св. № 8719, дело № 70-61-65).

Начальник Сухумского отдела генерал Гейман, приглашая колонистов, писал, что будут раздаваться участки в 10–20 десятин, но непременно «в руки людей состоятельных».

Ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа.

Но колонизация пошла несколько не так, как желали царские чиновники.

Попытки привлечь в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и болгарских колонистов из Бессарабии, не удались. В то же время, как в открытые ворота в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из турецкой Анатолии, бежавших от нужды, малоземелья и ужасов мусульманского национально-религиозного гнета.

Переселившаяся беднота рассеялась на землях «махаджиров»: возникли селения – Михайловское, Ольгинское, Александровское, Анастасьевское, Георгиевское, Мцара и т.д.

Переселенцы попадали в хищные лапы всякого рода «попечителей», которые собирали с них деньги и хлеб на перевозку, постройку и «хлопоты» по начальству, безжалостно эксплуатируя их.

Кроме того, не имея инвентаря и скота, переселенцы вынуждены были идти в кабалу к кулаку и помещику.

Позже, в 1890-х годах, в Абхазию переселились русские (Баклановка, Петропавловка), а затем – эстонцы и немцы.

Большую роль в колонизаторской политике царизма играла и церковь.

В первый период колониальной политики русского царизма церкви предоставляли нередко военные форпосты: за «их святой оградой» не раз отсиживались царские офицеры, осажденные восставшим крестьянством (например, в Пицунде, Лыхны, Дранды, Илори и пр.).

Царские генералы прекрасно понимали политическое значение христианской религии, как орудия колониального угнетения. В секретном письме министру Чернышеву от 26 марта 1851 года «наместник кавказский» князь Воронцов протестует против волокиты в деле создания архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии, указывая что «таковое отлагательство будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах всегда должны получать от распространения нашей веры» ... (Акты, VII).

Классовая роль религии и церкви выступает здесь с полной очевидностью.

В 1874 году был основан Ново-Афонский монастырь, позже – ряд других монастырей, каждый из которых являлся форпостом капиталистического колониального хозяйства, укрепляя в то же время и политическое влияние русского царизма.

Генеалогическая таблица абхазских и абхазо-картвельских государей (до Баграта IV)

Леван II (786–806 гг.)

Феодосий (806–845)

Георгий (845–875 (7)

Димитрий

Иоанн (875(7)-879(8))

Баграт I (887–896(906))

Адарнасе (879(8)-887)

Константин (896(906)–921)

Георгий (921–955)

Баграт II (921–922)

Гурген +
(картал.
владетель)

Баграт III (980(85) –1015)

Георгий (1015–1027)

Баграт IV

Синхронистическая таблица

Даты	АБХАЗИЯ	ГРУЗИЯ	Главнейшие события всемирной истории
До н. эры VII в.	Разложение родового строя. Античная колонизация на побережье – основание Диоскурии и Питунта.	Разложение родового строя в мелких этнических группах, называемых «иберами».	Расцвет рабовладельческих государств в Древней Греции
V–III в.	Расцвет «колхидских» колоний. Денежная торговля на побережье.		Греко-персидские войны. Империя Александра Македонского. Эпоха эллинизма.
II в.	Родоплеменные объединения «иниохов», «сановов», «колхов». Гегемония Понта на восточном берегу Черного моря.	Транзитная торговля в долинах Риона и Куры способствует развитию иберских объединений.	Римская экспансия на Востоке. Завоевание римлянами Македонии (146 г.) и Греции (136 г.).
I в.	Первая война Мифрадата с Римом (88 г.). Вторая война Мифрадата с Римом и отступление Мифрадата через «Колхиду» (66 г.). Помпей утверждает в лице базилевса Аристарха римский протекторат над «Колхидой».		Развитие Римской империи. Господство Рима в Средиземноморье.

н. эры I в.	Римская колонизация на побережье – Севастопалис, Питиунт.	Гегемония Рима над Арменией и Иберией.	
III в.	Племенные объединения «иниохов» ведут борьбу против римских колонизаторов. Набеги скифов на Питиунт. Упадок римских колоний.	Иберия под угрозой персидской экспансии.	Развитие кризиса рабовладельческой системы – упадок римской империи.
IV в	Начало византийской колонизации на побережье. Выдвижение лазов.	Персия завоевывает Армению и устанавливает протекторат над Иберией.	Распад Римской империи на Западную и Восточную. Столицей последней служит город Византия (Константинополь).
V в.	Византийская колонизация. Пропаганда христианства. Епископские кафедры в Питиунте (536 г.) и Анакопии (541 г.). Гегемония лазов на побережье (Губаз).	Восстание Вахтанга Гургаслана против Персии (484 г.). Расцвет «Лазики» – племенного объединения с лазами во главе, пользующимися поддержкой Византии.	Расцвет Византийской империи. Война Византии с Персией.

VI в.	<p>Персидские полководцы Хориан и Набед вторгаются в Абхазию. Консолидация местных племен. «Абаски» – абхазы. Социальный переворот – свержение племенной верхушки. Избрание Апсита и Скепарна. Византийская карательная экспедиция. Битва у «Трахеи» (550 г.).</p>	<p>Персидский шах Хозрой вторгается в «Лазику».</p>	<p>Война Византии с Персией</p>
VII в.	<p>Византийский император утверждает вождя абхазов Леона (Левана) своим на-местником – «куропалатом» и передает ему крепость Анакопию (620 г.).</p>	<p>Наступление арабов. Завоевание ими Персии, Армении и Иберии (660).</p>	<p>Завоевательные походы арабов.</p>

VIII в.	Племенные союзы ведут борьбу против Византии. Карательная экспедиция Льва Исавра. Конфликт между абхазами и аланиями (725 г.). Завоевательные походы Левана II. Образование Абхазского государства (786 г.).	Иммиграция картлов в Лазику. Выдвижение западно-картвельских племен (Тао-Кларджетия).	Расцвет арабского государства – халифата. Вожди франкских племен создают обширное государство в Западной Европе («империя Карла Великого»), Хазарское государство на Северном Кавказе и в бассейне реки Волги и реки Дона.
IX в.	Рост Абхазского государства (столица – Кутаис). Отражение византийских десантов (841 г.). Борьба с арабами. Стремление картлов и кахов к объединению. Расцвет Тао-Кларджетии.		Распад империи каролингов. Гегемония норманнов на территории буд. России и Украины.
X в. XI в.	Борьба абхазских государей за овладение Картлией и Кахией. Объединение Абхазии и Тао-Кларджетии в лице Баграта III (985 г.). Борьба Баграта III за централизацию госуд. власти. Походы Баграта III против арабов – разгром Ганджи и Шамхора (1010 г.). Война с Византией (1021 г.). Баграт IV занимает Тифлис		Образование «Священной Римской империи». Киевское государство. Упадок Халифата. Завоевание норманнами Англии. Начало «крестовых походов».

XII в.	Расцвет союзного «Абхазо-Картвельского» государства. Эпоха Давида и Тамары. Падение гегемонии абхазских племен.		Разгром Византии «крестонациами». Падание Багдадского халифата. Нашествие татар на Киевское государство (1224–1240 г.) и его падение.
XIII в.	Эриставом Абхазии назначается Шервашидзе (1125 г.). Датаго Шервашидзе объявляет себя потомственным владетелем Абхазии (1235 г.)	Монголы вторгаются в Грузию (1231–1232 гг.).	Усиленная колонизация сев.-восточ. Руси. «Удельные княжества».
XIV в.	Абхазские владетели стремятся окончательно закрепить независимость Абхазии. Генуэзская колонизация на побережье.	Нашествие Тамерлана. Разгром грузинского царства (1386–1403 гг.).	Попытки возрождения могущества Византии. Наступление турок на Балканский полуостров. Феодальные монархии в Англии и Франции. Борьба городов против феодалов. Расцвет итальянских торговых городов – Венеции, Генуи и др. Выдвижение Московского княжества.

XV в.	Полное отделение Абхазии от Грузии. Расцвет феодальных отношений. Абхазский владетель заключает союз с Трапезундским императором против турок (1459 г.).	Попытка возрождения обединенной Грузии (1412–1442 гг.) Окончательный распад Грузии на 4 части: Кахию, Картлию, Имерию, Самцхе-Саатбаго.	Завоевание турками Византии (1453 г.). Открытие Америки и морского пути в Индию. Борьба Москвы с Новгородом.
XVI в.	Турецкая колонизация на побережье – основание Сухум-Калэ (1578 г.).	Господство Персии в восточном Закавказье. Сопротивление феодальных грузинских государств турецкой и персидской экспансии.	Упадок средиземноморской торговли. «Реформация». Крестьянские движения в Германии. Утверждение крепостничества в России. Государственный переворот 1564 г. – «опричнина».
XVII в.	Развитие турецкой береговой торговли. Пропаганда ислама. Войны абхазских феодалов с Мегрелией.	Завоевание персами Вост. Грузии (1614 г.). Захват Турцией Самхе-Саатбаго.	Войны между Францией и Англией. Буржуазная революция в Англии. Крестьянские движения в России и на Украине. Военно-феодальная колонизация Приуралья и Заволжья.

XVIII в.	Выступления абхазских владетелей против Турции (1725 г.). Свержение Манучара Шервашидзе турецким ставленником Леваном. Леван и его брат Зураб захватывают Сухум-Калэ (1771 г.). Турки снова овладевают Сухумом и утверждают владетелем Келешбека, сына Манучара.	Объединение Картлии и Кахии (1760–1798 гг.). Освобождение Вост. Грузии от персидского владычества. Подписание русско-грузинского трактата в Георгиевске (1783 г.)	Ослабление Турции и Персии. Образование Соединен. штатов Америки. Буржуазная революция во Франции. «Военно-феодальный имперализм» царской России – войны Петра I и Екатерины II. Борьба рус. царизма с Турцией за Черное море.
XIX в.	Столкновение абхазов с русским отрядом в Анаклии (1803 г.). Переговоры Келешбека с ген. Цициановым. Разрыв Келеш-бека с Турцией (1806 г.). Дворцовый переворот. Келеш-бек убит своим сыном Асланом (1803 г.). Русский отряд занимает Сухум-Калэ (1810 г.). Сефер-бей Шервашидзе вступает в подданство русского царя. Крестьянское восстание против царских захватчиков (1821 г.).	Первый период колониальной политики русского царизма. Захват Грузии русским царизмом (1801 г.). Военно-феодальный грабеж. Усиление крепостничества. Крестьянские движения в Кахии (1811 г.), в Гурии (1841 г.) и Мегрелии (1857 г.). Крестьянская реформа в Грузии (1864–1867 гг.) Русский ставленник Дмитрий Шервашидзе убит крестьянином Урусом Лакоба (1822 г.).	Эпоха промышленного капитализма в Запад. Европе. Империя Наполеона I. Феодальная реакция. Буржуазная революция в Европе (1848 г.). Кризис крепостнического хозяйства в царской России. Крымская война 1853–56 гг. Поражение царской России. Подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г.

	<p>Крестьянское восстание в Илори – нападение на дом владетеля (1830 г.). Карательные экспедиции ген. Розена в Цабал (1837 г.) и ген. Муравьева в Дал и Псху (1841–1844 гг.). Первая волна «махаджирства». Крестьянское восстание в Кодорском районе (1840 г.). Шамиль присыпает своего наиба Магомет Эмина для организации восстания в Абхазии (1853 г.). Царские войска покидают Абхазию (1854 г.). Омер-паша в Абхазии. Подавление восстания (1856 г.). Арест Михаила Шервашидзе (1861 год). Абхазия превращается в «Сухумский военный отдел». Вторая волна «махаджирства». Подготовка крестьянской реформы. Восстание в Лыхны (1866 г.). Опубликование крестьянской реформы (1870 г.).</p>	
--	--	--

Приложение

Выкупное свидетельство¹

12 января 1872 года, селение Атара

Кодорского участка селения Атара девять дымов сословия анхае, бывшие подвластные жителям того же селения Гвардии Полковника князя Григория Шервашидзе, на основании Высочайше утвержденного 8-го ноября 1870 г. положения о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе, внесли бывшему своему владельцу за освобождение от 4-летнего отбывания неотменяемых положением повинностей выкупную плату в размере, определенном нижеследующими статьями.

I

Дымы сословия анхае имеют в своем составе:

1.	Глава Хакуц Абухба его сыновья, Базала Якуб	52 лет.
	дочь Сельма	30 лет.
	жена Базала Тагого	25 лет.
	дочь Тархана	18 лет.
		25 лет.
		1 год
2.	Глава Даду Барчани его мать Ханым	35 лет.
	его жена Хелкан	50 лет.
	его брат Сант	22 лет.
	его сестра Хедго	22 лет.
	приемыш Жуга	17 лет.
		19 лет.

¹ Настоящий документ, характеризующий классовую сущность крестьянской реформы 1870 г., обнаружен мною в 1930 г. в с. Атара у крестьянина Квициния. Оригинал хранится в Музее Краеведения. – А.Ф.

3.	Глава Бата Авидзба	37 лет.
	Его жена Асида	33 лет.
	Сыновья, Мамсыр	13 лет.
	Сыкун	7 лет.
	Джако	5 лет.
	дочь Есьма	16 лет.
	брать Хадыж	30 лет.
	вдова брата Кына	25 лет.
	ее сын Хабук	3 лет.
	дочери Хымбаб	11 лет.
	Бжец	8 лет.
	Гваке	5 лет.
	Жена Хадыжа Ерухан	26 лет.
	дочь Месын	2 лет.
4.	Глава Хусени Быгба	48 лет.
	Его братья Хаджимат	43 лет.
	Гедлач	35 лет.
	Жена Хаджимата Ребия	30 лет.
	Сыновья Хатхо	12 лет.
	Куаца	10 лет.
	Жакура	2 лет.
	Дочери Хаджа	4 лет.
	Елена	1 года.
5.	Глава Шону Джаманипа	18 лет.
	Его мать Ханифа	45 лет.
	Братья Шарден	13 лет.
	Исаак	8 лет.
	Александр	2 лет.
	Сестра Адыка	16 лет.

6.	Глава Урус Джаманипа Его жена Джанакызы Дочери Фидан Мыркуда Анна	32 лет. 30 лет. 6 лет. 4 лет. 1 года.
7.	Глава Сеит Быхба Его мать Кяф Жена Елеса Сын Константин Дочь Дзаб Брат Коблух	30 лет. 50 лет. 26 лет. 1 года. 3 лет. 28 лет.
8.	Глава Павел Гергая Его жена Ребия Его сыновья, Андрей Герасим Алекси Дочери, Саломе Елене Ирине Елиса	38 лет. 33 лет. 8 лет. 6 лет. 2 лет. 16 лет. 15 лет. 12 лет. 10 лет.
9.	Глава Доут Агириба Его жена Джагу Сыновья, Хадгу Павел Его братья, Базала Басият Жеку Гамшыш Жена Базала Зеса	34 лет. 30 лет. 4 лет. 1 год. 30 лет. 23 лет. 20 лет. 18 лет. 26 лет.

II

Работников мужского пола, способных к работе в дымах: 5, 6 и 8 по одному, в 1, 3 и 7 по два, во 2-м – три и в 9-м – пять.

III

До 19 февраля 1871 года каждый дым был обязан владельцу отбывать повинности ежегодно:

- а) Полевой работой по 2 дня в год одним пешим работником, кроме двух дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани, которые повинностью этой обязаны не были.
- б) Приношением одной козы.
- в) Приношением одного козленка, у кого имеется свое стадо коз.
- г) Приношением восьми окалат кукурузы, кроме двух дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани.

IV

В период обязательных отношений каждый дым подлежал отбывать владельцу повинности ежегодно:

- а) Полевой работой по 2 дня в год одним пешим работником, кроме двух дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани.
- б) Приношением одной козы.
- в) Приношением одного козленка, кроме четырех дымов: Урус Джаманипа, Сеит Быхба, Павла Гергая и Доут Агириба, которые приношению не подлежат по неимению своих стад коз.
- г) Приношением восьми окалат кукурузы, кроме двух дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани.

V

Повинностей после 19 февраля 1871 года дымы не отбывали.

VI

Обязательств, служащих уменьшению выкупной платы, не имеется.

VII

Данные, определяющие принадлежность зависимости и повинности, определены путем опроса владельца, зависимых и, согласно приго-

вора Адзюбжинского общинного суда от 16 декабря 1871 года за № 79, и справкою с камеральным описанием.

VIII

На основании § 64 инструкции Учреждениям Сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости в Отделе выкупная плата за повинности по 4-летней сложности определяется с дымов Хакуца Абухба и Даду Барчани по двенадцати рублей сереб., Уруса Джаманипа, Сеит Быхба, Павла Гергая и Доут Агрба по двадцати пяти рублей шестидесяти коп., Бата Авидзба, Хусени Быгба и Шонуа Джаманипа, по двадцати девяти рублей шестидесяти копеек серебром, всего за повинности следует двести пятнадцать рублей двадцать копеек серебром, которую сумму поименованные девять дымов и внесли бывшему своему владельцу Гвардии Полковнику Князю Григорию Шервашидзе сполна.

Следующая мне по сему свидетельству выкупная плата за повинности с девяти дымов бывших моих подвластных, в количестве двухсот пятнадцати руб. двадцати коп. сереб. получена сполна в чем и подписуюсь житель селения Атара Гвардии Полковник князь Гр. Шервашидзе (подпись. – А.Ф.). Что действительно следующая выкупная плата двести пятнадцать рублей двадцать копеек серебром за повинности внесена сполна дымами сословия анхае бывшему их владельцу в том подписом и приложением казенной печати свидетельствую И. Д. Мирового Посредника Кодорского участка 3-го отдела Штабс-Капитан Малиновский (подпись. – А.Ф.).

Мировой Посредник
Кодорского участка
(печать. – А.Ф.).

Опубликовано: А.В. Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии: Часть первая: С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года. Сухум: Издание Абгиза, 1934. 191 с. (Часть первая была единственной; вторая не выходила.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX ВЕКА В ТРУДАХ А.В. ФАДЕЕВА. С.Ш. <i>Салакая</i>	5
«ПРОФЕССОР ИСТОРИИ». О.Х. <i>Бгажба</i>	15
К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛИЗМЕ В АБХАЗИИ	19
РУССКИЙ ЦАРИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В АБХАЗИИ	65
ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ АБХАЗИИ.....	117
МЕЧ И ЗОЛОТО НА БЕРЕГАХ АБХАЗИИ (ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ БЕРЕГОВОЙ ТОРГОВЛИ XVI–XVIII ВВ.)	237
ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ ОБ ИСТОРИИ АБХАЗИИ (ОБЗОР ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МУЗЕЯ)	287
КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АБХАЗИИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1870 ГОДА)	307

Научное издание
Фадеев Анатолий Всеволодович
Избранные труды

Аттцаарадырратэ тыжымта
Фадеев Анатоли Всеволод-иша
Иалкаау аусумтақәа

Редактура: В.А. Чирикба, А.Я. Дбар

Верстка С.И. Садзба
Компьютерный набор Л.Р. Чамагуа

Формат 70x100 1/16. Тираж 500 экз.